

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024. Том 12, № 2

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2024, vol. 12, no. 2

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Dimensions, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-87864 от 22 июля 2024 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7 Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Dimensions, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, Certificate of the media registration PI No. FS 77-87864, issued on July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Bauman Str., 20)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7 Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемил, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванович, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александр Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: Александр Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: Сайфетдинона Эльмира Гаделзянова, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: Байбулатова Лилия Фаритовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Aleksandar Uzelac**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Kalan E. Classical Era Mongolian History Writing and a Review of Mongolian Sources	248
Ставицкий В.В. Проблема локализации битвы 1223 года монголов с волжскими булгарами	282
Астайкин А.А. Девять географических заметок о походе и битве на реке Калке 1223 года	292
Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол.....	307
Казиев Э.В. Аланы в южносунской кампании каана и императора Хубилая 1267–1273 гг.	320
Усеинов М.А. Датированные мусульманские эпиграфические памятники города Солхат/Кырым и его окрестностей	333
Пачкалов А.В. Находки средневековых монет в контексте истории Эндирей	356
Гребенников Н.Ю. Летописное известие 6869 г. (1361 г.): тексты и их возможное происхождение	364
Аксанов А.В. От Святослава I до Ивана IV: веки обретения царства в мифопоэтических образах «Казанской истории»	375
Галимов Ш.Х. Средневековое поселение «Samar»: к вопросу анализа и интерпретации источников	383
Сейдаметов Э.Х., Шейхумеров А.А. Татары на военной службе у османских султанов	399
Пенской В.В., Пенская Т.М. Крымский имперский «проект» в 1-й трети XVI в.: «окно возможностей» открывается и закрывается	414
Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В. Титулатура шамхалов и карачи-беков как наследие политического устройства Золотой Орды на Восточном Кавказе	435
Пашаоглу Д.Д., Миргалеев И.М. Поборы и штрафы ногайской родовой аристократии, отраженные в османских документах.....	453
Атыгаев Н.А. Казахские ханы XV–XVII вв. в научном наследии Шихабутдина Марджани	467

Хроника

Туллубаева С.А. Международная конференция «Золотая Орда и ее наследие»	479

CONTENTS

Publications

Kalan E. Classical Era Mongolian History Writing and a Review of Mongolian Sources	248
Stavitsky V.V. The problem of locating the battle of 1223 between the Mongols and the Volga Bulgars	282
Astaykin A.A. The nine geographic notes about the campaign and battle on the Kalka River in 1223	292
Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. “Poisoned” khans: the phenomenon of the sudden death of rulers in the mental perception of medieval Mongols	307
Kaziev E.V. Alans in the Southern Song campaign of Kaan and Emperor Khublai 1267–1273	320
Useinov M.A. Dated Muslim epigraphic monuments of the Solkhat/Kirim city and its environs	333
Pachkalov A.V. Finds of medieval coins in the context of the history of the Endirey	356
Grebennikov N.Yu. The chronicle article of 6869 (1361): its texts and their possible roots	364
Aksanov A.V. From Svyatoslav I to Ivan IV: milestones of gaining the reign in the mythopoeic images of the “Kazan History”	375
Galimov Sh.Kh. Medieval Settlement “Samar”: on the Issue of Analysis and Interpretation of Sources	383
Seidametov E.Kh., Sheykumerov A.A. Tatars on the military service to the Ottoman sultans	399
Penskoy V.V., Penskaya T.M. Crimean imperial “Project” in the 1st third of the 16th century: a “window of opportunity” open and close	414
Shikhaliev Sh.Sh., Shumkin A.V. Titulation of the shamkhals and karachi-beks as a heritage of the Golden Horde’s political structure in the Eastern Caucasus	435
Paşaoğlu D.D., Mirgaleev I.M. Extortions and fines of the Nogai family aristocracy, reflected in Ottoman documents	453
Atygayev N.A. Kazakh khans of the 15th–17th centuries in the scientific heritage of Shigabutdin Marjani	467

Chronicle

Tuleubayeva S.A. International conference “Golden Horde and its heritage”	479

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.248-281>

УДК 94(517)"12"(093)

EDN: AINBIU

CLASSICAL ERA MONGOLIAN HISTORY WRITING AND A REVIEW OF MONGOLIAN SOURCES

Ekrem Kalan

Akdeniz University

Antalya, Türkiye

ekremkalan@gmail.com

Abstract. Following their unification under Genghis Khan in 1206, the Mongols began an era in which they would play a very influential role in the course of history. Despite the existence of a negative perception of the Great Mongol Empire in the sources of the era, its impact on the political, economic, and cultural life of Eurasia has continued for generations. Although Mongolians adopted a writing system as late as 1204, the transfer of their oral tradition into writing lasted only a short time so that their historical heritage could be passed on to the next generations. The tradition of Mongolian historiography, which began with the creation of the stele known as the Genghis Stele, developed differently compared to other contemporary Asian states and it has kept this distinction until today. In addition to providing valuable information about the history of the Mongols and other nations they interacted with, historical sources written in Mongolian such as ‘Secret History of the Mongols’ and ‘Altan Tovch’ are also important milestones in Mongol historiography. Especially with works like ‘Altan Tovch’ and ‘Erdeniin Tovch’ being written during the period when Buddhism became widespread among the Mongols, the influence of Buddhist historiography on the Mongols became apparent. As a result, it is evident that grounds of legitimacy were strengthened in the actions of Mongol khans, especially Chinggis Khaan, and motifs indicating that divine power that was with these khans were added.

Keywords: Mongol, Mongolian sources, Inner Asia, Historiography, Lamaism

For citation: Kalan E. Classical Era Mongolian History Writing and a Review of Mongolian Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 248–281. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.248-281>

© Kalan E., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction

Mongols are one of the most important representatives of the nomadic civilizations. Even if they have much in common with Turks, their ancient neighbor and another representative of nomadic life in Asia, especially in terms of cultural characteristics, there are features that are different from those of Turks. One of the culturally common topics among the nomads is the writing of history. Even though it is very important that the nomads share a common historical heritage, the development of historiography, due to the nomadic life, occurred in a later period compared to non-migratory people.

Nomads in their historiography emphasized myths and legends that can be observed in sedentary civilizations such as Rome, Egypt, and China. The necessity to have links to sacred ancestors for the sake of the legitimacy of sovereignty exists in the writing of the history. But in a legend as well as a myth, we face the problem of determining time and location, just two essential requirements of modern history writing – due to the anonymity of myth and legend. In the late medieval era, especially among Mongols, we encountered a leader-centered, even sanctified concept of history supported by such myths and legends.

In general, the transition to written culture by the nomads happens later in other societies. Since the script was introduced into Mongolian culture late, Mongolian history writing began and advanced accordingly. It is impossible to speak of the same competence of history-making by nomads when it comes to their writing of history. Still, concerning history writing, Turks were one step ahead of other nomads. In fact, the utilization of script by the Mongols with whom the Turks share a common cultural and historical heritage falls into a much later period. The earliest written materials of the Mongols are only from the 13th century.

The script of the Mongols is a product of Sogdian script and was taken over by the Mongols from the Uyghurs during Genghis Khan's rule. The first time the Mongols had contact with the Uyghur script was dated 1204 when they captured the land of the Naimans, who were most likely of Turkic origin.

After capturing T'a-t'a Tonga, the seal-bearer of T'a-yang Khan of the Naimans, and the most trustworthy minister responsible for the treasury and finances, Chinggis Khan saw the seal of the Naiman Khan, asked what it was and thus began a significant process [1, p. 153]. Understanding the importance of a seal and of course the script, Chinggis Khaan asked T'a-t'a Tonga to teach that script to his sons and the other princes [2, pp. 452–453]¹.

Thus, the utilization of the Uyghur script began in the Mongolian palace, and later among all Mongolian noyans. But the Uyghurs, instead of writing the script horizontally and from right to left as did the Sogdians and Arabs, preferred to write vertically and from left to right as can be seen in the documents of the Turpan catalog. And the Mongols imitated the Uyghurs. But later on, they added a few new characters to their alphabet.

The Mongols, completing their unity in the kurultai of 1206 under the leadership of Genghis Khan, subjugated the Uyghurs first, and the Karluks, and then following a long struggle the Khwarezmshah. The Uyghurs and Karluks had voluntarily accepted the rule of Genghis Khan without a battle. But the aggressive actions of Muhammad

¹ The author of 'The Ta'rikh-i-Jahan-Gusha', Juwayni, sheds light on the Mongols' acquaintance with writing by pointing out that the Mongols did not have their own script, and Mongol youths learned writing from the Uyghurs. Additionally, he mentions that the steppe law known as the Yasa of Chinggis Khaan could only be put into writing during this period.

Khwarezmshah and his ambition to be a global conqueror cost his life and caused the invasion and destruction of Turkestan which used to be under Turkic rule for the last thousand years. This great victory won by Chinggis, and his sons encouraged the Mongols for their further actions. The Khwarezmshah campaign was described five years later in the Genghis Stele, the first written record of the Mongols.

The Genghis Stele, erected in this period, is, according to the present knowledge, the earliest (extant) written document of the Mongols. This stele is the most important manuscript for us, both for being a historical document and for mentioning the name of Khwarezmshah State. We also learn from this stone how the Chinggis administration considered important the Khwarezmshah State. Many scientists from various nations studied the Chinggis Stele. Esteemed Mongolists such as Schmidt, Vaanchig, and B. Dorzh, I. Klyukin, S. Murayami, Ch. Damdinsüren, Sh. Bira, D. Zhamsranzhav, and B. Rinchen are among the people who conducted the earliest studies on the Chinggis Stele.

The Chinggis Stele, erected in the year of the Kökhögchin Takhia (1225)² displays 21 words in 5 lines. It is the earliest discovered sample of Mongolian script. The stele does not mention Genghis Khan in its content; however, because the first line of the inscription starts with the two words ‘Čingis – qan-i (Chinggis Khaan’s),’ it was named ‘Chinggis Stele’ by I. Ya. Schmidt [3, pp. 243–256] and has been known by this name in the academic world. The stele was found in 1818 by the Russian researcher Spassky [4, pp. 108–121.] near the Khirkhira settlement, in the Transbaikal Region, which is part of the present-day Russian Federation. Since 1936, it has been displayed in the famous Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation. It is 202 cm. long, 74 cm. wide and 22 cm. thick.

Yesünhei Mergen was the second son of Jochi Khasar, brother of Genghis Khan [5, p. 54]. He was an excellent marksman. Yesünkhei Noyan was given the title *mergen*³, for hitting the target with an arrow at a distance of 335 *ald* (1 *ald* = 1 fathom ~ 1.6 m.) after a *kurultai* in a place called Bukha suchikhai (Bukhyn Khooloi) with the participation of all Mongolian Noyans. After his success, the stone known as Chinggis Stele was erected in memory of Yesünhei Mergen.

The script on the stele reads: ‘Chinggis Khaany Sartuul irgen daguulzh buuzh, Khamag Mongol Ulsyn noyadyg Bukha-sochikhai khurigdsan Yesünkhei ontudrun gurban zuun guchin tavan aldas dur ontudlaa (When Chinggis Khaan put Turkestan’s people under his control and gathered all Mongol Noyans at Bukha-sochikhai, Yesünkhei hit the target from 335 fathoms)’. The researchers accept that the stele was erected to immortalize Yesünkhei’s success in hitting the target from 335 fathoms. And it needs to be mentioned that the script on the stone starts with the words ‘Chinggis Khaan’, the reason it became famous as Chinggis Stele [6, p. 3].

1. Mongolyn Nuuts Tovchoo (Secret History of the Mongols) [7]

After the first written document mentioned above, perhaps the most important source about Mongolian History is the work titled Secret History of the Mongols (hereinafter SHM).

The work called ‘SHM’, which was known as *Yüan-ch’ao pi-shi* during the Ming Dynasty, was used to teach reading and writing in Mongolian to the Chinese and was used as a source book in the historical works penned in Chinese, however, its existing

² Year of the blue rooster.

³ *Mergen* is used in two meaning in Mongolian. First of these is wise, sage, and the other is the hitter. They style the champions in competitions the title of “Ulsyn Mergen (National Hitter)”.

copies began to disappear at the beginning of 19th century, and the work became a rarity. The copy which was found in the Peking Palace Library by Russian Sinologist Pallady Kafarov, then officially visiting Peking as the head of a religious group from Moscow in 1872, was brought to Moscow by him and is kept at the Oriental Department of St. Petersburg State University today. The present Chinese copy consists of the original Mongolian text and its transcription in Chinese ideograms, a glossary, and a Chinese translation of each chapter.

The work ‘SHM’ was first adapted into Modern Mongolian between 1915 and 1917, by the Mongolian researcher Tsen Gün (Duke Tsend). The importance of the Secret History among Western researchers was first noticed by Russian Sinologue Palladius⁴ who proposed a translation with Chinese explanations and glossary. The first translation into a Western language from the text adapted to Mongolian was made in 1941 by the German Sinologue Erich Haenisch [8] (using the 1937 print of the Mongolian text). Then, came a Russian translation in 1941 by Russian Sergei Kozin [9], a French translation in Paris in 1949 by the French Sinologue Paul Pelliot (he published the entire Mongolian text and the French translation of the first six chapters) [10]. Then Arthur Waley made a partial translation into English, but Francis Woodman Cleaves made the first English translation of the whole work. Again, the new English translation by Igor de Rachewiltz in 2003 in two volumes should be mentioned. It is very important in ‘SHM’ studies.

Today we possess translations of the ‘SHM’ into more than thirty languages. Among these possibly the most important for us is the Turkish translation published as ‘Moğolların Gizli Tarihi’ by our late Prof. Dr. Ahmet Temir (d. 2003) from the text adapted into Mongolian and using the German translation of Haenisch and the Russian translation of Kozin. The translation of the work into Turkish for the first time as early as 1948 is also very important for Turkish historiography. However, the first Turkish translation directly from Mongolian was made in 2011 by M. Levent Kaya. This translation will be published again soon.

‘SHM’ starts with legends that are among the oral traditions of earlier Turkic history. The first sentence of the work begins ‘Ancestors of Genghis Khan, Börte-chino (wolf) and Gua-maral (deer) that were born by the grace of High Heaven...’ [11, p. 13] The sanctified animals here, the gray wolf and the red deer occupy an extremely important position in Turkic cultural history, too. Again, in the same work, the episode relating to the legend of Alun-gua makes reference to a lineage from a ‘shar nohoi,’ [11, p. 16] that is similar to descending from the gray wolf.

The work is the most detailed source of the political and cultural history of the Khereid and Naiman tribes that used to continue a nomadic lifestyle in Central and West Mongolia during 12–13th centuries. They still exist within the Kazakh tribes today.

2. Arvan Buyant Nomyn Tsagaan Tüükh (White history of the ten goodness)

The work ‘Arvan Buyant Nomyn Tsagaan Tüükh,’ which is also known as ‘Tsagaan Tüükh,’ is one of the main sources in the fields of state, law, philosophy, history, and literature of the Mongolian nation.

Though the researchers agree that ‘Tsagaan Tüükh’ is the main source for history and law studies of the 13th century, some claim that the book was not written by Khublai Khaan himself, but by the advisers in his court and around him. ‘Tsagaan

⁴ Though he was known in Western Europe as Palladius, his real name is Peter Ivanovich Kafarov.

Tüükh' is known for its detailed explanation of how the law protected the rights of the nobility and clergy. It also sheds light on the purpose for which it was written.

Hutuhtu Sentsen Huntaiji, who governed the Ordos region, is the first known source of information about 'Tsagaan Tüükh'. It is understood that the work 'Tsagaan Tüükh' was extensively used by the famous historian of the 17th century, 'Erdeniin Tovch', in his book written by Sagan Setsen. In 1956, academician Sh. Natsagdorzh wrote the book 'Tsagaan Tüükhii Tukhai' [12], which also touches on the significance of this historical document. The third part of the book is particularly enlightening, and it includes a table of Mongolian titles and ranks.

According to Academician Sh. Natsagdorzh, the influence of Pagma Lama, who served under Khublai Khan is extraordinary, and some amendments were added during Tögstömör Khaan's reign (1330–1333). W. Heissig [13] and K. Sagaster [14] studied the work by comparing several copies. Also, scholars like Sh. Natsagdorzh, S. Zhalan-Aazhav [15], and many of others have studied this subject. In 2001, Ts. P. Vanchikova prepared a doctoral thesis on Tsagaan Tüükh in Russia. In the same year, Vanchikova analyzed the work with P. B. Baldanzhapov, annotated the translation of the work, and published it as a book [16].

The original of the book is kept in the National Library of Mongolia; it is covered in blue fabric on both sides, bound with fibre threads, and on its front cover, in black ink, it reads 'Mongolyn Arvan Buyant Nomyн Tsagaan Tüükh Orshvoi'. Books dimensions are 25.5 cm. x 26.5 cm. and includes 3 chapters in 48 pages.

An original manuscript of 'Tsagaan tüükh' was discovered by Zhamyan Gun in Ömnögovi Province and is preserved in the National Library of Mongolia.

3. Chinggis Khaany Altan Tovch Nertiin Tsadig⁵ (Tale of Chinggis khaan called the Golden history)

The work titled 'Chinggis Khaany Altan Tovch Nertiin Tsadig,' which varies from other sources written in classical Mongol script, format, and content, was discovered in the Black Jail in Arma Temple of Khavt Khasar, Darkhan Muumyangatkhoolboot province, Inner Mongolia in 1958. The sutra consists of 49 plates, 97 pages, and each page displays 14 lines written with a bamboo pen. According to the references of the work, the initial writing must have begun in 1260 during Kublai Khan's rule and was first compiled by one of the aides of Kublai Khan. This book contains 15 tales, and its content resembles 'SHM'.

Although it has not been thoroughly examined, scholars like Erdenetogtokh, B. Nasanbayar, and Kheshigtogtokh have made significant contributions to the study of this text [17, p. 4]. Professor Kheshigtogtokh suggests that it is crucial to acknowledge that the historical events documented in the 'Chinggis Khaany Altan Tovch Nertiin Tsadig' must have occurred before the events recorded in the 'SHM'.

In addition to these studies, Leland Liu Rogers [18], who has been working on this manuscript, also known as Činggis Qayan-u Altan Tobči, in recent years, has published the English translation, transcription, textual analysis, and annotations of the work.

Furthermore, the inscription of the tsadig is believed to have occurred after the reign of Khublai Khaan in 1260. This discovery sheds light on the early 17th-century historical narrative, making it a significant contribution to the understanding of Mongolian history. The 'Chinggis Khaany Altan Tovch Nertiin Tsadig' represents the original source of the 'Khuraangui Altan Tovch' in the history of Chinggis Khaan. In the later years, the seal became closely associated with the 'Khuraangui Altan Tovch'.

⁵ This word is introduced into Mongolian from Turpan Uyghur (chadyk), and it means the biography of important personage or high-ranking clergy.

Moreover, the *tsadig* serves as a valuable historical resource, alongside other significant works like Luvsandanzan's 'Altan Tovch' and 'Chinggis Khaany Tsadig', providing crucial insights into Mongolian history and culture [19, pp. 199–208].

4. Chakravardi – Altan Khaany Tuuj (Story of Altan khaan)

The sutra 'Altan Khaany Tuuj,' with its full name 'Chakravardi Altan Khaany Amidral-Erdeniin Toli Hemeeh Tuuj,' was discovered by a person called Mergenbaatar in the Khan Palace in the West Uzemchin County, Inner Mongolia [20, p. 3].

Each page of this manuscript consists of 54 plates and 106 pages measures 35x10.5 cm and contains 24–27 lines of text. This valuable document, which narrates the deeds and achievements of Altan Khan (1507–1581) in promoting Buddhism and Mongolian culture in poetic style, is currently preserved at the Library of the Social Science Institute of Inner Mongolia. This manuscript is a valuable historical document for researchers interested in the language, literature, history, religious and cultural significance of Mongolia through the perspective of Altan Khaan. It was first published in modern Mongolian script in 1984, along with explanatory notes and illustrations, under the title 'Erdene Tunamal Nert Sudar Orshiv' [21] in Beijing. It was later translated and published in Japan in 1985 and 1998.

In 2002, O. Darmabazar published a work titled 'Chakravardi Altan Khaany tuujiin sudlal' [22]. The work analyses various aspects such as language, history, and the context of traditional Mongolian literature. It provides detailed explanations and in-depth analysis. Scholars are currently evaluating the work, as they have been studying the era in which it was written. However, there is still debate about the author's identity. Scholars have not reached a consensus on whether the author was Altan Khan or not. The emergence of Tümed, the god of wisdom, and the diverse opinions on the term 'scholar' have yet to be resolved.

The work consists of 393 sections and is written in a refined manner. It is a significant contribution to the study of ancient Mongolian literature. It highlights the complexity of Mongolian poetry, poetic devices, interconnections, and the significance of traditional Mongolian culture. The selection of Mongolian literary devices, the author's unique perspective, and the emphasis on enhancing cultural heritage are key features of this pioneering work.

The author meticulously composed the work, altering the traditional approach to writing and modifying the positioning of contributors to the narrative. This sets a notable precedent for future studies in the field.

5. Khaadyn Ünsen Khuraangui Altan Tovch (Golden summary of basic compilation of khans) [23]

Three different historical sources known as 'Altan Tovch' in Mongolian history are distinguished by researchers with the names 'Khuraangui Altan Tovch', 'Lu Altan Tovch,' and 'Mergen Gegeenii Altan Tovch' due to the presence of the words 'Altan Tovch' in their titles. The oldest of these three works, which had a significant influence on subsequent historical writing, is a work written by an unidentified individual known by the full name 'Khaadyn Ünsen Khuraangui Altan Tovch' or by the short name 'Khuraangui Altan Tovch.' According to the research of the British Mongolist Charles Bawden, 'Khuraangui Altan Tovch' was written between 1604 and 1634 [24, p. 13].

'Khuraangui Altan Tovch' contains ancient historical legends, historical events from the Yuan Dynasty to the early 17th century, sacred writings, and oral narratives, resembling in many aspects the 'SHM.' According to the academic Sh. Bira, 'Khuraangui Altan Tovch' not only stands out as one of the oldest sources among the

Mongolian historical records (excluding ‘Tsagaan Tüükh’ from the ‘SHM’ but also represents the first book that combines Mongolian historical writing with Indian and Tibetan historical writing. The narration of the origins of the Mongol Khans in connection with Indian and Tibetan kings in the work can be explained by the influence of Lamaism [25, p. 211].

It is believed that while writing this work, the book ‘SHM’ was used along with other sources. These sources include ‘Altan Devter’ mentioned by Rashīd al-Dīn Faḍlullāh in his work ‘Jāmi’ al-Tawārīkh’, mythical oral and written narratives, and literary works from the same era. Additionally, significant information about the history of Indian and Tibetan rulers was obtained from works such as Tsalba Gungaadorzh’s ‘Ulaan Devter (1346)’ and Shonnubal’s ‘Khökh Devter (1476).’ The renowned Mongolian researcher H. Perlee has revealed that the writing of this work involved drawing from the work titled ‘Arvan Buyant Nomyn Tsagaan Tüükh’ [26, p. 14].

Two newly discovered manuscripts of the work are preserved in the Mongolian Fund at the St. Petersburg Institute of Oriental Studies affiliated with the Russian Academy of Sciences under the numbers G-26 and F-25.

6. Shar Tuuj (Yellow story)

In 1891, Russian Turkologist Academician V.V. Radlov brought a Mongolian manuscript with historical content from Northern Mongolia, where he worked on the ‘Orkhon Expedition’. This manuscript, the first few pages of which are missing, entered the scientific literature under the name ‘Radlov’s History’ [27, p. 9]. This very old manuscript, which preserved many archaic features, immediately attracted the attention of Russian Mongolists. Moreover, the contents of this manuscript differed from all the Mongol chronicles known at that time in that it provided detailed information about the Khalkha khans and princes, as well as a large number of data on the khans’ mothers, wives, and daughters. More than a century has passed since then. During this time, other copies of this work have been found, and they are presumed to belong to a chronicle of the 17th or 18th century, namely Shar Tuuj.

To date, five manuscripts of Shar Tuuj have been identified:

Manuscript A: The manuscript brought by V.V. Radlov from the banks of the Orkhon River. This manuscript forms the basis of the present publication and is one of the three copies used by N. P. Shastina in his 1957 edition. [27]. It is kept in the Manuscripts Collection (B 173) of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences [28, p. 112, no. 443]. The paper of the copy measures 23.5x7.5 cm. and is a glued paper of Chinese origin.

Manuscript B: It was brought to Russia by A. M. Pozdneyev and is preserved in the Manuscripts Collection of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (F 264) [28, p. 112, no. 444]. The paper of the manuscript measures 24x26 cm. and the manuscript is written on Russian paper. The copy consists of 41 leaves, but the first leaf is missing. The last part is also missing. The parts concerning the descendants of Chinggis Khaan’s younger brothers and the descendants of Jochi and Chagatai have been rearranged.

Manuscript C: In the A. M. Pozdneyev Collection (C 33) in the Manuscript Fund of St. Petersburg State University. The paper size of the manuscript is – 22.5x36 cm. and the manuscript is written on paper of Russian manufacture. The leaves were sewn into a notebook with 43 pages. There are many abbreviations in the last part of copy C, especially in the information about the mothers and wives of Khans and Noyans.

Manuscript D: Preserved in the National Library of Mongolia. (Hist 46–371; former catalogue No: 6432). It was discovered in the Bayshintu Monastery in Mongolia [25, p. 245]. This copy is written on Chinese paper and measures 29.6x7.8 cm. This copy consists of 26 leaves and contains 29–32 lines per leaf. A facsimile edition of this copy was published by German Mongolist W. Heissig [13].

Manuscript E: This copy, discovered by the Mongolian historian S. Chuluun, belongs to Sh. Tserendoo from Tuv Province. This copy is written on Chinese paper and measures 34x10cm. The frame is drawn in red ink and consists of 32 leaves. In this copy, there are 26–27 lines per leaf on average. The first leaf with the title is missing. The end of the book is also missing. The seventh and eighth leaves are damaged. This copy was published by S. Chuluun Sh. Tserendoo in 2011 [29].

It is not possible to identify all the sources of Shar Tuuj. Ts. Zhamtsarano, W. Heissig, and other researchers after them found parallels in this book with ‘SHM’, ‘Altan Tovch’ [30, pp. 63–67] and Sagan-Setsen’s ‘Erdeniin Tovch’ [13, pp. 63–67]. The narrative about Chinngis Khaan in ‘Shar Tuuj’ is extremely short. This sharply distinguishes ‘Shar Tuuj’ from other Mongol chronicles of the 17th century. There are no stories about Temujin’s birth, childhood, and the chapters describing his victories are expressed in almost a few sentences.

Ts. Zhamtsarano, N.P. Shastina, and W. Heissig led them to the conclusion that all copies of ‘Shar Tuuj’ belong to a period not earlier than the 18th century and Sh. Bira considers copy B to be the oldest [25, p. 241]. Ts. Zhamtsarano was the first to suggest that the author of Shar Tuuj was Toba-taiji, whose name appears on the cover [30, p. 61]. The same assumption was repeated by N. P. Shastina [27, p. 10]. However, none of the different approaches to the texts has convinced us researchers about the authorship of the work. For this reason, the question mark about the author remains.

7. Sagan Setsen (Saghang Sechen) – Erdeniin Tovch (Jewel summary)

Written by Prince Sagan Setsen, ‘Erdeniin Tovch,’ is a historical and literal work covering a spectrum of Mongolian sources of thought concerning history, law, literature, and religious ethics in one work, written in a traditional history writing style.

‘Erdeniin Tovch’ is the most well-known work amongst 17th-century Mongolian history sources, translated into many languages, and is considered by researchers as the most important of the three sources of Mongol History. Researchers from East and West acquainted themselves with the traditional style of Mongolian history writing through ‘Erdeniin Tovch,’ approximately 40 years before the information about ‘SHM’ was published in Western countries. I. Y. Smith published the original and a German translation of ‘Erdeniin Tovch’ making it a basic source in Mongolian history research, early literature, and linguistics. For example, the famous Mongolist B. Y. Vladimirtsov used ‘Erdeniin Tovch’ as the primary source in his study ‘Formation of Mongolian Social Structure’ [31]. Academician Sh. Bira, in his work ‘Mongol’skaya istoriografiya (XIII–XVII vek),’ says ‘...Erdeniin Tovch can only be compared to the ‘SHM’ for its contribution to the development of Mongolian history writing’ [25, p. 275]. The work in question has been translated into Manchu, Chinese, Japanese, German, Korean, and partially into English, along with its original photograph, and has been printed numerous times. Additionally, the Russian translation has been completed and will be published soon.

Sagan Setsen’s work ‘Erdeniin Tovch’ was copied and distributed by a widely read figure among Mongolian nobles before it could be completed. As a result, many different copies of this work, written in Khalkha, Oirat, and Inner Mongolian, have emerged, making it difficult to determine which one is the original. Mongolian

historian Ts. Nasanbalzhir published the work in 1961 by comparing the four copies found in the National Library of Mongolia, written in classical Mongolian script. Additionally, there is a version of ‘Erdeniin Tovch’ translated into the Manchu language, most likely due to the Manchu Emperors’ interest in Mongolian history.

Prince Sagan Setsen is a 22nd generation grandson of Chinggis Khaan, born in the year of the Blue Dragon of the 10th sexagenary (1604), in Üüshin County, Ordos. Prince Sagan Setsen was awarded at the age of 11 by Prince Boshogt (Boshgot) as ‘Wise Prince’, a title of his ancestors. Wise Prince Hutugtai was, in his time, a very well-known man of literature and a soldier, and chief advisor to Tümen Zasagt Khaan. Prince Hutugtai re-compiled ‘Arvan Buyant Nomiin Tsagaan Tüükh’ from Khublai Khaan’s era and made it popular again.

Although Sagan Setsen completed ‘Erdeniin Tovch’ in 1662, it does not contain much information about the era following the Qing invasion. This act is interpreted as a silent resistance of the prince against serving the Qing Dynasty.

Carefully examining the style of how ‘Erdeniin Tovch,’ was written, we can conclude that Sagan Setsen had an excellent understanding of language and literature. The usage of earlier works from the 17th and 18th centuries and the parts added by the author are different in language and writing style. While writing his work Sagan Setsen took into consideration the pre-17th-century style.

The poetry at the end of the work tells us that Sagan Setsen began writing his work on February 11, 1662, and completed it on June 1.

The work consists of:

1. Formation of the world and beginning of humanity.
2. Era of the Indian Khanates.
3. Era of the Tibetan Khanates.
4. Era of the Mongol Khanates.
5. Era of the Qing Dynasty.
6. Poem

The most important part, of the Era of the Mongol Khanates comprises:

1. Börte Chinoa’s time till the death of Yesükhei Baatar
2. History of Chinggis Khan
3. The period from Ögöödei Khan to Timur
4. History of the Northern Yuan Dynasty
5. Period of the descendants of Batmönkh Dayan Khan
6. Descendants of Prince Barsbold, History of Ordos and Tumed.

Most of the part about Mongol history is dedicated to the Ming Dynasty period. Especially the period of Batmönkh Dayan Khaan’s unification of Mongolia, descendants of his ancestor Prince Barsbold, and events related to Binlig Khaan Altan and the Wise Prince Hutugtai are narrated in detail.

The work has been a source referring to many important events that are not mentioned in ‘Khuraangui Altan Tovch’, ‘Altan Tovch’ by Luvsandanzan, ‘Shar Tuuj’ and ‘Altan Khaany Tuuj’. Towards the end of the work Sagan Setsen mentions seven sources he used.

Although it is claimed that ‘Erdeniin Tovch’ has 30 original copies, most are reproductions of the original.

8. Zhamba – Asragch Nertiin Tüükh (History of the Asragch Name)

‘Asragch Nertiin Tüükh (Asragchi nertü-in teuke)’ is an important document in terms of the history of the Mongolian language and has attracted the attention of researchers in a short time. The work’s original title is unknown, and the present name

was offered by scholar Kh. Perlee. It is confirmed that it was written in 1677 by a strong warrior called Zhamba, which is of Tibetan origin and is translated as ‘Asragch’ in Mongolian [32, pp. 1–5].

The chronicler, Asragch, was a Khalkha feudal lord who openly collaborated with the Manchus in their fight against the Manchu feudal lords of Oirat. Despite his political position, Asragch’s historical work is one of the Mongolian chronicles written with an anti-Manchu approach, which goes against the national interests of the country.

In terms of structure and content, Asragch’s work is similar to other Mongol chronicles of the 17th century. The work is not divided into chapters or sections, and the composition mainly consists of four parts – the preface, the ancient history of the Mongols, especially the history of Chinggis Khaan, the history of the Mongols from the fall of the empire to the middle of the 17th century, and the epilogue. In the poem at the end of the work, the author himself presents himself and clarifies the purpose of his writing: ‘I wrote this history called Asragch so next generations know.’

Asragch’s introduction is quite similar to the introduction of the ‘Shar Tuuj’ chronicle. The first part of the chronicle mainly focuses on the history of Chinggis Khaan. Asragch follows the traditional scheme of three monarchies but has a slightly different approach to the beginning of Mongolian chronicles. His chapters on the Indian and Tibetan kings are quite brief.

A comparison between ‘SHM’ and ‘Asragch Nertiin Tüükh’ reveals that 90 out of 282 paragraphs in ‘SHM’ are present in ‘Asragch Nertiin Tüükh’. Both works provide the same main information, and nothing in ‘Asragch Nertiin Tüükh’ is missing from ‘SHM’. However, many poetic passages in ‘SHM’ are not included in ‘Asragch Nertiin Tüükh’ and the few passages that are present have undergone significant revision. This proves that Asragch relied solely on the oral tradition of ‘SHM’, which connects with the first example of Mongolian historiography.

Asragch provides some legendary information about the expedition to the Tangut country, the death of Chinggis, and the transfer of his body to Mongolia towards the end of the history of Chinggis. This information, particularly the verse fragments, is strikingly similar to that found in other chronicles from the 17th century, including the anonymous ‘Altan Tovch’, Luvsandanzan’s ‘Altan Tovch’, and Sagan-Setsen’s ‘Erdeniin Tovch’.

As a result, Asragch paid considerable attention to the post-imperial period of Mongol history. It should be noted that in terms of completeness and value of the information reported, this part of his work far exceeds the main text of ‘Shara Tuji’ and is inferior only to the work of Sagan-Setsen. Asragch also reports some new data on the beginning of the spread of Lamaism in Khalkha. The epilogue, with which the author concludes his work, is interesting in composition. It briefly summarizes the conclusions, gives information about the history of the writing of the book, and wishes good wishes to the ‘Golden Lineage’.

‘Asragch Nertiin Tüükh’ is a 65-page manuscript that dates back to the 17th century. It is considered one of the most important source works of Mongolian history and is preserved in the Mongolian State Library Rare Works Library. The manuscript is in its original form and measures 9cm x 38cm in size, with 29–30 lines per page.

In 1937, the famous Mongolian researcher Ya. Tsevel provided detailed information about ‘Asragch Nertiin Tüükh’ [33]. Later, in 1957, Academician Kh. Perlee introduced the work, which he called ‘Three Previously Unpublished Manuscripts’ [34, pp. 3–5]. In 1960, he published it in the Mongolian alphabet and presented it with an introduction, summary, and notes as part of the Monumenta Historica series [35, pp. 1–5].

In 1983, the German Mongolian expert Hans-Rainer Kämpfe translated ‘Asragch Nertiin Tüükh’ into German and published it in the eleventh volume of *Asiatische Forschungen*, along with explanations and a comprehensive index [36].

In 2002, the Mongolian researcher Ts. Shagdarüren and South Korean Mongolian Mongolist Lee Seong-Gyu rearranged the text, all words, sentence structures, and visual elements of ‘Asragch Nertiin Tüükh’ to bring a new dimension to Mongolian history [37]. This helped examine the history not only from texts but also from real sources.

9. Gombozhav – Gangyn Ursgal (The flow of Ganges) [38]

The historical work ‘Gangyn Ursgal’ which tells the lineage and the history of Mongol Khans with absolute certainty has the full title ‘Chinggis Khaany Altan Urgyn Bichig Gangyn Ursgal Khemeekh Tüükh Orshvoi’. Gombozhav’s historical work ‘Gangyn Ursgal’ attracted the attention of Mongolists in the early period, and the text of the manuscript, with an introduction and notes, was published by L. S. Puchkovskiy [39].

The manuscript of ‘Gangyn Ursgal’ is kept in the Collection of Mongolian Manuscripts and Engravings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences under the code G 294. The manuscript of ‘Gangyn Ursgal’ consists of 32 leaves. The original work by Gombozhav, covering more than 600 years of Mongol history, compiled chronologically from Sage Bodonchar to Ligden Khaan.

Some information about the author of this work can be found in the works of W. Heissig [40, pp. 53, 64, 73–75, 86, 90]. Heissig states that the author of this work, according to the colophon of the work, is ‘Taiji Gombozhav of the ‘Golden Lineage’ of the holy Chinggis Khaan’. According to other information, he had the title of ‘Prince of Guns’. Even during the Kangxi period (1662–1722), Gombozhav was recognized at the imperial court for his command of language, especially Tibetan. Emperor Yong-zheng (1723–1735) therefore appointed him head of the Tibetan school in Beijing. Gombozhav held this post for several years, leaving it in 1742 after completing the translation of a Buddhist iconographic work.

Prof. G. M Roerich, Gombozhav used Chinese dynastic annals and other works in this work. From the information given about Gombozhav and his works, it is clear that he was a versatile Mongolian scholar of his time, who was in close contact with and influenced by Tibetan and Chinese cultures. The date of writing of ‘Gangyn Ursgal’ is given in the text of the work as the 3rd year of the reign of Emperor Yong-zheng, i.e. 1725 [41, p. 195].

‘Gangyn Ursgal’ is not mentioned in the known Mongolian chronicles of the 17th–19th centuries. Nevertheless, this work attracted the attention of B.Ya. Vladimirtsov. In his work ‘The Social Structure of the Mongols’, several examples from Gangyn Ursgal are given, as well as a comparison of some Mongolian feudal terms with Chinese terms found in this work [31, pp. 130, 135–136, 152].

‘Gangyn Ursgal’ is a historical and genealogical work. According to the author, the work was written to satisfy many people who wanted to know the genealogy of Chinggis Khaan. The information about Chinggis’s ‘Golden Lineage’ in Gangyn Ursgal is mostly a listing of names, in some cases very detailed. However, only the basic elements of the biographies of most of the historical figures listed in the work are given. For the Yuan emperors, the author gives only the year of birth, the age of accession, and the date of death. A little more detail is given on Kublai.

The work is mainly regarded and used as a historical source. At the same time, it is of great interest as a cultural and historical monument. The information provided by

‘Gangyn Ursgal’ and other chronicles is very interesting for the study of Mongolian history and literature. Like the Mongolian chronicles of the 17th century, ‘Gangyn Ursgal’ contains both historical facts and legendary information. Gombozhav does not name the Mongolian sources he used. One of them is the ‘SHM’ is evident from the list of Chinggis Khaan’s ancestors and brief information about them.

The small work ‘Gangyn Ursgal’ contains valuable information about the Mongolian historiography of the 18th century: the tasks it set itself, its main ideas, the influences that affected it, the critical attitude towards the sources used, the historical and geographical point of view of the authors of the works, and so on. For this reason, the work deserves the attention of specialists in the field.

10. Lomi – Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh (History of Mongol Borzhigin line) [42]

One of the most important sources of Mongolian historiography in the first half of the 18th century, ‘Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh,’ was completed in 1732 by Lomi, the ruler of Khövööt Tsagaan County in Mongolia.

‘Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh’ briefly describes the history of Mongol Khanates from the establishment of the Great Mongol State by Chinggis Khaan to Ligden Khaan. The work, in addition to explaining how the Mongolian state tradition works, also shows the historical evaluation method of its time, using the Mongol historiography style of the 18th century, the era of the Qing Dynasty.

Lomi, concluding his work says ‘... after the turmoil years of Gegeen Ligden Khan, until the tenth year of Nairalt Töv, approximately 100 years have passed’. Therefore ‘Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh’ was completed in 1732. According to the statements of Naguusainhüü and Ardaazhav, the work was completed on August 1, 1735. However, on that day only the foreword was written.

The work consists of a foreword and three chapters. In the foreword, Mongolian history was briefly summarized just reflecting the author’s views about the events.

Chapter 1 of ‘Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh,’ informs us about Bodonchar, the forefather of Chinggis Khaan’s Borzhigin tribe, covering a period beginning from Mahasamadi, King of India to Timur.

Chapter 2 narrates the years of turmoil lasting for ca. 160 years in the Mongol State beginning from Biligt Khaan until the beginning of Batmönkh Dayan Khaan’s rule. The chapter ends with a list of descendants of Batmönkh Dayan Khaan, and the lineage of Mongol Princes in detail.

Lomi’s work ‘Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh’ covers a history of 32 khans, 22 generations and a total of 409 years. ‘Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh’ has both a Chinese and a Mongolian version.

The first publication of Lomi’s work by W. Heissig and C. R. Bawden is still used by Mongolists [43]. This book contains the facsimile edition of two texts. The first is a Mongol chronicle entitled ‘Mongyol Borzhigid oboy-un teüke’, and the second is a Chinese work, ‘Meng-ku shih-hsi-p’u’. This Chinese text was first published in Peking in 1939 and was soon recognized as an important source for later Mongol history, probably translated from an unidentified Mongol chronicle.

We thus have in one handy volume two texts completing each other and forming an ensemble of great interest to the students of Mongol literature and history. The Mongol text is a translation made in 1839 of a Manchu original written in 1732 by a Mongol belonging to the Borzhigid clan.

Short of giving a translation, the editors have done their best to make this edition useful. Heissig has provided a German preface to the Mongol text, whilst Bawden has

written an English introduction to two Chinese versions. A combined index of the proper names contained in both texts is also very helpful.

In 1989 and 2000, the manuscript was studied in Inner Mongolia and published with annotations, making it a significant work in the field [44].

11. Luvsandanzan – Ertanii Khaadyn Ündeslesen Tör Yosny Zokhiolyg Tovchlon Khuraasan Altan Tovch Khemeekh Orshvoy (The Altan Tovch which relates briefly the deeds of civil governing established by ancient khans) [45]

In the second half of the 17th century, Mongolian historians created original works of generalizing character, thus laying the foundation for such a type of historical literature as chronicles. It is interesting to note that at the described time the historiographical work of the Mongols, despite the spread of Lamaism, developed not only along the lines of church historical literature, as it was in Tibet, but also along the lines of secular literature, based on the traditions of oral and written literature.

The merit of creating the first such large Mongolian chronicle rightfully belongs to Luvsandanzan – the author of the original work ‘Shastra, called the Altan Tovch, containing a brief history of the state government founded by ancient kings’. But Luvsandanzan was not the only author of this work. He led a group of authors working on the first Mongolian chronicle, as evidenced by its colophon: ‘So the monk Shashana-dhara, known as Gushi Luvsandanzan, applied diligence to record the history of the origin of the remarkable, most sacred Hagan reborn based on many chronicles so that the great nation would continue to read.’ From these words we can conclude that under the direction of Luvsandanzan worked several assistant writers, perhaps, his students, on his instructions collected materials from different sources [25, p. 227].

Very little is known about Luvsandanzan’s biography. Colophon ‘Altan Tovch’ informs that he was a learned lama with the title of gushi. He was also known as Sumadishashanadhara, which is the Sanskrit translation of his name (Luvsandanzan). Some researchers have tried to establish the identity of Luvsandanzan and determine, at least approximately, the time of his life and activities. According to Ts. Zhamtsarano, was a writer and translator who lived in the 1650–1750 [30, p. 80].

The exact date of the writing of ‘Altan Tovch’, despite all the efforts of researchers, has not been definitively established. Following Ts. Zhamtsarano, many scholars (N.P. Shastina [46, p. 13], L. S. Puchkovskiy, Kh. Perlee, etc.) attributed this date to the beginning or the second half of the 17th century [25, p. 228]. Based on these considerations, we consider it most likely that Luvsandanzan wrote his work either at the very end of the 17th or at the beginning of the 18th century.

‘Altan Tovch’ is written based on the most valuable sources, which can be divided into two groups. The first group includes sources from the 12th–13th centuries, the second group includes Buddhist and Tibetan sources. The great merit of Luvsandanzan and his assistants’ lies in the fact that they managed to revive the original historiographical traditions of the Mongols in the conditions of foreign yoke and domination of the Lamaist ideology, using fully the sources of 12th–13th centuries. As noted above, such attempts had been made earlier, as early as the late 16th century, but at that time they could not withstand the onslaught of Buddhist-Tibetan literature that poured into Mongolia in connection with the spread of Lamaism. It is safe to say that the ancient monument of Mongolian historiography ‘SHM’ owes its second birth primarily to Luvsandanzan and his assistants. Researchers have irrefutably proved that out of 282 paragraphs of ‘SHM’, 233 were inscribed in ‘Altan Tovch’, and only very few of them underwent a slight reduction or change. Before Luvsandanzan, none of the Mongolian historians had used ‘SHM’ so completely. What is important is the very fact

that ‘SHM’ was not forgotten in Mongolian historiography, that this work, several centuries after its appearance, turned out to be the most important source of another major Mongolian historical work. We see in this fact the continuity of national traditions of Mongolian historiography.

It should be noted that the authors of ‘Altan Tovch’ used not only one ‘SHM’, but also other sources. This is evidenced by the presence in ‘Altan Tovch’ of such data that are absent in ‘SHM’, but are available in other sources, in particular in the ‘Jāmi’ al-Tawārīkh’ by Rashīd al-Dīn Faḍlullāh.

Luvsandanzan’s work is not divided into parts or chapters. However, in terms of content and the nature of the materials, it can be divided into two parts: the ancient history of the Mongols (up to the second half of the 16th century); the history of the Mongols of the second half of the 16th and the first half of the 17th centuries. In the first part, the author endeavors to revise some issues of the ancient history of the Mongols from the standpoint of Buddhist historical and religious concepts. He begins the history of the Mongols in a different way than the anonymous authors of the ‘SHM’ did four or five centuries before him. In outlining the history of the origin of the Mongols and their Khans, Luvsandanzan is not content with ancient Mongol historical traditions alone, but goes beyond them and links them to the Indo-Tibet centric concept, according to which the history of the Mongols is an integral part of the history of the entire Buddhist world. Therefore, he prefaces the history of Mongols proper with a concise (only four pages of the manuscript) sketch of the emergence of mankind and the origin of Buddhist kings. Moreover, the author tries to ‘genetically’ connect the origin of Mongol Khans with the famous Mahasammata family using Buddhist mythological traditions [25, pp. 232–234].

The Mongolian historian did a very relevant work for his time, writing the history of the Mongol Khans when the power in Mongolia was seized by foreign conquerors. And it is no coincidence that in his conclusion he wrote of his wish that his history ‘should continue to be read by a great nation’. In a brief conclusion Luvsandanzan summarises what has been said in the pages of ‘Altan Tovch’. A characteristic feature of this conclusion is that the author links history with the present. He traces with great interest the genealogies of the Mongolian nobility up to his days and establishes the origin of the ruling princes contemporary to him based on historical data. Thus, the study of the historical past was ultimately dictated to Luvsandanzan by the practical demands of his time.

Altan Tovch has been printed multiple times. The first edition was published in 1937 in two volumes in classical Mongolian script [47]. Twenty years later, in 1957, it was published in Cyrillic Mongolian in Ulaanbaatar [48]. Another valuable translation was done by N.P. Shastina, as mentioned above, in 1973. Additionally, there have been translations in various languages, and further studies are ongoing.

12. Luvsandambizhaltsan – Ikh Mongol Ulsyn Altan Tovch Hemeeh Tüükh (History named the Golden summary of Great Mongol State) [49]

Other than being a cleric, Mergen Geegen (Wise Saint) Luvsandambizhaltsan, used to make translations and his work written in 1765 ‘Altan Tovch’ is known among common people as Wise Saint’s ‘Altan Tovch’.

Luvsandambizhaltsan, the cultural and intellectual leader of the Mongols in the 17th and 18th centuries, was a scientist, writer, translator, Buddhist monk, and artist. He was born in 1717 in present-day Inner Mongolia. Proficient in Mongolian, Tibetan, and Sanskrit, Luvsandambizhaltsan passed away in 1766.

He directed his studies towards exploring Mongolian traditions, the people's way of life, and Buddhist teachings, emphasizing the religious significance in Mongol culture and people's lives. Delving deeply into Buddhist teachings, Luvsandambizhaltsan worked at the Merit Monastery and Ölzii Badarsan Monastery, utilizing Buddhist teachings in knowledge and education, making great efforts to better explain Buddhist teachings to the public [50, pp. 3–4].

The first mention of 'Mergen Gegeen Altan Tovch' was made by Russian scientist A. M. Pozdneyev in 1883. Pozdneyev obtained the manuscript in Mongolia in 1900, partially publishing the text. This manuscript consists of 54 pages and is preserved under the name 'Yeke Mongol ulus-un ündüsün Altan tobči orosibai' at the St. Petersburg Institute of Oriental Studies affiliated with the Russian Academy of Sciences. In 1970, P.B. Baldanzhapov authored a book titled 'Altan tobči – Mongol'skaya letopis' XVIII veka' presenting photographs of the manuscript of Mergen Gegeen Altan Tovch and sharing his analyses of the text [51].

When writing 'Altan Tovch,' Mergen Gegeen extensively drew from ancient Indian chronicles, Chinese Annals, as well as Tibetan and Mongolian sources.

The work consists of two books, one of 15 chapters, about the Khanates of India, and of Tibet, and the other of 17 chapters detailing Mongolian History.

Chapters	Contents
1	discussed the reason and purpose of writing 'Altan Tovch'
2	commented on the formation of the world and the root of humans, according to Buddhist philosophy
3	told the separation of humans from each other and the formation of the line of khans
4	dedicated to the Khans of India from Mahasamadi Khan to Chiireg Teregt
5	listed Khans of India from Chiireg Teregt Khan to Goodam Toin, and the unjust execution of Goodam
6	relates about the Khans of India from Goodam's line
7	pegged to the origin of Tibetan Khanates
8	covered the history from the Khan Budegünzhal of Tibet to Erdene Alag, a.k.a. Ugalz Bat Khan
9	narrated the history of the khans from Erdene Alag Khan to Sronzangambo Khan
10	discussed the actions of Sronzangambo Khan, and the spread of Buddhism in Tibet
11	told us about Olontai, grandson of Sronzagambo Khan, and the further spread of Buddhism in Tibet during Gezegt Khan's era
12	mentioned Tisrondezhan Khan's era and the renunciation of Buddhism
13	contains the clash between the Bong belief and Buddhism
14	commented on the revival of Buddhism in Tibet
15	reported about Sadnaleg Khan of Tibet and his children; the origin of Mongol Khans
16	narrated Mongol Khans from Börte Chinoa to Bodonchar
17	described the youth of Bodonchar, the establishment of the Mongol State
18	covered Mongol Khans from Bodonchar to Yesükhei Baatar
19	about the children of Yesükhei Baatar
20	narrated the braveness of Khasar, Temüjin's punishment of a thief with the help of his brothers

21	mentioned details of the attack on Taichuuds, Khasar's great contribution to the battle with Naimans, Temüjin's anger for losing Huanjil Ilje and dispatching Khasar to Haruuna
22	told the invasion of Khereid, and a cooperation agreement with Tayang Khaan of Naiman
23	deals with Temüjin and Khasar ending their cooperation with the Naiman, the unification of Mongol states, and Temüjin becoming Chinggis Khaan
24	covered the conquest of Aluhai city of Xia State, attack on Golden State, retreat from Tangud before the end of the campaign
25	mentioned Khasar's death due to illness, Chinggis Khaan's passing following the conquest of Xi Xia State
26	has to do with the history of the Mongolian State from Elbeg Khaan to Batmönkh Dayan Khaan
27	about Ööld, Torguud and Khorchin near Khökh Nuur (Blue Lake)
28	about Muumyangan and the Lords of Khorchin
29–31	chronicles the lineage of Khorchin Lords
32	gives the lineage of Urad Lords and postscript

‘Altan Tovch’ is different than other works in content. Each episode ends with a poem as a summary of the chapter, and this also proves that the Wise Saint was a talented man of letters.

13–14. Rashpuntsag – Bolor Erikh (Crystal beads)

This manuscript has several versions. However, we do not know anything about the original version. This historical survey has been handed down to us through various written sources, but whether it is a complete and accurate account remains uncertain. After the first publication of the work was made in Chuulalt Khaalga in 1942, Western Mongolists such as A. Mostaert [52] and W. Heissig [53] also worked on the work and published it.

Khökh-Öndör, a famous researcher of Inner Mongolia, published ‘Bolor Erikh’ in 1985 in the city of Huhhot, using the manuscript published by Antoine Mostaert and W. Heissig, the Chuulalt Khaalga edition and the manuscripts found by Mostaert in Ordos.

A manuscript consisting of nine books originating from the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies was stored under the code F511, which was transferred from the Scientific Committee of the BNMAU in 1937. This manuscript is of great significance. This book, titled ‘Dai Yuan Ulsyn Bolor Erikh’, ‘Dai Yuan Ulsyn anhny ugaas naash üy zalgamzhilsan devter’ and ‘Dai Yuan Ulsyn Bolor Erikh khemeekh bichig’ is stored in the National Library of Mongolia under the codes 9216/97; 9218/97; 9220/97; 1431/96–1457/96.

The author of ‘Bolor Erikh’, Rashpuntsag, was the ninth-generation descendant of Alchubold, the fifth grandson of Batmönkh Dayan Khaan, and a descendant of Chinggis Khaan. Rashpuntsag wrote: ‘Day Yuan’ ulsyn Bolor Erikh’, beginning in the 39th year of God’s grace (1774) and ending in the 40th year of God’s grace (1775)’. In writing this book, Rashpuntsag quoted from the Beijing copy of the work ‘Khuraangui Altan Tovch’ in addition to the Chinese, Manchu and Tibetan sources. His work ‘Bolor Erikh’ consists of 5 chapters in 10 books:

The first chapter titled ‘Of Mongols’ deals with how the origin of Mongols is narrated in Mongolian and Chinese sources.

The second chapter titled ‘Origin of the Khans’ is pegged to the origin of Chinggis Khaan beginning from Khans of India-Tibet to Yesükhei Baatar

The third chapter titled ‘The Main Sutra of Dai Yuan State’ is the most important chapter telling the history beginning with Chinggis Khaan until Ligden Khaan

The fourth chapter titled ‘Lords of Later Periods’ mentions the events during the reign of Batmönkh Dayan Khaan’s eleven children.

The fifth chapter titled ‘The Other Lords,’ is the history of descendants of Jochi, and Tsagaadai (Chagatai), the eldest and second sons of Chinggis Khaan respectively, and of his brothers Khasar, Belgüütei, Khachigun and Otchigin.

Inner Mongolian researcher Buyanbaatar claims and provides evidence in his thesis ‘A Study of the Text of Short Golden Tovchoo,’ that Rashpuntsag used the copy of ‘Khuraangui Altan Tovch’ in Peking as a source when he wrote ‘Bolor Erikh’ [54, p. 5].

‘Bolor Erikh’, like most Mongolian chronicles of the 18th century, is characterized by a departure from the method of compilation of texts and the revelation of the author’s origin, literary treatment of historical and folkloric events.

One of the most important features of this work is the wide range of Chinese, Mongolian, Manchu, and Tibetan sources to which the author refers as mentioned above. Thus, the great influence of the Chinese and Tibetan literary traditions on the structure and linguistic means of ‘Bolor Erikh’ is usual. Rashpuntsag does not list the works he used but gives the names of most of them in the text of the chronicle. However, not all works can be identified by the titles given by Rashpuntsag.

Of great interest are Rashpuntsag’s critical arguments on various topics in which he expresses his position on the sources, characters, and events of Mongol history.

15. Darma Güüş – Altan Khürden Myangan Khigeest (Golden wheel with one thousand spokes) [55]

One of the most important sources of 18th-century Mongolian history is the work of Darma Güüş titled ‘Altan Khürden Myangan Khigeest.’

Darma Güüş, born in Zharuud County of Zuu-Üde Province, was known as ‘Güüş Choizhamts the Sage’. His work was written in 1739. Darma Güüş specified the terms to be used in the Mongolian translation of ‘Danzhuur’ sutra between 1741 and 1749 and compiled the dictionary ‘Mergediin Oron.’ Darma Güüş was a close friend of Gombozhav, the author of ‘Gangyn ursgal.’ Additionally, Darma Güüş translated many medical sutras into Mongolian. It is possible that the translator of Subashid could be Darma Güüş himself.

‘Altan Khürden Myangan Khigeest’ consists of nine chapters in 6 books.

The first three chapters are in the first book. He relates the formation of the world according to the ‘Avi Darma kosha’ sutra, followed by the Khanates of India and Tibet, and the history from Börte Chinoa to Yesükhei Baatar.

The second book contains chapters four and five and deals with the history until the death of Chinggis Khaan.

Chapter six in the 3rd book recounts the history of 16 khans in the Yuan Dynasty beginning from Ögöodei, the successor son of Chinggis Khaan, to Timur, and the 20 khans of the Dai Yuan Dynasty.

Chapter seven in the fourth book is the history of Batmönkh Dayan Khaan and his line.

Chapter eight of the fifth book is about the origins and descendants of Khasar, Belgüütei, Khachigun and Otchigin.

Chapter nine of the sixth book contains the differences among the ethnic groups in Mongolia, the 4.000 descendants of the Oirad line and the history of 13 shires under

the rule of Khasar's descendants. In Darma Güüş's work, some important historical events were mentioned for the first time, e.g., information was provided about the Tsahars, Khongirads, Üzheids, who were not mentioned in Mongolian or Chinese sources, and stated that Sartuul, Tangud, Asud, Khanlin, and Uyghurs were of Mongolian origin. It clarifies some controversial events between the 14th and 17th centuries, as well. According to Darma Güüş, Chinggis Khaan had named himself the 'Son of Heaven.' He was referred to as the son of Heaven in Chinese and Mongolian sources and was known as the 'Son of Heaven' among the people.

'Altan Khürden Myangan Khigeest' is one of the important sources of works frequently used by Mongolists both in their own time and in modern times. For example, in Rashpuntsag's 'Bolor Erikh', which we have described above, it is seen that Darma Güüş often quotes from 'Altan Khürden Myangan Khigeest'. The manuscripts of 'Altan Khürden Myangan Khigeest' were reproduced, and these manuscripts were widely spread.

Today we have 3 copies of this work. These are:

1. The copy found by Mergenbaatar and brought to the Institute of Social Sciences of the Inner Mongolian Academy of Sciences is kept here. Scientist Choizhi published the book 'Altan Khürden Myangan Khigeest' in 1987 in Huhhot, which he used as the main source and compared with other sources.

2. Another copy of 'Altan Khürden Myangan Higeest' is kept at the Institute of Oriental Studies in St. Petersburg, Russian Federation. This manuscript was found in Inner Mongolia in 1925 by Russian researcher B. I. Pankratov and brought to the institute. This copy is clearly and legibly written in brush and consists of 9 chapters and 6 books.

3. The last copy we have is the copy with color photographs preserved in Copenhagen, Denmark. In 1938, K. Grönbech, head of the Department of Central Asian Studies organized by the Danish Geographical Society, took color photographs of the copy in the possession of the keeper of an old sutra called 'Khorchiny Sainbayar' in the city of Khaalgan. K. Grönbech then took these photographs to Copenhagen [56, pp. 3–8].

This last copy was published by W. Heissig and K. Grönbech in 1958 in the series 'Monumenta Linguarum Asiá Maioris' with photographs of the manuscript, introduction, names of persons and geographical places [57].

16. Chinggis Khaany Üy Uliralyg Temdeglesen Khaadyn Ündesnii Shastir – Khökh Tüükh (Main shastir⁶ of khans who recorded Chinggis khaan's descendants – Blue History)

Although brief, this work is one of the main sources telling the state and religious history of Mongolia, India, and Tibet. Because its several copies are named 'Khökh Devter,' it is confused with Shonubal's 'Khökh Devter'.

The author and the year of completion of 'Khökh Tüükh' are unknown. Looking at the note at the end, the work was completed before 1834. Considering the content, despite the fact it mentions the inauguration dates of Manchu Emperors, it does not provide information about Saishaal Yöröölt's era between 1796 and 1820 and does not list the descendants of Batmönkh Dayan Khaan. Bulag compared two copies of the work and opined that it was authored between 1796 and 1820.

According to Kh. Perlee, the work was written in the middle of the 17th century because Mongolian sources first mention the name 'Khökh Tüükh' in 1677 [58, p. 22].

⁶ A Buddhist term telling the story of religious or political personalities, also used in Classical Uyghur as "shastyr."

If we examine the phrase ‘Zhamba states that he completed his work in 1677, near Khangai Mountain’ in ‘Asragch Nertiin Tüükh,’ as a reference, but being uncertain whether the Tibetan or Mongolian ‘Khökh Devter’ is involved, the similarity to the Tibetan work written by Shonubal is obvious. Therefore, the accuracy of Kh. Perlee’s opinion is disputable.

Known copies of ‘Khökh Tüükh’ are:

1. Scholar Bulag discovered a brush-penned copy at Inner Mongolian Library, 24.5 cm in length and width, named ‘History of Chinggis Khaan, History of the Origins of Khans-Khökh Tüükh’, compared the copy with its equivalent in Saint Petersburg, wrote an evaluation, and published it in 1996 with the title ‘Khökh Tüükh’.

The above-mentioned copy, the oldest among other copies discovered so far, written in the traditional style, is the most detailed version with an introduction and an afterword. According to the afterword, this copy was produced in 1834. No previous versions are known.

2. One of the several works that Russian Mongolist A.M. Pozdneyev discovered during his travels in Mongolia between 1876 and 1878 the work that consists of three chapters and is registered with code number C-10 in the library of the Institute of Oriental Studies in Saint Petersburg. The end of the existing copy is missing, but we can say that the text belongs to the later period and some changes have been made in contents.

The part about Saishaal Yöröölt specifies that he reigned for 25 years, his son Tao Guan succeeded him in the year of the White Snake and governed for 30 years, and his grandson, Tügeemel for 11 years. These facts indicate that this copy was created between 1861 and 1875.

The manuscript copy found by Ts. G. Badmazhapov from Alshaa County consists of just one chapter and measures 15x24 cm.

In 1912, Buriad scholar Agvaandorzhiyev compared the 2nd and 3rd copies mentioned above and published in Saint Petersburg a work about Mongolian History consisting of three parts.

The 84-page book measuring 26x26 cm in the library of the Inner Mongolian Social Sciences Research Institute is a partial copy of Mongolian History.

The copy in the National Library of Mongolia titled ‘Khökh Devter’ with the code number 9516-97 is a copy of the 1912 St. Petersburg print and is a 23-page work measuring 13x22.5 cm [59, pp. 3–8].

17. Nata Gombovanzhil – Altan Erikh (Golden Rosary) [60]

The work titled ‘Mongolyn Shashin, Töriin Tüükh Suvd Erikh’ was authored in 1817, by Gombovanzhil of Züün Avganar County.

The book ‘Altan Erikh’ contains information about its author and the time it was written. Based on historical documents, the author, named Nata, was a descendant of Chinggis Khaan’s younger brother Belgüdey, held the title of ‘Beis’⁷ of Züün Avganar

⁷ The “Beis” is a type of Mongolian military rank that was established in 1636 during the reign of Manchu Qing. The title of Beis was initially used by the nobility of the Manchu Emperor, and it evolved to be awarded to Mongols in the south in 1636, to the Khalkha Mongols in 1691, and to the western Mongol nobility in 1755, reflecting the changing political situation. It was granted based on military merit and could be inherited or earned through personal achievement. Despite not having any specific responsibilities under the Manchu Emperor, those who held the title received various privileges and were entitled to a higher salary.

County, and lived from 1792 to 1827. Choizh analyzed ‘Altan Erikh’ and found important information about the author’s story.

According to the research of Inner Mongolian scholar Choizh, the work has 4 copies:

1. The copy in the Gandan Monastery’s library in Mongolia is the complete version with an afterword.
2. The copy is in the library of the Institute of Social Sciences, Inner Mongolia.
3. A 3-chapter version without an afterword in the Copenhagen Royal Library, Denmark.
4. The copy is in the Inner Mongolian Library.

Choizh compared the book with other works in the library of the National Academy of Sciences of Inner Mongolia and linked it with Chinese, Tibetan, and Mongolian sources.

Famous Mongolian researchers S. Natsagdorzh [61, p. 9] and Sh. Bira [62, p. 103] also studied ‘Altan Erikh’ in great detail. Although the sources used in the writing of ‘Altan Erikh’ are too numerous to mention, it is worth noting that most of its text is similar to ‘Gangyn Ursгал’ written by Gombozhav in 1725 and ‘Altan Tovch’ written by Mergen Gegeen Luvsandambizhaltsan.

The work ‘Altan Erikh’ consists of five chapters in three books. The first book deals with the History of China, and Mongolia, the spread of Buddhism in Mongolia, Chinggis Khaan and the khans of the Yuan Dynasty, and their history during the Ming and Qing Dynasties. The second book scrutinizes the spread of Buddhism in Mongolia and examines the relations between Chinggis Khaan and Mönh Khaan, Güden Noyan and Sazha Bandid Gūngaazhaltsan, Khublai Khaan and Pagba Lama, Altan Khaan and III. Dalai Lama Sodnomzhamts. The third book studies the preparation of wooden blocks for the print of Ganzhuur Sutra in Mongolian translation, and the relations of Manchu Emperors with Tibetan clerics.

The manuscript describes the history of Mongolia and China and the relations between Mongolian and Chinese emperors and Tibetan abbots. It is significant for the study of the relations between Mongolia and Tibet in the 13th and early 19th centuries and the policies of the Chinese and Manchurian rulers towards Mongolia. It will also contribute to the elucidation of the origin of Mongolian Buddhism and the biographies of important Buddhist monks.

18. Gonchigzhav – Dai Yuan’ Ulsyn Suut Bogd Chinggisiin Suvd Erikh Khemeegdekh Shastir Orshvoi (The history called The Pearl Rosary of the illustrious khan Chinggis of the Great Yuan State) [63]

The work utilized the traditional Mongolian method of historiography commencing Mongolian history with the Khans of India and Tibet and is a significant source containing precious information with which we can confirm knowledge we obtain from other sources.

The author and the completion date of the work are mentioned at the end by the statement ‘...4th grade Lord Gonchigzhav the Sage, aide to Badrah, the ruler of Ih Züü County of Ordos, completed his work ‘Dai Yuan Gūrnii Aldart Bogd Chinggisiin Suvd Erikh Nert Tuuj’ in the autumn of the year of the blue ram of the 14th sexagenarian...’. We can conclude that ‘Suvd Erikh’ was completed in 1835 by Gonchigzhav of Ordos.

This work titled ‘Suvd Erikh’ has a total of seven copies. Three manuscripts are kept in the National Library of Mongolia, and four manuscripts are in the Copenhagen Royal Library in Denmark.

While writing this history, Gonchigzhav does not divide his work into chapters but applies a triple classification method from the expressions he uses in the text. In the work, Tibetan and Indian Buddhist creation myths are integrated with the legendary narratives of Chinggis Khaan's lineage in the 'SHM'.

'Suvd Erikh' is a text that has been reproduced and copied over the years. It was first published in 1927 by the Eastern Mongolian Writing Committee in Mugden, Inner Mongolia, using the lithographic method. Later in 1965, a photographic reproduction of the lithograph was published by W. Heissig in Wiesbaden.

A copy of the book printed in Mugden was kept by a person named Gendenzhav from the People's Court Committee of the South Otgi Province of Ordos. The Inner Mongolian researcher Sonom took this copy and republished the work in 1992. Despite the various publications of 'Suvd Erikh' in Inner Mongolia, researchers have always used only the 1927 lithograph copy as the original work [64].

In Mongolia, Kh. Perlee, in his work 'Mongolyn khuv'sgalyn ömnökх түүхх бичлэгийн асуудалд' [26, p. 19], gave detailed information about 'Suvd Erikh' as well as the sources of Mongolian history.

19. Ishbaldan – Erdeniin Erikh (Jewel rosary)

The book 'Erdeniin Erikh', which contains important information about the origin and history of Mongolian khans, the spread of Buddhism in Mongolian lands, and Buddhist religious works, was written by a Buddhist lama, Ishbaldan, who lived in Ordos in 1835.

Since Ishbaldan had the title of pandit, it is assumed that he was a wise monk who was educated in 5 important fields according to Buddhist traditions and had the right to use the books of the library without restriction. For this reason, it is normal for him to have used Tibetan sources as well as Mongolian in writing his work.

Due to the studies on 'Erdeniin Erikh', the texts that Ishbaldan used most while writing his work are 'Bagsamzhonsan' written by Sumba hamba Ishbalzhir from the Khökh-Nuur region and 'Shelzhimelon' written by Tugan Gegeen Luvsanchoizhinyam.

Ishbaldan's book, Erdene Erikh, has been studied by Mongolian and foreign scholars. One of the most important of these studies was published by the Russian scientist L. S. Puchkovsky in his book 'Mongol'skiye rukopisi i ksilografy instituta Vostokovedeniya' [65, pp. 58–60], which gives information about the full name, author, and year of writing of 'Erdeniin Erikh'. Among the Mongolian researchers, Kh. Perlee [26] carried out studies. Apart from these, another study on 'Erdene Erikh' is the work of the famous Mongolian scholar W. Heissig. W. Heissig, who noticed that there were two copies of 'Erdene Erikh' in the Royal Library in Copenhagen, the capital of Denmark, selected a legible copy coded Mong. 420 and published the color photographs of this copy together with a preface in 1961 [66].

According to recent studies, the original language of the work Erdeniin Erikh, written by Ishbaldan, is not Mongolian but Tibetan. The work was even translated from Tibetan into Chinese. It is not known who translated it into Mongolian [67, pp. 123–124].

The work titled 'Erdeniin Erikh' has two basic chapters. The first chapter comments on the origins of Mongol Khans. This chapter covers a brief history of the Mongol Khans as the continuation of the Khans of India and Tibet, and the period beginning with Chinggis Khaan up until Dayan Khaan, and the lines of Chinggis Khaan's siblings ruling Inner Mongolia. According to the information the work examines, Timur and his predecessors are named 'great khans', and Timur's son and his successors are named 'junior khans'. Further information is provided for the states

and lands governed by Jochi and Tsagaadai, and principalities of Ööld, Zhungar, Torgud, Ordos, Otog, Khangin and Üüshin, about Galdan Boshgot's takeover of Khalkha, and Manchu army defeating the troops of Galdan Boshgot.

The second chapter of the work is titled 'Spread of Buddhism in Mongolia, Translation of Sutras from Chinese and Tibetan Languages.' It deals with subjects such as how a portrait of Buddha found within the Mongolian army in 140 B.C. is proof of Buddhism having been introduced to Mongolia before China; Mongol Khans invited Tibetan clerics to Mongolia; the strengthening of Buddhism following the invitation of the III. Dalai Lama by Altan Khaan after the weakening of traditional belief in Mongolia; the influence of IV. Dalai Lama Yondonzhamts, who was of Mongolian descent, in this development; the greatest sutras of Buddhism Ganzhuur and Danzhuur were translated into Mongolian; Buddhist monasteries such as Erdene Zuu were built; and the chaos and uprisings in Khalkha and Ööld.

Ishbaldan probably wrote this work during the Qing period to pass on the historical events of his time to future generations, to preserve their culture, and to strengthen their national identity.

20. Galdan – Erdeniin Erikh (Jewel rosary)

Galdan's work 'Erdeniin Erikh' holds a significant place in 19th-century Mongolian history and literature.

Galdan, from the Tüsheet Van County, Tüsheet Khan Province of Mongolia. According to Russian Mongolist A. M. Pozdneyev, Galdan, born around 1795, was 84 years old when they met in 1879 [68, p. x]. Galdan, proficient in Mongolian, Manchu, and Tibetan languages, occupied administrative and military roles from a young age, emerging as an intellectual figure of the era. While the exact date of his death remains unknown, it is believed to be in 1880 [69, pp. 3, 181]. He penned 'Erdeniin Erikh khemeekh tүүkh boloi' in 1841.

The 'Erdeniin Erikh' by Galdan, consists of two chapters. The first chapter tells the origins of the Khans of India and Tibet and the origin of Buddhism. The second chapter covers the history of Mongolia during the 17th and 18th centuries. This work is a precious source offering a large amount of information concerning the history of Khalkha Mongols in the 17th and 18th centuries.

Even though 'Erdeniin Erikh' has 14 copies, the original has not been found. Although the original manuscript of 'Erdeniin Erikh' by Galdan is yet to be identified, several copies have endured. Notably, 5 copies reside in the National Library of Mongolia, one in the Library of the National University of Mongolia (NUM), two in the Library of Oriental Department of St. Petersburg State University, four in the Library of St. Petersburg Institute of Oriental Studies under the Russian Academy of Sciences (RAS), and two in the Library Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

There are five copies of the manuscript 'Erdeni-yin erike kemekü' in the National Library of Mongolia.

The first copy, 'Erdeni-yin erike kemekü teüke bolai', is the most comprehensive, with 472 pages. It is believed to be an expanded and corrected version by Galdan, not the original text. This copy is stored at number 52/96 in the library and was published by Ts. Nasanbalzhir.

The second copy, 'Ögüdei-yin erdeni-yin erike kemekü teüke bolyan biçigsen debter orusibai', is also in the same library at number 50/96, published by Ts. Nasanbalzhir in 1960.

The third copy, ‘Erdeni-yin erike kemekü degedü debter’, with a red cover, has 244 pages and is stored at number 1123/96 in the same library. There is another text, ‘Erdeni-yin erike kemekü dooradu debter’, 231 pages long, continuing this work, kept at number 1124/96 with a red cover.

The fourth copy, ‘Erdeni-erike kemekü teüke namtar ene bui’, has 217 pages and is kept at number 132/96.

The fifth and final copy, ‘Erdeni-yin erike kemekü teüke nige debter’, consists of 182 pages and is stored at number 88/96 in the library.

To mention the copies found in the Russian Federation; Library of Oriental Department of St. Petersburg State University under the numbers C-19 and C-37. These two manuscript copies of Galdan’s ‘Erdeniin Erikh’ were used by A.M. Pozdneyev and published in Russia in 1883.

The Library of St. Petersburg Institute of Oriental Studies is affiliated with the Russian Academy of Sciences ‘Collection of A. M. Pozdneyev’s Compositions № 348’ under the title ‘Erdeni-yin erike kemegsen teüke’ in F-316. Another is preserved in the ‘Collection of Mongolika nova Compositions № 97’ at number G-246.

In addition to the 2 copies in the same institute, as mentioned above, 2 more copies are kept in the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences [70, pp. 4–10].

Russian Mongolist A. M. Pozdneyev was the first to work on Galdan’s ‘Erdeniin erikh’ and introduced this work to the scientific world. Pozdneyev, working on Galdan’s historical manuscript ‘Erdeniin Erikh khemeekh tүүkh boloi’, translated the part about the history of the Khalkha Mongols for 100 years between 1636 and 1736 into Russian, added an introduction and explanations, and published the text with transcription in 1883.

A Russian researcher of Buryat origin, P. Baldanzhapov, conducted a comparative analysis of six different copies of ‘Erdeniin Erikh’ in the Russian Federation. He divided these copies into three groups: ‘first copy,’ ‘comprehensive copy,’ and ‘summarized copy.’ Baldanzhapov stated that Galdan’s ‘Erdeniin Erikh’ is of great importance in terms of Mongolian history, as it is a more comprehensive and extensive book compared to other source works of the period, such as ‘Bolor Toli,’ ‘Bolor Erikh,’ and ‘Suvd Erikh.’

In general, the most valuable work on Galdan’s ‘Erdeniin erikh’ is Ts. Nasanbalzhir’s work. 77 years after Pozdneyev, Nasanbalzhir published a comprehensive complete edition of the work on the 120th anniversary of its writing. In his work, Nasanbalzhir wrote that Galdan Tuslagch’s ‘Erdeniin Erikh’ will be a valuable and rich source of information for the study of the history of the Khalkha Mongols in the 17th–18th centuries.

The American researcher J. Fletcher [71, pp. 229–233] conducted his studies on Galdan’s ‘Erdeniin Erikh.’ In addition, in 1960, Ts. Ardaazhav published the text of ‘Erdeniin Erikh’ in Inner Mongolia in 1999 [72], with explanations and notes.

21–22. Zhambadorzh – Bolor Toli (Crystal mirror) [73]

At the beginning of the 20th century, Russian Mongolists introduced ‘Bolor Toli,’ one of the important sources of Mongolian history, to the world.

Zhambadorzh, the chief lama of Tuilyg Khamgaalagch Monastery in Urad County, Inner Mongolia, said about the work that ‘It is written for anyone who reads it to immediately understand as if looking at a crystal mirror’.

The original version of ‘Bolor Toli’ is still not found. There are six copies of the work of which three are in the National Library of Mongolia, and three in the Library of Inner Mongolian Social Sciences Research Institute.

Liu Xing So compared the three copies at the Library of Inner Mongolian Social Sciences Institute with each other, completed omitted passages and published them in 1984 [74].

At the time many articles about ‘Bolor Toli’ were in circulation.

Prominent German Mongolist W. Heissig translated ‘Bolor Toli’ into German and published it in three books including scientific addenda [75].

Although Russian academician B. I. Koroli made the first and only translation of the work in 1959 [76] and translated it with scientific clarifications, the translated text was published only in 2005, that is, after his death.

Since Lhavaarichen, the ruler of Urad County, commissioned Zhambadorzh to pen Mongolian history, Zhambadorzh seems to be one of the sages of his time. His wisdom is noticeable in his work. The author provided a list of the sources he used.

‘Bolor Toli,’ in addition to Mongolian history, also composed the histories of India, Tibet, and China in detail, and told briefly the historical and geographical background of states in Asia and Europe together. Although the core subject of the work is religious history, important information about the history of states can also be found. The circumstance that the work provides together with the geographical distribution of Mongols, information about the neighboring states, as well as an innovative attempt concerning Mongolian historiography.

According to researchers, ‘Bolor Toli’ is one of the greatest accomplishments in Mongolian history writing.

In the foreword of his work, Zhambadorzh provided information about the formation of the earth, in parts I and II he wrote in detail the spread of Buddhism in India, China, and Tibet, and summarized moreover the biographies of outstanding clerics such as Zonhova and Atisha.

In part III, he penned Mongolian history beginning with Börte Chinoa era, and the 13th-century history of Manchu States. Mainly discussing religious history, Zhambadorzh also referred to political history, as well. The accentuation of the actions of Khasar, Chinggis Khaan’s brother, as much as Chinggis Khaan’s activities it makes one wonder whether he shares the same bloodline with Khasar.

As Sh. Bira also expresses, that Zhambadorzh’s mention of further world countries in his work is something not heard of before, in Mongolian historiography.

It is beyond doubt that this is a result of previous developments in Mongolian historiography and the contribution of earlier historians to this progress.

There are varying opinions among the researchers regarding the date of ‘Bolor Toli’s’ creation.

Kh. Perlee, pointing out to the phrase in the epilogue of ‘Bolor Toli’s’ copy in Dalanzadgad City Library, Ömnögovi Province, ‘... began on the New Year’s Day of the year of the Horse, and completed in the 5th month of the year of the Rooster,’ claims that it should have been authored between 1835 and 1838 [77, p. 82]. Russian scholar L. S. Puchkovski opposes this idea [78, pp. 222–223]. While Dr. Kh. Perlee’s opinion is correct, a mistake was made during the conversion from the former calendar to the new one. The correction of the mistake points to the years 1834–1837.

One of the three copies the scholar Lui Xing So evaluated was created by Gelen Gonchigzondui, who lived in the same monastery where Zhambadorzh used to. He added to the beginning of the phrase in the afterword mentioned above, ‘26th year of Tör Gerelt Khan (1846)’ in red ink [74].

23–25. Vanchinbalyn Inzhannashi – Khökh Sudar (Blue Sutra)

34 years old Inzhannashi, son of Vanchinbal Noyan, deputy administrator in Tümed County of Zost, continued the work ‘Ih Yuan Gürnii Khökh Sudar,’ his father had started. The first 50 chapters of ‘Khökh Sudar’ were completed in 1875. He discontinued writing ‘Khökh Sudar’ for ten years, resumed writing in 1883, and completed a total of 69 chapters until 1886. In 1891, escaping the ‘Xiaduihui’ turmoil, he moved to Xingzou City, but lost the outlines of his book in the following year, fell ill, and passed away on the 25th of February.

‘Khökh Sudar’s’ handwritten copies were being circulated among Mongolians until its publication, consisting of 69 chapters in 1939 and ensuing years. The present copy of the manuscript, according to Zh. Tseveen in 1909, is in 15 books at the St. Petersburg Library.

The copy consisting of 29 chapters in 15 books, titled ‘Ih Yuan Gürnii Tüükh,’ is in the Royal Library, Copenhagen, and is the exact duplicate of the copy published in Kailu.

An incomplete copy comprising 12 books and 18 chapters is kept in the Beijing Public Library, and a microfilm copy in Paris.

The National Library of Mongolia has a copy titled ‘Ih Yuan Gürnii Khökh Sudar’ including 12 books of 271 lines. Inner Mongolian Institute of Social Sciences has 8 copies. These copies are incomplete versions from the years 1930–1940, and some are identical with 1939 Kailu, some with 1928 Pekin and some with 1944 Chuulalt prints. But some reductions and add-ons in the text are clearly visible.

Though the 1957 print is almost the same of the Kailu print, there are many revisions in the 1981 and 1991 issues.

In addition to the existing 69 chapters in 3 books of ‘Khökh Sudar’ prints, there is a different ‘Khökh Sudar’ version, a 30-chapter substitute book of ‘Khökh Sudar’ known as the Tümed manuscript. During his visit to Inner Mongolia in 1942, German Mongolist W. Heissig photographed a 1400-page manuscript, found in the possession of a person called Heshinge. It is not clear what happened to its original. In any case, in 1958, a ‘Khökh Sudar’ substitute comprising 30 chapters in 10 books was found.

The first 60 chapters of ‘Khökh Sudar’ narrate the events in Chinggis Khaan’s era, and the last 9 chapters include the events after the inauguration of Ögöödei Khaan. According to some researchers, ‘Khökh Sudar’ has a total of 120 chapters, but it is hard to find evidence supporting this claim [79, pp. 8–12, 15–16].

Though Inzhannashi mentions that he utilized ten Mongolian historical sources while writing ‘Khökh Sudar,’ one can assume that he has used considerably more. For instance, ‘SHM’ was cited at the end of chapter 59, Iltgel Tüükh in chapter 5, Chinggis Khaany Mörgöliin Sudar in chapter 27, and 2 lines of Sagan Setsen’s poetry were used in the substitute book.

It makes sense that there are many more sources to be scrutinized to understand Inzhannashi’s work ‘Khökh Sudar’ in depth. This we can conclude from the 3rd book of the work titled ‘Tovchit Toli.’

It is evident from the work itself that ‘SHM’ was also used while writing ‘Khökh Sudar.’

In ‘Khökh Sudar,’ Inzhannashi wrote the life of Chinggis Khaan briefly and in the most accurate way. The author’s view and philosophy of life are well observed in ‘Khökh Sudar.’

26. Altan-Ochir – Bogd Chinggis Khaany Baildaany Bichig (Book of Chinggis khaan’s campaigns)

The author of ‘Bogd Chinggis Khaany Baildaany Bichig’ is Altan-Ochir, a 20th-century Inner Mongolian historian. The author was born in 1888, in Zost Province, Inner Mongolia [80, p. 3].

The objective of writing this work is to prevent the imminent collapse of the Mongolian state and to prepare a better future for it. The work was printed in Chuulalt Khaalga (Kalgan) on 25 September 1943. The author translated ‘SHM’ from Chinese into Mongolian, one year before beginning his work. He used his own translation in writing his work.

With this work, the life of Chinggis Khaan was penned for the first time by a Mongol author. The author, in addition to ‘SHM’, researched about 20 national and foreign works, thus examining Chinggis Khaan’s life in detail from his birth to his death, described the wisdom and courage of Chinggis Khaan, emphasizing that Chinggis Khaan rightfully united the world nations to establish a greater state and that he was a great statesman and army commander. According to the author’s interpretation, globalization was the purpose of Chinggis Khaan’s policies and that at the end he had reached his goal. In support of his thesis, the author studied Chinggis Khaan’s battles in detail and concluded that it is inevitable for a state about to collapse to be taken over by a stronger one.

The author also mentions ‘Ikh Zasag’, the army code. In addition to commenting on historical events in the work, the author expresses his opinions about those as well. He also criticizes the works of a few western researchers as ‘incredible’.

The fact that Altan-Ochir wrote the names of persons, locations, and cities in Latin letters, and sometimes in Chinese characters, are in unison with present scientific standards.

‘Bogd Chinggis Khaany Baildaany Bichig’ incorporated events not included in other sources. In ‘Bogd Chinggis Khaany Baildaany Bichig,’ the history of Chinggis Khaan and Mongolia is written in a different aspect. The author critically assessed historical sources, attempted to soundly evaluate historical events, and provided new and interesting evidence.

27–28. Mongol Ulsyn Shastir (Historical past of Mongolia)

‘Mongol Ulsyn Shastir,’ consisting of 11 books, is one of the most important sources of Mongolian history. It was written between 1918 and 1919 by a group of historians after a decree from Bogd Khaan.

To write the ‘Mongol Ulsyn Shastir’, it was necessary to consult several different sources, including records of ‘Noyans, taijis, noble incarnations’ from the four provinces of Khalkha, the two provinces of Dörvöd, Ikh Shav, and other regions. In addition, numerous ancient sutras, particularly the ‘Zarlīgaar togtooson Gadaad Mongol, Khoton aymagiin van güngüüdiin iltgel shastir’ composed during the Manchu Empire, were employed.

The historians were headed by Lama Tserendendev. Only seven books have reached our day and are in the National Library of Mongolia. The books measure 26x25 cm, and the cover is wrapped in yellow fabric outside, and blue fabric inside. Each page has 10 lines, and each line contains 7–8 words, written in black ink. Some of the books have page numbers in red or black ink. The page numbers might have been recent additions.

‘Mongol Ulsyn Shastir’ lists chronologically the biographies of Mongol Khans who lived between 17th and 20th centuries. This work also includes the Mongolian administrative institutions, counties, and several monasteries of that period.

The work ‘Mongol Ulsyn Shastir’ provides invaluable information regarding the organization and number of Mongolian administrations, districts and towns, Buddhist temples, and chronicles in the period in question. ‘Mongol ulsyn shastir’ was first published by academician Kh. Perlee and Sh. Bira initially analyzed the work from a historiographical perspective and provided some evaluations. However, the full text was not published and did not enter the academic circulation. In 1997, the Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences published a small portion of the work in Cyrillic, but today it is no longer possible to access these publications [81, pp. 3–5].

29. L. Dendev – Mongolyn Tovch Tüükh (A Short history of Mongolia) [10]

The work ‘Mongolyn Tovch Tüükh,’ a publication by L. Dendev (1895–1957), a Mongolian politician and scientist, examined especially the history of 20th century Mongolia under Bogd Khaan, and its value increases each day.

The main theme of the work is Mongolia’s independence from China and Manchus, the opinions of contemporary politicians, social conditions, and domestic and foreign policies, all expressed in realistic language by an eyewitness of the era.

During the reformation of the newly established Mongolian state, L. Dendev, despite the shortage of humans and other factors, struggled beyond his capacity, without neglecting his research. He gave his work ‘Mongolyn Tovch Tüükh’ to print in 1934, and published numerous articles and papers emphasizing steps to be taken to examine the social structure of 17th to 19th century Mongolia, and the protection of traditional culture.

Dendev’s work ‘Mongolyn Tovch Tüükh’ covers the years 1911–1921. The author omitted his own opinion regarding the collection of contracts, documents, notes, and letters about how Mongolia could become an autonomous country. Therefore, this work could be considered a compilation of documents. Due to the revolutionary actions of the period in the country, he left out the history of the Mongol Khanates and described the Mongol history within a realistic avenue that could be seen as a turning point in Mongolian historiography at a time when materialistic and dialectic approaches were beginning to be accepted. He wrote his work using earlier historical sources and archive documents of his time, a new development in Mongolian historiography and convenience for researchers.

L. Dendev witnessed historical events between 1911 and 1921, so he was aware of the events’ details and since he made a correct choice of style when writing about history, ‘Mongolyn Tovch Tüükh’ stands out as an extremely important study. L. Dendev lived during the years of socialism and was an employee of the socialist state. He knew the difference between history and story, compared to historians before him, and used this capability to describe historical events realistically.

Other scholars’ commentaries about his work vary in content; however, the work itself is seen as a basic source of the first half of 20th-century research.

It is seemingly a very successful work, because 1) a large amount of archive material was browsed and used; 2) the author was an eyewitness of the events in 1911–1921; 3) the events were commented upon by a Mongolian; and, 4) realistic comments were made involving important persons who participated in the events [82, pp. 11, 13–16].

Although the work was completed in a very short time, it offers a lot of information, contains short commentary about a few incidents, and the description of

events is authentic. Furthermore, during the preparation, the information in the work was compared with foreign sources and is the first book published in Mongolia that includes pictures.

30. A. Amar – Mongolyn Tovch Tüükh (A Short history of Mongolia)

Prof. A. Ochir transcribed ‘Mongolyn Tovch Tüükh’ from Mongolian script into Cyrillic, published in 1934 by A. Amar [83], a 20th-century Mongolian politician and scientist, and published it in 1989 making it known to the public.

In the foreword written for the 2nd edition of the work, A. Ochir explained 138 words facilitating comprehension for the reader. Following a second publication in 1989, the need for a third one was met with the consent of Prof. A. Ochir.

A. Amar included the translations of Bilge Khaan, Köl Tigin, and Tonyukuk inscriptions, known as Orkhon Inscriptions from the Turkic Khanate. The identity of the translator is unknown; however, the translations have been replaced by newer ones lately.

A. Amar has, other than his presentations, about 10 published scientific articles and books, among which the best known is ‘Mongolyn Tovch Tüükh’. In 1933, for the celebrations of the Independence Day of the People’s Republic of Mongolia, and the 13th anniversary of the revolution, the compilation of Mongolian history yet again and its publication in five books was authorized by decree. So, it was proposed that the first two books covering the 13th century, and the 14th to 20th centuries be compiled by A. Amar, a book covering Bogd Khaan’s period as a religious and political leader by L. Dendev, two books recounting the revolutionary era by Kh. Choibalsan, D. Losol, and G. Demid. Of those, the book covering the 14th to 20th centuries could not be completed. The others were released for publication in 1934 [84, pp. 12–13, 16].

A. Amar’s purpose, as he mentioned in the foreword to his work, was not to prepare a scientific book, but a popular one for the public eager to learn its history. It is worthwhile to note that this is the first attempt regarding the study and systematization of a millennium of Mongolian history succeeding 13th-century. Still, A. Amar, not only studied domestic and foreign sources in his field, and classified the obtained information, but also pointed out the problems in the early history of Mongols. For instance, he criticized the information in former Nanhiad sources about Mongolians originating from the Chinese and suggested that Mongols have the same roots as the Köktürks and are an independent nation. Nanhiad sutras name the ancestors of Mongols as ‘Hu’. The ‘Hu’ are Huns, the ancestors of Mongols. A. Amar’s opinions are widely accepted through later research.

The author criticizes the consecration of Börte Chinoa and Goo Maral by some scholars. He emphasized that even though historical figures, they were not ancestors of the Mongol nation, but only forefathers of Mongol Khans.

In his work, topics such as the Mongolian state structure, foreign relations, administrative structure of the Great Mongol State, military structure, battle tactics, and traditions are dealt with in detail.

A. Amar, based on his former studies, divides the spread of Buddhism in Mongolia into 3 periods. Moreover, he argues that the Mongolian state administration did not deal with religion in conquered areas, thus gaining the sympathy of the respective population. This argument has been supported by other scholars and secured its place in Mongolian historiography.

Realizing that ancestral legends and tales are relevant to historical events, A. Amar studied the geographic distribution and lifestyles of Mongolians. According to Rashīd al-Dīn Faḍlullāh’s work ‘Jāmi’ al-Tawārīkh’, written at the beginning of the 14th

century in the Palace of Mongol Khans residing in Iran, the ancestors of Mongols once settled in Ergenekon, lived there for a long time, finally faced the problem of overpopulation and found themselves a way through the mountain, and moved to new lands.

The author, writing his book ‘Mongolyn Tovch Tüükh,’ utilized well the earlier sutras and sources together with inscriptions found in Mongolia. He used the B. Renchin translation of Orkhon Inscriptions from Russian into Mongolian. This translation is still in use. A. Amar’s work differs from classical historiography which narrates the lives of religious and political rulers usually within the framework of Buddhism and its spread in Mongolia. It constitutes a new development in the writing of history. He highlighted the rise of Mongols, offering Mongols suppressed under the Manchu regime to regain their national pride, and so he actively participated in the reconstructive actions after the revolution. The author’s emphasis on Chinggis Khaan’s contribution to history was in harmony with this.

A. Amar’s work, which was completed 90 years ago, is still valuable in the field of scientific research and practice as a bridge between the transitions from classical to modern historiography and shows the progress made in the field of Mongolian historiography.

Conclusion

Although the introduction of the script as late as the 13th century negatively impacted the development of Mongolian historiography, numerous historical works were penned in Mongolian. As a result, Mongolian history was conserved and transferred by those who created it in their native language.

An important problem we frequently face in Mongolian historiography is the insertion of oral tradition into the written history of creation, especially in connection with Chinggis Khaan’s ancestors. In the ‘SHM’, we observe the reflection of Tengri belief in abundance.

In the 15th and 16th centuries, Mongolian socio-cultural life underwent significant changes due to the spread of Tibetan Lamaism. This led to a shift in historiography, influenced by Lamaistic philosophy. During this time, traditional tales of the steppes and nomadic lifestyle were replaced by Buddhist legends and historical fables. Therefore, the ‘SHM’ should be seen as a reflection of a common Turco-Mongolian tradition and a product of the historiography of the steppes.

It is a fact that studies of Mongolian history and culture do not utilize Mongolian sources adequately. The most important problem we face in this aspect is the lack of knowledge of which historical material is linked to which historical event in Mongolian history, and the command of the Mongolian language. After all, related sources are written in this language. It is also of paramount importance that a bibliographical classification concerning Mongolian history be created. Furthermore, representatives of the nomadic civilization of the Mongols, even today, cannot be fully understood through a European-centered orientalist methodology. Especially studying Mongol medieval history, and composing a comparative analysis of sources, it should be kept in mind that in historical works dealing with belief systems and cultural data, legends also play a great role in clarification of historical events.

REFERENCES

1. Ögel B. Sino-Turcica: Çingiz Han'ın Türk Müşavirleri, IQ Kültür Sanat Yay., İstanbul, 2002. (In Turkish)
2. Bartol'd V.V. Sochineniya, Vol. I. Turkestan v epohu mongol'skogo nashestviya, Moscow: Oriental Literature, 1963. (In Russian)
3. Schmidt J. 'Bericht über eine Inschrift der ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft', *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, VI, 2, 1834, pp. 243–256. (In German)
4. Spasskiy G. 'Drevnosti Sibiri'. *Sibirskiy vestnik*, Ch. 4, 1819, pp. 108–121. (In Russian)
5. Khödöogiin Perlee. 'Chinggiisin Chuluuny Bichees', *Studia Mongolica*, Vol. 3, no. 13–15, Ulaanbaatar, 1962. (In Mongolian)
6. Kalan E. 'Moğollar'da Yazılı Geleneğin Kökenleri ve 'Cengiz Taşı'', *Türkbilig*, 2018/35, pp. 1–16. (In Turkish)
7. Mongolyn nuuts товчоо, Khuuchin mongol bichgees buulg. khevl. Ts. Damdinsüren, Ulaanbaatar, 1957. (In Mongolian)
8. Die Geheime Geschichte der Mongolen by Erich Haenisch, Aus einer mongolischen Niederschrift des Jahres 1240 von der Insel Kode'e im Keluren-Fluß, Otto Harrassowitz, Leipzig, 1941. (In German)
9. Sokrovennoye skazaniye – Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniyem Mongrol-un niruča tobčiyān-Yuan chao bi shi: Mongol'skiy obydenii izbornik. Vved., perevod, glossarii by AS. Kozin, Vol. 1–3. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. (In Russian)
10. Histoire secrete des Mongols, Restitution du texte Mongol et traduction francaise des chapitres 1 et 6 by P. Pelliot, Adrien-Maisonneuve. Paris, 1949. (In French)
11. Moğolların Gizli Tarihçesi Çev. Mehmet Levent Kaya, Ed. Ekrem Kalan, Kabalcı Yayınevi. İstanbul, 2011. (In Turkish)
12. Shagdariin Natsagdorzh. *Tsagaan tüükhiin tukhai*, Shinzhlekх Ukhaany Akademiin khevl. Ulaanbaatar, 1956. (In Mongolian)
13. Heissig W. *Die Familien-und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen*, Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. Teil I: 16.–18. Jahrhundert in Asiatische Forschungen 5, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1959. (In German)
14. Sagaster K. *Die Weisse Geschichte (Çayan teüke)*, Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen: Religionen und Staat in Tibet und der Mongolei, Asiatische Forschungen 41, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1976. (In German)
15. Zhalan-aazhav S. *Arvan Buyant Nomyn Tsagaan Tüükh*. Ulaanbaatar, 1998. (In Mongolian)
16. 'Belaya istoriya' – Mongol'skiy istoriko-pravovoy pamyatnik XIII–XVI vv. Per. i red. teksta P.B. Baldanzhapovom, Ts. P. Vanchikovoy. Ulan-Ude: The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. (In Russian)
17. *Chinggis Khaany Altan Tovch Nertiin Tsadig*, Ed. S. Dashdezhid, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)
18. *The Golden Summary of Činggis Qayan – Činggis Qayan-u Altan Tobči* by Leland Liu Rogers, Translation and transcription with a brief introduction, Tunguso Sibirica 27, Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2009.
19. Kheshigtogtokh. 'Chinggis Khaany Altan Tovch Nertiin Tsedigiin Zohiogdson Tsag Uyiin Tuhai', *Mongolyn ertniy utga zokhiolyn shine sudlal*, pp. 199–208. (In Mongolian)
20. Chakravardi. *Altan Khaany Tuuj*, Ed. D. Zayabaatar, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)
21. 'Erdeni Tunumal Neretü Šastir Orosibai'. Kinazhu tayilburilaysan Zhürüny-a. Ündesnii khevleliin khoroo, 1984. (In Inner Mongolian)

22. O. Darmabazar. *Chakravardi Altan Khaany Tuuzhiin Sudlal*, Övör Mongolyn Khevelelin Khoroo. Huhhot, 2002. (In Inner Mongolian)
23. *Khaadyн Үндсэн Khuraangui Altan Tovch*. Ed. Sh. Choimaa, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)
24. Bawden C.R. *The Mongol Chronicle Altan Tobči: Text, Translation and Critical Notes*, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1955.
25. Shagdariin Bira. *Mongol'skaya istoriografiya (XIII–XVII vv.)*. Red. I. Ya. Zlatkin. Moscow: Nauka, 1978. (In Russian)
26. Khödöogiin Perlee. *Mongolyn Khuv'sgalyn Ömnökh Tüükh Bichlegiin Asuudald*. Ulaanbaatar, 1958. (In Mongolian)
27. *Shara Tudji – Mongol'skaya letopis' XVIII v. Svodnyy tekst, per., vved. i primech.*, N.P. Shastinoi. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. (In Russian)
28. Sazykin A.G. *Katalog mongol'skikh rukopisey i ksilografov Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1988. (In Russian)
29. *Ertnii Mongolyn Kha(a)dyn Үндеснii Ikh Shar Tuuj-Erten-ü Mongyol-un Qad-un Үндүсүн-ü Yeke Sir-a Tuyuji*, Ekh bichgiin sudalgaa khiisen S. Chuluun, Sh. Tserendoo. Ulaanbaatar, 2011. (In Mongolian)
30. Zhamtsarano Ts.Zh. *Mongol'skiye letopisi XVII veka*, Trudy Instituta Vostokovedeniya, XVI. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936. (In Russian)
31. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1934. (In Russian)
32. *Asarayçi Neretü-yin Teüke*. Orosil bičizhü keblekü-dür beledkezhü tayilburi khigsen Kh. Perlee, Monumenta Historica, Vol. 2, Fasc. 4. Ulaanbaatar, 1960. (In Mongolian)
33. Yadamzhavyn Tsevel. *Ulsin Nomyn Sangiin Aziin Angid Baigaa Bichmel Nomyn Bürtgel*, no. 2. Ulaanbaatar, 1937. (In Mongolian)
34. Khödöogiin Perlee. *Ur'd Medegdeegui Gurvan Bichmel*. Ulaanbaatar, 1957. (In Mongolian)
35. Zhamba. *Asragch Nertiin Tüükh*, Ed. Kh. Perlee. Ulaanbaatar, 1960. (In Mongolian)
36. *Das Asarayçi Neretü-yin Teüke des Byamba Erke Daičing Alias Šamba Ĵasay: Eine mongolische Chronik des 17. Jahrhunderts* by Hans-Rainer Kämpfe, Asiatische Forschungen, Band 81, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1983. (In German)
37. *Byamba-yin Asarayçi Neretü-yin Teüke: Ekhbichgiin sudalgaa*, Galiglazh ugiin khelleg uilden kheveld beltgesen Ts. Shagdarsüren, Lee Seong-Gyu, Monumenta Mongolica. Ulaanbaatar, 2002. (In Mongolian)
38. Gombozhav. *Gangyn Ursgal*, Ed. B.Bayartuya, Ts. Batdorj, B.Pürevdelger. Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)
39. Gombozhav. *Ganga-yin Uruskhal (Istoriya Zolotogo Roda vladyki Chingisa: Sochineniye pod nazvanyem 'Teheniye Ganga')*. Izd. teksta, vvedeniye i ukazatel' L.S. Puchkovskogo. Moscow: Oriental Literature, 1960. (In Russian)
40. Heissig W. *Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache*, Göttinger Asiat. Forschungen, Bd. 2. Otto-Harrassowitz-Wiesbaden, 1954. (In German)
41. Roerich G.M. 'The Author of the Hor-chos-hbyun', *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1946, Vol. 78, Iss. 3–4, pp. 192–196.
42. Lomi. *Mongol Borzhigid Ovgiin Tüükh*, Ed. M. Bayarsaikhan, R. Tördalai, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)
43. *Mongyol Borzhigid Oboy-un Teüke*. Göttinger Asiatische Forschungen, Band 9, Herausgegeben und mit Einleitungen versehen von W. Heissig und C.R. Bawden, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1957. (In German)

44. Lomi. *Mongyol-un Borzhigid Obuy-un Teüke*. Edited by Nayusayinküü and Artazhab, Öbör Mongyol-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a. 2000. (In Inner Mongolian)

45. Luvsandanzan. *Ertnii Khaadyn Ündeslesen Tör Yosny Zokhiolyg Tovchlon Khuraasan Altan Tovch Khemeeh Orshvoy*. Ed. Sh. Bira. Ulaanbaatar, 1990. (In Mongolian)

46. Lubsan Danzan. *Altan Tobçi (Zolotoye skazaniye)*. Trans. from mongol., introduction, commentaries and appendices by N.P. Shastina. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian)

47. *Erten-ü qad-un ündüsülegsen törü yosun-u jökiyal tobçilan quriyaysan Altan Tobçi kemekü oroşibai*. Ulaanbaatar, 1937. (In Mongolian)

48. *Altan Tovch*. Khevleld beltgesen Ts. Shagdar. Ulaanbaatar, 1957. (In Mongolian)

49. Luvsangdambizhalsan zhokiyaba, *Altan Tobçi*, Čimeddorzhii Möngebuyan ħaliylazhu, Gerel kitadčilaba, Öbür Mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. Huhhot, 1998. (In Inner Mongolian)

50. Luvsandambiizhantsan, *Ikh Mongol Ulsyn Altan Tovch Khemeekh Tüükh*, Ed. D. Bürnee, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

51. *Altan Tobçi – Mongol'skaya letopis' XVIII v.* Trans. from mongol., introduction, commentaries by P.B. Baldanzhapov. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo, 1970. (In Russian)

52. *Bolor Erike: Mongolian Chronicle*, by Rashipungsuy, Part I–V, Harvard-Yenching Institute Scripta Mongolica III, with a Critical Introduction by A. Mostaert, Foreword by F.W. Cleaves. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 1959.

53. *Bolor Erike-Eine Kette Aus Bergkristallen Eine Mongolische Chronik Der Kienlung-Zeit Von Rasipungsug (1774–75)*, Von W. Heissig, Literaturhistorisch Untersuch., M. S. Monograph X. Fu-Jen University. Peiping, 1946. (In German)

54. Rashpuntsag. *Bolor Erikh*. Ed. M. Bayarsaikhan, Ch. Nergüi D. Büdsüren. Tomus I-II, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

55. Darma. *Altan Khürden Myangan Khigeest*, Choizhi tulgan keblekü-dür beledkezhü tayilburi khigsen, Öbür Mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. Huhhot, 1987. (In Inner Mongolian)

56. Darma Güüsh, *Altan Khürden Myangan Khigeest*, Ed. T. Zhamiyansüren, L. Haliun, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

57. *Altan Kürdün Mingyan Gegesütü Bičig- Eine Mongolische Chronik von Siregetü Guosi Dharma (1739)*, Monumenta Linguarum Asiý Maioris, Seria Nova I, Herausgegeben und mit Einleitung und Namensverzeichnis versehen von W. Heissig. Kopenhagen, 1958. (In German)

58. Khödöogiin Perlee. *Mongolyn Khuv'sgalyn Ömnökh Tüükh Bichlegiin Asuudald*, 'Khödöogiin Perleegiin Büteelüüdees' Tsuvral, Khoyr dakh' udaagiin khevlel. Ulaanbaatar, 2003. (In Mongolian)

59. *Chinggis Khaany Üy Uliralyg Temdeglesen Khaadyn Ündesnii Shastir – Khökh Tüükh*, Ed. O. Demchigmaa, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

60. Nata. *Altan Erikh*. Choizhi tulgan keblekü-dür beledkezhü tayilburi khigsen, Öbür Mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. Huhhot, 1989. (In Inner Mongolian)

61. Shagdarzhavyn Natsagdorzh. *Manzhiin Erkhsheeld Uyiin Khalkhyn Khurrangui Tüükh (1691–1911)*, Sükhbaatar hevleliin kombinat. Ulaanbaatar, 1963. (In Mongolian)

62. Shagdaryn Bira Ts. Ishdorzh, *BNMAU-yn Tüükh, Soyol, Tüükh Bichlegiin Asuudald*, Shinzhlekh Ukhaany Akademiin Khevlekh Uildver. Ulaanbaatar, 1977. (In Mongolian)

63. Gonchigzhav. *Dai Yuan Ulsyn Suut Bogd Chinggisiiin Suvd Erikh Khemeen Shastir Orshvoi*, Ed. S. Amarbayar, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

64. Gonchugzhav. *Subud Erike Kemekü Bičig (Book called pearl rosary)*, In Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen, II. 1: Vier Chroniken des 19. Jahrhunderts (The family and church historical writings of the Mongols, 2.1: Four

chronicles of the nineteenth century), edited by W. Heissig, 1–70. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. (In German)

65. Puchkovsky L.S. *Mongol'skiye, Buryat-mongol'kiye i oyratskiye rukopisi i ksilografiy instituta Vostokovedeniya*, I. Istoriya, pravo. Otv. red. B.I. Pankratov, D.I. Tikhinov. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. (In Russian)

66. *Erdeni-yin erike: mongolische Chronik der lamaistischen Klosterbauten der Mongolei von Isibaldan (1835)*, in Faksimile mit Einleitung und Namensverzeichnis hrsg. von W. Heissig, Monumenta linguarum Asiae maioris, Series Nova, Bd. 2, Munksgaard. Copenhagen, 1961. (In German)

67. D. Būrnee. ‘Erdeniin Erikh’ Khemeekh Mongol Survalzhiin Tukhai’, *Erdem shinzhilgeenii bichig*, Vol. 33 (359), 2011, pp. 122–127. (In Mongolian)

68. Pozdnevayev A. *Mongol'skaya letopis' 'Erdeniin Erikhe'*. Pod. tekst s per. i poynas., zaklyuch. v sebe mat. dlya istorii Khalkhi s 1636–1736 g., St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1883. (In Russian)

69. Galdan. *Erdeniin Erikh Khemeekh Tüükh Boloj*, Khev. belt. Ts. Nasanbalzhir, Monumenta Historica, Vol. 3. Ulaanbaatar, 1960. (In Mongolian)

70. Galdan. *Erdeniin Erikh*, Ed. Zh. Gerelbadrakh, D. Büdsüren, P. Byambakhrol, Soyombo Print. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

71. J.F. Fletcher. ‘A Source of the Erdeni-yin Erike’, *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 24 (1962–1963), pp. 229–233.

72. Galdan, *Erdeniin Erikh*. Ardaazhav keblekü-dür beledkezhü tayilburi khigsen, Öbür Mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. Huhhot, 1999. (In Inner Mongolian)

73. Zhambadorzh. ‘*Khrystal'noye zertsalo*’. Per. i kommen. B.I. Korolya i A.D. Tsendinoy, *Istoriya v trudah uchenykh lam*, Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK, Moskva, 2005. (In Russian)

74. Liu Jin So, *Bolor Toli*. Zhimbadorzhi zhokiyaba Mongyol biçig-ün çubural. Begejing, 1984. (In Inner Mongolian)

75. Heissig, Walther. *Bolor Toli 'Spiegel aus Bergkristall'* von Jimbadorji (1834–1837). Buch III: Geschichte der Mongolen. Kopenhagen: Ejnar Munksgaard, 1962. (In German)

76. Korol' B.I. *Mongol'skaya letopis' 'Bolor Toli'*, Mongol'skiy sbornik ekon., ist., arkheol., *Ucheniye zapiski Istituta Vostokovedeniya*, Vol. 24. Moscow, 1959. (In Russian)

77. Khödöogiin Perlee. ‘Kolofon Yuzhnogobiiskogo Spiska ‘Bolor Toli’’, *Mongol'skiy sbornik Ekonomika, istoriya, arkheologiya*. Moscow, 1959, pp. 182–187. (In Russian)

78. Pučkovskij L. S. ‘The Date of the Composition of the Bolor Toli’, *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. 16, no. 2., 1963, pp. 217–223.

79. Vanchinbalyn Inzhannashi. *Khökh Sudar*, Ed. Sh. Choimaa, M. Bayarsaikhan, Boti I-III, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

80. Altan-Ochir. *Bogd Chinggis Khaany Baildaany Bichig*, Ed. A. Puntsag, D. Büdsüren, P. Byambahorol, Soyombo Printing. Ulaanbaatar, 2006. (In Mongolian)

81. *Mongol Ulsyn Shastir*. Mongol bichgees khövrüülzh, tailbar khiisen Z. Lonzhid, A. Ochir, Ts. Törbat, Sh. Choimaa, Tergüün devter, Soyombo Press khevleliin gazar. Ulaanbaatar, 2014. (In Mongolian)

82. Lkhamsürengiin Dendev. *Mongolyn Tovch Tüükh*, Mongolyn ekh tüükh VI Bot', Erkhlen khevelüülen Z. Lonzhid, O. Batsaikhan. Ulaanbaatar, 2015. (In Mongolian)

83. Anandyn Amar. *Mongolyn Tovch Tüükh*. Ulaanbaatar, 1934. (In Mongolian)

84. Anandyn Amar. *Mongolyn Tovch Tüükh*, Mongolyn ekh tüükh I Bot', Erkhlen khevelüülen Z. Lonzhid, O. Batsaikhan. Ulaanbaatar, 2015. (In Mongolian)

КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ОБЗОР МОНГОЛЬСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Экрем Калан

Университет Акдениз

Анталья, Турция

ekremkalan@gmail.com

Резюме. После объединения под властью Чингиз-хана в 1206 году началась эпоха, в течение которой монголы сыграли важную роль в мировой истории. Несмотря на существование негативного восприятия Великой Монгольской империи в источниках, её влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь Евразии продолжалось веками. Хотя монголы создали свою письменность лишь в 1204 году, их устная традиция за короткое время была зафиксирована в письменной форме, чтобы историческое наследие могло быть передано следующим поколениям. Традиция монгольской историографии, начавшаяся с создания стелы, известной как Стела Чингиз-хана, развивалась иначе по сравнению с другими современными азиатскими нациями и сохранила это отличие до сегодняшнего дня. Наряду с предоставлением ценной информации об истории монголов и других народов, с которыми они взаимодействовали, исторические источники, написанные на монгольском языке, такие как «Тайная история монголов» и «Алтан Тобчи», также являются важными вехами в монгольской историографии. Особенно с появлением таких работ, как «Алтан Тобчи» и «Эрденийн Тобчи», написанных в период, когда буддизм стал широко распространен среди монголов, влияние буддийской историографии на монголов стало очевидным. В результате были добавлены теологические мотивы, придававшие легитимность действиям монгольских ханов, особенно Чингиз-хана.

Ключевые слова: монголы, монгольские источники, Внутренняя Азия, историография, ламаизм

Для цитирования: Kalan E. Classical Era Mongolian History Writing and A Review of Mongolian Sources // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 248–281. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.248-281> EDN: AINBIU

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Экрем Калан – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории факультета литературы, Университет Акдениз (бульвар Думлупынар, 07058, кампус, Анталья, Турция); ORCID: 0000-0002-7944-299X. E-mail: ekremkalan@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekrem Kalan – Ph.D. (History), Professor, Department of History, Faculty of Letters, Akdeniz University (Dumlupınar Boulevard, Campus, Antalya 07058, Türkiye); ORCID: 0000-0002-7944-299X. E-mail: ekremkalan@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 25.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2024

Принята к публикации / Accepted 31.05.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.282-291>
EDN: IUNEXE

УДК 902.01

**ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ БИТВЫ 1223 ГОДА
МОНГОЛОВ С ВОЛЖСКИМИ БУЛГАРАМИ*****В.В. Ставицкий***

*Пензенский государственный университет
Пенза, Российская Федерация
stawiczky.v@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: уточнение локализации и обстоятельств сражения, состоявшегося в 1223 г. между монголами и волжскими булгарами.

Материалы исследования: анализируются сведения из Полного свода истории Ибн ал-Асира, русских летописей, археологические материалы Золотаревского городища, рассматриваются гипотезы российских историков: А.Х. Халикова, Л.Н. Гумилева, И.Л. Измайлова и др.

Результаты и научная новизна: В 2023–24 году исполняется 800 лет со дня битвы волжских булгар с монголами. Прямая информация о сражении содержится только в сочинении Ибн ал-Асира. Географические координаты битвы отсутствуют, говорится только, что она произошла при приближении монголов к городу Булгар. А.Х. Халиковым было выдвинуто предположение, что сражение состоялось в Заволжье, в районе Самарской Луки. Л.Н. Гумилев полагал, что монголы были разбиты при переправе через Волгу, но данная точка зрения не согласуется с данными Ибн ал-Асира. И.Л. Измайлов пришел к выводу, что битва состоялась на Верхней Суре в окрестностях Золотаревского городища, где собрана значительная коллекция элитного монгольского вооружения. Городище находилось на торговом пути из Булгара в Киев. Поэтому, если монголы шли с территории Подонья, то вряд ли могли его миновать. Однако, по сообщениям китайских и древнерусских источников, главная цель монголов заключалась в разгроме половцев. Преследуя их, они должны были пойти на Саксин и только оттуда повернуть на север. В сообщении Ибн ал-Асира фигурирует цифра – 4 тысячи монгольских воинов. Ряд историков считает, что она относится к числу войск, отступивших в Саксин, но более вероятным является предположение, что это число погибших в битве. Следовательно, в сражении был разгромлен только авангардный отряд, преследовавший половцев.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Субедей, монголы, 1223 год, половцы, Саксин, Золотаревское городище

Для цитирования: Ставицкий В.В. Проблема локализации битвы 1223 года монголов с волжскими булгарами // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 282–291. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.282-291> EDN: IUNEXE

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

© Ставицкий В.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE PROBLEM OF LOCATING THE BATTLE OF 1223 BETWEEN THE MONGOLS AND THE VOLGA BULGARS

V.V. Stavitsky

Penza State University
Penza, Russian Federation
stawiczky.v@yandex.ru

Abstract. Research objectives: To clarify the localization and circumstances of the battle that took place in 1223 between the Mongols and the Volga Bulgars.

Research materials: Data from the Complete History of Ibn al-Asir, Russian chronicles, archaeological materials of Zolotarevsky settlement are analyzed, hypotheses of Russian historians are considered: A.Kh. Khalikov, L.N. Gumilev, I.L. Izmailov and others.

Research results and scientific novelty: The 800 years since the battle of Volga Bulgars with Mongols is celebrated this year. Direct information about the battle is contained only in the work of Ibn al-Asir. Geographical coordinates of the battle are absent; it is only recorded that it took place when the Mongols approached the city of Bulgar. A.Kh. Khalikov suggested that the battle took place in the Volga region, near Samarskaya Luka. L.N. Gumilev believed that the Mongols were defeated at the crossing of the Volga, but this point of view does not agree with the data provided by Ibn al-Asir. I.L. Izmailov came to the conclusion that the battle took place on the, Upper Sura in the vicinity of the Zolotarev settlement where a significant collection of elite Mongol armament was gathered. The settlement was on a trade way from Bulgar to Kiev. Therefore, if the Mongols went from the territory of the Don region, they could hardly pass it. However, according to Chinese and Old Russian sources, the main goal of the Mongols was to defeat the Cumans. In pursuit of them they had to go to Saksin and only from there turn to the north. In the message of Ibn al-Asir there is a figure of 4 thousand Mongol warriors. A number of historians believe that it refers only to the number of troops who retreated to Saksin, but more likely is the assumption that this is the number of those who died in the battle. In this connection, only the vanguard detachment pursuing the Polovtsians was defeated in the battle.

Keywords: Volga Bulgaria, Subedei, Mongols, 1223, Polovtsy, Saksin, Zolotarevskoye settlement

For citation: Stavitsky V.V. The problem of locating the battle of 1223 between the Mongols and the Volga Bulgars. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 282–291. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.282-291> (In Russian)

Financial Support: The paper was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20314 “Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages”.

В 2023–24 году исполняется 800 лет со дня битвы волжских болгар с монголами, в которой монгольские войска потерпели первое крупное поражение на территории Восточной Европы. В 1884 году В.Г. Тизенгаузен был опубликован перевод сочинения арабского историка Ибн ал-Асира «Ал-Камиль фи-т-тарих» (Полный свод истории), в котором содержалось описание этого сражения. «Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них [Татар], встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока

они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они [Татары] остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек. Отправились они [оттуда] в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингиз-хану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю. Пресекался было путь [сообщения] с нею с тех пор, как вторглись Татары в нее и не получалось от них [Кипчаков] ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и [всего] другого, что привозилось из этой страны. Когда же они [Татары] покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали привозиться, как было [прежде]» [20, с. 27–28]. Данный источник является единственным письменным свидетельством состоявшегося сражения, поскольку по неизвестным причинам оно не попало на страницы русских летописей. Однако достоверность его практически никем не оспаривается.

В сочинении Ибн ал-Асира отсутствуют сведения о точном месте произошедшего сражения, также нет в нем и сведений о местонахождении битвы русских и половецких войск с монголами, состоявшейся в том же году на реке Калке [20, с. 26–27]. По всей видимости, арабский историк располагал сведениями только о наиболее крупных географических объектах данной территории и если военные действия происходили в стороне от больших рек и городов, то их локализация в сочинении отсутствует. Примерными географическими ориентирами в данном случае служат упоминания о том, что монголы двигались из земли русских в Булгар, а после поражения отступили в Саксин. Исходя из указанных реалий российской истории историки предлагали различные версии, где данная битва могла состояться.

В 1978 г. А.Х. Халиковым было выдвинуто предположение, что битва могла состояться где-то в районе Самарской Луки, куда поздней осенью 1223 г. булгары вышли навстречу монголам и, очевидно, укрепились в заранее выстроенных засадах. Когда монголы приблизились, булгары начали ложное отступление и заманив их в засады напали с тыла. Оставшиеся в живых монголы бежали через земли Саксин и Талган до ставки Чингиз-хана, где рассказали ему о первом и крупном поражении монгольских войск [22, с. 84–85].

По мнению Л.Н. Гумилева, булгары устроили монголам засаду на берегах Волги, когда те уже возвращались на родину. Мусульмане булгары, ненавидевшие монголов как язычников, напали на них из засады во время переправы [5, с. 54]. Однако подобная интерпретация событий по ряду позиций противоречит сообщению Ибн ал-Асира, в котором говорится, что монголы направлялись в Булгар, а не на свою родину. Именно эта причина, а не декларируемая Л.Н. Гумилевым ненависть к язычникам, стала мотивом, побудившим булгар вступить в сражение с монголами. Явным домыслом автора является также информация о том, что сражение состоялось при переправе монголов через Волгу. Описанные в арабском источнике подробности засады, в которую булгары заманили монголов намеренно, а затем окружили, не допускают подобной трактовки событий.

Точка зрения Л.Н. Гумилева была оспорена А.Х. Халиковым, который полагал, что булгары разбили монголов не на переправе, а уже в Заволжье, применив их же тактику. В своей монографии: «Монголы, татары, Золотая орда и Булгария» он реконструирует детали сражения следующим образом. «Булгарское войско, очевидно, было разделено на две армии. Одна поджидала в засаде, а вторая открыто выступила против неприятеля. Видимо, после первого столкновения булгары под видом отступления начали отходить, заманивая тем самым монголов в засаду. Ударами с тыла и флангов кольцо окружения было окончательно замкнуто и начался разгром» [23, с. 24–25].

Интерпретация А.Х. Халикова значительно ближе к тексту Ибн ал-Асира. Неочевидным в ней является, только тезис о том, что монголы переправились на левый берег Волги, поскольку сражение могло состояться и до их переправы. В некоторой степени в пользу мнения А.Х. Халикова свидетельствует предположение о том, что в данном сражении принимали участие южноуральские мадьяры, которые по сообщению монаха Юлиана одержали победу в их первой битве с монголами [18], и, не исключено, что в нем идет речь о сражении 1223 года. Впрочем, сведения Юлиана могут относиться и к участию мадьяр в столкновении у стен г. Саксин, первоначальная осада которого окончилась для монголов неудачей [9, с. 139–140].

Точка зрения о том, что битва 1223 г. состоялось в районе Самарской Луки была поддержана И.Х. Халиуллиным, однако какой-либо дополнительной аргументации им приведено не было [24, с. 122].

Принципиально новая гипотеза по локализации сражения 1223 года была выдвинута И.Л. Измайловым в монографии: «Защитники стены Искандера» [8, с. 160–162], в которой им были привлечены археологические материалы, полученные при исследовании Золотаревского городища и его окрестностей. Данный памятник расположен в верховьях реки Суры на территории современной Пензенской области. Городище исследовалось в 1957, 1959, 1964–1965, 1976–1977 гг. М.Р. Полесских [19, с. 135–160]. В результате проведенных раскопок, на территории, примыкающей к окончанию мыса, образованного двумя глубокими оврагами, было вскрыто около тысячи квадратных метров. Был произведен разрез восточного бокового вала, который судя по стратиграфии, был насыпан в два приема. Нижняя часть вала не содержала находок, и, видимо, была возведена до начала функционирования городища. В верхней части насыпи были найдены: железный топор булгарского типа, дужка замка с пружиной, еще шесть наконечников стрел, один из которых имел ланцетовидную форму и являлся бронебойным. Каких-либо сооружений на гребне вала и по его склонам выявлено не было. В культурном слое памятника были выявлены следы пожарищ, многочисленные наконечники стрел, в разных местах раскопа были зафиксированы костные остатки людей без признаков захоронения, которые М.Р. Полесских интерпретировал в качестве защитников крепости, убитых при её штурме. У останков одного из черепов встречена гранчатая железная булава с отверстием. В итоге исследователь пришел к выводу, что городище принадлежало буртасам и погибло во время монгольского нашествия в начале XIII века, свидетельством чего являются многочисленные останки людей, следы пожарищ и предметы монгольского вооружения [15, с. 73].

В 2003, 2009–2013 гг. исследования городища были продолжены Г.Н. Белорыбкиным [10], кроме того, значительная коллекция материалов в окрестностях городища была собрана «черными копателями». Часть этих материалов была передана в Пензенский краеведческий музей, обработана Г.Н. Белорыбкиным и опубликована в монографии «Золотаревское поселение» [2]. В ходе его исследований было установлено, что вокруг городища располагались крупные селища, на которых, очевидно, было множество жилых и хозяйственных построек. Была выделена коллекция предметов вооружения и конской упряжи, связанная с аскизскими древностями Алтая. В общей сложности было учтено 440 наконечников стрел, 2 целых сабли и 3 фрагмента клинка, 15 сабельных перекрестий, детали шлема, серия панцирных пластин, фрагменты кольчужных полотен, кистень, 2 булавы, 3 пальмы, 7 копий, 44 конских удила, 7 стремян, 2 подковы и другие фрагменты оружия. Основываясь на анализе полученных материалов Г.Н. Белорыбкин пришел к выводу, что городище погибло в 1237 году в результате монголо-татарского нашествия, о

чем свидетельствует слой пожарищ, останки убитых людей, клады и многочисленные наконечники стрел монгольского типа. «На месте битвы остались многочисленные остатки вооружения и доспехов, деталей конского снаряжения и украшений, то есть все то, что не смогли собрать после боя. Но даже эти материалы позволяют предположить, что в сражении участвовали воины разных племен и народов; монголы, булгары, буртасы, половцы, мордва, русские, аскизы. Что касается последних, то они, очевидно, составляли костяк воинов-защитников крепости. Большинство аскизов были всадниками и помимо обороны крепости участвовали в конных сражениях, а в предыдущие времена они обеспечивали охрану крепости и торговых путей» [2, с. 186].

Подобная интерпретация материалов Золотаревского городища была переосмыслена И.Л. Измайловым, который связал их с событиями 1223 года. При выдвигании данной гипотезы исследователь опирался на ранее разработанную им концепцию оборонительной тактики волжских булгар, обычно применявшуюся ими в сражениях с превосходящими силами противника. Согласно данной концепции: «В ходе оборонительных войн булгары использовали наличие сильных крепостей и маневренные удары по коммуникациям противника, заставляя его распылять силы и лишая его стратегической инициативы, одновременно организуя решающий удар по основным силам врага» [7, с. 361]. Аргументируя свою точку зрения И.Л. Измайлов констатирует, что комплекс элитного вооружения, включающий в себя: сабли с манжетами в верхней трети клинка, универсальное колюще-рубящее оружие – пальмы, обрывки наборов конского снаряжения и поясные накладки со следами позолоты, центральноазиатского и даже дальневосточного происхождения, мог сложиться и попасть в Восточную Европу только вместе с войском Субедея. По мнению И.Л. Измайлова, попытка Г.Н. Белорыбкина объяснить наличие этих находок неким проживавшим здесь отрядом из средневековой Кыргызии, основана на недоразумении, неверной датировке и культурно-хронологическом смещении разновременных комплексов [8, с. 160–162]. Однако даже если точка зрения Г.Н. Белорыбкина об аскизской принадлежности данного комплекса ошибочна и его истоки имеют центральноазиатский и дальневосточный характер, появление данного набора вооружения на Верхней Суре не лимитировано 1223 годом. Эти вещи вполне могли быть привнесены сюда и в 1237 году отрядами Батыя, поскольку археологическими методами разница в 14 лет не может быть установлена [1, с. 76].

В целом монгольско-булгарское столкновение 1223 года реконструируется И.Л. Измайловым следующим образом. После нескольких месяцев отдыха монгольские войска с территории Подонья двинулись на булгар, которые учли ошибки кыпчаков и русских и не собирались вступать в открытое столкновение, но и не собирались уступать завоевателям стратегическую инициативу, пропуская их в глубь страны. В течение лета 1223 г. они возвели дополнительные укрепления на Золотаревском городище и оборудовали места засад. Когда монголы втянулись в осаду городища, их окружило объединенное булгарское войско и начало изматывать в небольших схватках. В последовавшем затем сражении (или, возможно, прорыве части войск Субедея) монголы потерпели поражение и, судя по находкам из окрестностей Золотаревки, понесли здесь серьезные потери. Оттуда они стали отступать на юг, в Нижнее Поволжье и, наконец, вернулись домой через город Саксин [8, с. 162].

Точка зрения о локализации битвы 1223 г. у стен Золотаревского городища была поддержана Я.В. Пилипчуком, который, вопреки сложившейся историо-

графической традиции, ассоциировал данный памятник с городом Буртас [13, с. 57–85].

Предложенный И.Л. Измайловым вариант развития событий имеет как сильные, так и слабые стороны. Если принять точку зрения о том, что монголы целенаправленно двигались с территории Подонья на г. Булгар, то возможность их столкновения с булгарами в районе Золотаревского городища достаточно вероятна. Поскольку в то время существовал торговый путь из Киева в Булгар, одним из опорных пунктов которого, по мнению Г.Н. Белорыбкина, служило Золотаревское городище [3, с. 93]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что монголы выбрали бы движение именно по этому маршруту, а волжские булгары постарались бы обезопасить это наиболее вероятное направление удара.

Однако в письменных источниках отсутствует информация об исходной точке движения монголов на г. Булгар. К тому же существуют определенные сомнения, что монголы на данном этапе ставили перед собой задачу похода на волжских булгар, поскольку вряд ли располагали для этого необходимыми ресурсами после битвы на р. Калке, которую китайские источники охарактеризовали как «кровопролитнейшую» [6, с. 241]. В противном случае они продолжили бы разорение южнорусских земель, значительная часть защитников которых погибла в предыдущей битве. По-видимому, приоритетной целью монгольского войска в это время было преследование половецких орд, объединение которых по-прежнему представляло главную угрозу их господству в волго-донских степях. В «Жизнеописании Субедея» в частности говорится, что «в год гуй-вэй [с 2.02.1223г по 21.01.1224г.] Субедей представил доклад трону и просил [разрешения] покарать кипчаков. [Чингис-хан] дал согласие на это» [6, с. 228]. Данный факт подтверждается и сведениями из древнерусской летописи о переговорах монголов с русскими князьями: «Слыхали мы, что вы идёте против нас, послушавши половцев, а мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сёл ваших; не на вас пришли, но пришли по воле Божией на холопов и конюхов своих половцев. Вы возьмите с нами мир; коли побегут к вам, – гоните от себя и забирайте их имение; мы слышали, что и вам они наделали много зла; мы их и за это бьём» [17, с. 62].

Видимо, после того как, наиболее густонаселенные места зимних кочевий половцев, были разгромлены и разграблены, вместе с прилегающими к ним русскими землями, часть половцев, вероятно, отступила к северным границам степной зоны, где, судя по географии распространения половецких надмогильных изваяний, находились их летние кочевья [14]. Анализ концентрации половецких изваяний позволил С.А. Плетневой прийти к выводу, что основная территория проживания половцев имела сравнительно небольшие размеры около 750 км с запада на восток и 500 км с севера на юг. Северные пределы доходили до границ лесостепной зоны, на юге до Крыма, Приазовья и Предкавказья, на западе границей служил Днепр, на востоке – Волга. В Заволжье каменные статуи половцев встречаются крайне редко. На территории Пензенской области выявлено только одно половецкое изваяние, в Саратовском Предволжье их известно 11 [14, с. 13–18, табл. 1]. То есть наиболее вероятным районом, куда монголы направили свои отряды для завершения разгрома половцев были территории правобережного Поволжья.

Возможно, что именно преследование монголами половцев в местах их южный кочевий, находившихся у границ Волжской Булгарии, было воспринято булгарами в качестве вероятной угрозы и побудило их к ответным действиям. Нельзя также исключать, что сами половцы могли бежать в Волжскую Булгарию в поисках защиты, которую они ранее искали в южнорусских землях. Именно так по сообщению Лаврентьевской летописи половцы и саксины поступили шесть

лет спустя, когда на них в 1229 году снова напали монголы [16, с. 453]. В этом случае половецкие отряды, вероятно, были обязаны принять участие в военной компании булгар. Прямого упоминания этого факта в письменных источниках нет, однако приведенные Ибн ал-Асиром сведения о возвращении половцев в свои земли, сразу после поражения монголов, могут свидетельствовать в пользу этого предположения.

О том, что монголы оказались у границ Волжской Булгарии не на Суре, а в Приволжье может свидетельствовать и их отступление после поражения через город или область Саксин, поскольку наиболее удобной дорогой в подобном случае является та, которая хорошо известна. Вероятно, эта область была захвачена уже после того, как были разорены приднепровские земли. Поскольку после разгрома в 1222 г. на территории Северного Кавказа придонского объединение половцев во главе с ханом Юрием Кончаковичем, монголы не пошли на Волгу, а переправились через Керченский пролив в Крым, где они перезимовали перед походом в Приднепровье [4, с. 24]. Следовательно, область Саксин была захвачена ими позже и именно оттуда они, преследуя половцев, оказались на южных границах Волжской Булгарии.

В пользу локализации сражения где-то севернее района Самарской Луки свидетельствует и сообщение Ибн ал-Асира о том, что решение выступить против монголов было принято только после того, как «жители Булгара услышали о приближении их к ним» [20, с. 27–28]. Судя по контексту, речь в документе идет именно о городе Булгаре, а не о стране. Следовательно, имеется в виду какой-то участок границы, находящийся достаточно близко к этому городу.

Следует также обратить внимание, что в сообщении Ибн ал-Асира о сражении монголов с булгарами фигурирует цифра монгольского отряда в 4 тысячи воинов. Большинство историков относят её к числу монголов, отступивших после поражения в Саксин. Однако еще Р.Г. Фахрутдиновым была отмечена неоднозначность подобной трактовки [21, с.98], поскольку в тексте отсутствует прямое указание к чему именно относится эта цифра. К числу монголов, попавших в засаду или оставшихся в живых? А слова о том, что «уцелели из них только немногие», не особенно вяжутся с указанной численностью в 4 тысячи. Нельзя исключать, что в засаду попал только один из монгольских авангардных отрядов, разгром которого, побудил их к завершению военных действий против булгар. Учитывая, что информация о данном сражении должна была попасть к Ибн ал-Асиру от победившей стороны, то информатором как раз могло быть известно примерное число погибших, а не бежавших с поля боя монголов.

Следует отметить, что подобная разобщенность монгольского войска могла быть обусловлена использованием ими облавной тактики против преследуемых ими половцев, которая достаточно широко применялась в военном искусстве тюрко-монгольских армий [11, с. 49–68]. Возможно, именно поэтому, как следует из сообщения Ибн ал-Асира, засады булгарами были устроены не в одном, а в нескольких местах [20, с. 27–28]. В случае справедливости данного предположения становится ясно, почему информация об этом поражении монголов, имевшего локальный характер, не нашла отражения на страницах других источников.

Таким образом, в настоящее время обе гипотезы локализации битвы 1223 года булгар с монголами сохраняют свою актуальность. Анализ письменного сообщения Ибн ал-Асира в большей степени соответствует предположению, что данное сражение состоялось где-то в Предволжье, на южных границах Волжской Булгарии, однако, каких-либо археологических источников, подтверждающих эту версию до сих пор не выявлено. Впрочем, это не удивительно, археоло-

гическими методами до сих пор не зафиксированы места и других крупных сражений средневековья, причем даже тех, по которым имеются более точные географические координаты. В пользу версии золотарёвской локализации сражения в основном свидетельствует представительный комплекс археологических материалов, который, несомненно, связан с событиями монгольского нашествия. Однако вопреки сложившемуся мнению, он не является уникальным. Не менее представительный комплекс древнерусского и мордовского вооружения был собран на территории Жуковского городища в верхнем течении р. Вад, и происхождение этого комплекса, пока не удается связать ни с одним из конкретных письменных свидетельств о крупных военных столкновениях [12]. К тому же, археологическими методами невозможно установить точное время золотарёвского комплекса вооружения, это мог быть как 1223, так и 1237 год. Судя по следам пожарищ и наличию непогребенных остатков костяков, осада городища завершилась его разгромом, который может быть связан, как с одним из недокументированных письменными источниками эпизодов монгольского похода 1223 г., так и с монгольским нашествием 1237 г. Причем версии связанные с разгромом более вероятны, поскольку столько находок оружия могло быть оставлено на городище только в том случае, если оно было взято, разрушено и заброшено. В случае победы его защитников вооружение было бы собрано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л., Винничек В.А., Губайдуллин А.М., Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., Сафронов П.И., Яньков В.В. Вооружение населения юго-западной Булгарии (X – середина XIII века) // Археология Евразийских степей. 2020. №1. С. 5–306.
2. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.-Пенза: ПГПУ, 2001. 198 с.
3. Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 89–97.
4. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004. 327с.
5. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. 560 с.
6. Золотая орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М.: Наука, 2009. 336 с.
7. Измайлов И.Л. Военное дело // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая Степь. Т. II. Казань, 2006. С. 336–367.
8. Измайлов И.Л. Защитники стены Искандера. Казань, 2008. 206 с.
9. Измайлов И.Л. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 133–160.
10. История Пензенского края: в 3 томах / Г.Н. Белорыбкин, В.И. Первушкин, И. Н. Карев [и др.]. Т. 1. Пенза: «Институт регионального развития Пензенской области», 2022. 448 с.
11. Кушкумбаев А.К. Облавная тактика в военном искусстве тюрко-монгольских армий XIII–XV вв. // Золотоордынская цивилизация. 2009. № 2. С. 49–68.
12. Павлихин А.В. Предметы вооружения II Жуковского городища // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза, 2008. С.138–187.
13. Пилипчук Я.В. Волжская Булгария: первое мусульманское государство в Восточной Европе // Novogardia. 2020. №. 2 (6). С.57–85.
14. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. Свод археологических источников. Вып. Е4–02. М.: «Наука», 1974. 201 с.

15. Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 1977. 88 с.
16. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Ленинград, 1928. 539 с.
17. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. 720 с.
18. Рассказ Римско-католического миссионера Доминиканца Юлиана, о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку, в 1340 году // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 998–1006.
19. Ставицкий В.В. Археологические изыскания М.Р. Полесских. Пенза, 2008. 160 с.
20. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. 564 с.
21. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
22. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая орда и Булгария. Казань: ФЭН, 1994. 164 с.
23. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. 160 с.
24. Халиуллин И.Х. Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 118–135.

REFERENCES

1. Belorybkin G.N., Gusynin V.A., Izmaylov I.L., Vinnichek V.A., Gubaidullin A.M., Ofman G.Y., Ponomarenko E.V., Ponomarenko S.V., Safronov P.I., Yankov V.V. Arming the population of southwestern Bulgaria (10th – middle of the 13th century). *Arkheologiya Evrazijskikh Stepei=Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2020, no. 1, pp. 5–306. (In Russian)
2. Belorybkin G.N. Zolotarevskoye settlement. St. Petersburg-Penza: Penza State University, 2001. 198 p. (In Russian)
3. Belorybkin G.N. The path from Bulgar to Kiev in the Upper Sura region. *Volga Bulgaria and Rus*. Kazan, 1986, pp. 89–97. (In Russian)
4. Bubenok O.B. Don Alans in the Golden Horde (13th–15th centuries). Kyiv, 2004. 327 p. (In Russian)
5. Gumilev L.N. From Rus to Russia. Moscow, 1992. 560 p. (In Russian)
6. The Golden Horde in historical sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian historical sources. Moscow: Nauka, 2009. 336 p. (In Russian)
7. Izmailov I.L. Military affairs. *The history of the Tatars from ancient times in seven volumes. Volga Bulgaria and the Great Steppe*. Vol. 2. Kazan, 2006, pp. 336–367. (In Russian)
8. Izmailov I.L. Defenders of the Iskander Wall. Kazan, 2008. 206 p. (In Russian)
9. Izmailov I.L. Campaigns in Eastern Europe 1223–1240. *History of the Tatars from ancient times in seven volumes*. Vol. 3. Ulus of Jochi (Golden Horde) 13th – mid 15th century. Kazan, 2009, pp. 133–160. (In Russian)
10. History of the Penza region: in 3 volumes. G.N. Belorybkin, V.I. Pervushkin, I.N. Karev. Vol. 1. Penza: Institute of Regional Development of the Penza region, 2022, 448 p. (In Russian)
11. Kushkumbaev A.K. Raid tactics in the military art of the Turkic–Mongolian armies of the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde civilization*. 2009, no. 2, pp. 49–68. (In Russian)

12. Pavlikhin A.V. Items of weaponry of the Zhukovsky settlement II. *Penza archaeological collection*. Iss. 2. Penza, 2008, pp. 138–187. (In Russian)
13. Pilipchuk Ya.V. Volga Bulgaria: the first Muslim state in Eastern Europe. *Novogardia*. 2020, no. 2(6), pp. 57–85. (In Russian)
14. Pletneva S.A. Polovtsian stone sculptures. A set of archaeological sources. Iss. E4-02. Moscow: Nauka, 1974. 201 p. (In Russian)
15. Polesskikh M.R. Ancient population of Upper Posurye and Primokshan. Penza, 1977. 88 p. (In Russian)
16. The complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. The Laurentian Chronicle. Leningrad, 1928. 539 p.
17. The complete collection of Russian Chronicles. Vol. 3. First Novgorod chronicle of the elder and younger dialects. Moscow, 2000. 720 p. (In Russian)
18. The story of the Roman Catholic missionary of the Dominican, Julian, about the journey to the country of the Volga Hungarians, made before 1235 and the letters of Pope Benedict XII to the Uzbek Khan, his wife Taydol and son Janibek, in 1340. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1863, Vol. 5, pp. 998–1006. (In Russian)
19. Stavitsky V.V. Archaeological researches of M. R. Polesskikh. Penza, 2008. 160 p. (In Russian)
20. Tizengauzen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. St. Petersburg, 1884, Vol. 1. 564 p. (In Russian)
21. Fakhruddinov R.G. Articles on the history of Volga Bulgaria. Moscow: Nauka, 1984. 216 p. (In Russian)
22. Khalikov A.Kh. Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria. Kazan: Science, 1994. 164 p. (In Russian)
23. Khalikov A.Kh. The origin of the Tatars of the Volga region and the Urals. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1978. 160 p. (In Russian)
24. Khaliullin I.Kh. Middle Volga and Lower Kama region in the 13th century. *Materials on the history of the Tatar people*. Kazan, 1995, pp. 118–135. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Вячеславович Ставицкий – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет (442052, ул. Красная, 40, Пенза, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5957-3781. E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Stavitsky – Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of General History and Social Studies, Penza State University (40, Krasnaya Str., Penza 442052, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5957-3781. E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 29.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.05.2024

Принята к публикации / Accepted 31.05.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.292-306>
EDN: YNFUFW

УДК 94+930.2

ДЕВЯТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК О ПОХОДЕ И БИТВЕ НА РЕКЕ КАЛКЕ 1223 ГОДА

А.А. Астайкин

*Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
Astaykin.Andrey@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования состоит в анализе географической терминологии в вариантах Повести о битве на реке Калке XIII–XIV вв. (в Новгородской I летописи старшего извода, Ипатьевской летописи, частично – в Лаврентьевской летописи), понимании маршрута следования русско-половецких войск к полю битвы и их последующего отступления, максимально возможной идентификации упомянутых пунктов.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат русские летописи, содержащие Повесть о битве на реке Калке, причём тексты ранних и поздних русских хроник сравниваются между собой и вычленяются поздние наслоения. Локализация отдельных пунктов проверяется данными археологии.

Результаты и новизна исследования. В результате складывается логичная картина похода русско-половецких войск: объединение сил союзников на Зарубе близ Варяжского острова, движение по Днепру мимо порогов к острову Хортице, затем переправа через реку и движение по водоразделу к рекам Каратыш и Кальчик, далее сражение и отступление в противоположном направлении.

Надёжно локализуются города Заруб и Новгород Святополч, Зарубская переправа и брод на Протолчи. Также заслуживают внимания наблюдения о том, что монголы появились близ границ Руси ещё до киевского съезда князей, маршрут преследования русскими монголов от Днепра к Калке должен совпадать с маршрутом бегства с поля боя, а также предположение о планируемой конечной точке похода русских князей и половцев до нижнеднепровского Олешья.

Ключевые слова: Повесть о битве на реке Калке, летописи, монголы, русские князья, половцы, Заруб, Хортица, Калка, Новгород Святополч

Для цитирования: Астайкин А.А. Девять географических заметок о походе и битве на реке Калке 1223 года // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 292–306. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.292-306> EDN: YNFUFW

© Астайкин А.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE NINE GEOGRAPHIC NOTES ABOUT THE CAMPAIGN AND BATTLE ON THE KALKA RIVER IN 1223

A.A. Astaykin

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Astaykin.Andrey@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze of geographical terms in early variants of the Tale of the Battle on the Kalka River (mainly the Novgorod First and Ipatiev Chronicle with the Laurentian Codex partially), and to identify of mentioned points and build a route of Russian-Polovtsian troops to the battlefield and in the opposite direction.

Research materials are the Russian chronicles with the Tale of the Battle on the Kalka River.

Methods of the study: Early and late chronicles are compared with each other for detection of the late textual layers. Localization of individual geographical items are checked by archaeological data. Key opinions of historians are considered in every discussed theme.

Research results and scientific novelty: As a result, a logical picture of the allied troops route emerges: they joined forces near Zarub town and Varyazhskiy island, then followed down the Dnieper till rapids, crossed the river, and walked along the divide to the Karatysh and Kalchik rivers before they lost the battle and retreated back to Dnieper river.

With added chronology data to these observations, the possibility of creating of events' scientific reconstruction will possibly emerge.

Keywords: the Tale of the battle on Kalka River, Russian chronicles, Mongols, princes of Rus', Polovtsians, Zarub, Khortitsa, Novgorod Svyatopolch

For citation: Astaykin A.A. The nine geographic notes about the campaign and battle on the Kalka River in 1223. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 292–306. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.292-306> (In Russian)

Введение

Нет смысла напоминать, что наиболее подробные сведения о сражении сохранились в русском летописании в форме особой Повести о битве на реке Калке. Наиболее надёжными её вариантами считаются три ранние – в Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ) и летописях Ипатьевской (далее – Ипат.), информация в которых восходит к XIII веку, Лаврентьевской летописи XIV века (далее – Лавр.). Эти источники имеют свои особенности. В Лавр. содержится очень краткий рассказ о событиях, то есть фактически нам придётся иметь дело только с двумя русскими хрониками. В основе информации НПЛ лежит подробный южнорусский (возможно – киевский) вариант Повести о битве, по неизвестной причине перенесённый на Русский Север. Первоначальное сообщение в Ипат. содержало впечатления очевидца и участника событий, но этот рассказ примерно в середине XIII в. подвергся редакторской правке, в результате которой роль малозначительного в 1223 г. волынского князя Даниила Романовича оказалась преувеличенной. Не будем забывать также, что летопись сохранилась в списках не ранее XVI в., в которых нередко ошибки и описки.

Сообщения о битве на Калке из поздних летописей носят ещё более сложный и запутанный характер, поэтому они привлекаются только в особых случаях.

Места поражений половцев от монголов

По свидетельству Ипат., “приде неслыханая рать. безбожнии Моавитяне. рекомыи Татаръве. придоша на землю Половецкуюю. Половецемъ же ставшимъ. Юрьгии Кончакович бе болиише всихъ Половецъ. не може стати. противуо лицу их. бегаючи же емоу. и мнози избъени быша. до реки Днепра. Татаром же возвратившися идоша в вежа своя” [10, стб. 740]. НПЛ тоже говорит о событиях в Дешт-и Кипчак в самых общих выражениях: “Слышахомъ бо, яко многы страны поплениша, Ясы, Обезы, Касогы, и Половчъ безбожьныхъ множество избйша, а инехъ загнаша... Проидоша ти Таурмени всю страну Куманьску...” [32, с. 62]. Восточные источники (Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин) также не сообщили точных географических указаний.

По этой причине уже советские историки называли места поражения половцев от монголов предельно широко: между Азовским и Каспийским морями [16, с. 124] или между Волгой и Днепром [33, с. 129]. Иногда делались попытки сузить этот район. Так, по мнению С.А. Плетнёвой, события имели место в землях по Дону и Днепру [36, с. 298], а П.П. Толочко думал, что это произошло где-то в районе Северского Донца [51, с. 167]. Примерно так же обстоит дело и в современной историографии – это либо местность между Приазовьем и Северным Кавказом [54, с. 209–210; 55, с. 72], либо места кочевий северокавказского и донского половецких объединений [1, с. 14].

Половецкий вал

По сообщению НПЛ, которому исследователи почему-то не придают особого значения, “проидоша бо ти Таурмени (монголы – А.А.) всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зовется валь Половчъскы” [32, с. 62; 19, стб. 446]¹. Здесь речь идёт о так называемых “Змиевых валах” (название народное) – системе древесно-земельных укреплений Среднего Поднепровья с предельно широкой датировкой со II по X в., причём по данным радиоуглеродного датирования бóльшая их часть построена в промежутке с IV по VI в. [см.: 18; 28; 29; 52], а в рабочем состоянии эта система поддерживалась, как минимум, до XI в.

Два замечания. Во-первых, в летописях, действительно, иногда упоминаются оборонительные валы: два вала у Треполя в 1093 г., дважды (1095 и 1149 гг.) – валы у Переяславля, вал у Чернева и Василева в 1151 г. [10, стб. 211, 217, 379, 433–435], однако, Половецкий вал назван только в рассказе о событиях 1223 г., поэтому определить его местоположение, даже относительно течения Днепра, крайне затруднительно. Второе. Уже в младшем изводе НПЛ (начало XV в.) изменён смысл летописной фразы об этом вале: “Проидоша бо ти Таурмены всю страну Куманьску и приидоша близъ Руси, и прибегоша оканнии Половци, идеже зовется валь Половчъскыи, избйеных останокъ, Котянь съ иными князьми...” [32, с. 264–265]. В ещё более изменённом виде эту фразу читаем в Софийской первой летописи (далее – СПЛ), откуда она распространилась по другим русским хроникам: “А Котянь съ иными князьми и съ останкомъ половецъ прибегоша, идеж(е) зовется Валь Половетьскыи” [44, стб. 277]. В.Н. Татищев в своём варианте рассказа о битве на Калке в этом месте добавил уточнение: “за Триполем” или “близ Треполя” [48, с. 215; 49, с. 362], которое лично у меня вызывает сомнение в точности сообщаемой информации – этот город находится недалеко от Киева (к югу от него), тогда как Котян, вероятный предводитель дунайско-бужского половецкого объединения, направлялся на запад – в Галич.

¹ В Ипат. ничего подобного нет.

Заруб и Зарубский брод

По рассказу НПЛ, после общего совета в Киеве русские князья “начаша вое пристраивати, кождо свою власть; и поидоша, съвкупивше землю всю Русскую противу Татаромъ, и быша на Днепре на Зарубе” [32, с. 62, 265]. Расположенный недалеко от Переяслав-Хмельницкого (совр. Переяслав) правосторонний днепровский город Заруб неоднократно упомянут в русских летописях: в статьях Ипат. под 1105, 1146–1147, 1151, 1156 гг. [10, стб. 257, 323, 340, 424–425, 485], Лавр. под 1151 г. [19, стб. 331–332], причём почти все эти упоминания так или иначе связаны с военными действиями; также неоднократно говорится о стратегически важной переправе через Днепр в этом месте. Самое красочное описание Зарубского брода находим в рассказе о событиях 1151 года, когда здесь переправились союзные русско-половецкие войска князей Юрия Владимировича (Долгорукого) и Святослава Всеволодовича: “Половци же вседше на коне в бронях за щиты с копья якоже битися въбрешоша въ Днепръ и покрыша Днепръ от множества вои” [19, стб. 332].

Археологи идентифицируют Заруб с городищем между урочищами Монастырѣк и Зарубинцы (западное городище Монастырѣк), либо рядом с бывшим селом Церковщина, на так называемой Батуровой горе (восточное городище Монастырѣк) [см.: 38, с. 200–201; 12, с. 33–62; 25, с. 3–20; 26, с. 276–277; 27, с. 114–119]².

Варяжский остров

Ипат. единственный раз упоминает остров Варяжский в рассказе о событиях 1223 г. в таком контексте: из Киева русские князья “придоша м(е)с(я)ца априля. и придо к реце Днепру. ко острову Варяжскому. и приеха тоу к нимъ. вся земля Половецкая. и Черъниговцемъ приехавшимъ. и Кияномъ и Смолняномъ. инемъ странамъ. всянамъ по соуху же Днепръ перешедшимъ. яко же покрыти воде быти. от множества людии (по логике рассказа здесь должно быть “лодеи” или “лодии” – А.А.). а Галичане и Вол(ы)нцы. киждо со своими князьми. а Коуряне и Трубчане и Поутивлицы. и киждо со своими князьми. придоша коньми” [10, стб. 741–742].

Я намеренно разорвал летописную фразу. Далее же в сообщении говорится следующее: “а выгонцы Галичкыя придоша по Днепру. и воидоша в море. бе бо лодей тысяща. и воидоша во Днепръ. и возведоша пороги и сташа оу реки Хортыце. на бродоу оу Протолчи” [10, стб. 742]. Если понимать эту фразу буквально, как это сделал в своё время В.Н. Татищев, то остров Варяжский следует относить к району ниже днепровских порогов, то есть связывать его непосредственно с островом Хортица (мнение Ф.К. Бруна, И.У. Будовница, А.Я. Дегтярева и И.В. Дубова, В.А. Кучкина, Т. Дж. Крохуэлла, Е.Н. Тарасенко, Ст. Поу, Д.Г. Хрусталёва и К.А. Аверьянова). Известный дореволюционный исследователь Черноморья Фёдор Брун предельно точно сформулировал этот взгляд уже в 1880 г.: “Варяжский остров, до которого князь Мстислав Романович дошёл в 1223 г. из Киева чрез Заруб, мог быть только тот, к которому в это время прибыл флот с войсками из Галиции и Волыни, именно Хортица” [2, с. 367].

Этот взгляд не может удовлетворить нас полностью. Во-первых, его сторонники никак не объясняют, почему ни один русский или иностранный источник не называет Хортицу именно “Варяжским” островом. А ведь он является весьма заметным объектом на Днепре, остров упоминается, как минимум, от Константи-

² На территории нынешнего ландшафтного парка “Трахтемиров”, ок. 80 км от Киева на юго-восток по прямой.

на Багрянородного (остров св. Григория) до Гийома де Боплана, то есть с X до XVII век. Во-вторых. При достаточно большом количестве походов объединённых русских сил в Степь нам не известно ни одного случая объединения войск союзников именно на Хортице (обычно в этой роли выступает какой-либо город к югу от Киева – Переяславль, Канев, Торческ, Витичев или Треполь) [10, стб. 253, 604, 613, 631–632, 673, 675]. В-третьих. Любой специалист по военному делу согласится, что армия на войне должна воевать, в противоположном случае она быстро разлагается и теряет боеспособность. Если допустить, что союзные русско-половецкие войска объединяются на Хортице уже в апреле 1223 г., то возникает вопрос: что они делают там месяц или даже более до начала активных действий во второй половине мая, вдали от собственных центров снабжения и мобилизационных резервов [55, с. 87–88. Автор полагает, что на Хортице с 23 апреля по 23 мая происходил сбор всех союзных сил]?

В этом смысле представляет интерес мнение второй группы исследователей (Н.М. Карамзин, Н.С. Арцыбашев, Д.И. Иловайский, Л.А. Сердобольская, Э. Тамим), которые располагают Варяжский остров в непосредственной близости от Заруба. Объединение всех сил союзников недалеко от Киева представляется более предпочтительным организационным решением. А район этого объединения, кстати, полностью совпадает с информацией IX главы сочинения Константина Багрянородного “Об управлении империей”, в которой он рассказывает о подготовке славянами из разных регионов Руси однодеревок-моноксил к плаванию в Константинополь: “И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они (из Киева) спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом (данником – А.А.) росов, и, собравшись там в течение двух-трёх дней, пока соединяются все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр” [15, с. 47, 318, прим. 25].

Уже в конце 1940-х годов Л.А. Сердобольская в специальной работе по идентификации острова заключала: “существование острова Варяжского имело место где-то между Витичевым и Зарубом, т.е. примерно верстах в 60-70-ти от Киева на юго-восток по течению Днепра” [42, с. 215]. Эта информация, кстати, встречается в летописях уже начиная с XV века: так, по сообщению СПЛ, русские князья, “совокупивше землю Рускую всю противу татаромъ, и приидоша къ реце Днепру на зарубъ къ острову Варезескому” [44, стб. 278].³

Олешье. Место встречи второго монгольского посольства

Вопрос о локализации Олешья и интерпретации событий, связанных с его упоминанием, несмотря на свою кажущуюся простоту и очевидность, в специальной литературе очень запутан, по причине чего и выделен в особый раздел.

НПЛ утверждает, что на Заруб к русским князьям прибыли монгольские послы с предложением не поддерживать половцев и заключить с монголами мирное соглашение. “Того же русстии князи не послушаша, нъ послы избиша, а сами поидоша противу имъ; и не дошьдыше Ольшья, и стаха на Днепре. И прислаша к нимъ второе послы Татари...” [32, с. 62]. В Ипат. не содержится сюжетов о двух монгольских посольствах, следовательно, не упоминается и этот топоним.

Олешье являлся важным портом в низовьях Днепра, местом встречи важных посольств из Константинополя и сосредоточения торговых караванов; он ревностно оберегался великими киевскими князьями. В летописании он упомянут под

³ Стоит упомянуть находящееся несколько особняком мнение К.А. Аверьянова, для которого “заруб” – это не город и брод на Днепре, а засека из поваленных деревьев, устроенная на острове Хортица для защиты от кочевников [1, с. 101].

1084, 1153, 1160, 1164, 1213 гг. [10, стб. 196, 465, 505, 522; 19, стб. 205, 340, 735] В историографии под Олешьем, вслед за Н.М. Карамзиным, обычно понимается несохранившееся поселение в окрестностях современного левобережного днепровского города Алёшки (бывший Цюрупинск; археологического подтверждения версии нет до сих пор), либо городище на Большом Потёмкинском острове с византийскими и славянскими материалами второй половины X-начала XIII века, либо же одно из двух поселений Днепро-Бугского лимана – Аджигол-1 или Днепровское-2 [43, с. 64–73; 3, 89–104].

С “лёгкой руки” В.Н. Татищева [48, с. 216] многие историки стали говорить о переправе русских князей через Днепр у Олешья с нелогичным последующим обратным движением к Хортице [11, стб. 143] или же степном пути непосредственно к реке Калке. С другой стороны, некоторые специалисты сделали предположение о существовании второго Олешья, расположенного в Надпорожье и неизвестного источникам. Так, по наблюдению украинского историка В.Г. Ляскоронского, Олешье – “какое-либо урочище на Днепре... близ нынешнего м. Солонина, расположенного на левой стороне Днепра, насупротив Мишурина Рога, известного издревле своей удобной переправой через Днепр” [23, с. 69].

Хортичев остров, река Хортица. Брод у Протолчи и переправы Крарий и Кичкас

Повторю цитированное выше сообщение Ипат.: “а выгонцы Галичкыя придоша по Днепру (должно быть “Днестроу” – А.А.) и воиidoша в море. бе бо лoдeи тыcячa. и воидoшa вo Днeпрѣ. и возведoшa порoгы и стaшa oу рeкы Хoрѣтцe. нa брoдoу oу Прoтoлчeи” [10, стб. 742]. “Гaлицкe выгoнцѣ” – этo изгнaнники из Гaлицкoгo князьствa, кoтoрыe, пo мнeнию В.Т. Пaшутo, сeлились в мeждурeчье Днeстрa и Дунaя [34, с. 115; 24, с. 447]. Гдe жe нaхoдились рeкa Хoртицa и брoд у Прoтoлчeи?

В русском летописании содержится ответ на этот вопрос. Статья Ипат. 1103 года рассказывает о походе на половцев большой коалиции во главе с киевским князем Святополком-Михаилом Изяславичем: “и поидoшa нa кoнeиxъ. и в лoдѣяхъ. и приидoшa нижe порoгъ. и стaшa вѣ прoтoлчeхъ. и в Хoртичeмъ oстрoвe. и всeдoшa нa кoнe. и пeшѣци из лoдeи высeдaвшe. идoшa в пoлe. 4 днeи...” [10, стб. 253]. В 1190 г. русские князья “eхaшa в бoрзe. изъeздoмъ дo Прoтoлчeи. и тoу зaяшa стaдa мнoгa Пoлoвeцкaя. в лoузe Днeпрeскoмъ. a зa Днeпр нe лзe бы имѣ eхaти...” [10, стб. 671]. Летописная информация со всем очевидностью позволяет утверждать, что брод у Протолчи находился в Днепровской Луке, ниже порогов, и был связан с рекой и островом Хортица.

Переправа (не брод) Крарий, находящаяся между порогами и островом св. Григория, упоминается уже Константином Багрянородным в середине X в., тогда её активно использовали как жители Херсона (Херсонеса Таврического), так и печенеги [15, с. 49, 326–328]. Крарий в исторической литературе принято отождествлять с переправой Кичкас выше острова Хортица, красочный рассказ о которой оставил в середине XVII в. французский военный инженер Гийом де Боплан: “Эти места очень высоки, русло реки открытое, свободное от преград, очень узкое, особенно к югу... Я видел, как поляки стреляли из лука с одного берега (реки) на другой и стрелы падали далее чем на сто шагов от противоположного берега. Именно здесь самая большая и наиболее удобная татарская переправа, так как тут русло имеет не более 150 шагов, берега очень доступны, а местность открыта, и татары совсем не боятся засад” [6, с. 187].

Фраза из сообщения Ипат. “возведоша пороги” дословно означает “преодолели пороги”. Исходя из этого понимания, В.Г. Ляскоронский предлагал переносить брод у Протолчи в район выше Днепровской Луки и порогов. Он связывал Протолчу с Протолами – реками, текущими параллельно Днепру, ниже Орели [23, с. 70]. А.А. Спицын, напротив, “передвигал” Протолчье ниже Хортицы и без объяснения связывал этот брод с устьями реки Конские воды – современной Конки [45, с. 37].⁴

В наши дни в районе острова Хортица существует целых три реки со сходным названием – Верхняя (Великая), Средняя и Нижняя Хортицы (и ещё одна река – Сухая Хортица – перекрыта плотиной в 1845 г. и сейчас не существует).

В 1963 г. в “Известиях Всесоюзного географического общества” запорожский краевед В.Г. Фоменко опубликовал небольшую статью “Где был древний Протолчий брод?”, в которой очень убедительно сопоставил летописную реку Хортицу с современной более полноводной и длинной Средней Хортицей, а брод у Протолчи – с песчаными наносами в русле Днепра двух его притоков – Средней Хортицы с правой стороны и Мокрой Московки с левой (у южной оконечности о. Хортица). Как подчёркивал автор, “указанные мелководные перекаты у Хортицы были наиболее удобными местами для перехода через Днепр в этом районе и, вернее всего, только там и мог находиться исторический Протолчий брод” [53, с. 550].⁵

Остаётся только добавить, что “Протолчей” или “Протолчами” должно было называться славянское поселение у озера Осокоровое, существовавшее в X–XIV вв. и контролировавшее именно этот брод [14, с. 1–119].

Калка или Калки. “Место каменисто”

Что нам известно из ранних русских летописей о реке Калке? Не очень много. Ипат. рассказывает, что после совместной переправы через Днепр у Хортицы союзники “идоша 8 дни до реки Калкы”, а затем “на прочьне (другой – А.А.) реце Кальке. оустретоша и Тотарове Половецкыя полкы Роускыя Мьстиславъ же Мьстиславличъ. повеле впередь переити. рекоу Калкоу Данилови с полкы инемь полкомъ с нимъ. а самъ по немъ переиде” [10, стб. 743], то есть этих рек минимум две и они отстоят от Днепра на значительном расстоянии (не менее 150–200 км на север, восток или юг). НПЛ сообщает, что в движении войска были не 8, а 9 дней и реку Калку они также пересекли: “князи рустии поидоша за Днепръ и поидоша все въкупе, ... идоша 9 днии, и заидоша за Калакъ реку” [32, с. 63]; далее в летописи содержится очень важное добавление: именно за рекой Калак произошло поражение и бегство русских войск, а “Мьстиславъ же, Киевьскыи князь, видя се зло, не движесе съ места никамо же; сталь бо бе на горе надъ рекою надъ Калкомъ, бе бо место то камянисто, у ту угоши городъ около себе въ колехъ и бися с ними из города того по 3 дни” [32, с. 63].⁶ То есть, у этих близкорасположенных двух рек сходные (Калак и Калок) или одинаковые названия, на высоком берегу одной из них есть некое “место каменисто”.

Как исследователи интерпретировали эти летописные данные? Наиболее спорная гипотеза была предложена Василием Ляскоронским в 1907 г.: Калка – это правый приток Самары река Кильчень [23, с. 83]. Гипотеза принята не была.

⁴ Из последующего текста складывается впечатление, что автор имеет в виду исток реки, а не устье.

⁵ Интересно отметить, что, например, в 1784 г. уровень воды в этом месте равнялся примерно 75 см.

⁶ “Колы” – это не колья, а колёсные повозки [46, стб. 1254].

подавляющее большинство специалистов предпочитает идентифицировать Калку по звуковому созвучию с современными реками Кальмиусом, правым притоком Кальмиуса Кальчиком или же с правым притоком Кальчика Калецом (в этом районе, к востоку от Хортицы, наблюдается сгусток рек с основой в названии “Кал-”: к названному рекам следует ещё добавить Малый Кальчик). В своё время К.В. Кудряшов указал на совпадение современных названий рек с данными “Книги Большому Чертежу” 1627 г.: “А от верх речки Миюса к верх речки Елкуваты; а от верх речки Елкуваты курган высок, а на нём 3 человека каменных.

А от речки Елкуваты к верху к речкам Калам.

А те речки все по левой стороне тое (Калмиусской – А.А.) дороги пали в море.

А по правой стороне тое дороги река Тор.

А от речек от Кал к речке Каратошу и речка Каратош перелести” [13, с. 68. см. подробнее: 16, с. 70, 124, 130–131, 133; 17, с. 118–119].⁷

Как видим, надёжной локализации реки Калки пока не существует. Рассмотрим второй летописный ориентир – “место каменисто”. Ещё в 1890 г. некто Шмаков в “Екатеринославских губернских ведомостях” опубликовал статью “Побоище на Калке”, в которой приходил к выводу, что от реки Кальчик “в шести верстах в овраге Кара-таш (Черный камень) находится скалистая и крутая возвышенность, имеющая вид природного бастиона. Немудрено, что укрепившийся здесь Мстислав Романович успешно отражал татарские приступы” [56]. Эта местность представляет собой скалистый район площадью около 400 га с выходом на поверхность двух гранитных гряд по преимуществу серого и черного (редко – розового) цветов, над которыми поднимаются 9 вершин высотой от 50 до 200 м. Сейчас здесь находится комплексный заповедник “Каменные могилы”.

Производившиеся на этом месте археологические изыскания Н.Е. Бранденбурга в 1888–1902 гг. и Е.П. Трефильева в 1904 г. не дали определённых результатов. Более успешной оказалась летняя экспедиция 1910 г. археолога В. Саханева. Осмотрев местность, он писал, что здесь “подъём на вершины крайне тяжёл, так как поверхность камней гладкая и скользкая; нога не имеет упора и срывается, так что в иных местах возможно взобраться на скалы лишь на четвереньках” [41, с. 29]. К сожалению, эпидемия холеры в этом году не позволила В. Саханеву нанять местных рабочих и провести полноценные раскопки. В результате археологических подтверждений поля сражения 1223 г. не существует до сих пор.

Маршрут преследования и отступления

Я сознательно нарушил географическую логику похода русско-половецких войск от Хортицы на Калку. Объясню, почему.

Как уже было сказано, про этот путь известно только то, что “поидоша вси вкупе, по них же идоша 9 дни, и заидоша за Калакъ реку” [32, с. 63] или “оттоуду же идоша 8 дни до реки Калкы” [10, стб. 743]. К этому надо добавить, что и бегство русских князей с поля битвы происходило до Днепра (новгородский летописец повторяет это трижды). Мстислав Мстиславич Удатный переправился через реку первым, причём он “отрея от берега лодье, да не идути Татари по них, а самь одва убежа” [32, с. 63]. Если это были ладьи галицких выгонцев (а только они упоминаются Повестью о битве), то это должно означать, что, во-

⁷ Современные названия рек: Елкувата – Мокрые Ялы; Калы – Кальчик с верхними притоками, Калеца, возможно, – и Малый Кальчик; Тор – или приток Северского Донца Казённый Торец, или же его приток Сухой Торец; Миус – Миус, Каратош – Каратыш.

первых, галицкий князь вернулся к Хортице и, во-вторых, он вернулся тем же путём, каким уже прошёл ранее, но в противоположном направлении.

Точный маршрут движения к полю боя и назад источниками не освещён, известны только его начальная точка – Хортица – и, с некоторой степенью достоверности, конечная (верховья реки Кальчик). В специальной литературе неоднократно указывалось, что искомым маршрутом мог быть высокий водораздел рек Вольнянки, Верхней Терсы с притоками Солёной и Широкой, Гайчура и Каменки на севере и Мокрой Московки и Конки с притоками на юге [41, с. 22; 17, с. 119; 39, с. 256; 47, с. 149–150]. Дело в том, что этот путь союзники не выбирали; они следовали за монголами Джебе и Субедея, а по поздним данным известно, что в степях Украины кочевники предпочитали передвигаться именно водоразделами.

Этой версии не противоречит и такой простой расчёт. По прямой расстояние между бродом у Протолчи и современным населённым пунктом Розовка – около 190 км, то есть средняя скорость движения союзных ратей по указанному маршруту за 9 дней должна была составлять примерно 21 км и почти 24 км за 8 дней, что совпадает с известными нам данными по суточному передвижению русских ратей в XII и XIII веках.

Новгород Святополч или Новгород-Северский?

Сообщения ранних летописей не оставляют никаких сомнений в конечной точке проникновения монголов на Русь в 1223 году. Так, по рассказу Ипат., “Татаром же победившимъ Роусьскыя князя. ... и дошедшимъ до Новагорода. Стополчского. не ведающимъ же Роуси льсти ихъ. исходяхоу противоу имъ со кр[е]сты. они же избиша ихъ всихъ” [10, стб. 745. см. также: 21, с. 132; 22, с. 153; 50, с. 90; 30, с. 121; 4, с. 69]. Этому рассказу не противоречат сообщения НПЛ, по которым “ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, бьуче до Днепра... А иныхъ князь до Днепре гоняче, убиша б... Татари же възвратишася от реки Днепра; и не съведаемъ, откуда суть пришли и кде ся деша опять” [32, с. 63. см. также: 44, стб. 281–282; 37, стб. 343 (в обеих летописях наряду с Днепром упоминается и Новгород Святополч)].

Город Новгород Святополч был основан в 1095 г. князем Святополком Изяславичем и располагался на правой стороне Днепра примерно в 50 км южнее Киева, на городище в 1,5 км к югу от современного села Витачов, относительно недалеко от Заруба и Зарубского брода (в 40 км на северо-запад). По археологическим данным, город уничтожен в первой половине XIII в. [40, с. 7–15; 5, с. 6; 35, с. 54–62; 7, карта с. 261; 8, карта с. 38].

Ошибочное упоминание вместо Новгорода Святополча Новгорода-Северского появляется в Никоновской летописи, то есть не ранее второй половины XVI в. [20, с. 92; 31, прил. II, с. 157].

Как видим, на Днепре события, связанные с поражением русских и половцев на реке Калке, закончились в июне 1223 г. примерно там же, где они и начинались. Прошу заметить, что в этом году монголы трижды появились в непосредственной близости от Киева – в самом начале событий, как посольство в апреле и в первой половине июня в качестве победителей и преследователей русских князей.

Заключение

Предварительные выводы из наших кратких географических замечаний таковы: на сегодняшний день относительно точно локализованы правобережные днепровские города Заруб и Новгород Святополч, важный Зарубский брод близ современного Переяслава. Брод на Протолчи, как это следует из наблюдений

В.Г. Фоменко, необходимо связывать с южной, а не северной, оконечностью острова Хортица. Олешье надо искать в низовьях Днепра (район современного Херсона; вероятно, это городище на Большом Потёмкинском острове), но фразу из Новгородской первой летописи про Олешье стоит понимать буквально: в 1223 г. русские только собирались дойти до этого пункта, однако, в силу изменившейся ситуации этого не сделали. Поэтому можно высказать предположение, что совместный поход князей Руси и половцев изначально планировался лишь вдоль течения реки. Отдельного упоминания заслуживает удивительное единство мнений специалистов о движении союзников к полю битвы (от острова Хортица к верховьям реки Кальчик по хорошо заметному водоразделу) и это несмотря на полное молчание источников об этом маршруте.

К сожалению, скудная источниковая база не позволяет надёжно локализовать места поражения половцев от монголов; об этом районе можно говорить лишь гадательно. В качестве рабочей версии можно предполагать движение Джебe и Субедeя от Дербента через предкавказское, нижнедонское и донское половецкие объединения (по локализации С.А. Плетнёвой) к среднему течению Днепра с заходом в Крым.

Не поддаётся точной локализации местоположение Половецкого вала, несмотря на мнение Д.Г. Хрусталёва, что здесь имеется в виду “Змиев вал” восточнее Днепра близ Переяславля [55, с. 76, 78]. Однако важно отметить, что две из трёх ранних русских летописей однозначно говорят о появлении монголов, а не половцев, в этом месте, то есть у самых границ Руси, задолго до военно-административных мероприятий со стороны южнорусских князей. Это наблюдение поддерживает сделанный недавно вывод А.В. Майорова о том, что на заключительном этапе “Кипчакский поход” Джебe и Субедeя превратился в полноценное завоевание. [57, с. 1–27].

До сих пор является дискуссионным вопрос о местоположении острова Ваяжского на Днепре. Автор данной работы присоединяется к тем исследователям (Л.А. Сердобольская и др.), которые предлагают искать этот остров южнее Киева, в непосредственной близости от Заруба и Витичева.

К сегодняшнему дню не существует полноценных доказательств по локализации летописной Калки, пониманию, одна это река или же две; следовательно, решение проблемы по определению поля битвы на Калке всё ещё находится в области гипотез. Автору представляется, что события 1223 г. произошли в верховьях современных рек Каратыш и Кальчик (“Калка/Калак” и “другая Калка/Калок/Калк” летописей), а также заповедника “Каменные могилы” (“место каменисто”); территорию поиска местности сражения на карте необходимо сузить до прямоугольника между современными населёнными пунктами Розовка – Старченково – Республика – Октябрьское – Кременёвка – Красновка – Златоустовка с центром в Малоянисоли (делая поправку на их современные названия).

При добавлении к географическим наблюдениям данных летописной хронологии может возникнуть и возможность создания научной реконструкции похода и битвы на реке Калке в 1223 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов К.А. Битва на Калке 1223 г. Русские княжества накануне монголо-татарского нашествия. М.: Центрполиграф, 2023. 254 с.
2. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 гг.). Одесса: типография Г. Ульриха, 1880. Ч. 2. 408 с.

3. Буйських С.Б., Ієвлев М.М. Про осіле населення пониззя Дніпра та Південного Бугу у X–XIII ст. // Археологія. 1991. № 4. С. 89–104.
4. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. Т. XXVI. 432 с.
5. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Археологическое изучение древнерусского города // Краткие сообщения Института археологии. М., 1963. Вып. 96. С. 3–17.
6. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины. М.: Дрєвлєхранилище, 2004. 576 с.
7. Довженко В.И. Древнерусские городища на Среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС) // Советская археология. 1967. №4. С. 260–273.
8. Довженко В.И. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 37–45.
9. Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. 2001. №1–2 (7–8). С. 142–187.
10. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II. 648 с.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. III.
12. Каргер М.К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // Советская археология. 1950. №XIII. С. 33–62.
13. Книга Большому Чертежу. М.-Л.: Издательство Академии Наук, 1950. 232 с.
14. Кобалія Д.Р. Звіт про археологічні дослідження в південній частині о Хортиця, м. Запоріжжя, у 2021 році. Запоріжжя, 2021. 119 с.
15. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
16. Кудряшов К.В. Половецкая степь: очерки исторической географии. М.: ОГИЗ, Географгиз, 1948. 162 с.
17. Кудряшов К.В. О местоположении реки Калки // Вопросы истории. 1954. №9. С. 118–119.
18. Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1987. 208 с.
19. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I. 496 с.
20. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. X. 248 с.
21. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. VII. 360 с.
22. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур, 2005. Т. XX. 704 с.
23. Ляскоронский В.Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб.: Сенатская типография, 1907. 123 с.
24. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерк социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
25. Максимов Є.В., Петрашенко В.О. Городище Монастирьок VIII–XIII ст. на Середньому Дніпрі // Археологія. 1980. Вип. 33. С. 3–20.
26. Максимов Є.В., Петрашенко В.А. Раскопки поселения Монастирьок // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 276–277.
27. Максимов Є.В., Максимов С.Є. Літописне місто Заруб за даними археології, історії та лінгвістики // Археологія. 1989. № 1. С. 114–119.
28. Моргунов Ю.Ю. К проблематике изучения южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 253–268.

29. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
30. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. XXV. 488 с.
31. Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. XXVII. 436 с.
32. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. III. 720 с.
33. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат, 1956. 280 с.
34. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
35. Плетнёва С.А. Южное городище у с. Витачев // Краткие сообщения Института археологии. М., 1965. Вып. 104. С. 54–62.
36. Плетнёва С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.
37. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XV. 432 с.
38. Розкопки в Зарубському монастирі // Наше минуле. 1918. №2. С. 200–201.
39. Романов В.К. Битва при реке Калке и её отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование). Кандидатская диссертация. М., 1983. 280 с.
40. Рыбаков Б.А. Любеч и Витичев – ворота “внутренней Руси” // Тезисы докладов советской делегации на I-м Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965 г.). М.: Наука, 1965. С. 7–15.
41. Саханев В. Разведка на месте битвы при р. Калке 1224 г. // Записки Отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества. Пг., 1915. Т. XI. С. 22–34.
42. Сердобольская Л.А. К вопросу о месторасположении острова Варяжского на Днепре (Историко-географические заметки) // Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института. Пятигорск. 1949. Вып. IV. С. 213–218.
43. Сокульский А.Л. К локализации летописного Олешья // Советская археология. 1980. №1. С. 64–73.
44. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. VI. Вып. 1. 312 с.
45. Спицын А.А. Русская историческая география: учебный курс. Пг.: Тип. Я Башмаков и К^о, 1917. 68 с.
46. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 2.
47. Тарасенко Е.Н. Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк. Мариуполь: СВБ-ЛЮКС, 2012. 168 с.
48. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Тома II и III. История Российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995. 688 с.
49. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Том IV. М.: Ладомир, 1995. 556 с.
50. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XXIV. 288 с.
51. Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. 246 с.
52. Томашевський А.П. і др. Змієві вали. Сучасність: проблеми, завдання, перспективи // Археологія і давня історія України. 2023. Вип. 3 (48). С. 166–176.
53. Фоменко В.Г. Где был древний Протолчий брод? // Известия Всесоюзного географического общества. 1963. Т. 95. Вып. 6. С. 547–550.

54. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Яуза-пресс, 2022. 288 с.
55. Хрусталёв Д.Г. Монгольское нашествие на Русь, 1223–1253 гг. М.: Издательство АСТ, 2023. 384 с.
56. Шмаков. Побоище на Калке // Екатеринославские губернские ведомости. 1890. №23–25.
57. Maiorov A.V. The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // Journal of the Royal Asiatic Society. 2021, Series 3, pp. 1–27.

REFERENCES

1. Averyanov K.A. Battle on Kalka River AD 1223. Russian principalities on the eve of the Mongol-Tatar invasion. Moscow: Tsentrpoligraf, 2023. 254 p. (In Russian)
2. Broon F.K. The Black Sea region. Collection of studies on historical geography of Southern Russia (1852–1857). Part 2, Odessa: Tipografiya G. Ulrikha, 1880. 408 p. (In Russian)
3. Buyskikh S.B., Yevlev M.M. About settled population of lower reaches of Dnieper and Southern Bug in 10th–13th centuries. *Arkheologia=Archaeology*. 1991, no. 4, pp. 89–104. (In Ukrainian)
4. Vologda-Perm chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 26, 2006. 432 p.
5. Voronin N.N., Rappoport P.A. Archaeological studies of Old Rus towns. *Kratkiye soobchsheniya Instituta arkheologii=Short reports of an Institute of archaeology*. Iss. 96. Moscow, 1963, pp. 3–17. (In Russian)
6. Guillaume le Vasseur de Beauplan. A Description of the Ukraine. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. 576 p. (In Russian)
7. Dovzhenok V.I. Old Rus settlements on the Middle Dnieper (In zone of Kanevskaya hydroelectric power station building). *Sovetskaya arkheologiya=The Soviet archaeology*. 1967, no. 4, pp. 260–273. (In Russian)
8. Dovzhenok V.I. Sentry towns on the South of Kievan Rus. *Slavs and Rus*. Moscow: Nauka, 1968, pp. 37–45. (In Russian)
9. Yelnikov M. Monuments of The Golden Horde period on Low Dnieper: history of studying, results and perspectives. *Tatarskaya arkheologiya=Tatar archaeology*. 2001, no. 1–2 (7–8), pp. 142–187. (In Russian)
10. Ipatiev chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998. 648 p. (In Russian)
11. Karamzin N.M. History of Russian State. Book 1, Vol. 3. Moscow: Kniga, 1988. (In Russian)
12. Karger M.K. Ruins of Zarub monastery and chronicle town of Zarub. *Sovetskaya arkheologiya=The Soviet archaeology*. 1950, no. XIII, pp. 33–62. (In Russian)
13. Book of the Big Drawing. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 232 p. (In Russian)
14. Kobaliya D.R. Report about archaeological research in the southern part of Khortitsa Island (Zaporozhiye city). Zaporozhie, 2021. 119 p. (In Ukrainian)
15. Constantine Porphyrogenitus. About managing an empire. Moscow: Nauka, 1991. 496 p. (In Russian)
16. Kudryashov K.V. Polovtsian steppe: articles of the historical geography. Moscow: OGIz, Geografiz, 1948. 162 p. (In Russian)
17. Kudryashov K.V. About the location of Kalka River. *Voprosy istorii=Questions of History*. 1954, no. 9, pp. 118–119. (In Russian)
18. Kuchera M.P. Serpent's Wall of Middle Dnieper. Kiev: Naukova dumka, 1987. 208 p. (In Russian)

19. Laurentian Codex. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997. 496 p. (In Russian)
20. Chronicle collection named Patriarch or Nikon chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 10. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 248 p. (In Russian)
21. Chronicle according to Voskresensky copy. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 7. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2001. 360 p. (In Russian)
22. Lvov chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 20. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. 704 p. (In Russian)
23. Lyaskoronskiy V.G. Russian campaigns to the steppe in the Fragmentation period and veche times and campaign against the Tatars by Prince Vitovt in 1399. St. Peterburg: Senatskaya tipografiya, 1907. 123 p. (In Russian)
24. Maiorov A.V. Galich and Volynia Rus. Article on socio-political relations in pre-Mongol period. Prince, nobles and urban community. St. Peterburg: Universitetskaya kniga, 2001. 640 p. (In Russian)
25. Maksimov E.V., Petrashenko V.O. Monastyrsk settlement on Middle Dnieper. *Arkheologiya=Archaeology*. 1980, Iss. 33, pp. 3–20. (In Ukrainian)
26. Maksimov E.V., Petrashenko V.A. Archaeological dig of Monastyrsk settlement. *Archaeological discoveries 1980*. Moscow, 1981, pp. 276–277. (In Russian)
27. Maksimov E.V., Maksimov C.E. Zarub from the chronicles according to archaeology, history and linguistics. *Arkheologiya=Archaeology*. 1989, no. 1, pp. 114–119. (In Ukrainian)
28. Morgunov U.U. To the problems of studying southern Rus Serpent's Wall. *Rus in 9th–14th centuries. Reciprocity of North and South*. Moscow: Nauka, 2005, pp. 253–268. (In Russian)
29. Morgunov U.U. Earthworks and wooden fortifications of Southern Rus in 10th–13th centuries. Moscow: Nauka, 2009. 303 p. (In Russian)
30. The Moscow chronicle of the end of 15th century. Complete collection of the Russian Chronicles. Vol. 25. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004. 488 p. (In Russian)
31. Nikanor Codex. Shortened chronicles of the end of 15th century. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 27. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. 436 p. (In Russian)
32. First Novgorod chronicle of the elder and younger dialects. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 720 p. (In Russian)
33. Pashuto V.T. Heroic struggle of Russian people for independence (13th century). Moscow: Gospolitizdat, 1956. 280 p. (In Russian)
34. Pashuto V.T. Foreign policy of the Old Rus. Moscow: Nauka, 1968. 472 p. (In Russian)
35. Pletneva S.A. Southern settlement near the Vitachev village. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii=Brief reports of the Institute of Archaeology*. Moscow, 1965. Iss. 104, pp. 54–62. (In Russian)
36. Pletneva S.A. Polovtsian land. *Old Rus principalities 10th–13th centuries*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 260–300. (In Russian)
37. Rogozha chronicle. Tver cronicle collection. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 15. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 432 p. (In Russian)
38. Archaeological dig in Zarub monastery. *Nashe proshloye=Our past*. 1918, no. 2, pp. 200–201. (In Ukrainian)
39. Romanov V.K. Battle on Kalka River and its description in Russian chronicles (historical and textological study). Dissertation. Moscow, 1983. 280 p. (In Russian)
40. Rybakov B.A. Lubech and Vitichev cites – gateway to “Inner Rus”. *Abstracts of Soviet delegation reports on 1st International Slavic Archaeology Congress in Warsaw (1965, September)*. Moscow: Nauka, 1965, pp. 7–15. (In Russian)
41. Sakhanev V. Archaeological prospecting at the Kalka River battle site in 1224. *Zapiski Otdeleniya slavyanskoi I russkoi arkheologii Russkogo arkheologicheskogo*

obshchestva=Proceedings of the Department of Slavs and Russian archaeology of an Russian Archaeological society. Vol. 11. Petrograd, 1915, pp. 22–34. (In Russian)

42. Serdobolskaya L.A. To the question of Variazhsky Island location on Dnieper River (historical and geographical notes). *Collection of scientific works of Pyatigorsk state pedagogical institute*. Iss. 4. Pyatigorsk, 1949, pp. 213–218. (In Russian)

43. Sokulskiy A.L. To the question of localization of annalistic Oleshye cite. *Sovetskaya arkheologiya=Soviet archaeology*. 1980, no. 1, pp. 64–73. (In Russian)

44. The First Sofiya Chronicle of the old dialect. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 6, Iss. 1. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 312 p. (In Russian)

45. Spitsyn A.A. Russian historical geography: curriculum. Petrograd: Tipografiya Ya. Bashmakov i Ko, 1917. 68 p. (In Russian)

46. Sreznevskiy I.I. Dictionary of the Old Russian language. Vol. 1, Part. 2. Moscow: Kniga, 1989. (In Russian)

47. Tarasenko E.N. Vicinity of Rozovka village before the Mongol invasion. Historical sketch. Mariupol: SVB-LUX. 2012. 168 p. (In Russian)

48. Tatishchev V.N. Collected works. Vol. 2–3, Part 2. Moscow: Ladimir, 1995. 688 p. (In Russian)

49. Tatishchev V.N. Collected works. Vol. 4. Moscow: Ladimir, 1995. 556 p. (In Russian)

50. Tipografskaya chronicle. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 288 p. (In Russian)

51. Tolochko P.P. Ancient Rus. Articles on socio-political history. Kiev: Naukova dumka, 1987. 246 p. (In Russian)

52. Tomashevsky A.P. Serpent's Wall. Modernity: problems, objectives, perspectives. *Arkheologiya i drevniaya istoriya Ukrainy=Archaeology and ancient history of Ukraine*. 2023, Iss. 3 (48), pp. 166–176. (In Ukrainian)

53. Fomenko V.G. Where was ancient Protolch wade located? *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva=News of All-Union Geographical Society*. 1963, Vol. 95, Iss. 6, pp. 547–550. (In Russian)

54. Khrapachevskiy R.P. Mongol army during Ancient Rus conquest. Moscow: Yauza-press, 2022. 288 p. (In Russian)

55. Khrustalev D.G. The Mongol Invasion on Rus, AD 1223–1253. Moscow: AST Publishing House, 2023. 384 p. (In Russian)

56. Shmakov. A Carnage on Kalka River. *Ekaterinoslavskiye gubernskiye vedomosti=Ekaterinoslav provincial statements*. 1890, no. 23–25. (In Russian)

57. Maiorov A.V. The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2021, Series 3, pp. 1–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Анатольевич Астайкин – историк-картограф, независимый исследователь (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4372-6517. E-mail: Astaykin.Andrey@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Astaykin – Historian-cartographer, Independent researcher (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4372-6517. E-mail: Astaykin.Andrey@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 06.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 04.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319>
EDN: YSCTJU

УДК 94(47).031

«ОТРАВЛЕННЫЕ» ХАНЫ: ФЕНОМЕН ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ
ПРАВИТЕЛЕЙ В МЕНТАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛ

*Л.В. Воротынцева*¹, *Т.Р. Галимов*²✉

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина*
Елец, Российская Федерация

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет*
Казань, Российская Федерация
✉ galimov_t_r@mail.ru

Резюме. Цель исследования: выяснить реальные причины смерти монгольских ханов Есугэй-баатура, Угэдэя и Гуюка, а также обстоятельства возникновения представлений об их отравлении, нашедшие отражение в ряде нарративных источников. Материалы исследования: В работе использовались монгольские историко-литературные произведения «Монгол ун-ниуча тобчиан» («Сокровенное сказание монголов») и «Алтан тобчи» («Золотое сказание»), монгольско-китайская династическая хроника «Юань-ши», а также работы хулагуидских «летописцев» Рашид ад-Дина («Джами ат-таварих») и Джувейни ага-Малика («Тарих-и-джехангуша»). Кроме того, привлекались сведения, содержащиеся в путевых записках главы папского посольства ко двору хагана Гуюка – Джиованни дель Плано Карпини и посла французского короля Людовика IX – Гильома Рубрука. Результаты и новизна исследования: тема отражения и трактовки в средневековых письменных источниках скоропостижных смертей монгольских правителей вплоть до настоящего времени находилась вне зоны внимания историков-номадистов. Ввиду данного обстоятельства, актуальность поднимаемой в исследовании проблемы заключается в рассмотрении одного из наименее изученных аспектов ментальной истории евразийских кочевников. В статье рассматриваются несколько эпизодов связанных со скоропостижной смертью трех монгольских ханов (Есугэй-баатура, Угэдэя, Гуюка) и трактовкой этих трагических событий в нарративных источниках. На основании критического анализа сведений представленных в письменных источниках, а также привлечения данных естественно-научных дисциплин (медицины, географии), авторы приходят к выводу о ложности распространенных в исторической науке представлений о насильственном характере смертей вышеуказанных монгольских правителей. По мнению авторов исследования, причинами скоропостижных и преждевременных кончин Есугэй-баатура, Угэдэя, Гуюка, являлись, соответственно, пищевое токсикологическое отравление, последствия чрезмерного употребления алкоголя и прогрессирующие развитие хронического, неизлечимого заболевания. Следует

© Воротынцева Л.В., Галимов Т.Р., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

отметить, что представляемая работа носит характер междисциплинарного исследования и является тематическим продолжением статьи, опубликованной в журнале «Золотоордынское обозрение» в 2023 г. [8].

Ключевые слова: Монгольская империя, великие ханы, Есугэй-баатур, Угэдэй, Гуюк, отравление, хронические болезни, ментальное восприятие

Для цитирования: Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 307–319. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319> EDN: YSCTJU

"POISONED" KHANS: THE PHENOMENON OF THE SUDDEN DEATH OF RULERS IN THE MENTAL PERCEPTION OF MEDIEVAL MONGOLS

*L.V. Vorotyntsev*¹, *T.R. Galimov*² ✉

¹*Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation*

²*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
✉ galimov_t_r@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To find out the real causes of death of the Mongolian khans Yesugei-baatur, Ogedei, and Guyuk, as well as the circumstances of the emergence of ideas about their poisoning, reflected in a number of narrative sources.

Research materials: The work used the Mongolian historical and literary works "Mongol un-niucha tobchiyan" ("The Secret History of the Mongols") and "Altan Tobchi" ("Golden Legend"), the Mongolian-Chinese dynastic chronicle "Yuan Shi", as well as the works of the Hulaguid "chroniclers" Rashid al-Din ("Jami at-tawarih") and Juveini ata-Malik ("Tarikh-i-jehangusha"). In addition, the information contained in the travel notes of the head of the papal embassy to the court of Guyuk Khagan – Giovanni del Plano Carpini – and the ambassador of the French King Louis IX, Guillaume Rubruk, were involved.

Results and novelty of the study: the topic of reflection and interpretation in medieval written sources of the sudden deaths of Mongolian rulers has been beyond the attention of nomadic historians up to the present time. Because of this circumstance, the relevance of the problem raised in the study lies in considering one of the least studied aspects of the mental history of Eurasian nomads. The article examines several episodes related to the sudden death of three Mongolian khans (Yesugei-baatur, Ogedei, Guyuk) and the interpretation of these tragic events in narrative sources. Based on a critical analysis of the information presented in written sources, as well as the use of data from natural science disciplines (medicine, geography), the authors conclude that the misconceptions common in historical science about the violent nature of the deaths of the above-mentioned Mongolian rulers are false. According to the authors of the study, the causes of the sudden and premature deaths of Yesugei-baatur, Ogedei, and Guyuk were, respectively, food toxicological poisoning, the consequences of excessive alcohol consumption, and the progressive development of a chronic, incurable disease. It should be noted that the presented work is in the nature of an interdisciplinary study and is a thematic continuation of the article published in the journal "Golden Horde Review" in 2023 [8].

Keywords: Mongol Empire, great Khans, Yesugei-baatur, Ogedei, Guyuk, poisoning, chronic diseases, mental perception

For citation: Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. "Poisoned" khans: the phenomenon of the sudden death of rulers in the mental perception of medieval Mongols. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 307–319. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319> (In Russian)

Изучение ментального восприятия и трактовки исторических событий в парадигме мировоззренческих установок человеческих сообществ той или иной эпохи, а также отражения этих представлений в нарративных источниках, фольклоре и нормах обычного права, продолжает оставаться одним из наиболее популярных направлений в мировой исторической науке. Зародившись в начале XX в. (прежде всего благодаря работам представителей французской исторической школы «Аналов»), во второй половине прошлого столетия ментальная история (или история ментальностей) заняла прочные позиции в современных исторических исследованиях [9; 14; 28]. К сожалению, в отечественной номадистике, на протяжении длительного времени, данное направление научных исследований не пользовалось большой популярностью. Однако в последние десятилетия был опубликован ряд работ современных российских историков, в которых, помимо прочих аспектов исторического развития кочевых этносов Евразии, рассматривается и тема мировосприятия древних номадов. Среди таковых работ особо следует выделить монографии Т.Д. Скрынниковой; Н.Н. Крадина, В.В. Трепавлова и Ю.И. Дробышева [26; 16; 27; 11], в которых был рассмотрен целый спектр мировоззренческих представлений кочевых и полукочевых народов Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем, к настоящему времени остается еще немало проблемных вопросов и тем, требующих дополнительных исследований. В частности, к таковым следует отнести проблему восприятия и трактовки внезапных кончин верховных правителей монголов второй половины XII – первой половины XIII вв. представителями правящей верхушки и родственниками умерших.

В настоящем исследовании рассматриваются три эпизода, связанных с внезапными и скоропостижными кончинами монгольских правителей – отца Чингизхана – Есугэй-баатура, а также хаганов (каганов, каанов)¹ Уке Mongyol Ulus – Угэдэя и Гуюка. Данный выбор обусловлен тем обстоятельством, что в нарративных источниках кончины именно этих членов монгольской правящей династии имеют неоднозначную трактовку, подразумевающую в одной из версий воздействие на их организм отравляющих веществ в качестве причины преждевременной и внезапной смерти.

Представление о смерти Есугэй-баатура как случившегося в результате отравления, возникло в силу определения самого Есугэя, озвученного им перед кончиной. Согласно сообщению «Монгол ун-ниуча тобчиан» («Сокровенного сказания монголов»): «...По дороге в Цекерской степи – Шира-кеере, пировали татары. Повстречавшись с ними, Есугай-баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждою. Татары же, оказывается, его узнали, «это Есугай-кыян

¹ В статье также используются термины «хан» и «великий хан», которыми авторы данного исследования обозначают верховных правителей монголов, как в доимперский, так и в имперский периоды, принимая во внимание то обстоятельство, что политический статус монгольских «ханов» в указанные эпохи имел существенные отличия.

явился» рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счёты. И вот, с умыслом тайно извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них, он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог...Говорит тогда Есугай-баатур: «Мне дурно...Извели меня тайно татары, когда я заехал к ним по дороге...» [13, с. 87].

Схожая версия кончины отца Чингиз-хана, с некоторыми дополнительными подробностями, содержится и в монгольском историко-литературном произведении XVII в. «Алтан тобчи» («Золотом сказании»): «Во время обратного пути Йисугай-багатур захотел пить и сошел с коня по дороге к Чэкчэр в Шара-хэгэре, где сидели татары и пировали. Там были старые [его] враги...они вспомнили о прежних нападениях и из вражды [к нему] подмешали яд и дали ему напиток. В середине пути ему стало плохо; три дня он ехал и, достигнув юрты, сильно занемог. Йисугэй-багатур сказал: «Внутри у меня болит. Кто тут вблизи меня?» Когда он так говорил, то поблизости находился Мэнглик, сын хонгхотанского Чирха-эбугэна. Позвал [он] его, велел подойти и сказал: «Мэнглик, дитя мое...Сына своего Тёмучина я оставил как зятя, а когда возвращался, то дорогой [встретил] пирующих татар и захотев пить, сошел с коня. Разгневались на меня [татары]. Болит у меня внутри...Сына моего Тёмучина, поскорее возьми и привези...Выполняя наказ Йисугэй-багура, отправился Мэнглик к дай-Сэчэну и сказал: «Старший брат Йисугэй очень желает видеть Тёмучина, он скорбит душой. Приехал я взять Тёмучина»...Когда Мэнглик, взяв [с собой] Тёмучина, приехал, Йисугэй-багатур уже стал тэнгри (умер – Л.В., Т.Г.) [17, с. 69–70].

Не вызывает сомнений, что содержащиеся в «Монгол ун-ниуча тобчиян» и «Алтан тобчи» описания обстоятельств кончины Есугэй-багура были составлены не очевидцами, а жившими позднее авторами вышеуказанных историко-литературных произведений, использовавших при их составлении родовые предания и/или народные сказания, отразившие в подобной трактовке реальное историческое событие (внезапную болезнь и преждевременную смерть правителя монголов). Рассматривая вопрос о возникновении версии об отравлении отца Чингиз-хана татарами, следует учитывать то обстоятельство, что повседневное мировоззрение людей древних эпох (античности, средневековья, раннего нового времени) базировалось на антинаучном и в значительной степени иррациональном восприятии и трактовке происходивших в их жизни событий. Природные катаклизмы, эпидемии и вражеские нашествия в абсолютном большинстве случаев воспринимались как наказания сверхъестественных сил (богов, духов), а внезапные болезни и смерти как воздействие на организм пострадавшего человека отравляющих веществ или магических манипуляций (колдовства).

Так, в «Истории народа стрелков» инока Магакии описывается эпизод из истории военных компаний монголов на Южном Кавказе, когда летальные последствия желудочно-кишечного заболевания были приняты за преднамеренное отравление. Согласно сведениям представленным в труде армянского хрониста, во время пребывания монгольского отряда возле Геретинского монастыря, настоятелем обители был устроен пир, последствием которого стала некая тяжелая болезнь «татарского» военначальника Хули и некоторых его людей, закончившаяся летальным исходом: «Чтобы угостить их он (настоятель монастыря – Л.В., Т.Г.) зарезал овцу, открыл новое вино и насытил их всех яствами и питием до того, что они едва могли держаться на конях. Вечером татары, совершенно пьяные воротились домой...а утром нашли своего начальника нездоровым. Они спросили его: «что за причина твоей болезни»? Он отвечал: «священник отравил меня вчера». А священник был совершенно не виновен. Болезнь приключилась от того, что татары, по

обыкновенно, чрезвычайно неумеренно пили и обжорливо ели. Тотчас отправились за священником и...после долгих допросов, они, не поверив его оправданиям...до того изжарили все его тело, что дивный старец Стефан испустил дух...Но скверный и немилосердный начальник (монголов – Л.В., Т.Г.), впав в тяжкую болезнь, в муках и в бесновании...кончил жизнь. Также злая болезнь распространилась по всему его отряду и многие из них умерли...» [15, с. 25–26]. Из вышеприведенного описания можно сделать вывод о том, что за отравление были приняты симптомы болезни volvulus (заворот кишок), вызванной перееданием в сочетании с потреблением значительных доз алкоголя.

В данном контексте ментальных представлений монгольских кочевников о причинах внезапных болезней и смертей, любые негативные последствия контакта с «чужаками» могли расцениваться как самим пострадавшим, так и его родней и соплеменниками как следствие преднамеренных действий. А принимая во внимание наличие давней кровной вражды между монгольским родом Борджигин и татарской племенной аристократией (татарами были захвачены в плен и переданы чжурчженям на мучительную казнь сын Хабул-хана – Укин-Баркак, монгольский хан Амбахай, а сам Есугэй неоднократно воевал с татарскими родоплеменными объединениями) [13, с. 84–85; 24, с. 33, 42], определение самим Есугэй-баатуром причин своего болезненного состояния как результата целенаправленного отравления ядом представителями враждебного племени представляется вполне закономерным.

Вместе с тем, данное обстоятельство не может а priori являться подтверждением вины татарских воинов, которые, при желании, могли бы убить находившегося в их руках монгольского предводителя более надежным и быстрым способом. Кроме того, исходя из сообщения «Сокровенного сказания», встреча Есугэя с представителями враждебного племени была случайной, ввиду того обстоятельства, что татары не могли знать времени отъезда монгольского хана из кочевья своего будущего свата Дай-Сечена (отца Бортэ-хатун, первой жены Тэмуджина). Следовательно, они не могли заранее спланировать алгоритм враждебных действий в отношении Есугэя и подготовиться к ним. Более того, представляется весьма сомнительным факт наличие у татар пищевого яда, поскольку в источниках не содержится информации о функциональном использовании кочевниками Восточной Евразии пищевых ядов в повседневном быту. Таким образом, гипотеза о преднамеренном отравлении Есугэй-баатура не имеет крепкой доказательной основы и не может рассматриваться в качестве установленного исторического факта.

Примечательно, что версия об отравлении отца основателя Монгольской державы присутствует только в монгольских историко-литературных произведениях, тогда как в официальных хрониках, составленных в чингизидских государствах (державе Хулагуидов, империи Юань), в разделах посвященных жизни отца Чингиз-хана, не содержится информации об отравлении или каком либо ином насильственном характере кончины Есугэй-баатура. В частности, в «Джами ат-таварих» о смерти Есугэя сказано лишь то, что она наступила в «молодые годы»: «Когда Есугэй-бахадур в молодые годы скончался, племена тайджиут, которые принадлежали к числу его двоюродных братьев и родичей его предков...в конце его правления и в момент его кончины...выказали [ему] неповиновение и враждебность...» [24, с. 75–76].

Аналогичным образом смерть Есугэй-баатура описывается в династической хронике «Юань-ши» («История Юань»): «...[После того как] Есугай скончался, в десятой луне 3-го года Чжи-юань (30 октября-27 ноября 1266 г.) [он] получил

посмертные имя и титул Ле-цзу, «Божественный император-основатель династии»...К моменту кончины Ле-цзу...большое количество народа обока [Есугая] ушло к тайджиутам...»[12, с. 127].

Отсутствие сведений о насильственной смерти отца Чингиз-хана в нарративных источниках составленных за пределами изначального ареала обитания монгольских кочевников может являться свидетельством того, что версия событий связанных с кончиной Есугэй-баатура представленная в «Сокровенном сказании» не получила широкого распространения в среде представителей «золотого рода», а также монгольской служилой аристократии и в виду данного обстоятельства не была отражена в работах хулагуидских и юаньских «летописцев».

Учитывая всю вышеизложенную аргументацию в качестве наиболее вероятной причины внезапной смерти Есугэй-баатура следует признать последствия тяжелого инфекционного заболевания, развившегося после приема еды или напитков. Описанные в источниках внешние проявления болезни отца Чингиз-хана соответствуют некоторым клиническим признакам пищевых токсикоинфекционных заболеваний вызываемых болезнетворными бактериями *Staphylococcus aureus* (Стафилакок золотистый) и *Salmonella* (Сальмонелла). В частности, отмечаемые в «Золотом сказании» сильные, и вероятно схваткообразные боли в области желудка являются одним из признаков развития воспалительных процессов в организме большого стафилакоковой инфекцией или сальмонелёзом. Дальнейшее развитие паталогических процессов характеризуется воспалениями слизистых оболочек тонкой кишки, а также фиброзно-некротическим воспалением нисходящих отделов толстой кишки, появлением многократной рвоты (часто с кровью), поносом, слабостью, недомоганием, ознобом, снижением артериального давления. При отсутствии квалифицированного лечения имеются большие риски поражения печени, поджелудочной железы, почек и других внутренних органов больного, вплоть до расстройства функции сердечно-сосудистой системы и последующего летального исхода [5, с. 350; 7, с. 453]. В пользу данной версии свидетельствуют и отмечаемые рядом источников специфические особенности бытовой гигиены монголов, способствовавших развитию бактериальных инфекций [1, с. 24].

Следующим верховным правителем монголов, после кончины которого была озвучена версия о его вероятном отравлении, стал внук Есугэй-баатура и сын Чингиз-хана – великий хан (хаган) Угэдэй. Сведения об этом содержатся в сборнике исторических записок хулагуидского сановника и хрониста Рашид ад-Дина. Согласно информации представленной в династическом разделе «Джами ат-таварих», посвященном жизнеописаниям Чингизидов: «...Каан (Угэдэй – Л.В., Т.Г.) очень любил вино и постоянно находился в опьянении и допускал в этом отношении излишества. [Это] с каждым днем его все больше ослабляло... У каана был баурчи, сын Абикэ-беги, сестры Соркуктани-беги...Каждый год Абикэ-беги...приезжала из китайской страны, где был ее юрт, на служение [каану] и устраивая пир, потчевала [его]. На тринадцатый год по восшествии его на престол она, по обыкновению, приехала и вместе со своим сыном, который был баурчи каана, поднесла каану чашу [с вином]. Ночью во время сна каан от чрезмерного [количества] выпитого вина скончался. Стали злословить при содействии хатун и эмиров, что Абикэ-беги и ее сын подносили чашу и, наверное дали каану яду. Илджидай-нойон, который был молочным братом каана и влительным эмиром из рода джелаир, сказал: «Что за вздорные слова? Сын Абигэ-беги – баурчи, он ведь всегда подносил чашу, и каан пил вина слишком много. Зачем нужно позорить своего каана, [говоря], что он умер от покушения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов... Так как он был

умным человеком, то понимал, что причина той смерти – излишество и постоянное опьянение. Он знал, что последствия от излишества в питье вина бывают так пагубны...» [25, с. 42–43].

Несмотря на то, что согласно сообщению Рашид ад-Дина, первоначальная версия кончины великого хана была сразу опровергнута и не получила официального признания, слухи о возможном отравлении Угэдэя сохранялись на протяжении довольно длительного времени. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Плано Карпини о казни некой «тетки» Гуюка, казненной по обвинению в убийстве его отца: «...тогда была схвачена тетка нынешнего императора (великого хана Гуюка – Л.В., Т.Г.), которая с помощью яда убила его отца... Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты...» [21, с. 184–185].

К сожалению, папский посланник не указывает имени «тетки» «императора моалов», вследствие чего идентификация ее личности весьма затруднена и находится в пределах гипотез историков. К настоящему времени в научных исследованиях представлены две версии того, кем могла быть казненная в ставке Гуюка «тетка» хагана. Согласно гипотезе Р.Ю. Почекаева, в качестве подсудимой выступала Абикэ-беги, в отношении которой ранее высказывались подозрения в организации отравления Угэдэя [18, с. 64–65; 25, с. 42]. Слабой стороной этой версии является то обстоятельство, что Абикэ-беги не только не являлась теткой Гуюка, но и вообще не находилась в кровном родстве с правящим хаганом.

В недавно вышедшем исследовании А.А. Порсина была высказана альтернативная гипотеза, согласно которой, казненной теткой Гуюка, являлась младшая дочь Чингиз-хана (и сестра Угэдэя) – Алталун (Алталункан), отрывочные сведения об убийстве которой Угэдэидами содержатся в «Джами ат-таварих» [20, с. 29–32]. Аргументируя невозможность возведения в великие ханы представителей ветви Угэдэидов после смерти Гуюка, Бату обвинил их в узурпации власти и незаконной расправе над Алталун: «...дети Угэдэй-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех [своих] детей и называл Чаур-сечен...» [25, с. 80]. В данном варианте возникает вопрос, на основании чего могли быть выдвинуты столь тяжелые обвинения представительнице «золотого рода» по событию четырехлетней давности?

Вместе с тем, вне зависимости от того, кто в реальности являлся казненной «теткой» «императора» Гуюка, подобные обвинения не могли подкрепляться объективной доказательной базой в виду того обстоятельства, что по происшествии нескольких лет после кончины и погребения великого хана, «доказательства» вины могли быть получены только двумя способами – лжесвидетельством или самооговором обвиняемого в результате пыток. Именно таким образом была «доказана» виновность фаворитки Туракины – Фатимы: «...Фатима предстала перед лицом Гуюка, и ее держали обнаженной, в цепях, и не давали ей есть и пить много дней и ночей... в конце концов она призналась в своих клеветнических измышлениях и наветах, открыто призналась во лжи. Ей отрубили руки и ноги, завернули в кусок войлока и бросили в реку... И каждый, кто был с ней связан, также погиб...» [10, с. 169–170].

По всей вероятности, причиной скоропостижной смерти Угэдэя являлись последствия тяжелой алкогольной интоксикации, усугубленной общим состоянием организма пострадавшего. Согласно данным современной медицинской науки, хронический алкоголизм приводит к расстройству функции сердечно-сосудистой

системы (токсическая миокардиострофия) [3, с. 256]. При тяжёлой степени алкогольного отравления, у больных отмечается повышенная проницаемость сосудов и их разрывы, приводящие к кровоизлиянию во внутренние органы (мозг, желудок, бронхи, двенадцатиперстную кишку), а также возникают значительные риски аберрации рвотными массами. В случае неоказания своевременной и квалифицированной помощи смерть может наступить от паралича дыхательных или сердечно-сосудистых центров и наступления алкогольной комы [3, с. 266].

Примечательно, что после смерти брата великого хана Угэдэя – Чагатая, столь же бездоказательные обвинения в преднамеренном отравлении своего повелителя были предъявлены фавориту Чагатая, некоему «китайцу» (киданю – ?), являвшемуся высокопоставленным сановником (везирем) при дворе третьего сына Чингиз-хана. Согласно сообщению Рашид ад-Дина «...Везир неоднократно говорил Чагатаю: «Ради тебя я ни одно существо не сделал себе другом. После тебя никто меня не пощадит». Когда Чагатай скончался, его (Везира – Л.В., Т.Г.) умертвили по обвинению в том, что он [якобы] дал Чагатаю зелья» [25, с. 102].

Аналогичные слухи об отравлении великого хана возникли и довольно длительное время циркулировали в среде его приближенных и родственников после скорострительной кончины Гуюка. Сообщение об этом содержится в записках французского дипломата Гильома де Рубрука, посетившего проездом ставку (орду) вдовы покойного правителя Монгольской империи: «...О смерти же самого Кена (Гуюка – Л.В., Т.Г.) я не мог узнать ничего достоверного. Брат Андрей (Andre de Longumedu – посол французского короля Людовика IX, отправленный ко двору великого хана Мэнгу в 1249 г. – Л.В., Т.Г.) говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данному ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал и другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата, по имени Стикана (Шибана -?), который прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в то время возникла ссора между ними, и они убили друг друга...» [22, с. 134–135].

Анализируя данное сообщение, необходимо отметить, что представленные в записках Гильома де Рубрука версии об отравлении или убийстве Гуюка, выглядят весьма неправдоподобно по следующим причинам. Согласно сообщению Ата-Малика Джувейни, Гуюк предпочитал пользоваться услугами врачей-христиан [10, с. 178]. Наличие среди них, а также в числе ближайшего окружения великого хана агентов правителя Улуса Джучи представляется крайне маловероятным. Еще более невероятным выглядит рассказ об обоюдном убийстве Гуюка и Шибана, поскольку Шибан (Шейбан) упоминается Рашид ад-Дином в числе участников малого курултая Джучидов и Джагатаидов, собиравшегося после смерти Гуюка, для обсуждения вопроса о поддержке кандидатуры Мэнгу в качестве основного претендента на возведение в великие ханы *Yke Mongyol Ulus* [25, с. 130].

Исходя из вышеприведенной аргументации, следует признать, что изложенные в записках Гильома де Рубрука версии о причинах и обстоятельствах смерти Гуюка, по всей вероятности, являлись субъективными и политически ангажированными представлениями, возникшими в окружении покойного великого хана, действительно находившегося во враждебных отношениях с Бату со времен Западного похода (1236–1242 гг.), когда после пьяной ссоры с главнокомандующим монгольскими войсками, Гуюк, Бури и Алгасун были отозваны с театра военных действий и подверглись опале со стороны хагана Угэдэя [13, с. 194, 195].

В тоже время, в пользу версии о естественных причинах кончины Гуюка свидетельствуют неоднократные сообщения источников о некоей хронической болезни и относительно слабом здоровье великого хана. В частности, согласно свидетельству Рашид ад-Дина, во время проведения церемонии утверждения Гуюка в качестве верховного правителя Эке Монгол Улус, одним из возражений с его стороны, были ссылки на состояние здоровья: «После словопрения [все] согласились на возведение его [на престол], а он (Гуюк – Л.В., Т.Г.), как то обычно бывает, отказывался, препоручая [это] каждому царевичу, и ссылался на болезнь и слабость здоровья...» [25, с. 119]. Несколько позднее, Гуюк предпринял перекочевку в более благоприятные по климатическим условиям области, обосновав это необходимостью излечения от болезни: «В том году он прозимовал в той местности, а когда наступил новый год, он сказал: «Погода склоняется к теплу, воздух Имиля подходит для моей природы, и тамошняя вода благотворна для моей болезни...» [25, с. 121]. По мнению Р.Ю. Почекаева вышеприведенное высказывание являлось саркастическим объяснением, имевшим цель замаскировать истинную причину выдвижения армии великого хана в западном направлении [19, с. 228]. Однако данное предположение исследователя основывается лишь на анализе политической ситуации, сложившейся к тому времени в Монгольской империи, без учета сообщений о состоянии здоровья Гуюка. Между тем, в «Джами ат-Таварих» имеется четкая информация о серьезных проблемах со здоровьем у старшего сына второго правителя Монгольской державы: «...Хотя наследником престола Угэдэй-каана был его внук Ширамун, Туракина-хатун и сыновья Угэдэй-каана после его [смерти] поступили наперекор его приказу и посадили на ханство Гуюк-хана, несмотря на то, что он в течении всей жизни болел хронической (неизлечимой) болезнью...» [25, с. 9–10].

Допустимо высказать предположение, что отмеченной в сообщении Рашид ад-Дина хронической болезнью старшего сына Угэдэя могло быть одно из ревматических заболеваний (артрит, артроз, подагра), предрасположенность к которым («болезнь ног») имели представители племени кунграт (кунграткой являлась мать Гуюка – Туракина-хатун) [23, с. 160]. Течение вышеуказанных заболеваний характеризуется медленным развитием паталогических процессов в организме больного, однако при отсутствии квалифицированного лечения, прогрессирование артрита и подагры приводит к инвалидизации, выражающейся, прежде всего, в ограничении мобильности и периодически возникающем сильнейшем болевом синдроме, а так же развитию мочекаменной болезни, приводящей в последствии к атрофии функции почек и летальному исходу [4, с. 219; 6, с. 40]. Весьма вероятно, что именно проявления хронической болезни, сопровождаемые периодически возникавшим сильными болями, могли оказать влияние на формирование негативных черт характера Гуюка (вспыльчивость, угрюмость, немотивированная жестокость), отмечаемых в сообщениях ряда источников [10, с. 177–178; 13, с. 194–195].

В данном контексте, высказанное Гуюком желание совершить перекочевку в район Имиля (вероятно в долину Эмин, расположенную в предгорьях Таргабатая и отличающуюся мягким климатом, а также наличием солёных озер Алаколь и Сасыколь) следует рассматривать как стремление поправить пошатнувшееся в результате многочисленных интронизационных церемоний и пиров здоровье хагана, посредством пребывания в зоне природного курорта с «благотворным» воздухом и целебными водами. В пользу этой гипотезы свидетельствует и тот факт, что даже в современной медицине при лечении и профилактике обострений подагры широко используется водолечение, как в виде процедур (радоновые,

хлоридно-натриевые или йодо-бромные ванны, так и в виде внутреннего приема слабоминерализованных целебных вод, имеющих щелочные значения Ph. [6, с. 43]. Согласно сообщениям источников, подобные процедуры практиковались и в монгольских улусах [2, с. 756–769] Однако на последних стадиях прогрессирования артрических заболеваний использование одних лишь физиотерапевтических процедур, без комплексного медикаментозного лечения (или хирургического вмешательства) не могло оказать существенного влияния на состояние здоровья больного.

Таким образом, вероятнее всего, смерть Гуюка наступила по естественным причинам, связанным с развитием его хронической болезни, приведшей к дисфункции внутренних органов (почек). Характерно, что внешними симптоматическими признаками острых стадий почечной недостаточности являются отеки, общая заторможенность, сонливость, тошнота, рвота [6, с. 43]. Данные симптомы могли восприниматься окружающими как признаки отравления, не являясь таковыми.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что в ментальном восприятии определенной части монгольского общества, внезапные смерти верховных правителей рассматривались как последствия целенаправленного воздействия на организм отравляющих веществ. Фиксируемые в письменных источниках, подобные представления являлись отражением субъективных и политически ангажированных воззрений отдельных групп служилой аристократии и/или родственников умерших. В реальности, смерти отца Чингиз-хана – Есугэй-баатура, хаганов Угэдэя и Гуюка, по всей вероятности, были вызваны причинами естественного характера, связанными с пищевым или алкогольным отравлением, а также прогрессированием хронических или внезапных болезней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Гигиеническая культура nomadov евразийских степей XIII–XV вв. // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 6. С. 22–34. <https://doi.org/10.269907/2541-7738>. 2020.6.22-34
2. Абзалов Л.Ф. «Горячий ключ от кручины болезней»: из практики водолечения в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 756–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769>
3. Большая медицинская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1974. 576 с.
4. Большая медицинская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975. 608 с.
5. Большая медицинская энциклопедия. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1978. 483 с.
6. Большая медицинская энциклопедия. Т. 20. М.: Советская энциклопедия, 1988. 544 с.
7. Большая медицинская энциклопедия. Т. 22. М.: Советская энциклопедия, 1984. 544 с.
8. Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 562–581. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581> EDN: JJSQBC
9. Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Аналов». М., 1993. 208 с.

10. Джувейни Ата-Малик. История завоевания мира. М.: Изд. Дом. Магистр-Пресс, 2004. 689 с.
11. Дробышев Ю.И. Климат и ханы: роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2018. 264 с.
12. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М.: Типография Наука, 2009. 336 с.
13. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л.: Восточная литература, 1941. 619 с.
14. Зубкова Е.Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.
15. История монголов инока Магакии, XIII века. СПб., 1871. 106 с.
16. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007. 207 с.
17. Лубсан Дабзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. 440 с.
18. Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
19. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: Евразия, 2007. 350 с.
20. Порсин А.А. Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 24–36. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36>
21. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В. В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
22. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. 287 с.
23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
26. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2003. 384 с.
27. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.
28. Хромова Е.Б. Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5–1. С. 53–61. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61>

REFERENCES

1. Abzalov L.F. Hygienic culture of nomads of the Eurasian steppes in 13th–15th centuries. *Scientific notes of Kazan University. Series. Humanities*. Vol. 126. Book 6, pp. 22–34. <https://doi.org/10.269907/2541-7738.2020.6.22-34> (In Russian)
2. Abzalov L.F. “Hot Spring for Cure of Diseases”: On the Practice of Hydropathy in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 756–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769> (In Russian)
3. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1974. 576 p. (In Russian)
4. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1975. 608 p. (In Russian)
5. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 9. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1978. 483 p. (In Russian)

6. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 20. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1988. 544 p. (In Russian)
7. The Great Medical Encyclopedia. Vol. 22. Moscow: The Soviet Encyclopedia Publ., 1984. 544 p. (In Russian)
8. Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The “necessary death” of the Grand Duke: on the question of the causes and circumstances of the death of Yaroslav Vsevolodovich in the autumn of 1246. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Vol. 11, no. 3, 2023, pp. 562–581. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581> (In Russian)
9. Gurevich A. Ya. From the history of mentalities to historical synthesis. Disputes about the main thing: Discussions about the present and future of historical science around the French Annales school. Moscow, 1993. 208 p. (In Russian)
10. Juveini Ata-Malik. The history of the conquest of the world. Moscow: Magister Press Publishing House, 2004. 689 p. (In Russian)
11. Drobyshev Yu. I. Climate and Khans: the role of the climatic factor in the political history of Central Asia. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. 264 p. (In Russian)
12. The Golden Horde in historical sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. Moscow: Nauka, 2009. 336 p. (In Russian)
13. Kozin S.A. The Secret History. Moscow-Leningrad: Oriental Literature, 1941. 619 p. (In Russian)
14. Zubkova E.U. The mental dimension of history: the search for a method. *Questions of history*. 1995, no. 7, pp. 153–160. (In Russian)
15. “The history of the Mongols” of the monk Magakia, 13th century. St. Petersburg, 1871. 106 p.
16. Kradin N.N. Nomads of Eurasia. Almaty, 2007. 207 p. (In Russian)
17. Lubsan Dabzan. Altan tobchi (“The Golden Legend”). Moscow, 1973. 440 p. (In Russian)
18. Pochekaev R.Yu., Pochekaeva I.N. The female Rulers of Eurasia. History and myths about the female rulers of the Turkic-Mongolian states of 13th–19th centuries. St. Petersburg: Eurasia, 2012. 384 p. (In Russian)
19. Pochekaev R.Y. Baty. The Khan who was not Khan. Moscow: Eurasia, 2007. 350 p. (In Russian)
20. Porsin A.A. Trial in the case of the Poisoning of Ögedei Khan in the Context of Contradictions between Different Groups of Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, Vol. 11, no. 1, pp. 24–36. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36> (In Russian)
21. Plano Carpini Ioahn de. History of the Mongols: Text, translation, commentaries. Edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; podgot. lat text of P.V. Lukin. trans. from lat. A.A. Volin, P.V. Lukin, comment. A.A. Gorsky, V.P. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepavlov; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p. (In Russian)
22. Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1956. 287 p. (In Russian)
23. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 222 p. (In Russian)
24. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 1. Book 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 315 p. (In Russian)
25. Rashid al-Din. A collection of chronicles. Vol. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 248 p. (In Russian)
26. Skrynnikova T.D. Charisma and power in the era of Genghis Khan. St. Petersburg: Eurasia, 2003. 384 p. (In Russian)

27. Trepavlov V.V. "The White Tsar": the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia of the 15th–18th centuries. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p. (In Russian)

28. Khromova E.B. From the background of historical anthropology formation in Russia: contribution of the history of mentalities. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2018, vol. 10, no. 1–5, pp. 53–61. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61> (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Вячеславович Воротынец – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of History of the Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 21.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.03.2024

Принята к публикации / Accepted 04.05.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.320-332> УДК 94(470.65+510)"1267/1273"
EDN: ZVYRZD

АЛАНЫ В ЮЖНОСУНСКОЙ КАМПАНИИ КААНА И ИМПЕРАТОРА ХУБИЛАЯ 1267–1273 гг.

Э.В. Казиев

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Владикавказ, Российская Федерация
kedmon@rambler.ru*

Резюме. В статье рассматриваются основные военные операции монгольских войск против империи Южная Сун, пришедшиеся на 1267–1273 гг. периода правления каана и императора Хубилая. Анализ сведений источников на предмет участия аланских воинов в указанной кампании определил научную новизну настоящего исследования. Актуальность исследования определяется отсутствием в научной традиции работ, рассматривающих вопросы участия алан в конкретных военных операциях, составивших монгольские кампании по завоеванию Южносунской империи.

Целью исследования стало представление конкретных обстоятельств участия алан в основных операциях указанной кампании.

Материалами исследования явились соответствующие сведения, содержащиеся в различных разделах официальных хроник китайских императорских династий Сун и Юань, а также хроники Рашид ад-дина и повествования Марко Поло.

В результате было установлено, что в «Истории Юань» содержатся сведения о пяти аланских военачальниках, принимавших участие в монгольской южносунской кампании 1267–1273 гг., основные военные операции которой свелись к осаде и взятию стратегически важного города-крепости Сяньян, а также к рейдам вглубь сунской территории. Кроме того, представление общего хода событий указанной кампании позволило устранить имеющиеся расхождения между сведениями из «Истории Юань», относящимися к описанию участия аланских военачальников в военных операциях кампании, и переводам этих сведений, представленным в научной традиции. Проведенное исследование позволяет утверждать, что аланские военачальники и вверенные их командованию гвардейские подразделения участвовали в наиболее важных военных операциях, составивших южносунскую кампанию каана и императора Хубилая 1267–1273 гг.

Ключевые слова: аланы, монголы, Южная Сун, Юань, Сяньян, завоевание

Для цитирования: Казиев Э.В. Аланы в южносунской кампании каана и императора Хубилая 1267–1273 гг. // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 320–332. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.320-332> EDN: ZVYRZD

© Казиев Э.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ALANS IN THE SOUTHERN SONG CAMPAIGN OF KAAAN AND EMPEROR KHUBLAI 1267–1273

E.V. Kaziev

*Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
Vladikavkaz, Russian Federation
kedmon@rambler.ru*

Abstract. The article deals with the main military operations of the Mongolian troops against the Southern Song Empire, which occurred in 1267–1273 during the reign of Khaan and Emperor, Kublai. An analysis of the information from the sources regarding the participation of Alanian warriors in this campaign formed the novelty of the research. The relevance of the study is determined by the lack of the researches that consider the participation of the Alans in specific military operations that formed the Mongol campaigns to conquer the Southern Song Empire. The objective of the research was to present the circumstances of the participation of the Alans in the main operations of the campaign. The relevant information contained in the various sections of the official chronicles of the Chinese imperial Song and Yuan dynasties, as well as the chronicles of Rashid al-din and Marco Polo's narrative were the materials of the research. As a result, it was ascertained that the "History of Yuan" contains information about five Alanian commanders that took part in the campaign, the main military operations among which were the siege and capture of the strategically important city-fortress Xiangyang, as well as raids deep into the territory of Song. Besides, the presentation of the general course of the campaign events made it possible to eliminate the discrepancies between the information from the "History of Yüan" relating to the description of the participation of the Alanian commanders in the military operations of the campaign, and the translations of this information presented in the scientific tradition. The study allows one to assert that the Alanian commanders and their guards units participated in the most important military operations that made up the Mongolian Southern Song campaign of 1267–1273.

Keywords: Alans, Mongols, Southern Song, Yuan, Xiangyang, conquest

For citation: Kaziev E.V. Alans in the Southern Song campaign of Kaan and Emperor Khublai 1267–1273. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 320–332. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.320-332> (In Russian)

Введение

Как известно, монгольское завоевание китайской империи Южная Сун было длительным процессом, результаты которого имели глобальные исторические последствия. Начавшись в 1235 г. в период правления каана Угэдэя (1229–1241 гг.), этот процесс с разной степенью интенсивности продолжался на протяжении более чем сорока лет, имея промежуточные успехи в период правления каана Мункэ (1251–1259 гг.) и фактически закончившись в 1279 г. в период правления каана и императора Хубилая (1260–1294 гг.) объединением Китая под властью провозглашенной им в 1271 г. династии Юань.

Первым известным новоевропейским исследователем, указавшим на участие алан в этом многолетнем завоевательном процессе, основываясь, вероятно, на сведениях официальной «Истории Юань», был глава французской коллегии ордена иезуитов в Пекине А. Гобиль [40, с. 147, 172], находившийся в Китае с 1722 по 1759 гг. Сведения из трудов А. Гобилиа использовал А.К. д'Оссон, подробно

описавший процесс монгольского завоевания Южносунской империи, не упоминая при этом алан, но указав на завоевание их монголами [39, с. 338–612, 620].

Одним из первых российских исследователей, также не упоминавшем алан, служивших монголам, но представившем первый известный полный перевод на европейский язык анналов правления первых четырех монгольских каанов «Истории Юань», а также перевод летописи «Высочайше утвержденное официальное издание “Всеобъемлющего зеркала, правлению помогающего”», содержащих сведения об этапах монгольского завоевания империи Южная Сун, пришедшихся на время правления каанов Угэдэя и Мункэ, был Н.И. Бичурин (архимандрит Иакинф) [11].

Поскольку сведения из жизнеописаний аланских военачальников юаньской хроники являются одним из основных источников для настоящего исследования, заметим, что первые указания на эти сведения приводятся в 1863 г.¹ в работе П.И. Кафарова (архимандрита Палладия) [2, с. 65–67]. В своей публикации 1877 г. П.И. Кафаров уже приводит первый перевод части сведений из этих жизнеописаний [1, с. 47–48], более подробные переводы которых в это же время приводит в своей англоязычной работе Э.В. Бретшнейдер, тогда как в 1894 г. издается ее частичный, а в 2018 г. полный русскоязычные переводы [35, с. 261–263; 3, с. 71–73; 4, с. 113–114]. Первый же относительно полный комментированный русскоязычный перевод этих жизнеописаний был издан в 1914 г. А.И. Ивановым [10, с. 281–300]. Добавим, что сведения об аланах, воевавших с империей Сун в составе войск Хубилая, представленные в «Истории Юань», а также в повествования Марко Поло, первым соотнес именно с кавказскими аланами Г. Юл [38, с. 313–321; 50, с. 140–143].

В первой половине XX в. выходят работы А.К. Моула, содержащие фрагментарные комментированные переводы сведений об аланах из повествования Марко Поло и «Истории Юань» [45, с. 21–28; 46, с. 140–141, 261–264]. На участие алан в завоевании Южносунской империи указывает П. Пеллио [48, с. 641], который в другой своей работе обстоятельно разбирает сведения Марко Поло, а также сведения официальных китайских хроник династий Сун² и Юань об эпизоде массовой гибели аланских гвардейцев, сражавшихся под началом канцлера Баяна, в одном из южно-китайских городов [49, с. 20–22].

Полный комментированный перевод жизнеописаний аланских военачальников юаньской хроники представлен в своде сведений письменных источников об аланах А. Алеманя, [33, с. 404–434]. Отдельные фрагменты этих жизнеописаний перевели Сяо Ци-Цин в своем исследовании военной организации империи Юань [41, с. 46–47, 97–98, 103], А.Ш. Кадырбаев [13, с. 84–88] и Р.П. Храпачевский [16, с. 244–245, 248–249; 17, с. 162–169], также представивший полный комментированный перевод анналов Хубилая «Истории Юань» [29].

Кроме того, об аланских подразделениях, состоявших на службе в юаньских гвардейских частях, говорится в работе Г.В. Вернадского, справедливо предположившего, что контингенты рекрутов для войны с Южносунской империей были набраны в русских землях (как и в Алании) правителем улуса Джучи Берке, однако ошибочно назвавшего «великого хана Хубилая» инициатором этих действий, поскольку в 1257 г., как сам Г.В. Вернадский датирует эти события, монгольским кааном был все еще старший брат Хубилая Мункэ, скончавшийся лишь в 1259 г. Вместе с тем в этой же работе Г.В. Вернадский резонно предполагает, что отправка воинских контингентов из Улуса Джучи в Китай могла на какое-то время прекра-

¹ Работа переиздана в 1894 г.

² В сведениях об этом эпизоде официальной «Истории Сун», также являющейся одним из основных источников по монгольскому завоеванию Южного Китая, аланы не упоминаются, но говорится о гибели юаньских воинов.

тяться в 1260 г. вследствие конфликта Берке и Хубилая [6, с. 99–100]. С мнением Г.В. Вернадского о том, что Берке отправлял из своего улуса воинов Хубилаю без должной критики согласился Л.Н. Гумилев [9, с. 434], а также В.Л. Бронников [5, с. 10]. О том, что аланские, как и другие воины, отправлялись в Китай из Золотой Орды пишет Чжао Чжу-Чэн, оставляющий, однако, открытым вопрос о путях отправки этих воинских контингентов [31, с. 781–782].

Сведения юаньской хроники об участии алан в монгольском завоевании Южного Китая, представленные в переводе А.И. Иванова, содержатся в работах Ю.С. Гаглойти [7, с. 213], В.А. Кузнецова [18, с. 43; 19, с. 362–363] и А.Л. Чибирова [30, с. 9, 10, 11]. Турецкий перевод этих сведений представлен Б. Угэлем [47, с. 293–304]. Сведения Марко Поло о массовой гибели алан в одном из южно-китайских городов упоминает В. Лишчак [43, с. 283]. Большие потери среди воинов-алан при монгольском завоевании Южного Китая отмечает А.А. Туаллагов [28]. О десяти тысячном корпусе и двух меньших подразделениях северокавказских алан, участвовавших в южносунских кампаниях каана Мункэ, упоминает Т. Оллсен [34, с. 200], повторяя это упоминание в подробном описании тех же компаний в соответствующем разделе многотомной «Кембриджской истории Китая» [36, с. 403–407, 410–411].

Однако во всех перечисленных работах ничего не говорится о конкретных обстоятельствах участия аланских воинов в монгольских южносунских кампаниях. Вместе с тем обстоятельства участия аланских гвардейцев в южно-китайских кампаниях каана Мункэ, как и сам ход этих кампаний, а также обстоятельства упоминавшегося эпизода массовой гибели аланских гвардейцев, сражавшихся под началом канцлера Баяна в ходе кампании 1274–1276 гг., были рассмотрены нами в специальных исследованиях [14; 15].

В завершении краткого источниковедческого и историографического обзора заметим, что сам ход событий монгольских южносунских кампаний, но без упоминания алан, подробным образом изложен в работах Н.П. Свистуновой [23, с. 283–298], М. Россаби [22, с. 51–57, 80–85, 120–158; 36, с. 410–411, 421, 429–436], Р.Л. Дависа [37, с. 917–962], Дж. Мэна [20, с. 173–224], а также в многотомной российской «Истории Китая» [12, с. 113–125].

Основные события монгольской южносунской кампании 1267–1273 гг.

После победы в войне со своим младшим братом Ариг-Бугой за монгольский престол каан Хубилай получил возможность продолжить монгольское завоевание империи Южная Сун, прерванное в 1259 г. смертью их старшего брата, каана Мункэ, и последовавшей за ней междоусобицей. Очередная монгольская война с Южной Сун состояла из трех больших кампаний: в первую кампанию (сентябрь 1267–март 1273 гг.) после многолетней осады монгольские войска овладели стратегически важной крепостью *Сяньян*/襄陽; во вторую кампанию (октябрь 1274–март 1276 гг.) были завоеваны сунские города и области вдоль нижнего течения р. Янцзы, включая столицу империи город *Линьань*/臨安³, что привело к капитуляции сунской правящей династии *Чжао*/趙; на третью кампанию (1276–1279 гг.) пришлось подавление юаньской армией сопротивления сунских лоялистов на юго-востоке страны [23, с. 293, 295, 298].

Военные действия первой кампании начались с обычных для монголов конных рейдов в глубь приграничной сунской территории [27, с. 895; 29, с. 148–149], практикуемых ими с 1235 г. [26, с. 34; 23, с. 266]. В один из таких рейдов 17 сентября 1267 г. войска монгольского полководца Ачжу, внука легендарного Субэдэя,

³ В настоящее время административный р-н г. *Ханчжоу*/杭州.

проследовали мимо Сяньяна, «показывая военную мощь», в область *Наньцзюнь/南郡*⁴, где ими были взяты крепости *Сяньжэнь/仙人*, *Течэнь/鐵城* и другие, а затем, разбив сунское войско, потерявшее 10000 человек, эти войска вернулись обратно, захватив 50000 пленных и 5000 голов лошадей и крупного рогатого скота [26, с. 115, 3119; 29, с. 136, 153]. И хотя спустя три месяца после этого рейда на территориях, по которым он проходил, вновь была установлена власть сунской администрации [27, с. 899], тем не менее Ачжу уведомил Хубилая о том, что Сяньян можно взять, перерезав пути снабжения к этому городу [26, с. 3119; 29, с. 153].

Город-крепость Сяньян занимает стратегически важное место, господствуя над проходом между хребтом *Дабиешань/大別山* на востоке [24, с. 135] и горами *Уданшань/武当山* на западе [25, с. 510], через который протекает р. *Ханьшуй/漢水* (или *Ханьцзян/漢江*), текущая на юг и впадающая в р. Янцзы с севера на Цзянханьской равнине, расположенной по течению Янцзы на восток от обширной Сычуаньской котловины, большая часть которой была завоёвана монголами в 1258–1259 гг. на предшествующем этапе войны с империей Южная Сун при каане Мункэ. Река Янцзы, текущая с запада на восток, является основной водной артерией Южного Китая, и выход к ней через город Сяньян был главной стратегической задачей для атакующей с севера монгольской армии, выполнение которой открывало ей доступ в основные равнинные пределы Сунской империи, расположенные вдоль среднего и нижнего течения этой реки [20, с. 178].

Взятие Сяньяна, как основу стратегии для нападения на Сун, полагал верной и китайский полководец *Лю Чжэнь/劉整*, руководивший обороной города *Лучжоу/瀘州* в Сычуани в 1258 г., но впоследствии перешедший на сторону монголов [26, с. 116, 3786; 29, с. 138]. В декабре 1267 г. Хубилай принял его план вторжения, поручив руководить компанией по захвату Сяньяна Ачжу [23, с. 293]. К осени 1268 г. Ачжу смог возвести несколько укреплений на подступах к Сяньяну с целью блокировать снабжение этого города-крепости [26, с. 3120; 27, с. 901], и 16 октября монгольские войска замкнули кольцо окружения вокруг города *Фаньчэнь/樊城* [26, с. 119], расположенного на восточном (левом) берегу реки Ханьшуй напротив города Сяньян, с которым Фаньчэнь и сегодня образует единую агломерацию [29, с. 141, 156, 157].

2 марта 1269 г. Хубилай назначил командующими очередными монгольскими войсками, отправлявшимися к Сяньяну, заместителя начальника Верховного тайного совета цзиньского китайца *Ши Тянь-цзе/史天澤* и своего зятя *Хулачу/忽刺出*, а 25 марта в эти войска было призвано 20000 простолюдинов [26, с. 110, 121; 29, с. 54, 128, 143, 157]. На протяжении 1269–1271 гг. монгольские войска, осаждая Сяньян, совершали рейды в глубь сунской территории, захватывая большое количество пленных, тогда как осажденные предпринимали неудачные вылазки, а сунские войска предпринимали не менее неудачные попытки деблокировать город с суши и по реке Ханьшуй [27, с. 121, 3120; 29, с. 144, 145, 146, 158, 162, 166, 167, 172, 174, 175, 192; 27, с. 902; 23, с. 293–294].

10 апреля 1270 г. Ачжу и Лю Чжэнь доложили Хубилаю об окружении Сяньяна и предложили для поддержания блокады построить военный речной флот и обучить моряков, после чего последовал указ каана о начале строительства 5000 кораблей и обучения 70 тысяч моряков [26, с. 128; 29, с. 163]. 25 мая 1270 г. монгольскими войсками была завоевана южная часть провинции Сычуань, а также город *Чунцин/重慶* и гора-крепость *Дяюй/釣魚* [26, с. 129; 29, с. 164], при осаде

⁴ В настоящее время уезд *Цзянлин/江陵* городского округа *Цзинчжоу/荊州* провинции Хубэй.

которой в 1259 г. скончался каан Мункэ. 18 августа 1270 г. вокруг Сяньяна монгольскими войсками был возведен земляной вал [26, с. 130; 29, с. 165]. 15 октября сунский полководец *Фань Вэнь-ху/範文虎* с войском на 2000 лодках прибыл на помощь Сяньяну, но Ачжу, Хадан и Лю Чжэн дали встречное сражение и отбили попытку прорыва, взяв в плен 1000 человек [26, с. 131; 29, с. 166]. 21 мая 1271 г. состоялся очередной призыв тяглых для войны с Сун [26, с. 135; 29, с. 172]. 4 июня 1271 г. войска Ачжу разгромили войска сунского полководца Фань Вэнь-ху, пленив 100 человек, среди которых был и их непосредственный командующий *Чжэу Шэн/朱勝* [26, с. 135; 29, с. 172–173], но 11 июня 1271 г. войска сунцев смогли наконец блокировать осаждавшие Сяньян монгольские войска, и Хубилай вынужден был для их деблокирования перебрасывать и выдвигать войска из Чунцина и Сычуани [26, с. 135; 29, с. 173]. 19 июля Фань Вэнь-ху вновь подошел к Сяньяну со стотысячной судовой ратью, но Ачжу в очередной раз разбил сунское войско, захватив более ста судов [26, с. 136; 29, с. 174]. 30 августа 1271 г. Ачжу отбил атаку сунцев на монгольский лагерь, уничтожив более 2000 воинов [26, с. 136; 29, с. 175]. 6 октября 1271 г. войскам Ачжу было приказано занять земли по южную сторону р. Ханьшуй [26, с. 137; 29, с. 178].

18 декабря 1271 г. Хубилай своим указом провозгласил официальное наименование создаваемой им новой империи – *Великая Юань/大元* [26, с. 138; 29, с. 177]. 6 марта 1272 г. последовал указ Хубилая о назначении Ачжу командующим монгольскими, а Лю Чжэна и *А-ли Хай-я/阿裏海牙* (Ар-Хайя) – ханскими (северокитайскими) войсками [26, с. 140; 27, с. 13249; 29, с. 180]. 15 апреля 1272 г. монгольская армия разгромила внешние предместья Фаньчэна, обороной которого командовал *Фан Тянь-шунь/範天順*, и повторно взяла Фаньчэн в осаду [26, с. 140; 29, с. 180, 195]. В апреле и мае 1272 г. 3000 сунских воинов смогли прорваться в осажденный Сяньян на небольших лодках [29, с. 195; 27, с. 909]. 11 сентября монгольские части пресекли очередную попытку сунских войск прорваться в город, а 2 октября Ачжу и Ар-Хайя уничтожили двухтысячное сунское войско, отправившееся на вылазку из осажденного Сяньяна [26, с. 142; 29, с. 183, 196–197]. В декабре 1272 г. Ар-Хайя предложил Хубилаю сосредоточить силы на том, чтобы взять Фаньчэн и таким образом полностью блокировать любую возможность какого бы то ни было сообщения с Сяньяном [26, с. 144; 29, с. 185].

Между тем еще в 1271 г., по просьбе Хубилая, его племянник, персидский ильхан Абага, отправил команду камнеметчиков во главе с мастером *А-лао-вадином/阿老瓦丁* (Ала ад-дином), и 16 декабря 1272 г. один из мастеров этой команды, *И-сы-ма-инь/亦思馬因* (Исмаил), изготовил тяжелый камнемет (вероятно, противовесный требушет [20, с. 193, 198–202]), способный метать на 200 м. камни весом в 89,4 кг., который сразу был отправлен к Сяньяну [26, с. 4544; 32, с. 210–211; 29, с. 185]. Рашид ад-дин, у которого камнеметных дел мастера, прибывшие из Дамаска и Баальбека, имеют другие имена (Абу-Бекр, Мухаммед и Ибрахим), сообщает о постройке ими семи больших камнеметных машин [21, с. 188]. Как бы там ни было, с помощью метательных машин, построенных мусульманскими мастерами, китайские части юаньских войск под командованием Ар-Хайя разрушили понтонный мост, связывающий оба города, а затем новыми катапультами сделали проемы в стенах Фаньчэна, и ворвались в город [26, с. 3124]. Фаньчэн пал 25 января 1273 г., после чего, не видя перспектив дальнейшего сопротивления, сунский полководец *Люй Вэнь-хуань/呂文煥*, оборонявший Сяньян, 14 марта сдал и этот город [27, с. 911; 26, с. 147, 148; 29, с. 199–200, 201]. Заметим, что версия о взятии Сяньяна, приводимая Марко Поло, утверждающая его причастность к идее использования тяжелых камнеметов и к их созданию, не имеет под собой основания, поскольку семейство Поло прибыло ко двору Хуби-

лая только в 1275 г., т.е. тогда, когда город был уже взят [44, с. 318–320; 20, с. 204–205; 8, с. 532–533].

Участие алан в военных действиях кампании 1267–1273 гг.

Согласно сведениям «Истории Юань», в боевых действиях, составивших первую кампанию заключительного этапа монгольского завоевания империи Южная Сун, отличились пятеро аланских гвардейских военачальников, из которых двое, сын военачальника *Негула/捏古剌 Атачи/阿塔赤*, а также *Еле-Бадур/也烈拔都兒*, участвовали непосредственно в осаде Сяньяна [26, с. 3037, 3208; 33, с. 407, 412].

Еще один аланский военачальник по имени *Атачи*, приходящийся сыном аланскому правителю, не осаждал Сяньян, но участвовал в целом ряде операций против империи Южная Сун при Хубилае. В 1268 г. он вместе с военачальником-Чингизидом, указанным в жизнеописании Атачи как *Будатай/不荅台*, был отправлен в поход на юг [26, с. 3205; 33, с. 410]. Отметим, что имя этого монгольского военачальника в жизнеописании Атачи имеет неверное написание, и правильная его форма, *Табутай/塔不台*, содержится в жизнеописании аланского военачальника *Бадур/拔都兒*, также отправленного под командованием Табутая в поход на юг, где Атачи и Бадур приняли участие в битве при *Цзиньгантае/金剛臺* [26, с. 147, 148, 3212; 33, с. 415], место которой Р.П. Храпачевский соотносит с местностью на юго-востоке современного уезда Чунчжоу провинции Сычуань [29, с. 188, 498–499], находящейся в 25 километрах от города Чэнду.

Между тем анналы императора Хубилая сообщают, что в северной, восточной и западной частях Сычуани уже в 1263 г. существовала монгольская администрация, функционировавшая в форме Передвижного тайного совета, располагавшегося в г. Чэнду [26, с. 90; 29, с. 130, 132, 90, 235; 42, с. 55], хотя нападения сунских войск на Чэнду и продолжались до 1275 г. [26, с. 147–148; 29, с. 200]. Кроме того, сам Р.П. Храпачевский, комментируя сведения о захвате монгольскими войсками *Есуэдайэра/也速帶兒/也速答兒* 15 августа 1270 г. округа *Гуанчжоу/光州* и о разгроме ими же сунских войск в Цзиньгантае [26, с. 130], указывает, что округ Гуанчжоу находился в провинции Хэнань [29, с. 165, 188]. Едва ли монгольские войска Есуэдайра могли за один день перенестись из провинции Хэнань в округ г. Чэнду, находящийся в тысяче километров к западу. Есуэдайр действительно воевал вместе со своим отцом, монгольским военачальником Нюрыном, в округе г. Чэнду, но это было в Сычуаньскую кампанию каана Мункэ в 1258 г. [26, с. 3143–3144; 15, с. 39]. Возможно, впоследствии войско Есуэдайра было расквартировано в округе Чэнду: 14 февраля 1275 г., когда сунская армия в очередной раз попыталась отбить Чэнду, войско Есуэдайра, которое, как следует из анналов Хубилая, должно было защищать город, было в походе в Юньнане, и Хубилаю пришлось набирать новых солдат [26, с. 147–148; 29, с. 200, 208, 237]. По этим причинам, более вероятным представляется предположение о том, что под названием *Цзиньгантай* в жизнеописаниях указанных аланских военачальников имеется в виду местность, прилегающая в настоящее время к окружному городку с таким же названием, находящемуся в десяти километрах от уездного города *Шанчэн/商城* в провинции Хэнань, тем более, что к концу 1268 г. область Хэнань уже управлялась монгольской администрацией [26, с. 110; 29, с. 142].

В 1269 г. сын аланского правителя Атачи участвовал в нападении на округ города *Аньцин/安慶* [26, с. 3205–3206; 33, с. 410]. Возможно, это нападение было продолжением вышеупомянутой тактики монгольских рейдов в глубь сунской территории. В переводе жизнеописания Атачи, представленной в своде А. Алама-

ня, говорится, что Атачи «подчинил» округ Аньцина [33, с. 410]. Однако этот перевод не соответствует оригинальному тексту, в котором говорится только то, что Атачи *участвовал в нападении на округ Аньцин* (從攻安慶府), что отражено в переводе А.И. Иванова [10, с. 284]. Кроме того, из анналов императора Хубилая известно, что Аньцин его войска взяли только 25 февраля 1275 г. [26, с. 160; 29, с. 218].

В 1270 г. Атачи и вверенные ему гвардейцы продолжили рейды в составе монгольских войск, приняв участие в захвате сунской крепости *Ухэкоу/五河口* [26, с. 3206; 33, с. 410], расположенной в трех километрах южнее г. Ухэ [29, с. 191, 234] между несколькими озерами и рукавами нижнего течения р. Хуайхэ (современный посёлок *Цзюсяньвань/旧县湾* в провинции Аньхой) и прикрывавшую пути к озеру *Чаоху/巢湖*, южнее которого протекает р. Янцзы.

В походах Ачжу на приграничные территории империи Южная Сун также отличился аланский военачальник *Коуэрцзы/口兒吉*, командовавший сотней гвардейцев [26, с. 3277; 33, с. 416]. О том, в каких именно сражениях участвовал Коуэрцзы и его гвардейцы, в его жизнеописании не сообщается. Можно предполагать, что эти сражения были частью рейдов монгольских войск на приграничные южносунские территории.

Заключение

Рассмотренные сведения источников позволяют утверждать, что в военных действиях, составивших южносунскую кампанию каана и императора Хубилая, пришедшую на 1267–1273 гг., участвовало пятеро аланских гвардейских военачальников: Атачи, приходящийся сыном военачальнику Негула, и Еле-Бадуэр принимали непосредственное участие в осаде города-крепости Сяньян, тогда как другой аланский военачальник под именем *Атачи*, приходящийся сыном аланскому правителю Ханхусы, а также аланские военачальники Бадуэр и Коуэрцзи принимали участие в рейдах монгольских войск в глубь южносунской территории. Соотнесение различных вариантов переводов жизнеописаний аланских военачальников, представленных в «Истории Юань», с оригинальным текстом хроники позволило отметить неточность в переводе сведений об участии Атачи, сына аланского правителя, в «покорении» южносунского городского округа Аньцин, содержащейся в компиляции А. Алеманя, не соответствующей оригинальному тексту источника и противоречащей ходу событий, составивших заключительный этап войны между Монгольской (впоследствии – Юаньской) и Южносунской империями. Кроме того, в переводе анналов Хубилая «Истории Юань», представленных Р.П. Храпачевским, содержится противоречивое описание локализации одного из мест, где проходили военные действия указанной кампании, в которых принимали участие аланские военачальники. В целом же можно утверждать, что аланские гвардейские подразделения приняли участие в ряде важных военных операций, составивших южносунскую кампанию каана и императора Хубилая 1267–1273 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. 1877. Т. 1. С. 1–67.
2. Архимандрит Палладий. Русское поселение в Китае в первой половине XIV в. // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 65–67.
3. Бретшнейдер Э.В. Русь и асы на военной службе в Китае // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 67–73.

4. Бретшнейдер Э.В. Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков / Пер. с англ. И.В. Кучумова. СПб.: Своё издательство, 2018. 280 с.
5. Бронников В.Л. История полка русской гвардии в империи Юань в исследованиях русских историков-эмигрантов // Тюркологические исследования. 2019. №2(4). С. 5–22.
6. Вернадский Г.В. Начертание русской истории М.: Алгоритм, 2008. 336 с.
7. Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ: Ир, 2007. 238 с.
8. Гаркавец А.Н. Марко Поло по прозвищу миллион и его «Книга о разнообразии мира» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, №3. С. 522–565. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-3.522-565>.
9. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 457 с.
10. Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. 1914. Т. 2. Вып. 3. С. 281–300.
11. История первых четырех ханов дома Чингисова / Пер. с кит. монаха Иакинфа (Н.Я. Бичурина). СПб.: Типография К. Крайя, 1829. 440 с.
12. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 4: Династии Юань и Мин (1279–1644) / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокшанин. М.: Наука-Вост. лит., 2016. 678 с.
13. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990. 160 с.
14. Казиев Э.В. Об убийстве аланских воинов при монгольском завоевании империи Южная Сун // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 220–242. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-2.220-242>.
15. Казиев Э.В. Аланы в монгольских южно-китайских военных кампаниях периода правления каана Мункэ (1253–1259 гг.) // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 47(86). С. 34–46.
16. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи). Т. 3. Китайские и монгольские источники / Пер. с кит. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и всеобщей истории, 2009. С. 121–292.
17. Китайские средневековые известия о Руси и Восточной Европе VI–XIV вв. Материалы китайских источников VII–XIV вв. / Пер. с кит., Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и всеобщей истории, 2023. 256 с.
18. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII в. Орджоникидзе: Ир, 1971. 245 с.
19. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
20. Мэн Д. Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / Пер. с англ. В. Федорова. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. 411 с.
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, прим. Ю.П. Верховского, Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевского. М., Л.: АН СССР. 1960. Т. 2. 253 с.
22. Россابي М. Золотой век империи монголов [Rossabi M. Khubilai Khan: his life and times. University of California Press, 1988; 2009] / Пер. с англ. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2009. 479 с.
23. Свистунова Н.П. Гибель Южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука. Главредвостлит, 1977. С. 282–306.
24. Словарь географических названий Китая / Сост. Я.А. Миропольский, Г.Е. Тихонова. М.: Наука. 1982. Т. 1. С. 1–470.
25. Словарь географических названий Китая / Сост. Я.А. Миропольский, Г.Е. Тихонова. М.: Наука. 1982. Т. 2. С. 471–840.

26. Сун Лянь дэн чжуань/宋濂 等撰 [Сун Лянь и др. авторы]. Юань ши/元史 [История Юань]. Бэйцзин/北京 [Пекин]: Чжунхуа шуцзюй/中華書局 [Китайское книжное издательство], 1997. Цэ/册 [Т.] 1. 262 е/页 [с.]; Цэ/册 [Т.] 10. 页/Е [С.] 2869–3180; Цэ/册 [Т.] 11. 页/Е [С.] 3181–3470; Цэ/册 [Т.] 12. 页/Е [С.] 3491–3789; Цэ/册 [Т.] 15. 页/Е [С.] 4391–4678.
27. Тото дэн чжуань /脱脱 等撰 [Тогто и др. авторы]. Сун ши/宋史 [История (династии) Сун]. Бэйцзин/北京 [Пекин]: Чжунхуа шуцзюй/中華書局 [Китайское книжное издательство], 1997. Цэ/册 3 (Т. 3). 页/Е [С.] 615–948; Цэ/册 38 (Т. 38). 页/Е [С.] 13149–13493.
28. Туаллагов А.А. Монгольская империя Юань и аланы-асы // Северная Осетия. 30 ноября 2019 г. № 219 (27938);
29. Храпачевский Р.П. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–7 «Юань ши») / Пер. с кит. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. 744 с.
30. Чибиров А.Л. Аланы на службе империи Юань. Восточные хроники // Известия СОИГСИ. 2019. №33(72). С. 5–17. <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.72.35251>
31. Чжао Чжу-Чэн. Сведения из Юаньши о военном сотрудничестве между Золотой Ордой и юаньской династией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т.4. №4. С. 779–783.
32. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М.: Наука. 1980. 405 с.
33. Alemany A. Sources on the Alans: a critical compilation. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000. 460 p.
34. Allsen T.T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. University of California Press, 1987. 278 p.
35. Bretschneider E.V. Notices of the mediaeval geography and history of Central and Western Asia, drawn from Chinese and Mongol writings and compared with the observations of western authors in the middle ages // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1876. №10, pp. 75–309.
36. The Cambridge History of China. In 15 vols. / Gen. ed. D. Twitchett and J. K. Fairbank / Vol. 6: Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge University Press, 2009. xxix, 776 p.
37. The Cambridge History of China. In 15 vols. / Gen. ed. D. Twitchett and J. K. Fairbank / Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279 / Ed. by J. K. Fairbank and K. C. Liu. Cambridge University Press, 2009. 1095 p.
38. Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In 2 Vols. / Trans. and edit. by H. Yule. London: Hakluyt Society, 1866. Vol. 2. 254–596, xcvi pp.
39. d’Ohsson A.C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu’à Timour Bey, ou Tamerlan. La Haye et Amsterdam: les freres van Cleef, 1834. Т. 2. 651 p.
40. Gaubil A. Histoire de Gentchiscan et de toute la Dinastie des Mongous ses successeurs conquérans de la chine: tirée de l’histoire chinoise. Paris: Briasson, Piget, 1739. 317 p.
41. Hsiao Ch’i-Ch’ing. The Military establishment of the Yuan dynasty. Harvard University Press, 1978. 314 p.
42. Hucker Ch. A dictionary of official titles in imperial China. Taipei: SMC Publ. Inc. 1985. 676 p.
43. Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Mediaeval European Sources // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 276–289. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.276-289>
44. Marco Polo. The description of the world / Trans. and compil. by A.C. Moule, P. Pelliot. London: G. Routledge & Sons Ltd. Publ, 1938. Vol. 1. 593 p.
45. Moule A.C. The Minor friars in China // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1917. January, pp. 1–36.
46. Moule A. C. Christians in China before the year 1550. London: Society for promoting Christian knowledge, 1930. 293 p.

47. Ögel B. Sino-Turcica: Çingiz Han ve Çin'deki hanedanının Türk müşavirleri. İstanbul: IQ Kültürsanat Yayıncılık, 2002. 427 p.
48. Pellio P. Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient // T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale. 1914. Vol. 15, pp. 623–644.
49. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Paris: Imprimerie Nationale, 1959. Vol. 1. 611 p.
50. The book of ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels. In 2 vols. / Trans., edit. and noted by H. Yule. London: J. Murray, 1871. Vol. 2. 525 p.

REFERENCES

1. Archimandrite Palladius. Ancient traces of Christianity in China according to Chinese sources. *Vostochnyi sbornik=Oriental Collected Articles*. 1877, Vol. 1, pp. 1–67 (In Russian)
2. Archimandrite Palladius. Russian settlement in China in the first half of the 14th century. *Zhivaya starina=Living Antiquity*. 1894, Iss. 1, pp. 65–67 (In Russian)
3. Bretschneider E.V. The Rus and Ases in military service in China. *Zhivaya starina=Living Antiquity*. 1894, Iss. 1, pp. 67–73 (In Russian)
4. Bretschneider E.V. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century / Trans. by I.V. Kuchumov. St. Petersburg: Svoyo izdatelstvo, 2018. 280 p. (In Russian)
5. Bronnikov V.L. History of the regiment of the Russian guard in the empire of Yuan in the research of Russian historians-emigrants. *Tyurkologicheskie issledovaniya=Turkological Studies*. 2019, Iss. 2 (4), pp. 5–22. (In Russian)
6. Vernadsky G.V. The Outline of the Russian history. Moscow, 2008. 336 p. (In Russian)
7. Gagloiti Yu. S. Alano-Georgica. Information from Georgian sources about Ossetia and Ossetians. Vladikavkaz: Ir, 2007. 238 p. (In Russian)
8. Garkavets A.N. Marco Polo, Nicknamed the Million, and His “Book on the Diversity of the World”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 522–565. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-3.522-565> (In Russian)
9. Gumilev L.N. In Search for an Imaginary Kingdom. Moscow, 2002. 457 p. (In Russian)
10. Ivanov A.I. The history of the Mongols (Yuan-shih) about the As-Alans. *Khristianskii Vostok=Christian East*. 1914, Vol. 2, Iss. 3, pp. 281–300 (In Russian)
11. The history of the first four Khans of the house of Genghis / Trans. by monk Yakinf (N.Ya. Bichurin). St. Petersburg: Tipografiya K. Kraiya, 1829. 440 p. (In Russian)
12. History of China from ancient times to the beginning of the 21st century: in 10 vol. Vol. 4: Yuan and Ming dynasties. Ed. by A.Sh. Kadyrbaev, A.A. Bokschanin. Moscow: Nauka-Oriental Literature, 2016. 678 p. (In Russian)
13. Kadyrbaev A.S. Turks and Iranians in China and Central Asia in the 13th–14th centuries. Alma-Ata: Gylyml, 1990. 160 p. (In Russian)
14. Kaziev E.V. On the Massacre of the Alan Warriors during the Mongol Conquest of the Southern Song Empire. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 220–242. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-2.220-242> (In Russian)
15. Kaziev E.V. Alans in the Mongolian South Chinese military campaigns under the rule of Möngke Khaan (1253–1259). *Izvestiya SOIGSI=Proceedings of North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies*. 2023, Iss. 47 (86), pp. 34–46. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.86.47.008> (In Russian)
16. Chinese dynastic history “Yuan Shi (the Official History of Yuan) dynasty”. *Golden Horde in the sources*. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources / Tr. by R.P. Khrapachevskii. Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2009, pp. 121–291 (In Russian)

17. Chinese medieval sources about Rus and Eastern Europe of the 6th–14th centuries. Materials from Chinese sources of the 7th–14th centuries. Trans. by R.P. Khrapachevskii. Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2023. 256 p. (In Russian)
18. Kuznetsov V.A. Alania in the 10th–13th centuries. Ordzhonikidze: Ir, 1971. 245 p. (In Russian)
19. Kuznetsov V.A. Essays on the history of the Alans. Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 p. (In Russian)
20. Man J. Kublai Khan: from Xanadu to superpower. Trans. by V. Fedorov. Moscow: AST Publishing House, Vladimir: Vladimirskaia knizhnaya tipografiya, 2008. 411 p. (In Russian)
21. Rashid al-Din. Compendium of chronicles. Trans. by Yu.P. Verkhovsky, com. by Yu.P. Verkhovsky, B.I. Pankratova, ed. by I.P. Petrushevsky. Vol. 2. Moscow-Leningrad, 1960. 253 p. (In Russian)
22. Rossabi M. Golden Age of the Mongol Empire [Rossabi M. Khubilai Khan: his life and times. University of California Press, 1988; 2009] / Trans. by S.V. Ivanov. St. Petersburg, Eurasia, 2009. 479 p. (In Russian)
23. Svistunova N.P. The collapse of the South Song state. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope. Sbornik statei=The Tatar-Mongols in Asia and Europe. Collected papers*. Ed. by S.L. Tikhvinskii. Moscow: Nauka, 1977, pp. 282–306 (In Russian)
24. Dictionary of geographical names of China. Comp. by Ya.A. Miropolsky, G.E. Tikhonov. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1982, pp. 1–470 (In Russian)
25. Dictionary of geographical names of China. Comp. by Ya.A. Miropolsky, G.E. Tikhonov. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1982, pp. 471–840 (In Russian)
26. Sun Lian and other authors. History of Yuan. Vol. 1, 10, 11, 12, 15. Beijing: Chinese Book Publishing House, 1997, pp. 2869–4678. (In Chinese)
27. Toqto and other authors. History of Song. Vol. 3, 39. Beijing: Chinese Book Publishing House, 1997, pp. 615–948, 13494–13851. (In Chinese)
28. Tuallagov A.A. Mongol Empire Yuan and Alans-Ases. *Severnaya Ossetia=North Ossetia*. 2019, no. 219 (27938) (In Russian)
29. Khrapachevskii R.P. “Annals of Kublai”, the main source on the history of the reign of the first emperor of the Yuan dynasty (Juan 4–7 “Yuan shi”). Trans. by R.P. Khrapachevskii Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2019. 744 p. (In Russian)
30. Chibirov A.L. Alans in the service of the Yuan dynasty. The Oriental chronicles. *Izvestiya SOIGSI=Proceedings of North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies*. 2019, Iss. 33 (72), pp. 5–17. <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.72.352511> (In Russian)
31. Zhao Zhu-Cheng. Information from Yüan Shih on the Military Cooperation between the Golden Horde and the Yüan Dynasty. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 4, pp. 779–783. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783> (In Russian)
32. Shkolyar S.A. Chinese pre-fire artillery (materials and research). Moscow: Nauka, 1980. 405 p. (In Russian)
33. Alemany A. Sources on the Alans: a critical compilation. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000. 460 p.
34. Allsen T.T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. University of California Press, 1987. 278 p.
35. Bretschneider E.V. Notices of the mediaeval geography and history of Central and Western Asia, drawn from Chinese and Mongol writings and compared with the observations of western authors in the middle ages. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. 1876, Iss. 10, pp. 75–309.
36. The Cambridge History of China. In 15 vols. Gen. ed. D. Twitchett and J.K. Fairbank. Vol. 6: Alien regimes and border states, 907–1368. Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge University Press, 2009. xxix. 776 p.

37. The Cambridge History of China. In 15 vols. Gen. ed. D. Twitchett and J.K. Fairbank. Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279. Ed. by J. K. Fairbank and K.C. Liu. Cambridge University Press, 2009. 1095 p.
38. Cathay and the Way Thither; being a collection of medieval notices of China. In 2 Vols. Trans. and edit. by H. Yule. Vol. 2. London: Hakluyt Society, 1866, pp. 254–596, xcvi.
39. d’Ohsson A.C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu’à Timour Bey, ou Tamerlan. La Haye et Amsterdam, les freres van Cleef. Vol. 2, 1834. 651 p. (In French)
40. Gaubil A. Histoire de Gentchiscan et de toute la Dinastie des Mongous ses successeurs conquérans de la chine: tirée de l’histoire chinoise. Paris, Briasson, Piget, 1739. 317 p. (In French)
41. Hsiao Ch’i-Ch’ing. The Military establishment of the Yuan dynasty. Harvard University Press, 1978. 314 p.
42. Hucker Ch. A dictionary of official titles in imperial China. Taipei: SMC Publ. Inc., 1985. 676 p.
43. Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Mediaeval European Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 276–289. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.276-289>
44. Marco Polo. The description of the world. Trans. and compil. by A.C. Moule, P. Pelliot. Vol. 1. London: G. Routledge & Sons Ltd., 1938. 593 p.
45. Moule A.C. The Minor friars in China. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1917, January, pp. 1–36.
46. Moule A.C. Christians in China before the year 1550. London: Society for promoting Christian knowledge, 1930. 293 p.
47. Ögel B. Sino-Turcica: Çingiz Han ve Çin'deki hanedanının Türk müşavirleri. İstanbul: IQ Kültürsanat Yayıncılık, 2002. 427 p. (In Turkish)
48. Pellio P. Chrétiens d’Asie Centrale et d’Extrême-Orient. T’oung Pao ou Archives concernant l’histoire, les langues, la géographie et l’ethnographie de l’Asie Orientale. 1914, Vol. 15, pp. 623–644 (In French)
49. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. 1. Paris, Imprimerie Nationale, 1959. 611 p.
50. The book of ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels. In 2 vols. Trans., edit. and noted by H. Yule. Vol. 2. London: J. Murray, 1871. 525 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эдуард Викторович Казиев – старший научный сотрудник Отдела истории, Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (362025, ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4386-248X, ResearcherID: L-9777-2018. E-mail: kedmon@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard V. Kaziev – Senior Research Fellow of the Department of History, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (46, Vatutin Str., Vladikavkaz 362025, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4386-248X, ResearcherID: L-9777-2018. E-mail: kedmon@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 08.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.05.2024

Принята к публикации / Accepted 05.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355>
EDN: UIYOXM

УДК 930.271

**ДАТИРОВАННЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ГОРОДА СОЛХАТ/КЫРЫМ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ**

М.А. Усеинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
temedulla@list.ru*

Резюме. Цель исследования: Выявление закономерностей и неоднородностей в хронологическом распределении эпитафических памятников. Попытка соотнести датированный материал с определенными событиями в жизни средневекового города Солхат/Кырым. Обнаружение хронологических маркеров в типологии и оформлении лапидарных памятников на основании которых можно будет дать временную привязку для памятников без датировки.

Материалы исследования: В статье собрана информация о более чем ста датированных эпитафических памятниках с арабографическими надписями, найденных в разное время на территории золотоордынского города Солхат/Кырым и в его окрестностях. Данные собраны на основе лапидарного материала, хранящегося в музеях и частных коллекциях, среди них 26 памятников, которые вводятся в научный оборот впервые. Учтена информация упомянутая в работах Эвлия Челеби, отечественных исследователей XIX – нач. XX вв., в исследованиях О.-Н. Акчокраклы, дневниках и рисунках У. Боданинского, фотоматериалах археологических экспедиций 20-х гг. XX в.

Результаты исследования: В работе представлено распределение датированных памятников во временном промежутке со втор. пол. XIII века, до посл. четв. XV века. Также представлены результаты хронологического распределения для некоторых подтипов надмогильных памятников и временные рамки использования тюркского языка на эпитафических памятниках Солхата/Кырыма.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат, город Кырым, Старый Крым, арабографическая эпитафика, мусульманские надмогильные памятники, датированные памятники

Для цитирования: Усеинов М.А. Датированные мусульманские эпитафические памятники города Солхат/Кырым и его окрестностей // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 333–355. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355>
EDN: UIYOXM

© Усеинов М.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

DATED MUSLIM EPIGRAPHIC MONUMENTS OF THE SOLKHAT/KIRIM CITY AND ITS ENVIRONS

M.A. Useinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
memedulla@list.ru*

Abstract. Purpose of the study: Identification of patterns and heterogeneities in the chronological distribution of epigraphic monuments. An attempt to correlate dated material with certain events in the life of the medieval city of Solkhat/Kirim. Detection of chronological markers in the typology and design of lapidary monuments, on the basis of which it will be possible to give a chronological reference for monuments without dating.

Research materials: The article contains information about more than a hundred dated epigraphic monuments with Arabic inscriptions found at different times on the territory of the Golden Horde city of Solkhat/Kirim and in its environs. The data was collected on the basis of lapidary material stored in museum and private collections, including 26 monuments that are being introduced into scientific circulation for the first time. The information mentioned in the works of Evliya Celebi, domestic researchers of the 19th to the beginning of the 20th century was taken into account, the studies of O.N. Akchokrakly, diaries and drawings of U. Bodaninsky, and photographic materials of archaeological expeditions of the 1920s.

Research results: The work presents the distribution of dated monuments over the time period from the second half of the 13th century to the last quarter of the 15th century. Also presented are the results of the chronological distribution for some subtypes of grave monuments and the time frame for the use of the Turkic language on the epigraphic monuments of Solkhat/Kirim.

Keywords: Golden Horde, Solkhat, Kirim city, Stary Krym city, Arabic epigraphy, Muslim gravestones, dated monuments

For citation: Useinov M.A. Dated Muslim epigraphic monuments of the Solkhat/Kirim city and its environs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 333–355. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355> (In Russian)

Эпитафические памятники золотоордынского периода, обнаруженные на территории города Солхат/Кырым отмечали в своих работах многие отечественные исследователи XIX – нач. XX вв., среди них: П.С. Паллас, П.И. Кёппен, Н.Н. Мурзакевич, Г. Спасский, В.Д. Смирнов, А.И. Маркевич, Ю.А. Кулаковский и другие [9, с. 1–12]. Исследователи фиксировали в основном, отдельные, показавшиеся им особо интересными, эпитафические памятники, многие из которых не сохранились до наших дней. Начало системным исследованиям эпитафики Старого Крыма было положено в 20-е гг. XX в. Было организовано несколько археологических экспедиций, в работе которых принимали участие востоковед и археолог, руководитель нескольких экспедиций, проф. И.Н. Бороздин, археологи А.С. Башкиров, П.И. Голландский, Н.Л. Эрнст, архитектор Б.Н. Засыпкин и др. В задачи экспедиций, наряду с раскопками, входили сбор и изучение эпитафического материала на территории города. Самое активное участие в этой работе принимали первый директор Бахчисарайского дворца-музея Усеин Боданинский и арабист, востоковед Осман-Нури Акчокраклы.

В 1925–1926 гг. и 1928 г. археологическими экспедициями был собран обширный лапидарный материал – более 320 экземпляров эпитафических памятников с

элементами эпиграфики и орнаментами [2, с. 5]; [3, с. 152]. Археологические экспедиции 20-х гг. XX века собрали богатейший эпиграфический материал, относящийся к золотоордынскому периоду истории Крыма. Членам экспедиции удалось прочитать и расшифровать почти две сотни обнаруженных надписей. Эти исследования увенчались рядом научных публикаций, которые являются ключевыми и актуальными по сегодняшний день [2]; [3]; [6].

Попытку исследования хронологического распределения памятников впервые предпринял О.-Н. Акчокраклы. Сохранились два перечня датированных памятников, написанных им в 1926 и 1928 гг. В этих списках зафиксировано 42 датированных памятника за 1925–1926 гг.¹ и 17 памятников за 1928 г. [3, с. 156]. Исследования О.-Н. Акчокраклы отодвинули границу самых ранних известных памятников к последней трети XIII века. [3]. До этого самыми ранними считались памятники 1309/1310 гг. К сожалению, не весь объем исследованного эпиграфического материала тогда удалось ввести в научный оборот, репрессии 30-х гг. XX в. положили конец этим исследованиям. В эти же годы теряются следы большей части той эпиграфической коллекции.

В 1978 году с началом работы Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (СКАЭ ГЭ) под руководством Марка Григорьевича Крамаровского, исследования золотоордынской истории Крыма получают новый импульс. В первый же год раскопок экспедиция находит в северном айване медресе Инджибек-хатун более 80 экземпляров эпиграфических памятников из коллекции, собранной в 20-е гг. XX в. Систематические раскопки экспедиции СКАЭ ГЭ за более чем 40 лет работы, дали, в том числе, и богатый эпиграфический материал. За это время, в результате раскопок на территории мечетей, медресе, древних кладбищ, были обнаружены десятки новых эпиграфических памятников.

Современный период изучения золотоордынской эпиграфики Крыма отмечен значительным ростом интереса к этой теме, увеличением количества публикаций и новых находок. За последние десятилетия можно отметить большое число авторов, затрагивающих тему мусульманской эпиграфики Старого Крыма. Данной теме посвящены работы Абдульвапова Н.Р., Айбабиной Е.А., Гаврилова А.В., Кирилко В.П., Крамаровского М.Г., Ломакина Д.А., Майко В.В., Садофеева Д.В., Сейдалиева Э.И., Червонной С.М. и др. Значительный пласт неопубликованных материалов, касающихся исследований эпиграфики 20-х гг. XX в. и современных наработок, был издан Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ в трехтомнике «Собрания сочинений У. Боданинского» и в многотомной серии «Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том 4», а также Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, и Институтом археологии Крыма РАН, в трехтомнике «Мирас-наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах» [12; 13; 14].

Также, в последние годы увеличились случаи обнаружения новых находок эпиграфических памятников золотоордынской эпохи. В частности, в июне 2021 года в южной части города Старый Крым в ходе реконструкции стадиона были обнаружены фрагменты ранних памятников с датой *Раби-аль-авваль 684 г. х.* (=май-июнь 1285 г.).

На сегодняшний день основную массу датированных памятников Старого Крыма составляют мусульманские надмогильные камни, есть также небольшое количество строительных, посвячительных надписей (тарихов).

¹ ОПИ ГИМ. Ф.598. Оп.1. Ед.хр.33. Л.11.

Хронологические рамки исследования – со втор. пол. XIII века до 80-х гг. XV века, от времени первых зафиксированных мусульманских эпитафических памятников на территории Крыма до времени подчинения полуострова Османскому государству и постепенного угасания города Солхат/Кырым. Датированный материал конца XV в. и всего XVI века в Старом Крыму пока не выявлен.

Места обнаружения памятников. До наших дней дошла лишь малая часть золотоордынской эпитафики Крыма. Собранный материал – это лишь небольшая часть от того количества памятников, которые описывают путешественники на средневековых кладбищах города. К сожалению, тысячи надмогильных камней с кладбищ были уничтожены колонистами-переселенцами в XIX–XX вв. Камни использовались для строительства домов, хозяйственных построек, лестниц [11, с. 125; 19, с. 278], и даже на шоссирование феодосийского почтового тракта [2, с. 8].

Большинство датированных эпитафических памятников в Старом Крыму – это случайные находки. Поэтому, несмотря на ограниченное количество материала, из-за случайности как места так и времени находок, можем предположить, что это более или менее нейтральный срез хронологического распределения памятников города. И, возможно, в какой-то мере, он отражает пропорции реального количества памятников в тот, или иной отрезок времени. Так как раскопки на территории города, в том числе кладбищ, не выявили большого количества датированного материала одного, узкого временного отрезка, это не исказило общую картину хронологического распределения памятников. Лишь о небольшом количестве датированных памятников мы знаем, как о найденных в результате раскопок на кладбищах. Это раскопки в 20-х гг. XX века на «Зеленой площади» в Старом Крыму, которые не были сплошными, а раскапывались точно, только видимые на дневной поверхности интересные памятники. Эти раскопки дали 18 надмогильных камней, часть из которых датирована [3, с. 152]. В 90-е гг. XX в. археологическая экспедиция СКАЭ ГЭ под руководством М. Г. Крамаровского вела раскопки кладбища на холме Кемаль-ата. Из более чем 80-ти захоронений лишь одно было с датированным памятником [7, с. 38]. Так же частично были раскопаны некрополи вокруг мечетей хана Узбека, так называемой «Мечети Бейбарса», «Куршун-джами», но они не дали датированного материала.

Большая часть памятников была обнаружена уже не на местах их первоначального расположения. Часто памятники были вынуты из кладок старых стен, или после использования в хозяйстве в качестве лестниц, материала для мостовой, или были найдены в ходе земляных работ. География обнаружения памятников включает помимо территории средневекового города, холмы с остатками стены на севере города, холм Кемаль-Ата, а также окрестные селения Шах-Мурза, Отузы, Карагоз, которые были тесно связаны со средневековым городом.

Места хранения памятников. Основная часть сохранившихся лапидарных памятников золотоордынской эпохи, относящихся к Старому Крыму на сегодняшний день находится на территории города. На сегодня в Старом Крыму известно более 350 памятников и фрагментов, относящихся к периоду Золотой Орды и раннему периоду Крымского ханства. Более 220 из них имеют надписи, или фрагменты текстов. Среди них много небольших дробных фрагментов, содержащих только несколько арабграфических букв. Большую часть памятников составляют надмогильные камни различных типов.

Значительная часть памятников собрана в созданном в 2018 г. «Музее истории и археологии (на правах отдела ГБУ РК Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия)». В последние три года сюда были перевезены практи-

чески все памятники, находившиеся на территории мечети хана Узбека и в археологическом хранилище СКАЭ ГЭ на ул. Стамова. Оставшиеся около мечети памятники также планируется перевезти в этот музей. Также сюда поступают многие новые находки, обнаруженные на территории города в ходе строительных и земляных работ. На 2023 г. в Музее истории и археологии сосредоточено более 270 единиц хранения лапидарных памятников и их фрагментов, среди них 27 датированных². В Литературно-художественном музее (г. Старый Крым) хранится более 50 экземпляров, среди них 5 датированных. В Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике хранятся два мраморных сандык-таша (саркофага)³ с датами, обнаруженные в 1925 г. в Старом Крыму на территории медресе Инджибек-хатун. В Феодосийском Музее древностей хранится около двух десятков довольно хорошо сохранившихся памятников золотоордынской эпохи, среди которых много мраморных, среди них 2 датированных. Данные о месте обнаружения этих памятников не сохранились, но Акчокраклы О.-Н. относил их к старокрымским [2, с. 10]. В Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург) хранятся чуть более 20 экземпляров, есть информация о двух датированных памятниках⁴. В Симферопольском Центральном музее Тавриды хранятся 4 экспоната, относящиеся к золотоордынской эпохе, два из которых известны по работе Арсения Маркевича и имеют даты [10, с. 65; 11, с. 128–129]. Наиболее крупные частные коллекции: в музее «Солхат» (г. Старый Крым) более 50 экземпляров, среди них 5 датированных; в частной коллекции Е. В. Панина (г. Старый Крым) – около 30 экземпляров, среди них 2 датированных. Отдельные памятники, часто очень интересные и ценные, находятся на территории мечетей г. Старого Крыма и в пгт. Щебетовка (Отузы), и в нескольких других частных коллекциях. Некоторые эпиграфические памятники находятся на своих изначальных местах. В первую очередь это портал мечети хана Узбека в Старом Крыму, фрагменты памятников на старом кладбище в пгт. Щебетовка (с. Отузы). На момент исследования, большинство памятников не состояли на музейном учете и не имели инвентарных номеров.

Методы отбора памятников. В работе учитывались только те надписи, прочтение даты на которых не оставляло вопросов. Или, в случае повреждения надписи, удавалось однозначно определить числительное по сохранившимся буквам. Были отсеяны более 40 датированных памятников, на которых хотя бы одно из числительных осталось под вопросом, либо сохранилась только часть датировки.

В общее количество были также внесены датированные памятники прочитанные Эвлией Челеби, Кёппеном, О.-Н. Акчокраклы и У. Боданинским, не сохранившиеся до сегодня, но прочтение дат на которых не вызывало сомнений у

² Имеются в виду памятники, включенные в данную работу. Общее количество поврежденных датированных памятников значительно больше.

³ Распространенное название этого типа памятников в крымоведении – *саркофаг*. Данный тип представляет собой параллелепипед из цельного куска известняка, с полукруглым, или двускатным верхом. Часто с одним или двумя вертикальными выступами на торцах, от этого называемый «*двурогим*», «*однорогим*», или «*безрогим*». В статье используется крымскотатарское название подобных памятников – *сандыкъ* (صاندىق), *сандык-таш* (камень в форме сундука) [4, с. 226]. Известны также крымскотатарские названия подтипов таких памятников – *чатал*, *бешик*. Турецкое название данного типа памятников – *sanduka*.

⁴ К сожалению, данные по лапидарному материалу в хранилище Государственного Эрмитажа неполные.

авторов, несмотря на то, что перепроверить даты на части из них не представляется возможным. Из несохранившихся памятников, приведенных у О.-Н. Акчокраклы, о которых нет достаточно сведений, были отсеяны несколько памятников в верности прочтения которых сомневался сам О.-Н. Акчокраклы, либо отсутствовало одно из числительных. Это номера (№ 3, 85, 112, 114, 119) в статье [2].

Часть памятников, приведенных в статье О.-Н. Акчокраклы, сохранилась, они были обнаружены около медресе Инджибек-хатун в 1978 г. М.Г. Крамаровским. Но не все памятники из списка Акчокраклы на сегодня удалось соотнести с найденными экземплярами. Для исключения повторений между датированными памятниками из списка О.-Н. Акчокраклы и сохранившимися памятниками, была проведена работа по выявлению совпадающих дат. Были учтены данные из дневников и рисунков У. Боданинского, фотографии археологических экспедиций, из которых были известны подробности о форме надмогильных памятников, или подробности надписи, в которой был указан месяц, либо имя человека. На основании этих данных удалось исключить дублирование в случае совпадения дат.

Из-за ограниченности объема статьи не представляется возможным привести фотографии, прорисовки и описание всех датированных памятников, поэтому в списке приведены ссылки на опубликованные данные о памятниках, в первую очередь содержащие фотографии, рисунки и прорисовки, по которым можно сопоставить прочтение даты. Исключение составляют несколько памятников из списка Акчокраклы, для которых пока не обнаружено иллюстративного материала. Для памятников, которые еще не введены в научный оборот, в статье приведены фотографии и прорисовка только той части надписи, на которой указана дата.

Проблемы прочтения датировок. За исключением нескольких надписей, все даты на памятниках написаны прописью на арабском и тюркском языках. Исключение составляют четыре даты, проставленные цифрами. Это три даты на памятниках из селения Отузы, и мраморный сандык-таш, с датой 724 г. х., который хранится в Феодосийском Музее древностей.

Одна надпись, упомянутая у Эвлия Челеби, приведена в русском переводе у Бахревского Е.В. в виде зашифрованной даты в словосочетании «*Высшее вращение Луны*» – 763 г. х. [21, с. 168]. Так как в разных списках работы Эвлия Челеби приводится как минимум два разных варианта этой фразы «*alâü'd-devri'l-kameriyye*» [22, с. 664], которые дают в результате разные цифровые значения года⁵, этот памятник не учтен в данной работе. Среди датированного материала большое количество памятников с утратами. Это результат воздействия атмосферных осадков, выветривания, повреждения экскаватором при извлечении из земли и т.п.

К памятникам с поврежденными надписями в исследовании широко применялся метод исключения, т.к. слов, обозначающих числительные, немного, и простым перебором находилось подходящее под сохранившиеся буквы слово. Проблемы прочтения арабских числительных общеизвестны. Это, в первую очередь, сходство написания числительных «семь» и «девять» – «*саб'ун*» и «*тис'ун*» и сходство в написании слова *сене* (год) и числительной *ситтун* (шесть). И даже небольшие утраты в надписи, наряду с отсутствием диакритических точек, приводят к проблемам в прочтении.

⁵ Попытка сложить цифровые значения букв этого выражения
علاءالدورالقمريه – *alâü'd-devri'l-kameriyye* [22, с. 664], дало результат – 70+30+1+1+30+4+6+200+1+30+100+40+200+10+5 = 728 г.х., а в другом списке произведения иное написание слова – القمريه به «*kameriyye*» [22, с. 664], и соответственно – 743 г.х.

В списке приведены даты по хиджре и перевод их в григорианское летоисчисление, дано краткое описание памятника, место хранения и ссылка на источник, в котором упоминался памятник. Для памятников публикуемых впервые, дана ссылка на рисунок с прорисовкой числительных, приведенный в конце статьи (Рис. 5–7). Перевод даты в григорианское летоисчисление дан с точностью только до месяца, указание чисел начала и конца месяца было посчитано избыточным и несущественным в данном исследовании.

Хронологический список памятников

1. 661 г. х., месяц Зу-ль-када (=1263 г. сентябрь-октябрь). Надпись на мечети *Бей Хаджи Умара аль-Бухари*. Не сохранилась. Упоминается у Эвлия Челеби [21, с. 168].

2. 672 г. х., Джумада-аль-ахира (=1273 г. ноябрь-декабрь). Однорогий сандыкташ с именем «*Иззун-ниса, дочери шейха Мушеррефа*». Не обнаружен. Сохранился рисунок У. Боданинского [18, с. 75]. № 142 в статье О. -Н. Акчокраклы⁶ [2, с. 15].

3. 684 г. х., в начале месяца Раби-аль-авваль (=1285 г., май). Фрагменты однорогого сандыкташа с именем «*Мухаммед-шаха сына Баха-уд-дина Умара*». Музей истории и археологии (г. Старый Крым)⁷. [20, с. 167–170].

4. 684 г. х., в последний <...> месяца Раби-аль-авваль (=1285 г., июнь). Однорогий сандыкташ с именем «*Баха-уд-дина Умара сына Мухаммеда*». Музей истории и археологии (г. Старый Крым). [20, с. 167–170].

5. 687 г. х., (дата на тюркском) (=1288/89 г.). Плоская плита-стела. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). Сохранился фрагмент. № 47 [2, с. 12]; Рис. У. Боданинского [4, с. 284; 13, с. 366].

6. 690 г. х. (=1291 г.). Фрагмент сандыкташа. Литературно-художественный музей (г. Старый Крым). № 191 [3, с. 156; 14, с. 206; 18, с. 55, 75–76].

7. 702 г. х., Раджаб (=1303 г., март). Фрагмент восьмигранного надмогильного камня. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 93 [2, с. 14; 13, с. 363].

8. 709 г. х., Зу-ль-каде (=1309 г., апрель-май). Двурогий сандыкташ. Не обнаружен. Сохранились фотографии. № 17 [2, с. 11].

9. 709 г. х. (=1309/10 г.) Плохо проработанная посвятельная плита о возобновлении мечети *Шамс-ад-дином бин Рамазом(?)*. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). [11, с. 128–129; 6, с. 283].

10. 714 г. х. (= 1314/15 г.). Надпись на портале мечети хана *Мухаммеда Узбека*. Сохранилась на изначальном месте [21, с. 168; 15, с. 529; 2, с. 16; 6, с. 294; 18, с. 97].

11. 724 г. х., (дата приведена цифрами), Сафар (=1324 г. февраль/март). Мраморный безрогий сандыкташ с именем «*Бек Софу бин Бек Тут*». Феодосийский музей древностей (г. Феодосия). Рис. У. Боданинского [4, с. 275].

12. 729 г. х., (дата приведена цифрами) (=1328/29 г.). Плоская стела с полукруглым верхом с именем «*шейха Якуба Коневи*». Сохранилось два фрагмента: один на новом мусульм. кладб. пгт Щebetовка и второй на первоначальном месте обнаружения. [5, с. 24–26; 13, с. 486, 495; 18, с. 179–180].

⁶ Здесь и далее в списке, номер цифры обозначает порядковый номер памятника в статьях О.-Н. Акчокраклы [2; 3].

⁷ Полное название музея – «Музей истории и археологии на правах отдела ГБУ РК Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия», сокращено для краткости списка.

13. 733 г. х. (=1332/33 г.). Посвятительная надпись на медресе *Инджи-бек хатун*. Не сохранилась. Упоминается у Эвлия Челеби [21, с. 167].
14. 738 г. х., Шавваль (=1337 г., апрель/май). Двурогий сандык-таш. На территории мечети хана Узбека. № 13 [2, с. 10–11].
15. 739 г. х. (=1338/39 г.). Небольшой сандык-таш. Частный музей «Солхат» (г. Старый Крым). См. рис. 6.1.
16. 742 г. х., Сафар (=1341 г., июль/август). Массивная мраморная плита-стела. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь) [10, с. 65].
17. 743 г. х. (=1342/43 г.). Массивная плита-стела с именем *Мурада*. Сохранились небольшие фрагменты. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 5 [2, с. 10; 13, с. 429, 437].
18. 744 г. х. (=1343/44 г.). Восьмигранная стела. Не обнаружена. № 4 [2, с. 10].
19. 747 г. х. (=1346/47 г.). Цилиндрическая(?) тumba с именем «*Хаджи Бахадуд-дина сына Омера*». Не обнаружена. № 95 [2, с. 14].
20. 747 г. х., Шавваль (=1347 г., январь/февраль). Фрагмент восьмигранного памятника. Не обнаружен. № 111 [2, с. 14].
21. 748 г. х. (=1347/48 г.). Сандык-таш на массивной плите. Не обнаружен. Сохранилось фото. № 86 [2, с. 13].
22. 749 г. х., Шаабан (=1348 г., октябрь/ноябрь). Плоская стела-плита со стрельчатым верхом. Феодосийский музей древностей (г. Феодосия). [1, с. 135].
23. 751 г. х., Раджаб (=1350 г., сентябрь/октябрь). Восьмигранная тumba. Не обнаружена. № 40 [2, с. 12].
24. 753 г. х. (=1352 г.). Восьмигранная тumba. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.1.
25. 756 г. х., Раби-аль-авваль (=1355 г., март/апрель). Мраморный цилиндрический памятник с именем «*Эмира Омера Халеби*». Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 26 [2, с. 12; 13, с. 419; 18, с. 86].
26. 760 г. х., (*дата цифрами*) (=1358 г.). Посвятительная плита из с. Отузы. Хранится около мечети пгт. Щebetовка (с. Отузы). [13, с. 488].
27. 760 г. х., Рамадан (1359 г., август). Фрагмент плоской стелы с килевидным верхом. Литературно-художественный музей (г. Старый Крым). См. рис. 5.2.
28. 761 г. х., Шавваль (=1360 г., август/сентябрь). Плоская стела с килевидным верхом. Не обнаружена. Сохранилось фото. № 116 [2, с. 15; 13, с. 368].
29. 761 г. х. (=1360 г.). Фрагмент «рога» сандык-таша. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 6.2.
30. 763 г. х. (=1361/62 г.). Плоский памятник разбитый пополам, без нижней части. Не обнаружен. № 106 [2, с. 14].
31. 763 г. х. (=1361/62 г.). Плоская плита-стела с семилепестковым килевидным верхом. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 5.3.
32. 763 г. х. (=1361/62 г.). (?) Нет информации. Не обнаружен. № 313 [3, с. 158].
33. 763 г. х., Мухаррам (=1361 г., ноябрь/декабрь). Плоская стела с килевидным верхом. Литературно-художественный музей (г. Старый Крым). См. рис. 5.4.
34. 763 г. х., Сафар (=1361 г., декабрь/январь). Плоская стела с килевидным верхом с именем «*Идриса сына Хаджи Яхья Отузи*». Сохранилось два фрагмента: на новом мусульм. кладбище в пгт Щebetовка и на первоначальном месте обнаружения [13, с. 489; 18, с. 180–181].
35. 763 г. х., Раби-аль-авваль (=1362 г., январь/февраль). (?). Не обнаружен. № 52 [2, с. 12].

36. 763 г. х., Рамадан (=1362 г., июль). Восьмигранная тумба. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 89 [2, с. 14].
37. 763 г. х., Зу-ль-Хиджа (=1362 г., сентябрь/октябрь). Плоская стела с килевидным верхом. Частный музей «Солхат». [18, с. 91].
38. 763 г. х., Зу-ль-Хиджа (=1362 г., сентябрь/октябрь). Плоская стела с килевидным верхом. Частная коллекция (Е. В. Панин). См. рис. 5.5.
39. 763 г. х., Зу-ль-Хиджа (=1362 г., сентябрь/октябрь). Плоская стела с килевидным верхом. Не обнаружена. Сохранилось фото. № 23 [2, с. 11; 13, с. 405].
40. 764 г. х. (=1362/63 г.). Фрагмент плиты-стелы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 5.6.
41. 764 г. х. (=1362/63 г.). Восьмигранный надмогильный памятник. Частная коллекция (Е. В. Панин). См. рис. 7.2.
42. 765 г. х., Мухаррам (=1363 г., октябрь/ноябрь). (?). Не обнаружен. № 62 [2, с. 13].
43. 765 г. х., Сафар (=1363 г., ноябрь/декабрь). (?). Не обнаружен. № 168 [3, с. 156].
44. 765 г. х., Зу-ль-каада (=1364 г., август). Сандык-таш расколотый на две части. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 6.3.
45. 766 г. х. (=1364/65 г.). Небольшой сандык-таш с именем «*Девлет дочери Неджмеддина Эсселя...*». Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 97 [2, с. 14].
46. 766 г. х., Шавваль (=1365 г., июнь/июль). (?). Не обнаружен. № 31 [2, с. 12].
47. 766 г. х., Шаабан (=1365 г., май). Восьмигранный надмогильный памятник. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.3.
48. 767 г. х. (=1365 г.). Фрагмент плоской стелы. Литературно-художественный музей (г. Старый Крым). См. рис. 5.7.
49. 767 г. х., Раби ас-сани (=1365 г., декабрь / 1366 г., январь). (?). Не обнаружен. № 53 [2, с. 13].
50. 769 г. х., Шаабан (=1368 г., март/апрель). Фрагмент плоской стелы. Частный музей «Солхат». См. рис. 5.8.
51. 770 г. х., (дата на тюркском) (=1368/69 г.). Массивная вертикальная стела. Частный музей «Солхат». [17, с. 257].
52. 772 г. х. (=1370/1371). Восьмигранная тумба, целая. Не обнаружена. Сохранилось фото. № 35 [2, с. 12].
53. 772 г. х., Зу-ль-каада (= 1371 г., май/июнь). (?). Не обнаружен. № 66 [2, с. 13].
54. 773 г. х. (=1371 г.). Плоская стела с килевидным верхом. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). [18, с. 90].
55. 775 г. х. (=1373/74 г.). Фрагмент мраморного памятника. Не обнаружен. № 103 [2, с. 14].
56. 775 г. х. (=1373/74 г.). Мраморный безрогий сандык-таш из медресе *Инджи-бек хатун*. БИКАМЗ⁸. КП-12437, АЛП-29. № 1(Б) [3, с. 156; 18, с. 88].
57. 776 г. х. (=1374/75 г.). Мраморный двурогий сандык-таш *Алемдара* с эпиграфией на тюркском. Государственный Эрмитаж. № 25 [2, с. 11; 13, с. 424; 18, с. 79].
58. 776 г. х. (=1374/75 г.). Фрагмент цилиндрического (?) памятника. Не обнаружен. № 100 [2, с. 14].

⁸ Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник.

59. 776 г. х., Мухаррам (=1374 г., июнь/июль). Фрагмент восьмигранной тумбы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.4.
60. 776 г. х., Раджаб (=1374, декабрь / 1375 г., январь). Фрагмент восьмигранной тумбы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.5.
61. 777 г. х., Раби-аль-авваль (=1375 г., август/сентябрь). Памятник с именем «*Давуда сына Хаджи Ахмеда Джендского*». Не обнаружен. № 234 [3, с. 158].
62. 777 г. х. (=1375/76 г.). Фрагмент плоской стелы-плиты. Частный музей «Солхат». См. рис. 5.9.
63. 780 г. х. (=1378/79 г.). (?). Не обнаружен. № 155 [3, с. 156].
64. 782 г. х. (=1380/81 г.). Фрагмент маленькой тумбы. Не обнаружен. № 105 [2, с. 14].
65. 782 г. х. (=1380/81 г.). Фрагмент восьмигранной тумбы. Не обнаружен. Сохранилось фото. № 157 [3, с. 156].
66. 782 г. х., Джумада аль-уля (=1380 г. август/сентябрь). Восьмигранная стела. Не обнаружена. № 1 [2, с. 10].
67. 782 г. х. (=1380/81 г.). Восьмигранная стела. Музей истории и археологии (г. Старый Крым) [18, с. 83].
68. 782 г. х., (дата *цифрами*). (=1380 г.). Плоская стела с килевидным верхом «*шейха Хаджи Яхья сына Мухаммеда Иракского*». Сохранился небольшой фрагмент на кладбище в пгт Щебетовка (с. Отузы). [13, с. 492; 18, с. 181–182].
69. 786 г. х., Мухаррам (?) (=1384 г., март). Фрагмент восьмигранной тумбы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.6.
70. 786 г. х. (=1384/85 г.). Фрагмент восьмигранной тумбы. Во дворе новой мечети г. Старый Крым. См. рис. 7.7.
71. 787 г. х. (=1385/86 г.). Восьмигранная тумба. Не обнаружена. № 110 [2, с. 14].
72. 788 г. х. (=1386/87 г.). Небольшой сандык-таш с именем «*младенец Айше, дочь хафиза Мустафы*». Не обнаружен. № 2 [2, с. 10].
73. 788 г. х. (=1386/87 г.). Фрагмент мраморной плоской стелы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 5.10.
74. 789 г. х. (=1387 г.). (?). Не обнаружен. № 204 [3, с. 157].
75. 789 г. х. (=1387 г.). (?). Не обнаружен. № 165 [3, с. 156].
76. 790 г. х. (=1388). (?). Не обнаружен. № 288 [3, с. 158].
77. 790 г. х., Раби-аль-авваль (=1388 г., март-апрель). Фрагмент восьмигранной тумбы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.8.
78. 790 г. х., 10-го Сафара (=1388 г., февраль). (?). «...сын *Тадж-эд-дина Тибризи*». Не обнаружен. № 225 [3, с. 157].
79. 795 г. х. (=1392/93 г.). Фрагмент детского надмогильного памятника (тумба). Не обнаружен. № 104 [2, с. 14].
80. 795 г. х. (=1392/93 г.) Фрагмент восьмигранной тумбы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.9.
81. 796 г. х. (=1393/94 г.). Восьмигранный памятник. Не обнаружен. № 218 [3, с. 157].
82. 796 г. х. (=1393/94 г.). Фрагмент восьмигранной тумбы. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). См. рис. 7.10.
83. 807 г. х. Раджаб (=1405 г., январь/февраль). Надпись на мечети *Мухаммеда, сына Эль-Хаджи Байрам Ходжи*. Не сохранилась. [21, с. 168].
84. 808 г. х., Раджаб, (дата на *тюркском*) (=1406 г., январь). Двурогий сандык-таш. Литературно-художественный музей (г. Старый Крым).

85. 809 г. х. (=1406 г.). Восьмигранная тумба с навершием. Не обнаружена. Сохранился рисунок. № 102 [2, с. 14].

86. 812 г. х. (=1409/10 г.). Двурогий сандык-таш с именем «*Раби 'а хатун дочь Шейха*». Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 18 [2, с. 11].

87. 812 г. х. (=1409/10 г.). Фрагмент восьмигранной тумбы. Не обнаружен. № 36 [2, с. 12].

88. 818 г. х., (дата на тюркском) (=1415 г.). Плоская стела с килевидным верхом. Не обнаружена. № 235 [3, с. 158].

89. 818 г. х., (дата на тюркском) (=1415/16 г.). Цилиндрический памятник. Не обнаружен. № 139 [2, с. 15].

90. 823 г. х., (дата на тюркском) (=1420/21 г.). Цилиндрический памятник. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 189, [3, с. 156]. См. рис. 8.2.

91. 823 г. х.,⁹ Рамадан (=1420/21 г., сентябрь/октябрь). Цилиндрический надмогильный памятник из дер. Шах-Мурза. Государственный Эрмитаж. № 188 [3, с. 156; 18, с. 188].

92. 825 г. х., Джумада-аль-ахыра (=1422 г., июнь). Надпись на квартальной мечети шейха *Али эль-Бакри*. Не сохранилась. [21, с. 168].

93. 828 г. х., (дата на тюркском) (=1424/25 г.). (?). Не обнаружен. № 315 [3, с. 158].

94. 833 г. х., Раби-аль-авваль (=1429 г., декабрь / 1430 г., январь). Мраморный безрогий сандык-таш с именем «*Ир-султан дочери <...>ран-бека*». БИКАМЗ. КП-12436. АЛП-28. № 2(Б) [3, с. 159; 18, с. 89].

95. 840 г. х., Зу-ль-Хиджа (=1437 г., июнь). Цилиндрический памятник. На территории санатория г. Старый Крым.

96. 851 г. х., Раби-аль-авваль (=1447 г., май-июнь). Сандык-таш на массивной плоской плите. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). [18, с. 59].

97. 853 г. х., Раджаб (=1449 г., сентябрь). Цилиндрический памятник. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). № 14 [2, с. 11].

98. 868 г. х. (=1464 г.). Надпись на дюрбе с «готическим» сводом, с именем «*Гияз-ад-дин султана сына Килай-Темир-хана*». Не сохранилась. [16, с. 46].

99. 880 г. х., Зу-ль-хиджа, (дата на тюркском) (=1476 г. апрель/май). Сандык-таш с поломанными рогами с именем «*Сеид Хасана(?) сына Хусеина-ходжа*». Дюрбе около мечети хана Узбека(?). № 141 [2, с. 15; 17, с. 256–257].

100. 882 г. х., Зу-ль-хиджа, (дата на тюркском) (=1478 г. март-апрель). Стела-плита с килевидным верхом. Не обнаружена. Сохранилось фото. № 20 [2, с. 11].

101. 887 г. х. (дата на тюркском). (=1482/83 г.). Фрагмент сандык-таша. Музей истории и археологии (г. Старый Крым). [17, с. 256–257].

Таким образом, общее количество учтенных датированных памятников Солхата/Кырыма составило 101 экземпляр.

В результате сопоставления датированного материала, удалось установить, что основная масса памятников закономерно относится ко времени наибольшего расцвета средневекового города Солхат/Кырым – к 40-м – 80-м годам XIV века. Но самый значительный пик неожиданно приходится на годы смуты – 60-80-е

⁹ В статье О.-Н. Акчокраклы опечатка, указана дата 813 г.х., хотя там же, в арабском тексте дата написана верно [3, с. 156]. Дату 823 г.х. О.-Н. Акчокраклы указал для этого памятника в рукописном отчете археологической экспедиции, и в описании к фотографии памятника.

годы XIV века (Рис. 1). На эти годы приходится почти половина всех датированных памятников¹⁰.

Распределение памятников в период с 1360-х по 1380-е гг. Рассматривая более подробно пик количества памятников который приходится на период 60–80 годов XIV века, сразу бросается в глаза большое количество памятников с датой 763 г.х. (= 1361/62 год) (Рис. 2). При общем рассматриваемом периоде времени в более чем двести лет, только на один этот год приходится десять(!) процентов всех датированных памятников Солхата. Из десяти¹¹ надмогильных памятников с датой 763 г.х., три приходится на один месяц – *Зу-ль-Хиджа*. Конечно же, есть небольшая вероятность случайного совпадения такого количества памятников с одной датой, или можно связать это с лучшей сохранностью кладбища именно этого периода времени. Но памятники были найдены в разное время, в течение более чем ста лет, и в разных частях города, и свести это к простой случайности все же сложно.

Стоит обратить внимание, что памятники, относящиеся к этому году, искусно и старательно изготовлены, что требует значительного времени, и мастеров соответствующего уровня. Крупные потрясения, связанные с эпидемиями или с нашествием завоевателей, приводят к массовой гибели людей и нарушению жизнедеятельности в городе на значительные промежутки времени. Так что некому и не на что изготавливать и устанавливать дорогостоящие и трудоемкие памятники. В данном случае, можно предположить какой-то кратковременный кризис, который не нарушил уклада жизни средневекового города, но, возможно, привел к чувствительным потерям населения. Дата на памятниках близка к дате поражения ордынцев в битве на Синих водах, осенью 1362 г. Можно было бы связать наличие большого количества памятников с потерями в этой битве, но большая их часть (семь) относится к женским памятникам. В 1361 году в Золотой Орде от засухи погиб урожай, а в 1362 был голод [8, с. 276]. На эти же годы приходится обострение нестабильности во власти и приход Мамая в Крым. Хотя, возможно, еще какие-то события, междоусобицы, либо комплекс всех этих факторов привели к появлению большого количества памятников.

Можно отметить еще два небольших локальных пика увеличения количества памятников, которые приходятся на 776 г.х. (=1374/75 г.) – четыре мужских памятника, и на 782 г. х. (=1380/81 г.) – пять мужских памятников. Датированные памятники фиксируются без значительных перерывов в промежутке 1330-х – 1380-х гг., на протяжении более 60 лет. Пик приходится на 60–80-е гг. XIV в. В это время мусульманская община города, по-видимому, достигает своей максимальной численности.

Первый длительный период спада количества датированных памятников начинается с самого конца 80-х г. XIV в., а отсутствие датированного материала, на протяжении более чем 10 лет, отмечено с 1393/94 по 1406 г. Не связывая это пока с походами Тимура и возможным разорением города, (для этого недостаточно данных), стоит обратить внимание на этот временной отрезок, в котором, по-видимому, проявляются первые признаки начала упадка города.

¹⁰ Причем среди отсеянных памятников, у которых повреждено, или утрачено числительное обозначающее единицы, есть еще как минимум четыре, относящиеся к 60-м годам, и два к 70-м г. XIV в.

¹¹ Среди датированных памятников есть еще как минимум два, с датой, скорее всего 763 г. х., но они не были включены в этот перечень, из-за сомнений в достоверности прочтения одного из числительных в дате.

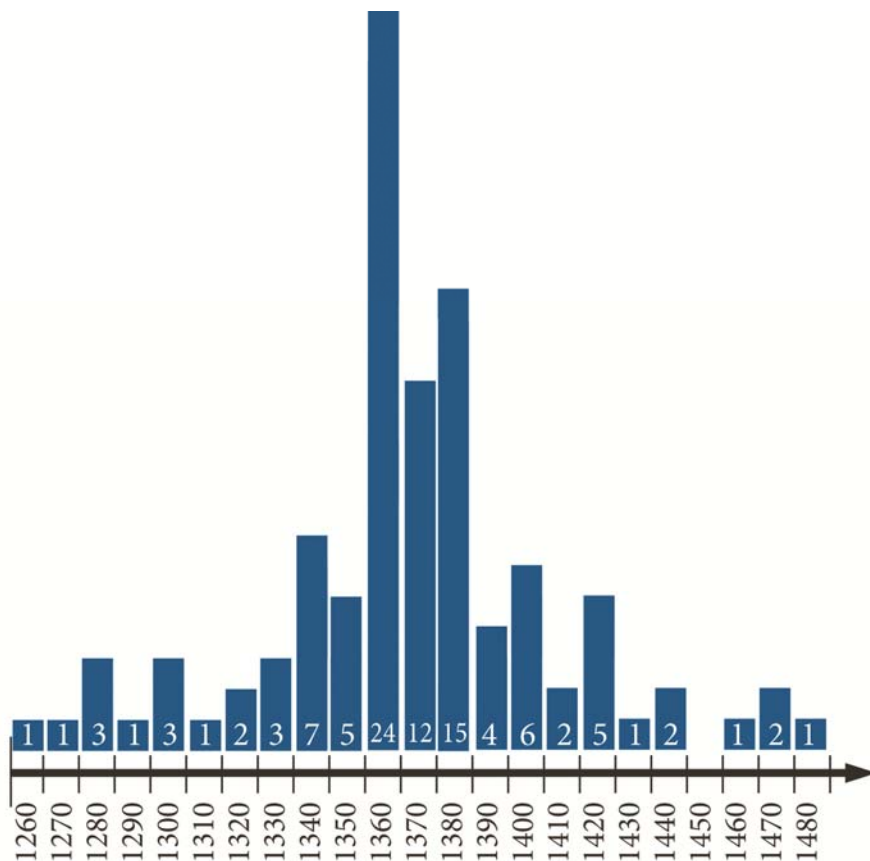

Рис. 1. Распределение датированных эпитафических памятников по десятилетиям.
 Fig. 1. Distribution of dated epigraphic monuments by decades.

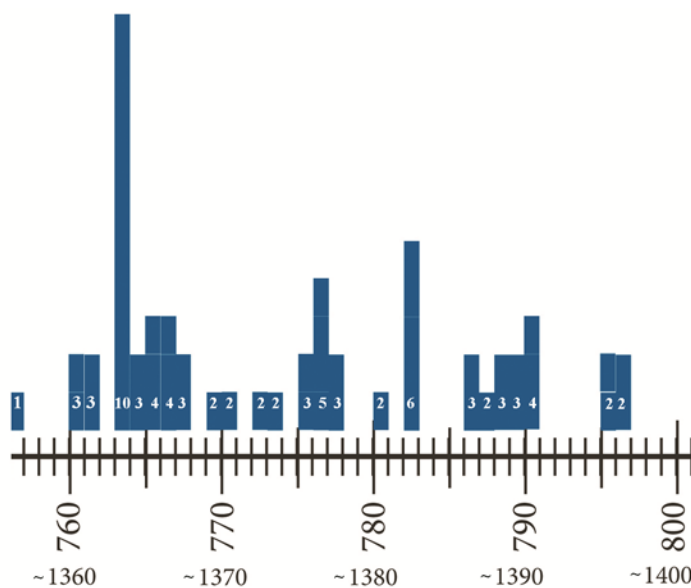

Рис. 2. Распределение эпитафических памятников в период 1360–1380 гг.
 Fig. 2. Distribution of epigraphic monuments in 1360–1380.

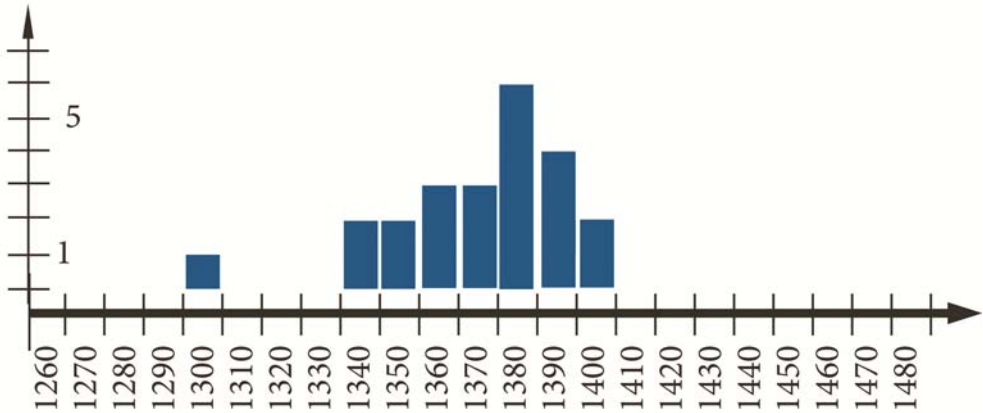

Рис. 3. Распределение восьмигранных надмогильных памятников.

Fig. 3. Distribution of octagonal grave monuments.

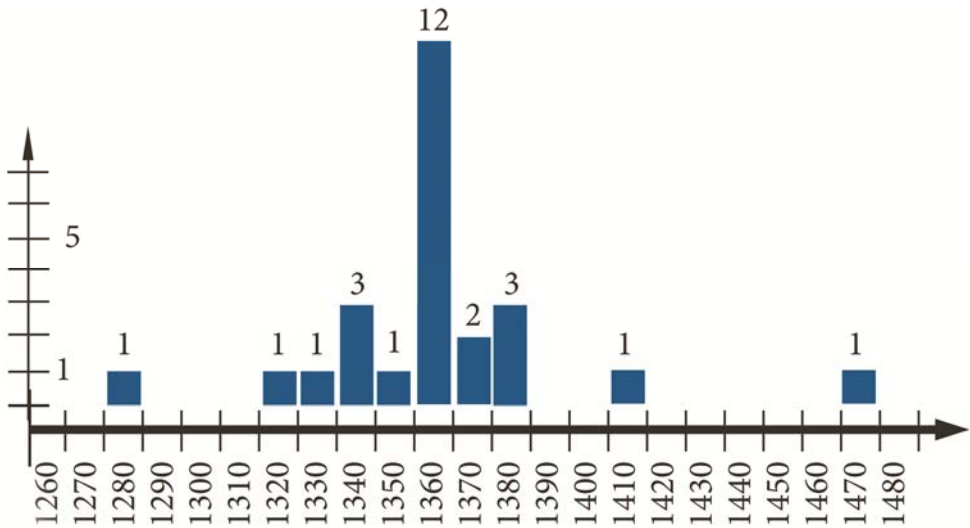

Рис. 4. Распределение женских плоских плит-стел.

Fig. 4. Distribution of female flat slabs-steles.

Распределение надмогильных памятников по подтипам. Хронологическое распределение по типологии памятников, дает следующие результаты: посвятельные надписи (*тарихи*) немногочисленны (9 ед.) и распределены равномерно по всей временной шкале. Сандык-таши различных видов распределены равномерно по всей исследуемой хронологической длине. Подтип «однорогих» сандык-ташей на данный момент зафиксирован только в посл. трети XIII в. и имеет специфический, более мелкий шрифт, что дает нам хороший хронологический маркер для датировки других подобных памятников. Цилиндрические памятники зафиксированы с 40-х г. XIV в., но в целом также распределены равномерно.

5.2. месяц Рамадан
760 г. х. (= август 1359 г.)

5.5. Зу-ль-Хидже 763 г. х.
(= сентябрь/октябрь 1362 г.)

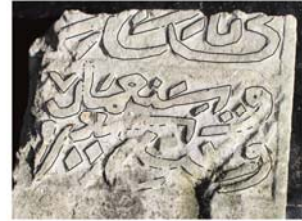
5.8. Шаабан 769 г. х.
(= март-апрель 1368 г.)

5.3. 763 г. х.
(= 1361/62 г.)

5.6. 764 г. х.
(= 1362/63 г.)

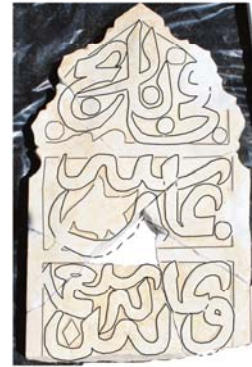
5.9. 777 г. х.
(= 1375/76 г.)

5.4. Мухаррам 763 г. х.
(= 1361/62 г.)

5.7. 767 г. х. (= 1365 г.)

5.10. 788 г. х.
(= 1386/87 г.)

Рис. 5. Надписи с датами на плоских женских плитах-стелах.

- 5.2. месяц Рамадан 760 г.х. (= август 1359 г.); 5.3. 763 г.х. (=1361/62 г.);
5.4. Мухаррам 763 г.х. (= 1361/62 г.); 5.5. Зу-ль-Хидже 763 г.х. (= сентябрь
/октябрь 1362 г.); 5.6. 764 г.х. (= 1362/63 г.); 5.7. 767 г.х.(= 1365 г.);
5.8. Шаабан 769 г.х. (= март-апрель 1368 г.);
5.9. 777 г.х. (= 1375/76 г.); 5.10. 788 г.х. (= 1386/87 г.).

Fig. 5. Inscriptions with dates on flat female slabs-steles.

- 5.2. month of Ramadan 760 Hijri (= August 1359); 5.3. 763 Hijri (=1361/62);
5.4. Muharram 763 Hijri (= 1361/62); 5.5. Dhu al-Hijjah 763 Hijri (= September
/October 1362); 5.6. 764 Hijri (= 1362/63); 5.7. 767 Hijri (= 1365);
5.8. Sha'ban 769 Hijri (=March-April 1368); 5.9. 777 Hijri (= 1375/76);
5.10. 788 Hijri (= 1386/87).

Рис. 6.1. 739 г. х. (= 1338/39 г.)

Рис. 6.2. год 761 г. х. (= 1360 г.)

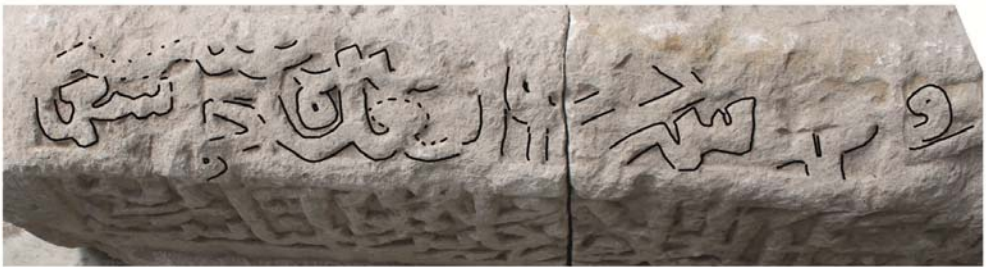

Рис. 6.3. Зу-ль кааде 765 г. х. (= август 1364 г.)

Рис. 6. Надписи с датами на одном из типов надмогильных памятников – *сандык-таш* (саркофаг).

6.1. 739 г.х. (= 1338/39 г.); **6.2.** год 761 г.х. (= 1360 г.);

6.3. Зу-ль кааде 765 г.х. (= август 1364 г.).

Fig. 6. Inscriptions with dates on one of the grave monuments types – *sandyk-tash* (sarcophagus).

6.1. 739 Hijri (= 1338/39); **6.2.** year 761 Hijri (= 1360);

6.3. Dhu al-Qa'dah 765 Hijri (= August 1364).

Восьмигранные памятники – самый распространенный тип надмогильных камней города Солхат/Кырым. С одной стороны это связано с тем, что на одну могилу устанавливалось два таких восьмигранника. Один – у изголовья с фигурным навершием и надписью с именем. Второй камень ставился в изножье и содержал только дату прописью. Восьмигранные мужские памятники и плоские женские стелы-плиты за небольшим исключением распределены на достаточно компактном хронологическом отрезке.

Наибольшая концентрация таких памятников находится в рамках 40-х гг. XIV века – нач. XV в. (Рис. 3). Есть одно исключение – восьмигранный памятник с датой 1302 г., оформленный иначе. На нем надпись расположена вертикально, только на одной грани, в отличие от всех остальных памятников, на которых надпись расположена под навершием на всех гранях по кругу. На части восьмигранников, особенно в рамках 1370-х–1380-х годов, надписи нанесены грубо, примитивно, как будто на скорую руку, из-за чего плохо читаются. Это радикально отличает

их от женских плоских вертикальных плит-стел, часто с изысканной и безупречной каллиграфией.

Плоские стелы также обычно устанавливались по два памятника на погребение, в изголовье – с именем, и в изножье – с датой. Плоские стелы можно разделить на несколько подтипов, отличающихся в основном по толщине плиты. Различные подтипы плоских плит-стел встречаются на всем исследуемом промежутке XIII–XV вв., но можно выделить период наибольшего всплеска появления таких памятников – 60-е гг. XIV в. (Рис. 4). Этот всплеск связан с подтипом самых тонких плоских женских стел со стрельчатым верхом (*толщина плиты – 8–9 см*), которые встречаются только в узком временном диапазоне 1360–1380-х годов. Так как распределение других типов надмогильных памятников практически равномерно, получается, что всплеск количества памятников 60–80-х гг. XIV в. связан в первую очередь с увеличением количества мужских восьмигранных стел и женских плоских стел.

Распределение тюркских надписей также имеет свои особенности. Тюркских надписей не так много, всего известно 17 памятников. На двух памятниках сохранились поэтические эпитафии на чагатайском языке [2, с. 5], на остальных же памятниках, на тюркском фиксируются только написание числительных в дате. В списке приведены 11 датированных памятников, с полностью сохранившейся датой на тюркском. Несмотря на то, что тюркские надписи зафиксированы в XIII в. – 1288/89 г., и во втор. пол. XIV в. – 1368/69 г, 1374/75 г., увеличение количества таких надписей отмечается с XV века – 1406 г., 1415/16 г. (2 ед.), 1420/21 г., 1424/25 г., 1476 г., 1478 г., 1482/83 г., когда уже около трети зафиксированных дат написано на тюркском языке.

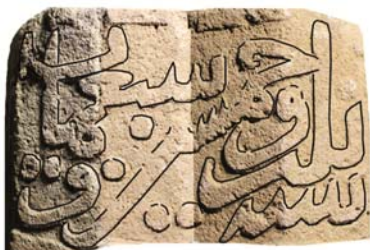
Заключение

Исследованный материал – больше сотни датированных надписей, недостаточен для каких-либо окончательных выводов, но из-за случайности большинства находок, можно предположить, что этот срез датированных памятников в некоторой мере отражает пропорции количества памятников, существовавших в городе в разное время. Предварительно можно констатировать: пик датированных памятников в городе Солхат/Кырым приходится на годы смуты – 60-е – 80-е годы XIV века. На эти тридцать лет приходится половина всех датированных памятников. Также, хотелось бы выделить аномалию 763 г. хиджры (= 1361/62 гг.), на которое приходится сразу 10 памятников.

Если рассматривать надмогильные памятники по типологии, то цилиндрические памятники и саркофаги встречаются равномерно по всей хронологической длине, а восьмигранные и плоские стелы за небольшим исключением концентрируются в достаточно узком временном отрезке с 40-х гг. XIV в. по 10-х гг. XV в. Можно предварительно выделить хронологические маркеры для двух подтипов памятников:

- 1) подтип восьмигранных мужских памятников с текстом расположенным на всех гранях по кругу, относится к 1340–1410 гг.;
- 2) подтип самых тонких плоских женских плит-стел (с толщиной плиты 8–9 см) можно локализовать в диапазоне 1360–1380-х гг.

Даты, в написании которых используется тюрко-татарский язык, чаще встречаются с начала XV в., когда они уже составляют треть датированных памятников XV в. Данные выводы относятся только к памятникам, обнаруженным в городе Солхат/Кырым и окрестностях. Памятники золотоордынского периода, найденные в других частях Крыма, требуют дальнейшей систематизации и исследования.

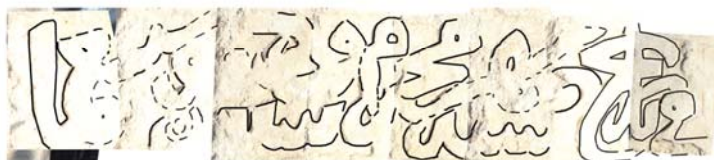
7.1. 753 г. х. (= 1352 г.)

7.2. Мухаррам 764 г. х. (= октябрь-ноябрь 1362 г.)

7.3. Шаабан (?) 766 г. х. (= май 1365 г.)

7.4. Мухаррам 776 г. х. (= июнь-июль 1374)??

7.5. Раджаб 776 г. х. (= декабрь 1374 - январь 1375 г.)

في تاريخ رجب ستة سبعين و سبعمائة

Рис. 7. Надписи с датами на восьмигранных мужских надмогильных памятниках.

- 7.1. 753 г.х.(= 1352 г.); 7.2. Мухаррам 764 г.х. (= октябрь-ноябрь 1362 г.);
7.3. Шаабан (?) 766 г.х. (= май 1365 г.); 7.4. Мухаррам 776 г.х. (= июнь-июль 1374)??;
7.5. Раджаб 776 г.х. (= декабрь 1374 – январь 1375 г.)

Fig. 7. Inscriptions with dates on octagonal male grave monuments.

- 7.1. 753 Hijri (= 1352 g.); 7.2. Muharram 764 Hijri (= October-November 1362);
7.3. Sha'ban (?) 766 Hijri (= May 1365); 7.4. Muharram 776 Hijri (= June-July 1374)??;
7.5. Rajab 776 Hijri (= December 1374 – January 1375).

7.6. Мухаррам (?) 786 г. х. (= март 1384 г.)

7.7. 786 г. х. (=1384/85 г.)

7.8. Раби-уль-авваль, 790 г. х. (= март-апрель 1388 г.)

7.9. 795 г. х. (= 1392/93 г.)

7.10. 796 г. х. (= 1393/94 г.)

Рис. 7 (продолжение). Надписи с датами на восьмигранных мужских надмогильных памятниках.

- 7.6. Мухаррам (?) 786 г.х. (= март 1384 г.); 7.7. 786 г.х. (=1384/85 г.);
7.8. Раби-уль-авваль, 790 г.х. (= март-апрель 1388 г.); 7.9. 795 г.х. (= 1392/93 г.);
7.10. 796 г.х. (= 1393/94 г.).

Fig. 7 (continuation). Inscriptions with dates on octagonal male grave monuments.

- 7.6. Muharram (?) 786 Hijri (= March 1384); 7.7. 786 Hijri (=1384/85);
7.8. Rabi' al-Awwal, 790 Hijri (= March-April 1388); 7.9. 795 Hijri (= 1392/93);
7.10. 796 Hijri (= 1393/94).

8.1. Плоская плита-стела с датой 763 г. х.
(= 1361/62 г.)

8.2. Цилиндрический надмогильный камень с датой 823 г. х. (= 1420/21 г.)

8.3. Восьмигранный надмогильный памятник с датой 782 г. х.
(= 1380/81 г.)

8.4. Двурогий сандык-таш с датой месяц Шавваль 738 г. х. (= апрель/ май 1337 г.)

Рис. 8. Основные типы надмогильных памятников г. Солхата/Кырыма.

- 8.1. Плоская плита-стела с датой 763 г.х. (= 1361/62 г.);
- 8.2. Цилиндрический надмогильный камень с датой 823 г.х. (= 1420/21 г.);
- 8.3. Восьмигранный надмогильный памятник с датой 782 г.х. (= 1380/81 г.);
- 8.4. Двурогий *сандык-таш* с датой месяц Шавваль 738 г.х. (= апрель/ май 1337 г.).

Fig. 8. Main types of grave monuments in Solkhat/Kirim.

- 8.1. Flat slab-stele with the date 763 Hijri (= 1361/62);
- 8.2. Cylindrical gravestone with the date 823 Hijri (= 1420/21);
- 8.3. Octagonal gravestone with the date 782 Hijri (= 1380/81);
- 8.4. Two-horned *sandyk-tash* with the date – month of Shawwal 738 Hijri (= April/May 1337).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. Симферополь: СОНАТ, 2001. 280 с.
2. Акчокраклы О. [-Н. А.]. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
3. Акчокраклы О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152–159.
4. Боданинский У. Собр. Соч. Т. III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
5. Бороздин И.Н. Из Отузской старины: (Надгробие шейха Якуба из Кони 729 г. хиджры) // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 24–26.
6. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14. С. 271–301.
7. Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамая(?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 38–41.
8. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 496 с.
9. Кулаковский Ю.А. Новые данные для истории Старого Крыма // Записки имп. Русского археологического общества: Новая сер. 1899а. Т. 10. Вып. 3/4: Труды Отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской, кн. 3. С. 1–12.
10. Маркевич А.И. Поездка в г. Старый Крым // Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., 1888. № 6. С. 64–77.
11. Маркевич А.И. Старокрымские древности // Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., 1892. № 17 С. 124–129.
12. Мирас – наследие. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, 2016.
13. Мирас – наследие. Т. 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, 2016.
14. Мирас – наследие. Т. 3. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, 2016.
15. Мурзакевич Н.Н., [Негри А.Ф.] Эски–Крымская арабская надпись // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 529–531.
16. [Паллас П.С.] Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение) // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 35–108.
17. Садофеев Д.В. Тюркские надписи на эпиграфических памятниках XIII–XV вв. в Старом Крыму // Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международные научные конференции XXXIII и XXXIV Кононовские чтения: Материалы конференций / под ред. Н.Н. Телицина. СПб.: Санкт-Петербургский центр развития и поддержки востоковедных исследований, 2020. С. 254–264.
18. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. IV. г. Старый Крым. Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 208 с.: илл.
19. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // Зап. Вост. отделения РАО. 1886. Т. 1. Вып. 4. С. 273–304.

20. Усеинов М.А. Новые находки мусульманских надгробий XIII в. на территории г. Старый Крым // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 165–172. <https://doi.org/10.22378/kio.2022.2.165-172>
21. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
22. Evliyâ Çelebi. Seyahatnâme. Edinci cilt. Istanbul: Devlet matbuası. 1928. 912 p.

REFERENCES

1. Aybabina E.A. Decorative stone carving of Kaffa of the 14th–18th centuries. Simferopol: SONAT, 2001. 280 p. (In Russian)
2. Akchokrakly O.-N. A. Stary Krym and Otuz inscriptions of the 13th–15th centuries. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii = News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography*. Simferopol, 1927, Vol. 1(58), pp. 5–17. (In Russian)
3. Akchokrakly O.-N. A. Stary Krym inscriptions: according to archaeological dig of 1928. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii = News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography*. 1929, Vol. 3, pp. 152–159. (In Russian)
4. Bodaninsky U. Collected works. Vol. 3. Materials: expedition diaries, drawings, plans, reports, etc. of Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934). Kazan-Simferopol: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 544 p. (In Russian)
5. Borozdin I.N. From the Otuz antiquity: (The tombstone of Sheikh Yaqub from Koniya 729 AH). *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii = News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography*. 1927, Vol. 1, pp. 24–26. (In Russian)
6. Borozdin I.N. Solkhat. *Novyy Vostok = New East* / Edited by M. Pavlovich. Moscow, 1928, no. 13–14, pp. 271–301. (In Russian)
7. Kramarovskiy M.G. The burial of beklyaribek Mamai(?): archaeological observations and historical context. *Ermityazhnye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo – Hermitage readings in memory of B.B. Piotrovsky*. St. Petersburg: Publishing House of GE., 1996, pp. 38–41. (In Russian)
8. Kramarovskiy M.G. A man of the medieval street. The Golden Horde. Byzantium. Italy. St. Petersburg: EURASIA, 2012. 496 p. (In Russian)
9. Kulakovskiy Yu.A. New data for the history of the Stary Krym. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva = Notes of the Imperial Russian Archaeological Society*. Vol. 10, Iss. 3/4: Proceedings of the Department of Archaeology of Ancient Classical, Byzantine and Western European, book 3, 1899, pp. 1–12. (In Russian)
10. Markevich A.I. Trip to the city of Stary Krym. *Izvestiya Tavricheskoy Uchonoy Arkhivnoy Komissii = Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1888, no. 6, pp. 64–77. (In Russian)
11. Markevich A.I. Stary Krym antiquities. *Izvestiya Tavricheskoy Uchonoy Arkhivnoy Komissii = Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1892, no. 17, pp. 124–129. (In Russian)
12. Miras – heritage. Vol. 1. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929. Comp. and ed. by S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan, 2016. (In Russian)
13. Miras – heritage. Vol. 2. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929. Comp. and ed. by S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan, 2016. (In Russian)

14. Miras – heritage. Vol. 3. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929. Comp. and ed. by S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan, 2016. (In Russian)
15. Murzakevich N.N., Negri A.F. Saryi Krym's Arabic inscription. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1848, Vol. 2, pp. 529–531. (In Russian)
16. Pallas P.S. A trip to the inner Crimea along the Kerch Peninsula and to Taman Island (continued). *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1883, Vol. 13, pp. 35–108. (In Russian)
17. Sadofeev D.V. Turkic inscriptions on epigraphic monuments of the 13th–15th centuries in Saryi Krym. *Topical issues of Turkic studies: International scientific conferences XXXIII and XXXIV Kononov readings: Conference materials*. Edited by N.N. Telitsin. St. Petersburg: Center for Development and Support of Oriental Studies, 2020, pp. 254–264. (In Russian)
18. A set of historical, architectural and cultural monuments of the Crimean Tatars. Volume 4. Sary Krym. Kazan-Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 208 p. (In Russian)
19. Smirnov V.D. Archaeological tour to the Crimea in summer 1886. *Notes of East departments of the Russian Academy of Sciences*. 1886, Vol. 1. Iss. 4, pp. 273–304. (In Russian)
20. Useinov M.A. New findings of Muslim tombstones of the 13th century on the territory of Sary Krym. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 165–172. <https://doi.org/10.22378/kio.2022.2.165-172> (In Russian)
21. Evliyâ Çelebi. A travel book. Crimea and adjacent regions. (Extract from the work of a Turkish traveler of the XVII century). Simferopol: Dolya, 2008. 272 p. (In Russian)
22. Evliyâ Çelebi. Seyahatnâme. Seventh part. Istanbul: Devlet matbuası, 1928. 912 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мемедула Адилевич Усеинов – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-9064-5819. E-mail: memedulla@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Memedulla A. Useinov – Research Laboratory Assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-9064-5819. E-mail: memedulla@list.ru

Поступила в редакцию / Received 11.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2024

Принята к публикации / Accepted 03.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.356-363>
EDN: MEVSBW

УДК 904

НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЭНДИРЕЙ

А.В. Пачкалов

*Литературный институт им. А.М. Горького
Москва, Российская Федерация
zolornum@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: изучение находок монет Золотой Орды из окрестностей Эндирей в контексте средневековой истории Эндирей.

Материалы исследования: находки монет из окрестностей села, археологические и письменные источники о средневековом городе в районе Эндирей.

Результаты исследования и научная новизна: Археология Дагестана золотоордынского периода до настоящего времени остается во многом «белым пятном». Достаточно редкими остаются и монетные находки XIV–XV вв., сделанные на территории Дагестана. В последние годы на одном из археологических памятников в окрестностях села Эндирей (Дагестан) впервые стали известны находки большого количества джучидских монет конца XIV – первой половины XV в. Также был обнаружен клад серебряных монет Золотой Орды начала XV в. Автору удалось ознакомиться с некоторой частью единичных находок монет. В окрестностях села известен ряд средневековых археологических памятников (в основном по разведкам). Археологически окрестности села исследованы слабо и сами памятники датированы недостаточно точно. Судя по ставшим известным монетным находкам, золотоордынский город, располагавшийся в окрестностях Эндирей, играл на Кавказе важную роль экономическую роль в XIV–XV вв. По всей видимости, здесь пересекались торговые пути, которые вели из горной Чечни к Каспийскому морю и из дельты Волги в Чечню. Не исключено, что в городе осуществлялась чеканка серебряных золотоордынских монет.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Дагестан, нумизматика, монеты

Для цитирования: Пачкалов А.В. Находки средневековых монет в контексте истории Эндирей // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 356–363. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.356-363> EDN: MEVSBW

© Пачкалов А.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

FINDS OF MEDIEVAL COINS IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE ENDIREY

A.V. Pachkalov

*Maxim Gorky Literary Institute
Moscow, Russian Federation
zolornum@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to study the finds of coins of the Golden Horde from the environs of Endirey in the context of the medieval history of the settlement of Endirey.

Research materials: Finds of coins from the vicinity of the village.

Novelty of the research: Numismatic finds from the Endirey are published for the first time. The archaeology of Dagestan of the Golden Horde period remains largely a "white spot" to this day. Coin finds of the 14th–15th centuries made on the territory of Dagestan remain quite rare. In recent years, finds of a large number of Juchid coins from the end of the 14th to the first half of the 15th century became known for the first time at one of the archaeological sites in the vicinity of the village of Endirey, Dagestan. A hoard of silver coins of the Golden Horde of the early 15th century was also discovered. The author managed to get acquainted with some of the individual finds of coins. A number of medieval archaeological sites are known in the vicinity of the village. Archaeologically, the surroundings of the village have been poorly investigated and the monuments themselves have not been dated accurately enough. Judging by the coin finds that have become known, the Golden Horde city, located in the vicinity of Endirey, played an important economic role in the Caucasus in the 14th–15th centuries. Apparently, trade routes that led from mountainous area of Chechnya to the Caspian Sea and from the Volga Delta to Chechnya intersected here. It is possible that silver Golden Horde coins were minted in the city.

Keywords: Golden Horde, Jochi Ulus, Dagestan, numismatics, coins

For citation: Pachkalov A.V. Finds of medieval coins in the context of the history of the Endirey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 356–363. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.356-363> (In Russian)

Эндирей (Эндери, Андреевская деревня, Андрейаул и др.) – село в Хасавюртовском районе Дагестана. Один из крупнейших и древнейших населенных пунктов на Кумыкской равнине. Село расположено на правом берегу р. Акташ, северо-западнее от районного центра г. Хасавюрт.

Происхождение названия точно неизвестно. По оценкам различных исследователей, в топониме Андрей (Андреева деревня, Андрейаул) скрывается искаженное название кумыкского аула Эндери. Возможно, название связано с сочетанием кумыкского «эниш» и персидско-турецкого «дере»: Энишдере / Эндере / Эндирей – «Нижняя (по отношению к верховьям реки Акташ) или широкая долина» [12, с. 250].

В окрестностях села известен ряд археологических памятников (в основном по разведкам). Археологически окрестности села исследованы слабо и сами памятники датированы недостаточно точно [5; 11].

1. Наиболее значимый из них – Андрейаульское городище (I тыс. н.э.), расположенное в 2 км. к северу от поселка. Городище имеет протяженность около 1,5 км. и ширину до 450 м. Центральная часть, размерами 500х450 м. укреплена валами, достигающими 8–10 м. высоты, и глубокими рвами. К северу от городища простирается обширный посад, большая часть которого уже уничтожена ре-

кой. С напольной стороны он также защищен системой валов и рвов, являющихся продолжением городских [1, с. 120]. Не исключено, что на городище могут быть находки и более позднего времени.

2. На южной окраине села, по правому берегу р. Акташ, тянется поселение с культурным слоем около 0,5 м., размеры составляют примерно 1000 x 500 м. На поверхности собрана керамика VIII–XIII вв. [1, с. 120]. Нельзя исключать, что на поселении может быть слой и более позднего времени.

3. Напротив Андреяульского поселения, в четырёх километрах к югу от Андреяульского городища, находится Андреяульская крепость. Она расположена на округлой поверхности незначительного надречного выступа, около сорока метров в диаметре, который ограничен с боков оврагом. Крепость ограждена валом и рвом. Составители археологической карты Дагестана, А. И. Абакаров и О. М. Давудов датируют крепость периодом раннего средневековья [1, с. 120].

4. К югу от Андреяульского поселения находится Акташское поселение, расположенное на правом берегу р. Акташ, размерами примерно 500 x 300 м. Большая часть поселения уничтожена в ходе сельскохозяйственных работ. Собранный здесь подъемный материал (в основном керамика) был датирован исследователями (Г.Г. Гамзатов и др.) примерно X–XIV вв. [1, с. 120; 4, с. 233–234]. Археологические раскопки на поселении не проводились.

5. В окрестностях села Эндирей известны могильники и также ряд случайных археологических находок, в том числе относящихся к периоду средневековья [1, с. 121].

По мнению Р.М. Магомедова Эндирей существовал «во времена хазарского владычества» [6, с. 138]. Если М.И. Артамонов, исходя из созвучия названий, считал, что название аула Эндери «можно принять за единственный пока реальный остаток древней хазарской столицы Семендера», то М.Г. Магомедов связывал Андреяульское городище с хазарским городом Вабандаром [6, с. 138].

В последующую эпоху ногайцы называли Эндирей «Гуенской крепостью» – Гуен Кала. В «Тарихи-Эндирей» говорится, что Эндирей был крупным городом: один его предел находился в Чумлу, а другой край в местности Гюен-ар... Этот город называли вторым Стамбулом...» [7, с. 245].

В конце XVI в. Эндирей стал столицей Эндиреевского бийлика. Его основателем и первым правителем стал Солтан-Махмут Тарковский, превративший город в важный торговый центр Северного Кавказа. В городе в это время находились многие кабардинские и балкарские князья, бежавшие от Идаровых-Черкасских (князь Дударук Кануков, сыновья князя Янсоха Кайтукина Эльмурза и Урусхан, князь Алегуко, совершавший отсюда набеги на владения потомков Темрюка в Кабарде, карачаево-балкарские аристократы Баммат-Аджи и Умар-Аджи и др.). В середине XVII в. правителям Эндирея подчинялись Салатавия, князья Малой Кабарды. Здесь находился и крупный невольничий рынок, поставивший рабов, в том числе для Персии и Османской империи [6].

В 1638 г. в Эндирее между кумыкским шамхалом Айдемиром, сыном Солтан-Махмуда, и послами голштинского герцога Фридриха III Филиппом Крузенштерном и Отто Брюггеманом был заключен договор об экономическом сотрудничестве Кумыкии и Голштинии. Договор оформил секретарь посольства Адам Олеарий, автор знаменитых записок путешествия по Восточной Европе.

Турецкий автор XVII в. Эвлия Челеби сообщал про Эндирей: «Прежде всего город расположен посреди обширной степи, на берегу реки Койсу. Вода и воздух здесь приятны, жители миловидны. Здесь тысяча домов с садами и виноградниками, много михрабов и соборных мечетей. Этот город древний, средоточие муд-

рых, источник совершенств, обитель поэтов и умиротворенных». По сведениям Эвлия Челеби, первоначальный, Старый Эндирей находился на р. Койсу, т.е. на Сулаке. Эвлия Челеби характеризует Эндирей, как древний город и одну из столиц (наряду с Джулатом и Таргу) дагестанского падишаха – шамхала кумыкского. Эндирей считался большим городом. Эвлия Челеби применил к нему следующие эпитеты: «стольный город падишаха Дагестана», «город древний, средоточие мудрых, источник совершенств, обитель поэтов и умиротворенных», его учёные обладают мудростью арабов и великими знаниями». По его словам, «искусные врачи и спускающие (дурную) кровь хирурги (здесь) несравненны». Позади города им была отмечена «крепость Эндери». В бывшей столице шамхальства, по его сообщению, было похоронено 47 шамхал-ханов. Кроме этого он сообщил о находившихся здесь могилах «святых Аллаха великих Эль-Хаджи Джема, Хаджи Ясави-Султана, Хаджи-Абдуллы Ташкенди». По его же сведениям, в Эндирее имелось 27 мечетей [10].

В XVII в. город подвергался набегам со стороны калмыков. В конце XVII в. между эндиреевскими и брагунскими князьями происходили междоусобицы, что привело к усилению их соперников в регионе, особенно гребенцев и чеченцев. Гребенцы поддерживали в усобице брагунских, а чеченцы эндиреевских князей. В итоге победу одержала эндиреевско-чеченская коалиция. Гребенцы были вытеснены на северный берег Терека, за речной рубеж, а по южному берегу стали расселяться подконтрольные Эндирее чеченские аулы.

* * *

В последние годы на одном из археологических памятников в окрестностях села впервые стали известны находки большого количества джучидских монет конца XIV – первой половины XV в. Также был обнаружен клад серебряных монет Золотой Орды начала XV в. Автору удалось ознакомиться с некоторой частью единичных находок монет (28 экз.).

Точные координаты и обстоятельства находок остались неизвестными. В настоящее время затруднительно сказать точно, на каком именно археологическом памятнике были сделаны находки монет. Возможно, что это Акташское поселение, разрушавшееся в ходе сельскохозяйственных работ в последние десятилетия. Археологом Г.Г. Гамзатовым на поселении еще в 1970-е годы были отмечены находки керамики золотоордынского времени [4], однако нельзя исключать, что это может какой-либо из других археологических памятников, расположенных в окрестностях. Информация представляет особый интерес в связи с тем, что археология Дагестана золотоордынского периода до настоящего времени остается во многом «белым пятном». Достаточно редкими остаются и монетные находки XIV–XV вв., сделанные на территории Дагестана.

Состав находок:

Серебро: Джучиды: Токтамыш: Сарай ал-Джедид 790 г.х. – 1 (1,32 г.); Азак ал-Мархуса г.(?) – 1 (1,25 г.); Кепек: Сарай – 2 (вес?); Дервиш: Хаджи-Тархан – 1 (0,92 г.); Мухаммед: место(?) без даты – 7 (0,66 -2; 0,67; 0,70; 0,73; 0,75; 0,82 г.); неопределенные джучидские монеты XV в. – 5 (0,75; 0,92, 0,93 г., вес? – 2); Гирей: Хаджи-Гирей: чекан Крыма 886 г.х. – 1 (0,65 г.).

Медь: Сарай ал-Джедид 750-760-е гг.х. – 1 (с надчеканкой Маджара); анонимный чекан периода правления Токтамыша: Сарай ал-Джедид по типу 790 г.х. – 1 (вес?); неопределенные конца XIV – XV вв. – 8 (0,65; 0,70 г., вес? – 6; на одной из них следы перечекана).

Все датированные монеты относятся ко второй половине XIV – XV вв., при этом к XV в. судя по весу неопределенных монет (0,6-0,9 г.) относится основная

часть находок. Монет более раннего времени, чем вторая половина XIV в., среди осмотренных не было. Примерно половина определенных монет относится к чеканенным на Северном Кавказе (монеты с именем Мухаммеда, пул Сарая ал-Джедид с маджарской надчеканкой). Отдельные экземпляры представляют чекан городов Нижнего Поволжья (Сарай / Сарай ал-Джедид, Хаджи-Тархан), а также Азака и Крыма.

Наибольший интерес представляют загадочные монеты с именем некоего правителя Мухаммеда (рис. 1). Такие монеты стали известны только в последние годы. В базе данных восточной нумизматики ZENO размещено 17 серебряных и медных монет, относящихся к чекану этого же правителя [режим доступа: www.zeno.ru/showgallery.php?cat=15470]. Места находок монет из базы ZENO не указаны, но отмечено, что некоторых из них найдены на Северном Кавказе. Монеты не датированы, однако исходя из сопутствующих им в районе Эндирей находок и весовых норм джучидских монет, они могут относиться только к XV в. (от 0,66 до 0,82 г. среди новых находок, схожие весовые нормы монет Мухаммеда и в базе ZENO). Место чеканки монет остается пока неизвестным. Теоретически это может быть Маджар, самый крупный северокавказский город золотоордынского времени. Однако, надо иметь в виду, что на самом Маджарском городище, расположенном в Ставропольском крае, почти полностью отсутствуют находки монет XV в. Возможно, подобные монеты могли чеканиться в каком-то еще неизвестном исследователям северокавказском городе. Не исключено, что эти монеты чеканились в районе Эндирей или в непосредственной близости. В пользу такого предположения может говорить, что к монетам Мухаммеда относится почти половина всех определенных монет. Вместе с тем число монет, найденных в районе Эндирей, еще очень невелико. Необходим дальнейший сбор информации о подобных монетах и ожидание новых нумизматических находок в районе Эндирей. На Северном Кавказе известен целый ряд еще неизученных городищ и поселений золотоордынского времени, находки монет на которых могут существенным образом изменить наши представления об истории северокавказских городов Улуса Джучи. Особый интерес представляют остатки поселений Терско-Сулакского междуречья. На городище Исти-Сув, возникшем в хазарское время, выделяется позднесредневековый период (XIV–XVI вв.). Золотоордынский материал попадает на всей площади памятника. Борагангечувское поселение расположено в Хасавюртовском районе. Площадь поселения более 1 кв. км. Подъемный материал относится к хазарскому и золотоордынскому времени. Кичи-Гамринское 2-е поселение в Сергокалинском районе также содержит остатки поселения XIII–XIV вв. Около с. Капчугай в Буйнакском районе выявлено городище V–XVI вв. с остатками оборонительных сооружений.

Интерес представляет датировка средневековых монет из Эндирей. Исходя из определений, а также весовых данных недатированных и неопределенных монет, основная часть находок относится к XV в. Таким образом, очевидно, что расцвет этого населенного пункта в золотоордынское время пришелся на это столетие, а не на XIV в. Подобная ситуация является достаточно редкой для всей золотоордынской археологии, т.к. подавляющее большинство ордынских городищ и поселений по многочисленным монетным находкам относятся в основном к XIII–XIV вв. Вместе с тем, в последнее время появилась информация и о других находках монет XV в. на Северном Кавказе. В частности, это находки на городище Нижний Джулат, где также среди находок в основном преобладают монеты второй половины XIV – первой половины XV вв. [8]. Помимо монет с именем Мухаммеда на

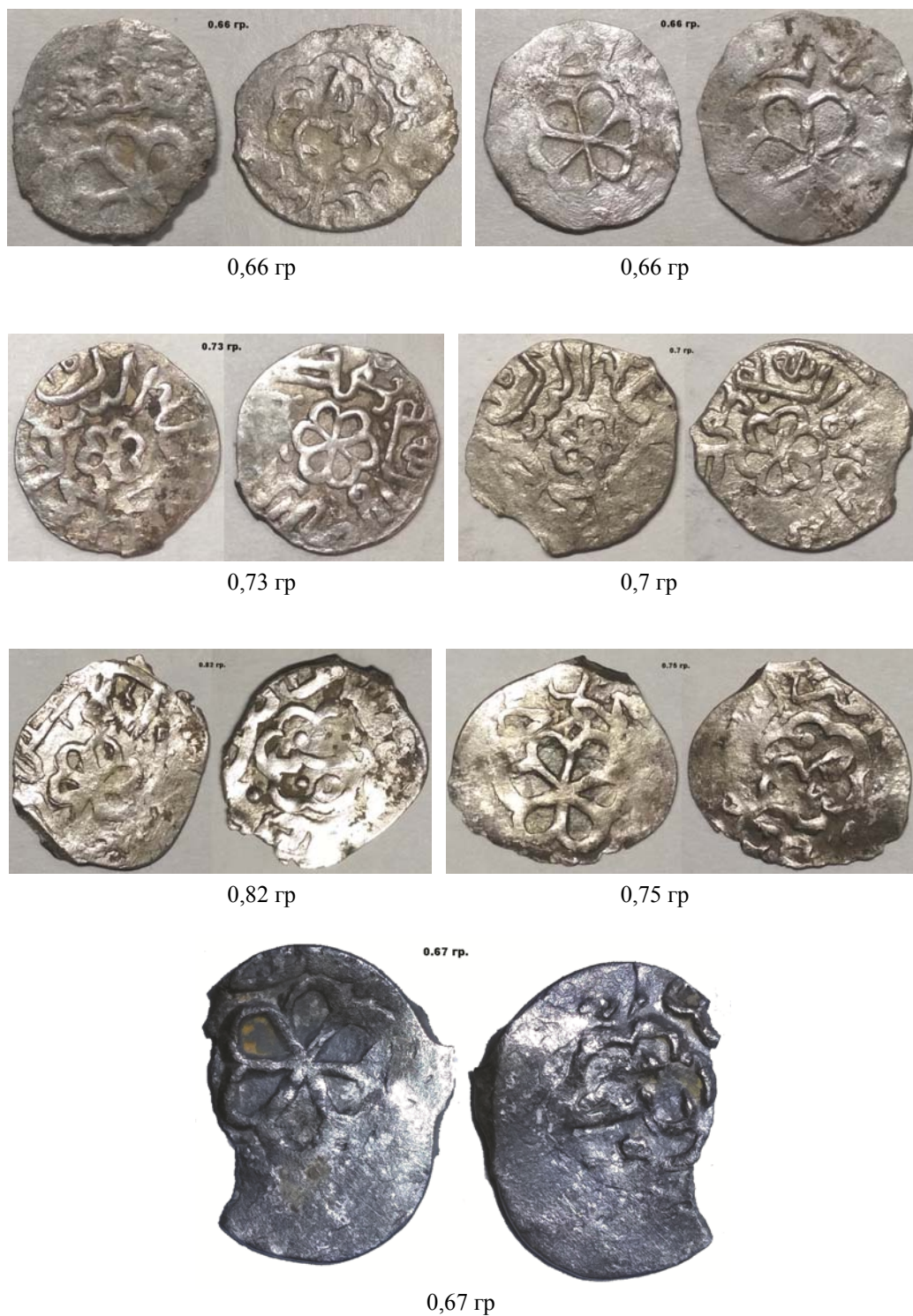

Рис. 1. Монеты с именем некоего правителя Мухаммеда.

Fig. 1. Coins with the name of a certain ruler Muhammad.

Северном Кавказе в XV в. некоторое время продолжалась чеканка монет и в городе Дербенте. Однако, массовых находок монет этого времени в Дербенте пока неизвестно. Также можно отметить, что целый ряд населенных пунктов, расположенных в Дагестане, был отмечен католическими миссионерами XV в. [5]. Возможно, что в связи с накапливающейся информацией будет необходимо пересмотреть тезис об упадке всех северокавказских городов в XV в. по сравнению с XIV в. На примере Эндирей видно другое: подъем города в конце XIV в.

В дополнении к информации о монетных находках, надо отметить, что город, находившийся в районе Эндирей, являлся в XIV–XV вв. одним из крупнейших центров производства высокохудожественной керамики на Северном Кавказе. Здесь производились т.н. «индирские блюда» являвшие собой яркий пример парадной посуды [5].

Возможно, что именно окрестная территория в XIV–XV вв. называлась Мамукту – исторической областью, либо государственным образованием, существовавшим на территории Кумыкской плоскости. Мамукту упоминается Низам ад-Дин Шами в «Зафар-наме» и Шараф ад-Дин Йазди в «Зафар-наме». Упоминания связаны с походом Тамерлана на Золотую Орду в конце XIV века [9].

Судя по ставшим известным монетным находкам, золотоордынский город, располагавшийся в окрестностях Эндирей, играл на Кавказе важную роль экономическую роль в XIV–XV вв. По всей видимости, здесь пересекались торговые пути, которые вели из Джулата и горной Чечни к Каспийскому морю, а также из дельты Волги на Северный Кавказ. Не исключено, что в городе осуществлялась чеканка серебряных золотоордынских монет с именем правителя Мухаммеда. Дальнейшие археологические и нумизматические исследования в районе Эндирей могут позволить раскрыть неизвестные страницы истории города в XIV–XV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 338 с.
2. Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 121–139.
3. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1988. 174 с.
4. Гамзатов Г.Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья // Советская археология. 1982. № 3. М.: Наука. С. 231–235.
5. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерки политической истории. М.: «ТАУС», 2007. 227 с.
6. Магомедов Н.А. Региональная и международная транзитная торговля в Западном Прикаспии в XVII–XVIII вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. 184 с.
7. Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. Книга I. Махачкала, 2003. 332 с.
8. Пачкалов А.В. О монетном обращении на Верхнем и Нижнем Джулате // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб, М., Великий Новгород, 2011. С. 174–175.
9. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.
10. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М., 1979. 279 с.
11. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1975. 176 с.

12. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. 302 с.

REFERENCES

1. Abakarov A.I., Davudov O.M. Archaeological map of Dagestan. Moscow: Nauka, 1993. 338 p. (In Russian)
2. Ataev D. M., Magomedov M. G. Andreyaulskoye settlement. *The antiquities of Dagestan*. Makhachkala, 1974, pp. 121–139. (In Russian)
3. Akhmadov Ya.Z. Essays on the political history of the peoples of the North Caucasus in the 16th–17th centuries. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo, 1988. 174 p. (In Russian)
4. Gamzatov G.G. Monuments of the late Medieval period on the territory of the Tersk-Sulak interfluves. *Soviet archaeology*. Moscow: Nauka, 1982, no. 3. pp. 231–235. (In Russian)
5. Krishtopa A.E. Dagestan in the 13th – early 15th centuries. Essays on political history. Moscow: TAUS, 2007. 227 p. (In Russian)
6. Magomedov N.A. Regional and international transit trade in the Western Caspian region in the 17th–18th centuries. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2015. 184 p. (In Russian)
7. Orazhev G.M.-R. Dagestan historical works. Book 1. Makhachkala, 2003. 332 p. (In Russian)
8. Pachkalov A.V. On coin circulation in Upper and Lower Julat. *Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress*. Vol. 2. St. Petersburg-Moscow: Veliky Novgorod, 2011, pp. 174–175. (In Russian)
9. Tiesenhausen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 2. Extracts from Persian works collected by V.G. Tizenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
10. Chelebi Evliya. The Book of Travels (Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century). Iss. 2. Moscow, 1979. 279 p. (In Russian)
11. Shikhsaidov A.R. Dagestan in the 10th–14th centuries. The experience of socio-economic characteristics. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1975. 176 p. (In Russian)
12. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazhev G.M.-R. Dagestan historical writings. Moscow: Nauka, 1993. 302 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Пачкалов – кандидат исторических наук, доцент, Литературный институт им. А.М. Горького (123104, Тверской бульвар, 25, Москва, Российская Федерация); РИНЦ: AuthorID: 405510, SPIN-код: 9543-7019. E-mail: zolornum@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Pachkalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Maxim Gorky Literary Institute (25, Tverskoy Boulevard, Moscow 123104, Russian Federation); RSCI: AuthorID: 405510, SPIN 9543-7019. E-mail: zolornum@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 01.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 20.05.2024

Принята к публикации / Accepted 06.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.364-374>
EDN: MOXQMZ

УДК 94(47)

ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ 6869 Г. (1361 Г.): ТЕКСТЫ И ИХ ВОЗМОЖНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Н.Ю. Гребенников

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Российская Федерация

grebennikov97@list.ru

Резюме. Цель исследования: в статье автор рассматривает летописное известие за 6869 г. (1361 г.) о борьбе за Сарайский престол между ханами после смерти Хызр-хана. Текст этого известия по-разному представлен в древнерусских летописных сводах. Статья нацелена на установление текстологической достоверности одного из запутанных мест в летописании XIV–XV вв. – описания и хода событий 1361 г., который стал новым витком в череде событий в Золотой Орде, известных как «Великая замятня».

Материалы исследования: основными источниками послужили летописные своды, приближенные к исследуемым событиям, а именно – Рогожский летописец и Симеоновская летопись, а также летописи Новгородско-Софийской группы. Важные сведения заимствованы при обращении к комментариям Н.М. Карамзина к «Истории государства Российского», по которым восстанавливается ныне утраченная Троицкая летопись. В рамках исследования привлекается и ряд других поздних летописей с целью их текстологического сравнения с более ранними.

Результаты исследования и научная новизна: по результатам наблюдений над летописями XV–XVI вв. можно констатировать, что выделяются 3 версии известия о событиях 1361 г., две из которых помещены в Рогожском летописце друг за другом. Автор приходит к выводу, что первая версия известия принадлежит Троицкой летописи или более раннему источнику. Вторая версия известия 6869 г., читающаяся только в Рогожском летописце, принадлежит к неизвестному на данный момент источнику, в то время как третья версия восходит к Новгородско-Софийскому своду, которая восходит к «своду 1408 г.» На основании летописных свидетельств сводов XV–XVI вв. автор заключает, что Хызр-хан был убит своим сыном Тимур-Ходжой, а не братом Мурадом.

Ключевые слова: «Великая замятня», Улус Джучи, древнерусское летописание, Рогожский летописец, Троицкая летопись, хан Мурад, Мамай

Для цитирования: Гребенников Н.Ю. Летописное известие 6869 г. (1361 г.): тексты и их возможное происхождение // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 364–374. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.364-374> EDN: MOXQMZ

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-01032.

© Гребенников Н.Ю., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE CHRONICLE ARTICLE OF 6869 (1361): ITS TEXTS AND THEIR POSSIBLE ROOTS

N.Yu. Grebennikov

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation
grebennikov97@list.ru

Abstract. The purpose of the research: In the article, the author examines the chronicle article of 6869 (1361) which tells about the struggle for Sarai among khans after the demise of Khidr-khan. The text of the chronicle report of 6869 is presented in different ways in Old-Russian chronicles. The article aims at revealing textual reliability of one of the most confusing places in the Old-Russian chronicling for the 14th–15th centuries – the description and the course of events for 1361 which have become described as a new phase of the events in the Ulus of Jochi, known as the “Great Troubles”.

Research materials: The primary sources for this study were Old-Russian chronicles which focus closely on the described events, namely – the Rogozhsky and Simeonovskay Chronicles as well as the chronicles of the Novgorod-Sofia group. Important information was borrowed when referring to N.M. Karamzin’s comments on the «History of the Russian State», according to which, the lost Troitsk Chronicle is now being restored. Within the study, a number of other late chronicles are also involved in order to compare them textually with earlier ones.

The results of the research and scientific novelty: Based on the results of the scrutinization of chronicles of the 15th–16th centuries, it can be stated that there are three primary versions of the related material, two of them being placed one after the other in the Rogozhsky Chronicle. The author concludes that the first version of the chronicle tale belongs to the Troitsk Chronicle or an even earlier chronicle than “the Codex of 1408”. The second version of the text, which is placed only in the Rogozhsky Chronicle, belongs to a currently unknown source, while the third version goes back to the Novgorod-Sophia Codex, which in turn descends back to “the Codex of 1408”. Based on the chronicle evidence of the 15th – 16th centuries, the author concludes that Khidr-khan was killed by his son Timur-Khoja, and not by his brother Murad.

Keywords: the Great Troubles, the Ulus of Jochi, Old-Russian chronicling, the Rogozhsky Chronicle, the Troitsk Chronicle, Murad, Mamai

For citation: Grebennikov N.Yu. The chronicle article of 6869 (1361): its texts and their possible roots. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 364–374. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.364-374> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-01032.

Введение

Рогожский летописец XV в. (далее – Рог.) – уникальный летописный памятник, который во многом основывается на не дошедших до наших дней в оригинале летописных сводах великого княжества Тверского. Более того, как показал Г.М. Прохоров, в Рог. по сравнению с Тверским сборником начала XVI в. (далее – Тв. сб.), текст которого за 6793 г. по 6883 г. в целом совпадает с Рог. и передает их общий протограф – редакцию тверского свода 1375 г., появляются так называемые «излишки» – известия, похожие друг друга, но сообщающие об одном и том же

события по-разному. Эти «излишки» не находят при этом аналогии с текстом Тв. сб. Г.М. Прохоров, анализируя и сопоставляя текст Рог. с Тв. сб., пришел к следующим выводам. Во-первых, по мнению исследователя, большая часть известий Рог. на пространстве с 1328 по 1375 гг. связана с Кашиным, а не с Тверью [24, с. 303–308], которые могли принадлежать перу монаха из кашинского монастыря, упомянутого в статье 6876 г. (1368 г.). Поэтому Г.М. Прохоров допускал параллельное существование двух традиций в Тверском княжестве – тверской и кашинской, слившихся в Рог. Во-вторых, появление «излишков» Рог. общерусских по своему характеру обязаны какому-то общерусскому своду конца XIV – начала XV вв., который близок к Троицкой летописи (далее – Тр.) [24, с. 313, 316–318].

В рамках данной статьи мы обратимся к известию за 6869 г. (1361 г.), которое отразилось в Рог. в разных версиях. В ней повествуется о борьбе за власть в Новом Сарае после смерти Хызр-хана в 1361 г. Кем он был убит, и какие события последовали после кончины этого Шибанида, – в этом вопросе древнерусские источники расходятся. Летописные своды являются важными источниками по истории Улуса Джучи, которые приближены по времени к событиям, известных нам как «Великая замятня». По этой причине понять, какая из версий летописных источников является наиболее достоверной, – первостепенная задача в рамках данного исследования. Насколько мы можем судить, специального внимания этому известию с историколингвистической точки зрения еще не уделялось. В этом и заключается актуальность данного исследования.

Источники известия

Так, изначально в известии Рог. отмечается, что Хызр-хан был убит в Орде своим братом Мурадом: «Того же лѣта. Поидоша въ Орду князь великийи Дмитрии Костянтиновичъ Суждальскый, князь Андреи, братъ его, князь Константинъ Ростовскый, бысть при нихъ замятня вел[ика] в Ордѣ, убиень бысть царь Кыдырь отъ своего си брата от Мурута и сѣде на царствѣ Муруть. А Мамаи князь ординьскый и осилѣль съ другую сторону Волги, а царь бѣ у него именем[ъ] Авдуля, а трети царь въ тоже врѣмя въ Ордѣ вѣста въ нихъ и творяшес[ъ] сынъ царя Чанибѣка именем[ъ] Килдибѣкъ и тотъ тако же дивы многи творяше в нихъ. А иныи князи ординьскые затворишась въ Сарай, царя у себе имѣнующи 4-го (т.е. хана Мурада – Н.Г.)» [14, стб. 70]. Далее в Рог. в статье этого же года идет повторное изложение приведенных выше событий, но уже с другой позиции – Хызра-хана убивает его сын Тимур-Ходжа: «Того же лѣта. Поидоша въ Орду князь Дмитрии Московскый и вышелъ до замятни, тогда же приидоша въ Орду князь Дмитрии Суждальскый, братъ его Андреи, Константинъ Р[ост]овскый. ... А царя Хедыря и сына его убили, и бысть въ Ордѣ замятня велика, а на царствѣ посадили Хедырева сына болшаго и пребыль на царствѣ 2 недѣли и они его убили, а потом Ардемелика посадили на царствѣ, и тотъ царствовалъ мѣсяць и онѣ его убили. И бысть в Ордѣ замятня велика и сѣча стараи княз[и] Сарая и когуи, инѣхъ множество побиша» [14, стб. 71]. Далее следует пассаж об удачном избавлении князя суздальского Андрея Константиновича от ордынского «князя» Ратякоза и подробное изложение ограбления ростовских князей в Орде. После этого вновь отмечается, что на «царство» сел хан Мурад: «И насѣдѣ на царство Муруть и яша[ся] за нь князи ординьскые. А Темирьхозя перебѣжа за Волгу и тамо убиень быста, а Мамаи перебѣжа за Волгу, а Орда и царици вси с нимъ» [14, стб. 71]. При этом следует сразу заметить противоречия в изложении текста: выше в Рог. отмечается убийство хана Тимур-Ходжи спустя 2 недели после его воцарения, но уже ниже описывается его внезапное бегство за Волгу, где он оканчивает свой

жизненный путь. Далее, уже в годовой статье 6870 г. (1362 г.) встречаем следующее известие: «А в Ордѣ тако бысть замятня, Хъдыревъ сынъ Муруть на одной сторонѣ Волги, а на другой Кильдибѣкъ, и mezi ихъ бысть сѣча и Кильдибѣка убили, а Мамаи привель съ собою царевича и бысть Мамаю съ Муромъ сѣча о Волзѣ» [14, стб. 73].

Теперь следует обратиться к Симеоновской летописи (далее – Сим.), поскольку ее текст за 1328–1375 гг. во многом передает тот же источник, что отразился в Рог. за этот промежуток времени. Однако текст известия 6869 г. в ней передан иначе: «Того же лѣта. Поидоша въ Орду князь великий Дмитрие Костянтиновичъ Суждальский, князь Андрѣи, братъ его старѣишии, князь Костянтинъ Ростовскийи и князь Михаило Ярославский, и бысть при нихъ замятня велика в Ордѣ, убиень бысть царь Кидырь от своего сына Темирьхожина, и сѣде на царство на 4 день; а Мамаи, князь ординский, осилѣль съ другую сторону Волгу, царь бѣ у него, именемъ Авдуля...» [12, с. 101]. Впрочем, здесь следует отметить, что А.А. Шахматовым было показано, что текст Сим. на промежутке за 1361–1364 гг. использует Московский летописный конец XV в. [27, с. 513–516].

Во Владимирском летописце (далее – Вл.), который вкратце передает текст Тр., версия известия за 6869 г. изложена следующим образом: «...убеень бысть царь Кидырь от своего брата от Мурата, и сяде на царство Мурать царь. А Мамаи, князь ординский, осилѣль з другую сторону Волги, а царь у него Авдуля. А третии царь воста в то же время, сынъ царя Чанибѣка Килдѣбекъ тот такожде вы многы творяще в них, а инии князи ординские затворишася во градѣ в Сарай, царя именующе у себе» [21, с. 113].

Далее следует обратить внимание как события за 1361 г. переданы в памятниках Новгородско-Софийской группы, так как после Тр. (Сим.) и Рог. эти своды являются наиболее ранними в сравнении со сводами московской традиции. Так, во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК) (в первой текст известия отсутствует) сообщается: «И при ихъ убьень бысть царь Кидырь от своего сына Темирь-Хожина, а на 4 день сѣдѣ на царство. На семь дний царства его темникъ его Мамаи замяте всѣмъ царствомъ его, и бысть мятеж велик в Ърдѣ... А Темир-Козя перебѣже за Волгу и тамо оубиен бысть, а князь Мамаи переѣде за Волгу на горнюю сторону, и Орда вся с нимъ, и царици. А иные царь вста именемъ Килдибѣк, и тьи многихъ поби, а послѣди самъ убьен бысть. А инии князи сарайския затворишася в Сарай, а царя оу себе именующе Мурата...» [22, с. 132]. В Новгородской четвертой летописи (далее – Н4) [12, с. 289, 290] и Софийской первой летописи старшего извода (далее – С1Л ст. изв.) [13, стб. 434] читается аналогичный текст версии НК2. Синонимичный текст отражает и в Никаноровской летописи (далее – Никан.) [19, с. 67], Типографской летописи (далее – Тип.) [17, с. 122], Ермолинской летописи (далее – Ерм.) [16, с. 113], Московском своде 1497 г. (далее – свод 1497 г.) [20, с. 74], Вологодско-Пермской летописи (далее – ВП) [18, с. 117, 118]. В Сокращенном своде 1493 г. отсутствует указание, что Темир-Ходжа был убит после того, как он пересек Волгу [19, с. 242], но уже в своде 1495 г. оно присутствует [19, с. 327].

Обобщая все выше сказанное, можно говорить, что перед нами 3 основных версии одного известия. Две из них отразились в Рог. Для удобства мы обозначим их как «первая» и «вторая». Первая, пересказывая вкратце, сообщает о смерти Хызр-хана от руки своего брата Мурада, после чего Мамай уходит на другую сторону Волги со своим марионеточным ханом; далее отмечается внезапное появление Кильдебека, который выдавал себя за сына Джанибека, а также указывается, что часть сарайской знати заперлась в Сарайе с Мурадом. Во второй версии

известия в Рог. излагается убийство Хызра, а также его младшего сына, после чего на престол восходит старший сын почившего хана – Темир-Ходжа (очевидно, что это он, но имя хана не названо), который был убит спустя две недели нахождения у власти, после чего на престол в Сарае посадили Ордумелика. Мы не можем согласиться с мнением А.П. Григорьева [2, с. 143, 144], который, опираясь на сведения Анонима Искандера, посчитал старшим сыном Хызр-хана Халифа. Дело в том, что свидетельства Анонима Искандера сбивчивы и вступают в противоречия с другими, более надежными источниками по генеалогии Чингизидов – Чингиз-наме и Нусрат-Наме, поэтому полностью доверять этому источнику не следует. В Анониме указывается, что Халиф правил целых 9 месяцев [25, с. 130]. Будь это так, то, во-первых, он смог бы выпустить монеты со своим именем, как это делали ханы, находящиеся у власти около месяца или больше, к примеру, как Ордумелик [9, с. 90]. Во-вторых, его положением воспользовались бы русские князья (Дмитрий Иванович, а также другие), чтобы получить новый ярлык от нового хана для подтверждения своих владетельных прав в княжествах. Это нашло непременно бы отражение в древнерусских летописях.

Ордумелик, по второй версии известия 6869 г., оставался у власти в течение месяца. Далее следует указание, что на престол все же сел Мурад; Тимур-Ходжа бежал за Волгу, где был убит; Мамай также перешел на другой берег Волги, «а Орда и царицы вси с нимь». Наконец, уже в статье за 6870 г. встречаем указание, что Мурад был не братом, а сыном Хызр-хана, который вступил в противостояние с Кильдебеком, а после разгрома последнего – с Мамаем.

Во Вл. текст известия приближен к первой версии известия Рог. Далее, по хронологии создания летописных сводов, следует версия известия за 6869 г., представленная в НК2-Н4-С1Л ст. изв. В них рассказывается, что Хызр-хан был убит своим сыном Тимур-Ходжей, которому недолго было суждено удерживать в своих руках Сарайский престол, – на седьмой день темник Мамай восстал против последнего. Тимур-Ходжа бежал на правый берег Волги, где был убит. На Горную сторону Волги в то же время перешел Мамай. Далее летописи отмечают внезапное появление Кильдебека, который «многих поби, а послѣди самъ убьен бысть», после чего говорится, что сарайские «князи» «затворились» вместе с Мурадом в Сарае.

Пока что следует подвести итог, что составитель Рог. в 1440-х гг. пользовался рядом источников, которые противоречили друг другу. Отсюда и сбивчивое, непоследовательное изложение событий. Составитель Рог., записывая статью 6869 г., видимо, не знал, какой источник передает более надежные сведения о событиях, поэтому решил не полагаться на какой-то один летописный памятник, а привести разные точки зрения на излагаемые события.

Текстологические наблюдения над известиями

Остановимся на текстологии древнерусских летописей. По нашему мнению, первая версия известия Рог. за 6869 г. принадлежит к Тр. К такому заключению мы приходим на основании информации об источниках, которыми пользовался Вл., ведь именно в этой компиляции отразилась та версия известия 6869 г., где Мурад убивает Хызр-хана. Как показала О.Л. Новикова, Вл. во многом основывается на «Летописце от 72-язык», С1Л мл. изв., выписках из Сокращенных сводов конца XV в., а также летописи типа Тр. [11, с. 197–210]. Более того, как показывают комментарии Н.М. Карамзина, который обращался непосредственно к Тр. во время написания «Истории государства Российского», версия об убийстве Хызра-хана Мурадом присутствует в Тр. [3, с. 160, примеч. 396]. На это обратил

также внимание и Д.М. Приселков [23, с. 377]. Сама Тр., как показано В.А. Кучкиным, была составлена «не ранее 20-х годов XV в.» [4, с. 241, 242].

Не позднее 1428 г. – 1430-х гг. (дата составления НК2 и Новгородско-Софийского свода по М.А. Шибаеву [26, с. 132]) известие за 6869 г. было записано в НК2, которая является результатом работы по подготовке Новгородско-Софийского свода. А.А. Шахматов считал, что Новгородско-Софийский свод опирался на общерусский свод – Фотиев Полихрон 1423 г., но М.А. Шибаевым была показана несостоятельность этой гипотезы [28]. Как отметил М.А. Шибаев, при создании протографа НК-Н4-С1 его автор пользовался источниками, происходящих из разных княжеств [25, с. 93]. Центральнорусский источник, главный из источников Новгородско-Софийского свода, по его словам, был близок к Тр. Возможно, это был «свод 1408 г.», а не сама Тр. [28, с. 94].

Вторая версия известия, представленная в Рог., во многом отличается от текста НК-Н4-С1. Так, в тексте Рог. присутствует уникальное упоминание хана Ордумелика, который стал сарайским ханом после смерти Тимура-Ходжи. Данное свидетельство подтверждается нумизматическим материалом – монетами, отчеканенные в Азове и Новом Сарае [6, с. 38]. В Рог. также отмечено, что с Хызром убили его сына. Срок нахождения на сарайском престоле Тимура-Ходжи различается в летописных сводах: если в Рог. он оставался у власти 2 недели после чего был убит, то в НК-Н4-С1 отмечается, что фактически у власти он 3 дня. По всей видимости, здесь данные НК-Н4-С1 более точны, поскольку далее более полно раскрывают события: после того, как хан пришел к власти, почти сразу же был поднят мятеж против него, который возглавил Мамай. Пассаж о восстании Мамай против Тимура-Ходжи также объясняет, на первый взгляд, бессвязное свидетельство о бегстве последнего, которое помещено после первой и второй версии в Рог. Таким образом, в силу многих расхождений между второй версией Рог. и текста статьи за 6869 г. в НК-Н4-С1 вряд ли следует считать, что вторая версия известия 6869 г. Рог. была сокращена и переработана в ходе работы над Новгородско-Софийским сводом. Рог. заимствует это известие из какой-то другого, неизвестного нам свода. При этом остается неизвестным причина, по которой составитель Рог. пренебрёг «извлечениями» из Новгородско-Софийского свода, когда последний, по словам А.А. Шахматова, был его источником [26, с. 312, 313]. Таким образом, заключаем, что вторая версия известия, представленная в Рог., не восходит ни к Тр., ни к «своду 1408 г.», ни к его протографу.

Запись об убийстве Хызра-ханом его братом Мурадом происходила из источников промосковской направленности, ведь Тр. была по своим тенденция промосковской [5, с. 45, 46]. Видимо, по какой-то причине на этапе составления Тр. было записано известие об убийстве Хызра Мурадом, возможно, которое восходит к более ранней летописи, нежели чем «свод 1408 г.», т.е. к протографу «свода 1408 г.». Такое построение имеет место быть, поскольку, как мы выше отметили, ссылаясь на предположение М. А. Шибаева, «сводом 1408 г.» пользовались при составлении Новгородско-Софийского свода. И это же является объяснением того, что при составлении Тр. летописец либо отказался от использования «свода 1408 г.» на этапе записи известия 6869 г., либо обратился непосредственно к его протографу. Отсюда и различие между первой версией Рог. и НК-Н4-С1, и московскими сводами, и в то же время наличие общего чтения – указания на появление Кильдебека, а также свидетельства о переходе власти в Новом Сарае в руки Мурада. Впрочем, более раннее известие по времени записи не означает, что оно является достоверным.

С другой стороны, первая версия известия Рог. может быть заимствована из какого-то другого московского или нижегородского свода, но общерусского по своей направленности. Так, к примеру, А.Н. Насонов считал возможным существование летописания в Нижнем Новгороде [10, с. 171-188]. О тверском же своде общерусской направленности, напротив, говорить не приходится – Г.М. Прохоров показал, что после 1328 г. тверские летописи являются местными по характеру записанных в них известий [24].

Наконец, известие 6870 г. в Рог. о борьбе между Кильдебекем и Мурадом, с одной стороны, и Мамаем и Мурадом – с другой, восходит ни к Тр., ни к «своду 1408 г.» или его протографу, ни к возможному своду, к которому восходит первая версия Рог. К такому заключению мы приходим из-за того, что Мурад именуется сыном убитого Хызр-хана, что можно считать уникальным чтением как для первой версии известия 6869 г. Рог., так и для второй.

Включение же версии известия Новгородско-Софийского свода в московское летописание XV – XVI в. следует объяснять сильным влиянием летописей Новгородско-Софийской группы на московское летописание, в особенности С1 ст. изв. и мл. изв. [26, с. 354, 355, 357; 30].

Заключение

В заключении попытаемся восстановить последовательность событий 1361 г. Во-первых, Хызр-хан претерпел насильственную смерть – в этом сомневаться не приходится, поскольку все летописи вне зависимости от традиции говорят об этом. Судить о том, кем хан был убит, довольно-таки сложно. По нашему мнению, он был убит своим сыном Тимур-Ходжой, поскольку это объясняет комментарии Новгородско-Софийского свода о том, что почти сразу же после воцарения хана в Сарае против него восстал Мамай. К слову, принятие этой версии в качестве основной и наиболее достоверной позволяет понять, почему Мамай перешел на Горную сторону Волги, о чем внезапно сообщает первая версия Рог., а также Вл. и летописи Новгородско-Софийской группы – Мамай пытался нагнать Тимур-Ходжу. Намеревался ли Мамай захватить его или сразу придать смерти – об этом мы никогда не узнаем. Кроме того, здесь следует согласиться с Ю.Е. Варваровским, который указал, что начало чеканки монет Мурада в Новом Сарае выпадает на 763 г. х., что позволяет допускать, что до этого года в столице Ак-Орды правил какое-то время другой хан [1, с. 78]. Очевидно, что это был Тимур-Ходжа. Наконец, наше предположение согласуется и с «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», где Тимур-Ходжа именуется «чернолицым ханом», а также подчеркивается, что он убил своего отца [7, с. 37].

Далее из тени выступает Ордумелик, который, судя по чеканке монет, воспользовался междоусобицей между Тимур-Ходжой и Мамаем занял Сарай ал-Джедид [7, с. 90]. Ю.Е. Варваровский считал его приемником Хызр-хана, ссылаясь при этом на отсутствие данных в русских летописях об этом «царевиче» [1, с. 78, 79]. Однако, как показали мы выше, в Рог. присутствует упоминание об Ордумелике и его смерти. Таким образом, нельзя согласиться с мнением Ю.Е. Варваровского. После убийства Ордумелика, как сообщают летописи и Аноним Искандера [22, с. 130], возникает фигура Кильдебека, который являлся самозванцем. Именно с ним вступил в борьбу хан Мурад, как сообщается в уникальном известии Рог. за 6870 г. И.М. Миргалеев считает, что в поддержку Кильдебека выступили ак-ордынские эмиры, которые в то же время поддерживали и Мамай [6, с. 32-34]. Ю.Е. Варваровский в свою очередь отметил, что на протяжении 762 г. х. и 763 г. х. Кильдебек чеканил монеты в Азове, т.е. на территории, под-

чиненной Мамаю [1, с. 80]. Таким образом, велика вероятность, что Мамай встал на сторону Кильдебека в его борьбе за ханский престол, поскольку летописи заявляют об противостоянии Мурада и Мамаю сразу же после поражения Кильдебека от Мурада. Очевидно, что Мурад спустя какое-то время после занятия Кильдебеком Сарая вытеснил последнего из него (до этого власть Мурада признавали в Гюлистане, о чем свидетельствуют монеты с его именем [6, с. 39]). Такой ход событий позволяет объяснить последующую летописную запись о том, что Мурад вместе с «ордынскими князьями» «затворился» в Новом Сарая. Спустя время Мурад решился на открытое столкновение с Кильдебеком, накапливая силы для решающего сражения. И уже только после смерти Кильдебека Мурад вступает в борьбу с Мамаем, который участвовал во внутривосточных перипетиях Орды от лица марионеточного хана Абдуллаха. Ак-Орда в ходе этого противостояния разделилась на «Мамаеву Орду» и «Муратову Орду» [14, с. 74; 15, с. 102]. Следует согласиться с И.М. Миргалеевым, что Мурад не удержался долго на Сарайском престоле и был вытеснен Мамаем из Сарая ал-Джедид [8, с. 35]. Об этом свидетельствуют нумизматические данные [6, с. 40]. В таком раздельном положении Ак-Орда, видимо, оставалась до кончины Мурада в 765 г. х. (28.9.1364 – 18.9.1365 гг.) [1, с. 83].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-70-е годы XIV века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.
2. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 276 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб.: Тип. Э. Праца, 1842. Кн. 1, Т. 1–4. 699 с.
4. Кучкин В.А. О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem. У источника: сборник научных статей в честь С.М. Каштанова. М.: Наука, 2005. С. 237–242.
5. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 284 с.
6. Марков К.А. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 120 с.
7. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. 320 с.
8. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
9. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 159 с.
10. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 554 с.
11. Новикова О.Л. Материалы для изучения русского летописания конца XV – первой половины XVI в.: I. Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // Очерки феодальной России. 2007. Вып. 11. С. 132–258.
12. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг: Тип. Я. Башмаковъ и Ко, 1915. Вып. 1. 320 с.
13. ПСРЛ. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. I–VIII, 312 с.
14. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. Вып. 1. 432 с.

15. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. 316 с.
16. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. 252 с.
17. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг.: 2-я Государственная тип., 1921. 272 с.
18. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
19. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М., Л.: Наука, 1962. 417 с.
20. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497. Летописный свод 1518. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 411 с.
21. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 239 с.
22. ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.
23. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 512 с.
24. Прохоров Г.М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. 416 с.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечение из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 307 с.
26. Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 373 с.
27. Шахматов А.А. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV в. // ИОРЯС. 1900. Т. 5, Кн. 2. С. 451–553.
28. Шибаев М.А. Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 83–95.
29. Шибаев М.А. Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15. С. 127–134.
30. Шибаев А.М. Софийская 1 летопись и «Московско-Софийский свод» // История в рукописях и рукописи в истории: сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 129–146.

REFERENCES

1. Varvarovsky Yu.E. Ulus of Jochi in the 60–70s of the 14th century. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 128 p. (In Russian)
2. Grigoriev A.P. Collection of Khan yarlyks to Russian Metropolitans: Source Analysis of the Golden Horde Documents. St. Petersburg: Publishing House of Saint-Petersburg State University, 2004. 276 p. (In Russian)
3. Karamzin N.M. The History of Russian State: in 3 books. Book 1, Vol. 1–4 St. Petersburg: Tipografiya E. Praca, 1842. 699 p. (In Russian)
4. Kuchkin V.A. About the Time of writing of the Troits chronicle, burnt in 1812. *Ad fontem. At a Source: Collection of Articles for S.M. Kashtanova*. Moscow: Nauka, 2005, pp. 237–242. (In Russian)
5. Lurie Ja.S. All-Russian Chronicles of the 14th–15th Centuries. Leningrad: Nauka, 1976. 284 p. (In Russian)

6. Markov K.A. The Coins of Jochids: the Golden Horde, the Tatar Khanates. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 120 p. (In Russian)
7. Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15–17th centuries (excerpts from Persian and Turkic writings). Alma-Ata: Nauka, 1969. 320 p. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. The political history of the Golden Horde during the reign of Khan Tokhtamysh. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
9. Mukhamadiev A.G. The Bulgar-Tatar Coin System of the 12th–15th Centuries. Moscow: Nauka, 1983. 159 p. (In Russian)
10. Nasonov A.N. The History of the Old-Russian Chronicling of the 11th – the beginning of 18th Centuries: Essays and Research. Moscow: Nauka, 1969. 554 p. (In Russian)
11. Novikova O.L. The Materials for study of Old-Russian Chronicling of the End of 15th – first half of the 16th Centuries: Chronicle Collection of Pogodin. Manuscript 1596. *Essays of Feudal Russia*. Vol. 11, 2007, pp. 132–258. (In Russian)
12. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 4. Part 1. Novgorod Fourth Chronicle. Iss. 1. Petrograd: Typografyia Bashmakov i Ko, 1915. 320 p. (In Russian)
13. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 6. Iss. 1. Sofia First Chronicle of Older Redaction. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 312 p. (In Russian)
14. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 15. Iss. 1. Rogozhskiy Chronicler. Tverskoy Codex. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 432 p. (In Russian)
15. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 18. Simeonovskay Chronicle. St. Petersburg: Typografyia M.A. Alexandrov, 1913. 316 p. (In Russian)
16. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 23. Ermolinskay Chronicle. St. Petersburg: Typografyia M.A. Alexandrov, 1910. 252 p. (In Russian)
17. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 24. Typografskaya Chronicle. Petrograd: 2-ya gosudarstvennaya tipografyia, 1921. 272 p. (In Russian)
18. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya Chronicle. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 412 p. (In Russian)
19. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 27. Nikanorovskaya Chronicle. Abbreviated Chronicle Vaults of the End of the 15th Century. Moscow-Leningrad: Nauka, 1962. 417 p. (In Russian)
20. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 28. The Chronicle Codex of 1497. The Chronicle Codex of 1518. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 411 p. (In Russian)
21. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 30. Vladimirsky Chronicler. The Second Novgorod Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 239 p. (In Russian)
22. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 42. Novgorod Karamzinskay Chronicle. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2002. 224 p. (In Russian)
23. Priselkov M.D. Troitsk Chronicle. Text Reconstruction. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 514 p. (In Russian)
24. Prokhorov G.M. Old-Russian Chronicling. A Look into the Inimitable. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2014. 416 p. (In Russian)
25. Tizengauzen V.G. Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde: Extract from Persian Writings Collected by V.G. Tizengauzen. Vol. 2. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 307 p. (In Russian)
26. Shakhmatov A.A. Review of Russian Chronicle Codes of the 14th – 16th Centuries. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1938. 373 p. (In Russian)
27. Shakhmatov A.A. Simeonovskaya Chronicle of the 16th Century and Troitsk Chronicle of the beginning of the 15th Century. *IORYAS*. Vol. 5. Book 2, 1900, pp. 451–553. (In Russian)
28. Shibaev M.A. Vladimirsky Polychron and Novgorod-Sofia Codex. *Old Russia: Questions of Middle Ages*. 2012, no. 2, pp. 83–95. (In Russian)

29. Shibaev M.A. Novgorod-Sofia Codex and the Protoscriptory of Euphemia II. *Novgorod Historical Collection*. 2015, no. 15, pp. 127–134. (In Russian)

30. Shibaev A.M. The First Sofia Chronicle and the “Moscow-Sofia Code”. *History in Manuscripts and Manuscripts in History: Collection of Scientific Papers for the 200th Anniversary of the Department of Manuscripts of the Russian National Library*. St. Petersburg, 2006, pp. 129–146. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита Юрьевич Гребенников – магистр, стажер-исследователь Лаборатории медиевистических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5098-3015. E-mail: grebennikov97@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita Yu. Grebennikov – Master, Research Intern at the Laboratory of Medieval Studies, National Research University “Higher School of Economics” (21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-5098-3015. E-mail: grebennikov97@list.ru

Поступила в редакцию / Received 19.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.05.2024

Принята к публикации / Accepted 06.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.375-382>
EDN: MRSBED

УДК 94(47).024:043(093.3)

ОТ СВЯТОСЛАВА I ДО ИВАНА IV:
ВЕХИ ОБРЕТЕНИЯ ЦАРСТВА В МИФОПОЭТИЧЕСКИХ
ОБРАЗАХ «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

*Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
aksanov571@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: Изучить этапы обретения православного царства в повествовании автора «Казанской истории».

Материалы исследования: историографические источники, русские летописи, исторические сочинения, дипломатические документы и т.д.

Результаты и научная новизна: Ранее исследователи уже обращались к проблеме изучения концепции обретения царства, представленной в «Казанской истории». Было установлено, что автор «Казанской истории» сопоставил взятие Казани 1552 г. с покорением Константинополя 1453 г. Через эту идейную параллель летописец пытался показать, что взятие Казани стало ключевой и завершающей вехой в борьбе Рюриковичей за обретение царства. Рассматривалась и история завоевания Казанского ханства и, связанная с ней идея освобождения Руси от татарского господства. Однако без внимания исследователей остался доордынский период борьбы за царские регалии и проблема его соотношения с идеей обретения царства через взятие Казани. В результате данного исследования было установлено, что концепт обретения царства имел и доордынский компонент, семантически связанный с завоеванием Казанского ханства через константинопольские сюжеты. Мифопоэтическое сопоставление Казани с Константинополем позволило летописцу сделать родоначальником борьбы за обретение царства князя Святослава Игоревича, добившегося больших успехов в противостоянии с греками. Победы Святослава I и Владимира I стали фундаментом для обретения царского венца Владимиром Мономахом. Утерянное в период татарского господства царское достоинство удалось вернуть Ивану IV. Описание взятия Казани как падения Царьграда позволило казанскому летописцу не только соотнести события 1552 г. с победами над византийцами первых Рюриковичей и первым обретением царских регалий, но и символически связать римскую и татарскую природу царской власти на Руси.

Ключевые слова: Святослав I, Иван IV, Казанская история, Древняя Русь, Византия, Константинополь, царство, Москва, Казань

© Аксанов А.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Аксанов А.В. От Святослава I до Ивана IV: веки обретения царства в мифопоэтических образах «Казанской истории» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 375–382. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.375-382>
EDN: MRSBED

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01793, <https://rscf.ru/project/23-28-01793/>

FROM SVYATOSLAV I TO IVAN IV: MILESTONES OF GAINING THE REIGN IN THE MYTHOPOEIC IMAGES OF THE “KAZAN HISTORY”

A.V. Aksanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
aksanov571@gmail.com*

Abstract. The purpose of the study: To study the stages of the acquisitions of the Orthodox kingdom in the narrative of the author of the "Kazan History".

Research materials: Historiographical sources, Russian chronicles, historical writings, diplomatic documents, etc.

Results and scientific novelty: Previously, researchers have already addressed the problem of studying the concept of gaining the kingdom, presented in the "Kazan History". It was found that the author of the "Kazan History" compared the capture of Kazan in 1552 with the conquest of Constantinople in 1453. Through this ideological parallel, the chronicler tried to show that the capture of Kazan became a key and final milestone in the struggle of the Rurik Dynasty for the acquisition of the larger kingdom. The history of the conquest of the Kazan Khanate and the associated idea of the liberation of Russia from Tatar domination was also considered. However, the researchers ignored the pre-Horde period of the struggle for the royal regalia and the problem of its correlation with the idea of gaining the kingdom through the capture of Kazan. As a result of this study, it was found that the concept of gaining the kingdom also had a pre-Ordinal component semantically related to the conquest of the “Kazan Khanate through Constantinople” plots. The mythopoeic comparison of Kazan with Constantinople allowed the chronicler to make Prince Svyatoslav Igorevich, who achieved great victories over the Greeks, the founder of the struggle for the kingdom. The victories of Svyatoslav I and Vladimir I became the foundation for the acquisition of the royal crown by Vladimir Monomakh. Similarly, the activities of Ivan III and Vasily III led to the capture of Kazan and the new acquisition of the kingdom by Ivan IV.

Keywords: Svyatoslav I, Ivan IV, Kazan history, Ancient Russia, Byzantium, Constantinople, Moscow, Kazan

For citation: Aksanov A.V. From Svyatoslav I to Ivan IV: milestones of gaining rulership in the mythopoeic images of the “Kazan History”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 375–382. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.375-382> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 23-28-01793, <https://rscf.ru/project/23-28-01793/>

Исследователи, изучавшие «Казанскую историю», обращали внимание на то, что данное произведение содержит множество нарративных сюжетов и образов, несущих более символическую иносказательную семантику, нежели конкретно-историческое содержание. Наиболее значительный источниковедческий вклад для выявления сложной парафразой системы повествования казанского летописца внес Г.З. Кунцевич, который проследил текстуальные параллели и заимствования [6]. Семантику ключевых мифопоэтических образов «Казанской истории» изучила М.Б. Плюханова, которая выявила в «Истории» множество парафразов из Библии и древнерусской литературы. Она пришла к выводу, что летописец в панораме истории московско-казанских отношений пытался показать овладение царственной силой и, вместе с тем, гибель царства [9, с. 202]. Чтобы наиболее убедительно представить идею «обретения» одного царства через гибель другого, книжник привлек сведения из самых авторитетных произведений своего времени, невзирая на то, что эти данные порой не согласовывались с известиями других источников.

Центральным и кульминационным сюжетом в повествовании «Казанской истории» стал рассказ об осаде и взятии Казани 1552 г. Сопоставление этого рассказа с данными русских летописей, разрядных книг, А.М. Курбского и других источников позволило исследователям говорить о недостоверности описания казанского летописца. Одни историки обратили внимание на неточность описания воеводских позиций при осаде Казани [6, с. 416–418], другие и вовсе указали на полное несоответствие историческим реалиям топонимики событий, представленной «Казанской историей» [16, с. 164]. Наиболее ярким выразителем результатов «рационального» подхода к изучению сведений казанского летописца был С.Х. Алишев. Согласно ему, слова летописца о себе, о том, что он 20 лет прожил в ханской Казани, недостоверны, так как летописец «не упоминает ни одного городского строения или объекта, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по-своему» [1, с. 39].

Однако очевидно, что при описании осады и взятия Казани автор «Истории» не стремился описать события по принципу «как оно было на самом деле». Он осознанно пренебрёг данными о реальной обстановке и построил свое повествование на основе парафразов из «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году». Об этих заимствованиях писали ещё дореволюционные исследователи [8, с. 344–379; 6, с. 511–516], но определить их семантическую роль удалось только в свете недавних изысканий [9, с. 182].

Казанский летописец, описывая покорение ханской столицы, скомпоновал сведения из синхронных источников с данными «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» и провел параллель между двумя событиями. Так мифопоэтическая функция Царьграда была перенесена на Казань, взятие которой осмыслялось как обретение царства и воцарение. И эти рассуждения хорошо укладывались в идеологию Московского царства. В официальных летописях говорится о том, что Иван IV «царство и град многолюдной Казаньской въсприат» [10, с. 218; 11, с. 513; 13, с. 530; 14, с. 108, 203]. Более развернуто идея получения царского титула через завоевание Казани представлена в посольских книгах [15, с. 476, 499–500, 505, 519, 528].

Так, вопрос о признании Ивана IV царем возник в дипломатической переписке 1555–1556 гг. Польский король Сигизмунд I не желал «писать царем» Ивана IV, что стало камнем преткновения в мирных переговорах. Московские дипломаты пытались доказать правомерность царского титулования тем, что император Максимилиана I и султана Сулеймана Кануни называли Василий III и Ивана IV соответственно царями. Дополнительным аргументом в данном послании

выступало то, что «всемогущая превышняя сила Божья... на иных местах царских, на Казани и Азтрохани прославила его царем» [15, с. 476]. Но польско-литовская сторона ответила, что королю не известны записи, в которых Максимилиан I называл царем Василия III, и в посланиях к польско-литовскому государю Василий III «тым именем не писывался», да и сам Иван IV в начале своего правления «того имени в своих листех не писывал до нашего государя» [15, с. 482]. В следующем послании, от 1556 г. Иван IV, продолжая полемику о царском титуле, сместил акцент на казанские события. Он обратил внимание Сигизмунда I на то, что сам Господь даровал ему царский титул за избавление христиан от казанского пленения: «И всемогий Бог милосердие свое нам ученил, кровь христьянскую в Казани мусулманскому роду нашею рукою мьстиль, и многому христьянству от бесерменских рук нами свободу учинил... есмя з Божию волею извечное свое титло нашли, то на себя и положили» [15, с. 499].

Недвусмысленное дипломатическое обоснование получения царского титула через завоевание Казанского царства автор «Казанской истории» дополнил литературными параллелями с событиями 1453 г. Привнесение константинопольских черт в образ Казани усилило официальную идею обретения царства, но привело к существенному искажению реальной топонимики города. Автор «Казанской истории» намеренно отказался от описания важных городских объектов, фигурирующих в других источниках, поскольку это не позволяло усилить связь Казани с Константинополем. Он не стремился к описанию топографических особенностей ханской столицы, а выдвигал на первый план общие черты Казани с Константинополем. Например, Казань подобно второму Риму стоит на высоком месте и со всех сторон окружена водами. Казань находилась между двух рек, а Царьград – между двух морей [2, с. 28; 4, с. 419].

В то же время автор «Казанской истории» привносил в свое повествование явные искажения, призванные усилить параллелизм. Так, недоумение у историков вызывало противоречащее другим источникам описание городских ворот и дислокации царских войск во время осады 1552 года. Если сравнить этот фрагмент с известием «Повести о взятии Царьграда» о дислокации османских войск, то очевидно, что два отрывка не содержат одинаковых топонимов, но во многом совпадает структура описания. Русские войска, как и османские, были разделены на пять частей, каждая из которых брала на себя штурм определенного участка крепостных стен с воротами. Перед полком правой руки и передовым полком, как и перед силами карачабей и восточным крылом турок, находились стены с четырьмя воротами [4, с. 417; 2, с. 52-55].

«Константинопольские детали» в «Казанском взятии» выполняли еще одну важную сюжетную функцию. Они связывали первое обретение царства, произошедшее благодаря деятельности Святослава I, Владимира I и Владимира Мономаха, со вторым обретением царства, свершившимся при Иване IV. Описание похода Ивана IV 1552 г. автор «Казанской истории» предваряет рассказом о соещании царя с боярами.

По словам летописца, выступая перед боярами, Иван IV сказал, что хочет сам «двигнутися на безбожную и поганую Казань, на презлыя и недруги своя Казанцы, мстити крови христьянския, яко Елизвои Ефиопский царь на Омирского князя Дунаса жидовина, ревнуя прадедомъ своимъ: великому князю Светославу Игоревичю, како той многожды Греческую землю плени, столь далече ему сущи отъ Руския земля растояниемъ, и дани великия со Царяграда ималь, со благородныхъ Грек, победившихъ Трою предивную и прегордаго царя Перскаго Скераска. Тои же великий князь Святославъ по Дунаю стоящихъ 80 градовъ Болгарскихъ вся» [12, стб. 99].

Сравнение Ивана IV с эфиопским царем Елезвоем кажется вполне логичным, поскольку последний был причислен к лику святых за борьбу против иудейского правителя Дунаана, угнетавшего христиан. Однако при обращении к прадедам Ивана IV летописец неожиданно начинает с имени Святослава Игоревича, который был язычником и воевал против христианских государств. Впрочем, как видно из текста, автор «Казанской истории» не упоминает о язычестве Святослава и не акцентирует внимание на том, что болгары и греки были христианами. В контексте его повествования важно было подчеркнуть, что Святослав покорил 80 болгарских городов, победил греков и, что самое главное, брал дань с Царьграда¹. Почему из сравнительно обширного корпуса известий о Святославе автор «Истории» выбрал именно эти сообщения? Симптоматично, что здесь умалчивается о победоносных походах князя на хазар и печенегов. То есть в данном случае необходимо было обратить внимание не столько на полководческие таланты и смелость Святослава, сколько на его успехи в греческой политике. Таким образом, уже на этом этапе повествования подчинение Царьграда становится краеугольным камнем исторического дискурса обретения царской власти Рюриковичами.

Вторым важным элементом царственной теории было утверждение христианства на Руси, поэтому, по словам летописца, Иван IV подражал и сыну Святослава, Владимиру. Вместе с крещением Руси из заслуг Владимира упоминается о покорении «великого града» Корсунь, что опять же акцентирует внимание читателя на греческом направлении.

Согласно «Истории», Иван IV хотел походить и на Владимира Мономаха, который воевал с греческим царем Константином Мономахом. Военные успехи Владимира Мономаха были настолько ошеломляющими, что царь для примирения с князем отправил в Киев «дары безценныя, самы свой царский венець, и багряницу, и скиферть, и сердаликову крабийцу, из нея же еще великии Августъ Римский кesarь на вечеряхъ своихъ пия и веселяшеса, и злата, и сребра, и бисера, и камени драгихъ безъ числа, и инехъ вещи драгихъ множество, утоляя гневъ его, и светлымъ царемъ Рускимъ называя его, да уже къ тому не двинется Греческия земля его пленити». В конце рассказа о Владимире Мономахе автор «Казанской истории» приводит слова самого Ивана IV: «И сея ради вины велики князь Владимиръ, прадед мой, царь Манамахъ наречеса, отъ него же и мы прияхомъ цари нарицатися, венца ради и порфиры и скиферта Костянтина царя Манамаха» [12, стб. 100-101].

История о том, что Владимир Всеволодович получил царский титул и атрибуты власти от императора Константина Мономаха заимствована автором «Казанской истории» из «Сказания о князьях владимирских». Первая редакция «Сказания» была составлена при Василии III (не позднее 1527 г.). В основе «Сказания» лежат две легенды о природе царской власти на Руси, впервые зафиксированные в «Послании» церковного публициста Спиридона-Саввы (1510-е гг.) [3, с. 283]. Первая легенда гласит о родстве римского императора Августа и князя Рюрика. Вторая легенда сообщает о передаче царских регалий Константином Мономахом. Казанский летописец не привел данные о родстве Августа и Рюрика, но почти полностью пересказал вторую легенду. Вместо первой легенды, появившейся лишь в начале XVI в., он привел вполне историчные известия об успешных походах Святослава Игоревича, почерпнутые из русских летописей. Обе легенды о получении царской власти в сокращенном виде использовались и в дипломатической переписке, однако в посольских делах, как и в «Сказании о князьях владимирских», после Августа и Рюрика упоминаются Владимир Святославович и Владимир Мо-

¹ Рассказ о завоевании 80 городов и дани с Царьграда Р.С. Липец отнесла к эпическим сюжетам, проникшим в летописание [7, с. 222].

номах и не упоминается Святослав Игоревич [15, с. 519]. Это указывает на то, что именно автор «Казанской истории» заменил основателей царского величия – Августа и Рюрика – на Святослава Игоревича, существенно подкорректировав тем самым официальный дискурс происхождения царской власти.

Итогом греческой политики Святослава I, Владимира I и Владимира Мономаха стало получение римских регалий и царского титула. Казанский летописец вложил в уста Ивана IV слова о том, что он принял царский титул и регалии от Владимира Мономаха. Казалось бы, все очевидно – Иван IV унаследовал царский титул от Владимира Мономаха. Но далее при описании деяний Иван III и Василий III не упоминается об их царском достоинстве. Царские традиции Рюриковичей были прерваны в эпоху татарского господства. В летописной традиции ханов Золотой Орды называли царями. Автор «Казанской истории» последовательно обосновал, что Казань была наследницей Золотой Орды. По словам летописца, когда Золотая Орда «нача изнемогати», ее «царская слава, и честь» перешла на «Казань, младую тщерь; ...от Златяя Орды, злая² ветвь произыде, Казань» [12, стб. 221]. Поэтому завоевание Казани символизировало не только обретение, но и возвращение царства.

Таким образом, исторические экскурсы в греческую политику Святослава I, Владимира I и Владимира Мономаха в контексте сравнения взятия Казани с Константинополем, позволили показать казанские события как борьбу за возвращение добытого предками и отобранного татарами царства. В тоже время данный дискурс «Казанской истории» является результатом рефлексии над дихотомией природы царской власти на Руси. Это был ответ на злободневные вопросы: почему завоевание Казанского юрта давало право Ивану IV на царский титул? Как соотносится римское по происхождению царское достоинство с властью татарских ханов? Во второй половине XVI вв. эти вопросы задавались русским дипломатам на Западе, то есть они были актуальны для русской политической элиты. «Казанская история» пользовалась большой популярностью в России вплоть до конца XVIII в., обнаружено более 300 ее списков³, следовательно, рассмотренный дискурс происхождения царской власти имел широкое распространение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. 75 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. 581 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XIV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. 566 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 2000. 618 с.
5. Дубровина Л.А. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. С. IV–XVI.
6. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 682 с.

² В некоторых списках «Казанской истории» вместо «злая» пишется «златая» [21, стб. 221].

³ Все сохранившиеся списки датируются XVII–XVIII вв., но протограф «Казанской истории» восходит к XVI в. [3, с. IV, XVI].

7. Липец Р.С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 217–257.
8. Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 4. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. С. 344–379.
9. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
10. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
11. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
12. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
13. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
14. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
15. Сборник русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.). СПб.: Типография Ф. Елионского и Ко, 1887. 629 с. + 98 стб. + V с.
16. Ситдигов А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 160–206.

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. Historical sources and historiography of the city of Kazan. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2001. 75 p. (In Russian)
2. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 7: The second half of the 15th century. St. Petersburg: Nauka, 1999. 581 p. (In Russian)
3. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 9. The end of the 14th – the first half of the 16th century. St. Petersburg: Nauka, 2000. 566 p. (In Russian)
4. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 10: 16th century. St. Petersburg: Nauka, 2000. 618 p. (In Russian)
5. Dubrovina L.A. Preface to the edition of 2000. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19. History of the Kazan Kingdom (Kazan chronicler). Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, pp. 4–16. (In Russian)
6. Kuntsevich G.Z. The story of the Kazan Kingdom or the Kazan Chronicler: The experience of historical and literary research. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1905. 682 p. (In Russian)
7. Lipets R.S. Reflection of the ethnocultural ties of Kievan Rus in the legends of Svyatoslav Igorevich (X century). *Ethnic history and folklore*. Moscow: Nauka, 1977, pp. 217–257. (In Russian)
8. Orlov A.S. On some features of the style of Great Russian historical fiction of the 16th–17th centuries. *Proceedings Department of Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*. Vol. 13. Book 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1908, pp. 344–379. (In Russian)
9. Plyukhanova M.B. Stories and symbols of the Moscow Kingdom. St. Petersburg: Akropolis, 1995. 336 p. (In Russian)
10. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13. Part 1. The Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1904. 302 p. (In Russian)

11. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13. Part 2. Supplement to the Nikon Chronicle. The so-called Royal Book. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. 532 p. (In Russian)

12. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 19. The history of the Kazan Kingdom. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 328 p. (In Russian)

13. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 20. Lviv chronicle. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005, pp. 4–704 (In Russian)

14. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 29. Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. The Alexander Nevsky Chronicle. Lebedevskaya Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 390 p. (In Russian)

15. Compilation of the Russian Historical Society. Vol. 59. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state. Vol. II. (1533–1560). St. Petersburg: Tipografiya F. Yelionskogo i Com 1887. 629 p. 98 stb. V p. (In Russian)

16. Sitdikov A.G. Some aspects of the topography of Khan's Kazan: *Kazan Khanate: actual research problems. Materials of the scientific seminar "Kazan Khanate: actual problems of research"*. Kazan: Fen, 2002, pp. 160–206. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Research Fellow at the Center for Urban Studies, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 04.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.05.2024

Принята к публикации / Accepted 04.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.383-398>
EDN: MRVVTD

УДК 93/94, 908

**СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «SAMAR»:
К ВОПРОСУ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ****Ш.Х. Галимов**

*Самарская областная татарская национально-культурная автономия
Самара, Российская Федерация
azan06@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: проанализировать источники, указывающие на возможность возникновения Самары в золотоордынскую эпоху.
Материалы исследования: «Ногайские дела». «Пискаревский летописец», труды отечественных и зарубежных исследователей XIX в. и послереволюционного периода.
Результаты и научная новизна исследования: В историографии утвердилось мнение, согласно которому время и обстоятельства возникновения городка (крепости) Самара определены как 1586 г. и связаны со строительством в урочище у слияния рек Самара и Волга новой русской крепости на юго-восточных рубежах Московского государства. При установлении и признании основной частью исследователей этого факта (и особенно в практиках популяризации исторических знаний) не последнюю роль сыграла определенная мифологизация события, тогда как известные исторические документы допускают нахождение еще в середине XIV в. в районе нынешнего города Самара поселения с одноименным названием. В большинстве научных и научно-популярных публикаций без достаточной аргументации отвергнуты источники, которые могли бы содействовать более всестороннему и объективному раскрытию темы. Поэтому официальная историография продолжает придерживаться точки зрения, что, во-первых, известные карты Пицигани 1367 г. и Фра Мауро 1459 г. неверно отражают географию Восточной Европы и, во-вторых, если означенное поселение «Samar» в то время и существовало, оно не может считаться предтечей нынешнего города Самара. Между тем комплексный анализ исторических документов и трудов исследователей XIX в. позволяет, по крайней мере, подвергнуть сомнению эти категоричные утверждения и поставить новые вопросы по событиям, предшествовавшим включению в XVI в. Средней Волги в состав Русского государства.

Ключевые слова: поселение «Samar», самарский «перевоз», средневековые карты Пицигани и Фра Мауро, «Пискаревский летописец», топонимические данные

Для цитирования: Галимов Ш.Х. Средневековое поселение «Samar»: к вопросу анализа и интерпретации источников // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 383–398. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.383-398> EDN: MRVVTD

Благодарности: Приношу искреннюю благодарность Н.Ф. Тагировой, А.Н. Завальному и И.М. Миргалееву за ценные советы и рекомендации при подготовке настоящей статьи.

© Галимов Ш.Х., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

MEDIEVAL SETTLEMENT "SAMAR": ON THE ISSUE OF ANALYSIS AND INTERPRETATION OF SOURCES

Sh.Kh. Galimov

*Samara Regional Tatar National Cultural Autonomy
Samara, Russian Federation
azan06@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study: To analyze well-known materials and introduce published sources and works of researchers into a wide scientific circulation, indicating the possibility of the appearance of Samara in the Golden Horde era.

Research materials: "Nogai affairs". "Piskarevsky Chronicler", the works of domestic and foreign researchers of the 19th century and the post-revolutionary period.

Results and scientific novelty of the study: According to the current historiographical theory, the time and circumstances of the emergence of the town (fortress) of Samara are defined as being in 1586 and are associated with the construction of a new Russian fortress in the tract at the confluence of the Samara and Volga rivers on the southeastern borders of the Moscow state. In establishing and recognizing this fact by the main part of researchers (and especially in the practice of promoting historical knowledge), a certain mythologization of the event played an important role when, as is found in well-known historical documents, a settlement with the same name was founded in the middle of the 14th century in the area of the current city of Samara.

In most scientific and popular scientific publications, sources that could contribute to a more comprehensive and objective disclosure of the topic are rejected without sufficient argumentation. Therefore, official historiography continues to adhere to the point of view that, firstly, the well-known maps of Pizigani in 1367 and Fra Mauro in 1459 incorrectly reflect the geography of Eastern Europe and, secondly, if the said settlement of Samar existed at that time, it cannot be considered a forerunner of the current city of Samara. Meanwhile, historical documents and a detailed analysis of the works of researchers of the 19th century with their complex use, at least, allow us to question these categorical statements and raise new questions about the events preceding the inclusion in the 16th century of the Middle Volga as part of the Russian state.

Keywords: Samar settlement, Samara "transportation", medieval maps of Pizigani and Fra Mauro, "Piskarevsky chronicler", toponymic data

For citation: Galimov Sh.Kh. Medieval Settlement "Samar": on the Issue of Analysis and Interpretation of Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 383–398. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.383-398> (In Russian)

Acknowledgments: I express my sincere gratitude to N.F. Tagirova, A.N. Zavalny and I.M. Mirgaleev for valuable advice and recommendations in the preparation of this paper.

Вопрос о дате основания Самары давно волнует исследователей. Некоторое время назад, вскоре после яркого празднования тысячелетия Казани, в Самарской области была создана специальная комиссия, перед которой была поставлена задача выяснить: когда на самом деле была основана Самара (сельское поселение, крепость, острог, город, городок) – в 1586 г., как официально принято считать, или же это событие произошло раньше?

Промежуточные итоги работы этой комиссии и в целом многолетней дискуссии, которая, впрочем, не утихает до сих пор и, вероятно, будет продолжаться

еще неизвестно какое время, были подведены в 2012 г. на большой научно-практической конференции, проходившей в Самарском областном историко-краеведческом музее имени П.В. Алабина [27].

Принято считать, что самыми первыми свидетельствами существования географического топонима Самара – Samag были и остаются так называемые карты Пицигани и Фра Мауро, датированные соответственно 1367 и 1459 гг.

Правда некоторые свидетельства о возможном существовании города под названием Самара (или с близкими по транскрипции наименованиями) встречаются и в некоторых, более ранних источниках. В их числе можно назвать “Книгу извлечений” Ришара Сен-Викторского XII в., “Эбсторфскую карту” XIII в., «Путешествия в восточные страны Гильома де Рубрука. Не все они переведены на русский язык, поэтому не вошли в широкий научный оборот.

К изучению карт (портоланов) Пицигани и Фра Мауро российские ученые приступили в 70-е гг. XIX в., и с тех пор о них в отечественной исторической литературе написано немало. При этом каждый исследователь, проведя собственный анализ данных, приведенных в картах, по-своему интерпретирует их, делает свои выводы. И эти выводы предстают для нас в самом широком диапазоне – от признания факта существования Самары уже в 1367 г. до полного отрицания этого.

В самый начальный период предметного изучения карт 1367 и 1459 гг. – в XIX в. – все исследователи брались за “расшифровку”, перевод с латинского языка, толкование и другие лингвистические операции с названиями населенных пунктов. Для нас особенно важно подчеркнуть, что практически никто из авторов XIX в. не ставил под сомнение тот факт, что указанный на месте впадения некоей малой реки (на карте Пицигани) или реки Chaisu (на карте Фра Мауро) в Волгу (Edil), пункт Samag и есть предшественник нынешнего города с одноименным названием.

Первым данную гипотезу высказал профессор Новороссийского университета Ф.К. Брун. Он писал, что «Отмеченный между ними (Болгаром и Сараем) город Самар мог занимать место, где находился разрушенный Батыем город Сумеркент, на развалинах которой впоследствии возникло место Джемер (...), предвестник нынешней Самары» [19, с. 11–12].

Следует отметить, что другой известный источник средневековой истории Восточной Европы – «Путешествие в восточные страны» Гильома де Рубрука указывает местоположение города Сумеркент совсем в другом месте – в низовьях Волги. Такая точка зрения принята и современными исследователями Золотой Орды. Поэтому, оставляя рассуждения и выводы Ф.К. Бруна без комментариев, для себя отметим, что он безоговорочно принимает версию составителей карт и признает факт, во-первых, безусловного существования Самары в золотоордынский период и, во-вторых, несомненно в качестве города.

Как и Ф.К. Брун, с доверием к средневековым картам Восточной Европы XIV–XV вв., составленным иностранцами, отнесся также саратовский исследователь Ф.Ф. Чекалин. Он подробно анализирует их, выявляет нестыковки и несоответствия между ними, указывает, опираясь на другие документы, на ошибки в картах, честно признается в том, в чем сам сомневается, в частности, при выяснении названий нынешних городов и поселений, которые, судя по европейским картам, стояли на обоих берегах Волги. Поэтому ход мыслей и выводы саратовского ученого XIX в. тоже вызывают безусловное уважение и доверие.

Что касается Самары, то Ф.Ф. Чекалин поставил ее в число городов, расположенных на левом, степном берегу Волги. Он пишет: “Сделаю лишь замечание по поводу существования Самары в такую отдаленную эпоху (1367 г.) о том, что

при русской колонизации нижнего Поволжья в XVI и XVII вв. нередко русские города возникали на древних инородческих городищах и по именам рек, как в настоящем случае, сохранили за собою и старые названия» [23, с. 17–18].

Здесь уместно будет напомнить, что в любом случае новый город или крепость (острог) гораздо проще строить не в степи или лесном урочище, а на месте имеющегося поселения, так как экономически выгодно пользоваться уже существующими ресурсами. К тому же мы встречаем немало фактов, когда материал сооружений более раннего периода разбирался новопоселенцами и широко применялся при строительстве новых городов и крепостей. Это обстоятельство, в числе многих других – о чем речь пойдет ниже, указывает на очень высокую вероятность постройки крепости Самара именно на месте какого-либо поселения.

В 1890 г. в свет вышла работа П.В. Алабина «Несколько старинных документов, относящихся до истории г. Самары и Самарской губернии» [16]. Она стала первой серьезной попыткой специального анализа важнейшего картографического источника по данной теме. Небольшая по объему, но очень содержательная работа П.В. Алабина содержит беспристрастный разбор важнейшего исторического источника по истории Самары – карты Фра Мауро. Эта работа в отличие от большинства других его изданий не получила должного внимания исследователей. Она не упомянута даже в специальной работе об Алабине [12]. Следует заметить, что Алабину в момент написания данного исследования более ранняя подобная карта – 1367 г. Пицигани не была так широко известна, – и поэтому он оперирует только картой Фра Мауро. Учитывая исключительную важность работы приводим весь большой блок этой работы, напрямую относящийся к рассматриваемому нами вопросу.

«Доселе история первых лет существования Самары, не смотря на некоторые попытки нескольких лиц, не освещена надлежащим образом, между тем ныне из географической карты венецианского космографа XV века Фра Мавро..., хранящейся во дворце Дожей, усматривается, что *Самара нанесена на эту карту* приблизительно на месте ее настоящего нахождения, а именно на левом берегу Волги при впадении в нее какой-то неназванной реки, текущей с востока, южнее показанного на карте (при впадении в Волгу какой-то реки, надо полагать Камы) *города Булгар*, хотя, при безыскусственном вообще изображении течения Волги, столь характерной «Самарской Луки», образуемой этою рекою, против Самары на карте не показано.

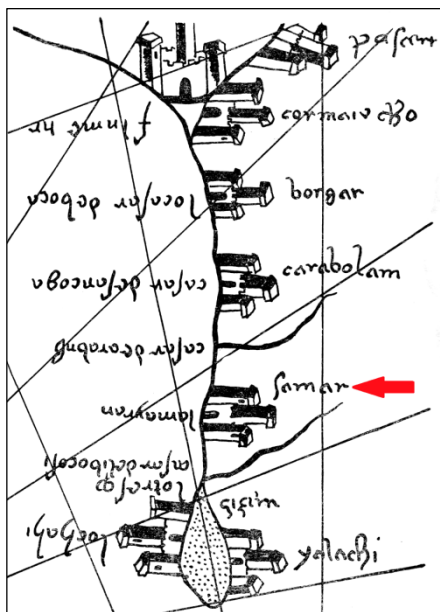
Карта Фра Мавро, составленная, вероятно, по существовавшим уже в то время письменным источникам, по его собственным словам, проверена достойных веры людей, видевших указываемые ею (*картой – прим. авт.*) собственными глазами. Понятно, что географическая карта таким образом составленная, в некоторой только степени может отвечать действительности, только, так сказать, намекая на нее, как оно и есть на самом деле, в данном случае... Но, как бы карта Фра Мавро не погрешила против действительности при показании столь еще мало исследованной страны, как Заволжье, но *Самара показана на этой карте*. Между тем эта карта составлена не только по письменным источникам, существовавшим во времена Фра Мавро, но и по рассказам бывалых людей, следовательно, нанесенная на эту карту Самара в то время не только существовала уже в действительности, но и заслуживала внимания и памяти рассказчиков.

Что до нас, то в факте мы никогда и не сомневались, судя как по географическому положению местности города Самары, более чем какая-либо другая благоприятствующей заселению с древнейших времен..., и затем, судя по преданию об остановке митрополита Алексия на месте Самары, при поездке его в Орду,

быть может если и произведенной, то вследствие существования на этом месте поселения, в котором путники могли возобновить может быть истощавшиеся продовольственные запасы или найти какого-либо другого рода бывшую тогда им необходимую помощь.

Во всяком случае надо полагать, что грамота Араслану мурзе указывает на построение Самары не на пустынном дотоле месте, а на насиженном уже, иначе говоря, слова Государя: *«того для есмя и город поставить на Самаре»* надо понимать, что царь Федор Самарское поселение приказал, так сказать, *огородить*, укрепить и превратить *в крепость*. Под этим именем она впоследствии многие годы и существовала. Но, хотя убеждение в древнем существовании Самары, как сколько-нибудь замечательного населенного пункта, и имеет для нас значение, однако историю *города* (выделено мной – авт.) мы все-таки будем вести с 1586 года, т.е. со времени официального признания ее царем Федором – городом или крепостью...».

В примечаниях П.В. Алабин указывает, что, хотя к старинным картам России, изданным иностранными путешественниками, как не основанных на определенных измерениях, нельзя относиться с безусловным доверием, «самое нанесение Самары на его (Фра Мауро – прим. авт.) карту не может не служить доказательством ее существования еще в его времени» [16, с. 4].

Фрагмент портолана Ф. и Д. Пицигани
1367 г. (прорисовка).

Fragment of Pizigani's portolan
of 1367 (drawing).

Фрагмент карты
Фра Мауро 1459 г.

Fragment of Fra Mauro's map of 1459.

И еще. «Что Самара существовала еще до 1586 г., – продолжает автор, – может служить некоторым доказательством жалованная царем Федором грамота Троице-Сергиевского монастыря о беспошлинном пропуске по Волге монастырских судов (не дошедшая до нас, но неоднократно использованная учеными прошлых эпох). И среди перечисленных поволжских городов здесь называется и «Самарский городок» [16, с. 4]. С детальным анализом событий, связанных с

этим документом, можно ознакомиться в указанной работе П.В. Алабина. Следует отметить, что данная грамота царя Федора слово в слово повторяет текст аналогичной грамоты его отца Ивана IV. Следовательно, по Алабину получается, что ко времени смерти сына Ивана Грозного, то есть в 1574 г., Самарский городок уже существовал.

В.А. Кучкин писал о невозможности существования населенного пункта на месте впадения реки Самары в Волгу. Любопытно, в то же время этот автор, как и многие другие его коллеги, в первую очередь, В.Л. Егоров, напоминает о существовании в Поволжье периода Золотой Орды целой сети городов. И, выражая эту устоявшуюся в историческом сообществе точку зрения, отмечает, что они, возникнув на кочевнических землях как военные крепости с целью установления власти нового государства, «эти цели с течением времени нивелировались, крепости превращались в города, которые развивали новые производства, новые трудовые навыки, знания и культуру, превращаясь в очаги иной, более высокой цивилизации». Но, согласно автору, данный процесс не затронул отмеченное на средневековых картах поселение «Samar» (Самара) [8, с. 46].

Большое внимание анализу указанных версий по вопросу существования в средние века поселения Samar было уделено в новой коллективной монографии самарских историков, посвященной истории Самарского края [6, с. 37–41].

Надо отметить, что главная проблема при изучении данного вопроса – это крайняя скудость источников по истории всех средневековых татарских государств, из-за их разрушения в XV–XVI вв. А также отсутствие условий (по крайней мере, в настоящее время) проведения археологических раскопок на месте бывших и (или предполагаемых) городских и сельских поселений периода средневековья. Это лишает исследователей возможности охарактеризовать историческое развитие этих поселений, чаще всего позволяя оценивать (и то только приблизительно) их географическое местоположение. В случае же с Самарой в этом смысле положение совсем критическое: за четыре с лишним века стратиграфия территории изменилась коренным образом, и под миллионным городом или в застроенных его предместьях найти средневековые культурные слои крайне сложно.

Шигабутдин Марджани, говоря о причинах нехватки источников, высказал мнение о том, что Казанское ханство из-за сравнительно недолгого существования не смогло наработать крепкой, преемственной традиции составления его учеными исторических книг, а то, что и было, скорее всего, погибло во время бедствий, постигших государство в 1552 г. [14, с. 74].

О больших потерях источниковой базы истории не только татар Поволжья и Приуралья, но и всего юго-востока России писал Ш. Мухамедьяров. Но часть документов, как считал ученый, миновали эти события, по-видимому, попала в какие-то архивохранилища и сохранилась. Об их существовании, например, известно из «Описи царского архива» (1575–1584), опубликованном в первом томе «Актów Археографической экспедиции» за 1836 г. [13, с. 16]. Отсылка в такого рода специальные казанские дела встречается также в других сохранившихся посольских делах, например, в сборнике Русского Исторического общества 1884 года издания.

Теме утраты источников по истории Поволжья в свое время была посвящена специальная работа симбирского исследователя истории Приволжского края дореволюционного периода Валентина Красовкого. В ней речь идет, в том числе, о многочисленных и опустошительных пожарах, периодически происходивших в России в течение XVII–XIX вв. Они уничтожили, как сообщает автор, архивы Приказа Казанского дворца, ведавшего вотчинными и поместными делами от Нижнего Новгорода до Астрахани, и хранилища документов в Казани, Самаре и

Симбирске, в результате которых был безвозвратно утерян огромный массив документов, в частности, по истории Среднего и Нижнего Поволжья [7, с. 4, 32, 39, с. 66].

Последним серьезным ударом по документальной базе истории нашей страны явилась организованная в конце 20-х годов XX в. массовая кампания по сдаче макулатуры. В нее были вовлечены также и учреждения архивной системы СССР, им тоже спускались конкретные планы сбора и сдачи бумажного «вторсырья». В первую очередь это коснулось центральных архивов, расположенных в Москве и Ленинграде [25, с. 49]. Таким образом, как справедливо отмечает В.В. Трепавлов, «средневековая историография татарских ханств Поволжья и Сибири не сохранилась» [28, с. 38].

Многие современные исследователи Золотой Орды – Н.Н. Грибов, Л.Ф. Недашковский, Н.А. Тропин и другие, в отличие от В.А. Кучкина и В.Л. Егорова, также придерживаются точки зрения о том, что картографические источники того времени, в том числе и карты Пицигани и Фра Мауро, отражают реальную схему расположения городов Золотой Орды и в целом историко-географической области, которую западные путешественники вплоть до XVII в. называли Тартарией.

Такая точка зрения получает всю большую поддержку историков и отражение на новых исторических картах нашего времени, например, на той, что использовал В.В. Трепавлов в монографии «История Ногайской Орды». А также составленных в последние десятилетия одним из известных картографов нашего времени А.А. Астайкиным. Примечательно, что в монографии известного немецкого востоковеда Б. Шпулера «Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг.» среди золотоордынских городов Самара тоже показана.

А как быть с легендой о митрополите Алексие и его встрече в устье реки Самары с отшельником и его знаменитом предсказании о возникновении в будущем в этом месте города со счастливой судьбой? Ведь эта легенда, ввиду чрезвычайно большой растиражированности, уже в течение как минимум нескольких последних десятилетий вольно или невольно стала восприниматься в массовом сознании, как документальное подтверждение неких исторических событий, которые имели место быть в том же месте и в тот год. Но подкрепляется ли легенда объективными фактами?

По словам крупнейшего специалиста по истории самарского края XV–XVII вв. Э.Л. Дубмана, «не имеет под собой никакой документальной основы и является лишь местным преданием сам факт встречи митрополита Алексия с отшельником у устья р. Самара и известного предсказания. В русских источниках, современной жизни и деятельности митрополита Алексия и соответствующих времени последовавшей через столетие его канонизации (это событие появление «Жития...») и ряда других сочинений, посвященных Алексию, полностью отсутствует описание этого события» [32, с. 72]. В достоверности широко распространенной легенды сомневался и Е.Ф. Гурьянов [3], В.Ю. Иевлев [5] и Ю.Н. Смирнов [26].

Следует обратить внимание на то, что знаменитая легенда стала широко известна и получила распространение благодаря Петру Алабину в период его «градоначальства», в конце XIX в., когда в отечественной научной литературе возник вопрос о картах Пицигани и Фра Мауро. Важно также подчеркнуть, легенда (безусловно, более позднего периода) относит встречу митрополита с отшельником к 1357 г., таким образом хронологически «подведя» ее поближе к дате первого упоминания поселения Samar на портолане 1359 г.

Перейдем к письменным источникам. В них можно найти немало свидетельств о более древнем поселении в районе нынешней Самары. Подробным образом эти источники были анализированы в нашей коллективной монографии «Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки» 2017 г. издания. Здесь мы приводим только несколько фактов. В «Ногайских делах» в фондах Российского государственного архива древних актов хранится отчет отпущенного из улуса ногайского мирзы Исмаила в конце лета 1552 г. московского посланника К. Кудинова. Кудинов пишет здесь о своем пути из-под реки Кама в направлении Самары и отмечает: «шел до Самара семь день, да на Самара дневал. А в девятой день его с Самара отпустил ко царю и великому князю...» [31, с. 36].

Где же «дневал» Кудинов после такого долгого перехода? Если следовать распространенной теории о легендарных отшельниках, что жили в устье реки Самара, и сплошном «Диком поле» в Заволжье, то получается, в шалаше, под дубами, березами или в лучшем случае в ногайских кибитках? Понятно, что царские посланники таким образом, то есть в полевых условиях не «днюют» и не ночуют, а делают это там, где можно отдохнуть, привести себя в порядок и рабочее состояние и так далее.

Далее. Важнейший источник по российской истории «Пискаревский летописец» нам сообщает: «Того же году (1586 г. – прим. авт.) великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси и великим хотением и желанием распространяет Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю с[в]ятым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелканову города ставити на Поле и в Сивере, и к Астархани, которыя за много лет запустевша от безбожных агарян и от межуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския» [10, с. 88].

Из документа выделим главное в части того, что относится к основанию крепости Самара:

– царь этим указом приказывает поставить ее на месте, несомненно, существовавшего поселения, которое за несколько лет до того было «запустевши», то есть оставлено мусульманами;

– здесь подтверждается старое название новой крепости, вернее, за ней сохраняется существующее название.

О слове «агаряне». У разных лингвистов в разных источниках его трактовка несколько отличается, но в описываемый период имело вполне определенное значение – «мусульмане». Например, в летописи «Царственная книга» рассказывается о напутственной речи Ивана IV перед войском, отправлявшимися в последний, решающий поход на Казань в августе 1552 г., где царь обращается к своим воинам с такими словами: «Агаряне они бога не имеют... мы же имеем владыку господя бога; за имя его постражем, да венцы мученически увяжемся» [30, с. 149]. Русский царь, говоря об «агарянах», конечно, имеет в виду здесь мусульман – татар.

Далее. Тот же «Пискаревский летописец» сообщает о том, что «Лета 7094-го (1586 г. – авт.) положил опалу царь и великий князь Федор Иванович на князя Андрея Ивановича Шуйского да на Петра Головина казначея: поделом ли или нет, то бог весть. И князя Андрея сослали в Самару и тамо скончался нужно...» [11, с. 88]. Здесь речь идет о последствиях событий весны 1586 г., когда одного из главных оппонентов новой царской власти князя Андрея Ивановича Шуйского

было решено отправить в ссылку, и местом отбывания наказания была определена Самара.

Правда, теперь нам известно, что место ссылки Андрея Шуйского впоследствии изменили, и в Самару для отбывания наказания он так и не приехал. А был отправлен в Каргополь, где через несколько лет его убили. Для нас здесь важно другое: сам факт определения первого места отбывания ссылки А. Шуйского и год, когда произошло это событие. Если, по официальной версии, в 1586 г. Самара только строилась, то такой вариант ссылки не должен был даже и рассматриваться властями. На наш взгляд, выбор Самары является еще одним косвенным подтверждением того, что на данной территории поселение уже давно существовало.

Такое прочтение исторических документов дает серьезные основания утверждать, что новая крепость Самара строилась в 1586 г. не на пустом месте, а на определенной степени культивированной почве – оно (это место) уже было достаточно освоено и, безусловно, представляло собой населенный пункт.

На очень интересные размышления наводят также многочисленные карты европейских путешественников, которые изучил, проанализировал и описал русский ученый-эмигрант, историк картографии Лео Багров (1881–1957). Среди них особого внимания заслуживает карта Меркатора. Она составлена в 1572 г., то есть за несколько лет до «официально» признанного года строительства крепости Самары. Здесь на месте впадения одной безымянной реки в Волгу отмечено поселение с названием «Vulgar». Причем этот населенный пункт географически привязывается не к известному всем месту нахождения первой столицы Волжской Булгарии, а значительно ниже по Волге. И эта река больше идентифицируется с Самарой. Во всяком случае, больше таких крупных левых притоков у Волги нет. Во-вторых, мы знаем, что в момент составления фламандским исследователем своей карты такого города, как Булгар, уже не существовало – в 1431 г. он был разрушен князем Федором Пестрым. Поэтому не исключено, что по неизвестной нам причине поселение Самара, расположенное (хотя и примерно) на том же месте, что и на карте 1367 г., у Пицигани, и здесь, у Меркатора, было отмечено как «Vulgar» [32, с. 164].

О существовании поселения Samar свидетельствует еще одна карта, датированная 1566 годом. Ее составил мастер-картограф из Кельна Каспар Вoppелиус. Эту карту подробно проанализировал и описал специалист по средневековой картографии И.К. Фоменко. Он указывает: на карте Вoppелиуса за «Ра, рекой Волгой, или Эдель» изображен частично руинированный замок «Sama(r) castrum «крепость Самар». Изображая миниатюру с руинами Самары, автор-составитель карты, несомненно, хотел подчеркнуть древность и запустение данного города...» [29, с. 9].

Теория о «Диком поле» как о продолжительном состоянии Самарского Заволжья и в целом Среднего Поволжья, которое, якобы, доминирующим образом существовало до середины XVI в. исторической наукой отвергнута, в общем-то, давно – в трудах как дореволюционных историков, археологов, путешественников (И.И. Лепехин, В.Н. Поливанов, К.И. Невоструев и др.), так и исследователей советского и постсоветского периодов (Р.Г. Фахрутдинов, Г.И. Матвеева, И.Б. Васильев, А.Ф. Кочкина, Д.С. Сташенков, И.Н. Васильева, Р.С. Багаутдинов, С.Э. Зубов и др.). Для подтверждения сказанного приведем только такие цифры: к настоящему времени на территории нынешней Самарской области объектов булгарской эпохи, по подсчетам Г.И. Матвеевой, обнаружено 57, еще пять добавилось за последние годы. Золотоордынских к настоящему времени выявлено 126 памятников [1]. При этом следует иметь в виду, что в последние десятилетия

в Самарской области археологические изыскания не имели такого масштабного характера, как в Республике Татарстан. Тем не менее самарские исследователи добились заметных результатов.

О том, что Самарский край еще до включения в состав Русского государства имел постоянное оседлое население, жившее в постоянных поселениях, свидетельствуют и топонимические данные. Известно, что названия городов, сел, рек, гор, лесов, озер, урочищ являются не только географическими символами, но и важным историческим источником. Их происхождение, современное состояние, развитие, написание и даже произношение вобрали в себя историческую память о событиях, когда-то происходивших в той или иной местности и об изменениях, которые случились в более поздние эпохи.

Первые свидетельства топонимической карты региона нам передал Ибн-Фадлан, оставивший ценные путевые заметки, накопленные во время путешествия из Средней Азии на Среднюю Волгу и обратно в 922 году. Для более поздней эпохи характерны, как отмечает А.Н. Поронов “громадный по своей мощности тюркский пласт топонимов, которые довольно легко идентифицируются” и “славянские топонимы, имеющие возраст в пределах трехсот-четырёхсот лет”.

Тюркский пласт вбирает в себя древнетюркские, старотюркские (булгарские и кыпчакские названия), татарские наименования, а также чувашские географические названия. В Средневожском регионе среди нерусских топонимов тюркская группа составляет 70 процентов. В целом же лексико-семантический анализ тюркских топонимов Пензенской, Ульяновской и Самарской областей показывает, что топонимы общетюркского характера (уй, сар, яр, каш, су, таш, ман, ур, саур, шан, ерык, тау, кыр, бур (бор), ком (кум), сар, саз, шар, кул) занимают ведущее место среди географических названий Средней Волги [21, с. 266].

А процесс образования преобладающей сейчас в регионе славянской топонимики шел по пути колонизации русскими поселенцами территорий Средней Волги [21, с. 267]. При этом, отмечает автор, большая часть местных нерусских названий была “переосмыслена” русскими людьми в традициях народной этимологии в доступную и понятную русскому человеку форму.

Именно поэтому в наше время значительная группа топонимов Самарского края, несут в себе сильный отпечаток прежней тюрко-татарской топонимики – например, Алакаевка, Аскулы, Байтермиш, Би(к)нарадка, Кандабулак, Куртамак, Резяпкино, Тимашево, Узюково (вместе с рекой Узек), Шелехметь и несколько десятков других. А еще одна группа населенных пунктов до сих пор сохраняют практически в неизменности татарские названия: Карабаевка, Каргалы, Кармала, Рахмановка, Сарбай, Ташла, Усакла, Усманка, Шариповка и другие. А часть тюрко-татарских топонимов к настоящему времени вышли из употребления. Например, вплоть до конца XIX в. село Екатериновка Красноярского района, находящееся на берегу реки Кондурча, в архивных документах обязательно сопровождалось вторым названием Кондузла. От татарского “кондызлы” – “бобровое”. И совсем уникальный факт отмечен в соседнем Кинельском районе: около тамошней деревни Екатериновка протекает речка Кундузлы, а неподалеку от нее произрастает Кундузлинская роща.

Сказанное выше наглядно дополняют архивные источники. В сводных данных Центрального государственного архива Самарской области о селениях Самарской губернии за 1882 г. имеются любопытные сведения о времени основания сел, в которых живут русские и мордва. Это Старая Бинарадка, Узюково, Ташла, Пискалы, Курумоч, Мусорка. В графе “С какого года существует селение” указаны не точные годы их основания (в отличие от многих других населенных пунк-

тов, возникших, начиная XVII в.), а такие приблизительные сведения, как “со времен царя Иоана Грозного”, “с момента завоевания Казанского царства” или совсем расплывчатое “с незапамятных времен”¹. Эти данные вполне коррелируются с тем, что писали Капитон Невоструев, Иван Лепехин и другие исследователи дореволюционного времени.

Таким образом, коренной поворот в судьбе населения Средней Волги случился во второй половине XVI в. Капитон Невоструев отмечал, что после завоевания Казанского ханства прежние жители были вынуждены уйти с насиженных и обжитых мест: «С покорением Казани и Астрахани и водворением русских на Самарскую Луку... татары должны были оставить ее и перейти в степи за Волгу и другие места, так что ныне (в середине XIX в. – прим. авт.) здесь не осталось ни одного Татарского селения...».

Далее, представляя новых обитателей края, Невоструев пишет: «С того же, XVI века, это место является притоном всякой вольности и разбойников... Но этим разбойничьим шайкам, ни Правительству в ограждение от них, конечно, нельзя приписать тех значительных укреплений, валов и городков, какие встречаются на Самарской Луке, а нужно относить их к оседло жившим здесь прежде Татарам» [15, с. 43].

Приведенные данные дают нам серьезное основание полагать, что в этих поселениях прежде жили татары, и только после вхождения Средней Волги в состав Русского государства в XVI в. этнический состав этих населенных пунктов постепенно изменился. Иван Лепехин, подробно и красочно описавший в мае 1769 г. остатки древних укреплений и шанцев на Самарской Луке, применительно к руинам неподалеку от села Валы (*Муромский городок* – прим. Авт.), что неподалеку от города Жигулевска, вопрошал: “Кем укреплено сие место, заподлинно сказать не можно. Старожилые из предания объявляют, что тут до взятия Казани обитали Татара, а по взятия оные место сие оставили...” [4 с. 337].

Следует напомнить, что до образования Казанского ханства Среднее Поволжье и Камский край составляли болгарский улус Золотой Орды, а еще раньше входили в состав Волжской Булгарии.

Интересные сведения о некогда существовавших на самарской земле многих других поселений донесли до нас также российский исследователь-путешественник XVIII в. Петр Паллас [17], историк XIX в. Георгий Перетяткович [18], археолог Владимир Поливанов [20].

Отход от привычных идеологических штампов, объективное прочтение источников, комплексный их анализ и стремление использовать иные методологические подходы позволяют по-новому взглянуть на известные исторические события. В постсоветское время многие исследователи подошли к пересмотру устоявшейся концепции по вопросу строительства (основания) Самары и в целом процесса включения и интеграции Средневожского региона в состав Русского государства. В недавнем прошлом в научном мире право Самары (торгового пункта) на существование до 1586 г. давал, пожалуй, лишь крупнейший советский историк М.Г. Сафаргалиев [24, с. 85]. А в последние десятилетия такую же точку зрения изложили сразу несколько самарских исследователей: С.П. Кандауров, В.Н. Курятников [9, с. 16] и Г.Н. Рассохина [22, с. 1].

Совсем недавно появились интересные работы московского исследователя, сотрудника Государственного исторического музея И.В. Волкова, который пришел к выводу, что под названием *Samar* на вышеописанных картах, вероятнее,

¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 108. Л. 22, 24, 27об.

всего существовало не крупное городище, а сравнительно небольшое поселение [2, с. 72–73].

Особое место данному вопросу в своих работах уделяет ведущий специалист по истории Средней Волги и юго-востока Русского государства XVI–XVII вв. Э.Л. Дубман. Он постоянно упоминает о существовании в 1552–1554 гг. так называемого Самарского «перевоза» или «перелаза» (одного из нескольких на Средней и Нижней Волге) в районе Самарской Луки, которые использовались ногами для обмена посольствами, перегонки на продажу в Россию табунов лошадей и другого скота, следования военных отрядов на русскую службу и так далее. По имеющимся в настоящее время документам точное местонахождение его определить невозможно, но часто в них главным (конечно, не единственным) ориентиром показано именно Самарское устье, то есть место впадения реки Самара в Волгу. Ученый в то же время считает, что «наверняка оно (*поселение Samar – прим. авт.*) было основано ордынской администрацией, так как именно ордынцы полностью контролировали с середины XIII в. и вплоть до второй половины XIV в. все процессы в волжском побережье, тем более в зоне кочевых маршрутов Заволжья... В целом же... поселение «Samar» вплоть до настоящего времени является исторической загадкой, обозначенной пока только на портолане братьев Пицигани и карте мира Фра Мауро. Не отрицая факта его существования в эпоху Золотой Орды, можно уверенно говорить о том, что к концу XIV в. «Samar» был заброшен или разрушен и впоследствии не восстановился ни в форме ордынского, ни русского населенного пункта... Но, на наш взгляд, поиски поселения «Samar», других городов и поселений Золотой Орды на Волге и в районе Самарской Луки далеко не закончены. Для этого необходима серьезная длительная работа по расширению документальной базы и ее углубленный источниковедческий анализ, обследование Левобережья не только в черте современного города, но и на всем пространстве, включаемом в понятие «Самарский перевоз» [31, с. 81].

Таково мнение профессиональных исследователей. Но в массовом сознании и околонучной среде по-прежнему распространены мифы и легенды о «диком поле». На самом деле, в конце I – начале II тысячелетия Волго-Камский край составил основную территорию Булгарского государства, потом эти земли стали самым северо-западным улусом Золотой Орды, а после ее распада вошли в Казанское ханство. К югу и юго-востоку от Самарской Луки простирались владения мангытского юрта. Только крайняя ограниченность базы источников позволяет нам, лишь в самых общих чертах обозначить основные периоды истории Среднего Поволжья до включения его в состав Русского государства.

Поселение «Samar» в конце XIV в., вероятнее всего, было подвергнуто разорению Тамерланом. Поскольку находилось в непосредственной близости от того места, где произошла битва на Кондурче [11].

В период Казанского ханства поселение возродилось, отстроилось, существовало, вероятно, в виде торгового или перевалочного пункта, будучи включенным в карту Фра Мауро 1459 г. И так продолжалось до событий середины XVI в., когда с разгромом Казанского ханства на его периферийных окраинах наступило безвластие, которое длилось примерно три десятка лет. В обстановке хаоса здесь расцвела волжская вольница, «разбавленная» опустошительными набегами ушкунников. Имевшиеся здесь поселения частью были уничтожены, частью пришли в запустение, «запустевша от безбожных агарян», т.е. от татар-мусульман, как написано в указе царя Федора Ивановича.

Атмосфера разбоя и всеобщего упадка в крае начала преодолеваться только со строительством, начиная с 1580-х гг., ряда крепостей, в том числе Самары,

местом для которой естественно было выбрано существовавшее ранее татарское поселение с исключительно удобным положением в точке слияния двух рек.

Дислокация постоянных воинских гарнизонов, учреждение новых органов власти и постепенное взятие ими под контроль и охрану новых земель создали возможность наведения порядка на самой территории и отражения набегов ногайцев. Что в конечном счете стабилизировало ситуацию в регионе. В устройстве нового государственного порядка русская администрация не могла не использовать труд, опыт и знания местных татар. Таким образом, поселение Самара, уже в виде русского городка-крепости стало возрождаться, и с этого времени началась новая эпоха истории города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева И.Н., Матвеева Г.И. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. 423 с., ил. URL: <https://na5ballov.pro/lib/kray/1911-vasileva-in-matveeva-gi-red-istoriya-samarskogo-povolzhya-s-drevneyshih-vremen-do-nashih-dney-ranniy-zheleznyy-vek-i-srednevekovye.html> (дата обращения: 03.02.2024).

2. Волков И. В. Поволжье на средневековых европейских картах // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории на перекрестках культур (конец XII–XVI вв.). Самара, 2012. С. 72–73.

3. Гурьянов Е. Ф. Древние вежи Самары. Куйбышев: Книжное изд-во, 1986. 132 с.

4. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1771. 562 с.

5. Иевлев В.Ю. Топография крепости Самара 1586–1706 гг., этимология и предшествующие упоминания топонима в письменных источниках // Доклад на Межрегиональной научно-практической конференции «Четвертые Гротовские чтения (22 октября 2015 г., Самара). Самара: Изд-во «Офорт», 2016. С. 325–338.

6. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Т. I. Самара: Слово, 2020. 480 с.

7. Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии 1372–1901 гг. Симбирск: Губернская типография, 1901. 181 с.

8. Кучкин В.А. «Sama», Самара и поволжские города в XIII–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 28–46.

9. Малая родина большого города. Самара: Изд-во «По «СамВен», 1994. 369 с.

10. Материалы по истории СССР. Т. II: Документы по истории XV–XVII вв. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. 323 с.

11. Миргалеев И.М. Битва 1391 года: дискуссионные вопросы о сражении // Золотоордынское наследие: Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. С. 82–88.

12. Московский О. Грани таланта. К 180-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара: изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 2004. 72 с.

13. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань: изд-во «Ихлас», 2012. 276 с.

14. Мәржани Ш. Казан вә Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр. Казань: Татарское книжное изд-во, 1989. 415 с.

15. Невоструев К.И. О городищах древнего Волго-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синодская типография, 1871. 75 с.
16. Несколько старинных документов, относящихся до истории г. Самары и Самарской губернии. Самара: Губернская типография, 1890. 65 с.
17. Паллас П.С. Путешествие по различным провинциям Российского государства. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1773. 571 с.
18. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI века. Очерки по истории края и его колонизации. М.: Типография Грачева и К, 1877. 338 с.
19. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1872. 44 с.
20. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1900. 90 с.
21. Порунов А.Н. Стратиграфия топонимов Средней Волги // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 266–270.
22. Самара историческая. Историко-градостроительное развитие в кон. XVI – нач. XX вв. Самара: Изд-во «ООО «Европринт» 2001. 16 с.
23. Саратовское Поволжье в XV в. по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II. Вып. I. Саратов: Типо-литография Н.И. Штерцер и К. 1889. 425 с.
24. Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета, 1960. 277 с.
25. Служим вечности. К 90-летию государственной архивной службы России. М.: изд-во «Древлехранилище», 2008. 120 с.
26. Смирнов Ю.Н. Митрополит Алексей в легендах и истории старой Самары // Гротовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Самара: Изд-во «Арт-Лайт», 2018. С. 48–56.
27. Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории на перекрестках культур (конец XII–XVI вв.). Самара: изд-во «Офорт», 2012. 172 с.
28. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: издательская фирма “Восточная литература”, 2001. 751 с.
29. Фоменко И.К. Первые упоминания «Самары» в западноевропейских средневековых источниках // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории на перекрестке культур (конец XIII–XVI в.). Самара: Изд-во «Офорт», 2012. С. 9–23.
30. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Комбинат издательства и печати, 1923. 320 с.
31. Юго-Восток Европейской России. Ч. 1: Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2012. 236 с.
32. Bagrow L. History of Cartography of Russia up to 1600. Ontario: Wolfe Island, 1975. 140 p.

REFERENCES

1. Vasilyeva I.N., Matveeva G.I. History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Early Iron Age and Middle Ages. Moscow: Nauka, 2000. 423 p., il. URL: <https://na5ballov.pro/lib/kray/1911-vasileva-in-matveeva-gi-red-istoriya-samarskogo-povolzhya-s-drevneyshih-vremen-do-nashih-dney-ranniy-zheleznyy-vek-i-srednevekovye.html> (access: 03.02.2024). (In Russian)
2. Volkov I.V. Volga region on medieval European maps. *Middle Volga region in the context of medieval Russian history at the crossroads of cultures (late 12th–16th centuries)*. Samara, 2012, pp. 72–73. (In Russian)

3. Guryanov E.F. Ancient landmarks of Samara. Kuibyshev: Tatar book publishing house, 1986. 132 p. (In Russian)
4. Dayly notes of the travel of the doctor of the Academy of Sciences, adjunct Ivan Lepekhin, in different provinces of the Russian state in 1768 and 1769. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1771. 562 p. (In Russian)
5. Ievlev V. Yu. Topography of the Samara fortress 1586–1706, etymology and previous mentions of the toponym in written sources. *Report at the Interregional scientific and practical conference 'Fourth Grotov Readings (October 22, 2015, Samara)*. Samara: Ofort, 2016, pp. 325–338. (In Russian)
6. History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Vol. 1. Samara: Slovo Publishing House, 2020. 480 p. (In Russian)
7. Krasovsky V.E. Chronological list of events in the Simbirsk province 1372–1901. Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1901. 181 p. (In Russian)
8. Kuchkin V.A. "Samar", Samara and the Volga region cities in the 13th–16th centuries. *Ancient Rus. Questions of medieval studies*, no. 4, 2012, pp. 28–46. (In Russian)
9. Small homeland of a big city. Samara: Po SamVen, 1994. 369 p. (In Russian)
10. Materials on the history of the USSR. Vol. 2: Documents on the history of the 15th–17th centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 323 p. (In Russian)
11. Mirgaleev I.M. Battle of 1391: debatable questions about the battle. *Golden Horde Heritage: Materials of the VII International Golden Horde Forum The civilizational significance of the adoption of Islam by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: integration processes in the medieval history of Russia*. Kazan, December 14–16, 2022. Iss. 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, pp. 82–88. (In Russian)
12. Moskovsky O. Facets of talent. To the 180th anniversary of the birth of P.V. Alabin. Samara: Samara Regional Museum of History and Local Lore named after P.V. Alabin Publ., 2004. 72 p. (In Russian)
13. Mukhamedyarov Sh. F. Socio-economic and state structure of the Kazan Khanate. Kazan: Ikhlas Publishing House, 2012. 276 p. (In Russian)
14. Margani Sh. Good news about business in Kazan and Bolgar. Kazan: Tatar book publishing house, 1989. 415 p. (In Tatar)
15. Nevostruev K.I. About the ancient settlements of the Volga-Bulgarian and Kazan kingdoms in the current provinces of Kazan, Simbirsk, Samara and Vyatka. Moscow: Synodskaya tipografiya, 1871. 75 p. (In Russian)
16. Several ancient documents relating to the history of Samara and the Samara province. Samara: Gubernskaya tipografiya, 1890. 65 p. (In Russian)
17. Pallas P.S. Traveling through various provinces of the Russian state. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1773. 571 p. (In Russian)
18. Peretyatkovich G.I. Volga region in the 15th and 16th centuries. Essays on the history of the region and its colonization. Moscow: Tipografiya Gracheva i K., 1877. 338 p. (In Russian)
19. Periplus of the Caspian Sea according to maps of the 14th century. Odessa: Tipografiya Ulrikha i Schulze, 1872. 44 p. (In Russian)
20. Polivanov V.N. Archaeological map of the Simbirsk province. Simbirsk: Typolithografiya A.T. Tokareva, 1900. 90 p. (In Russian)
21. Porunov A.N. Stratigraphy of toponyms of the Middle Volga. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2015, no. 1/2, pp. 266–270. (In Russian)
22. Historical Samara. Historical and urban development in the late 16th – early 20th century. Samara: Publishing house "Europrint LLC", 2001. 16 p. (In Russian)
23. Saratov Volga region in the 15th century, according to maps of that time and archaeological data. *Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission*. Vol. 2. Iss. 1. Saratov: Tipo-litografiya N.I. Shtertser i K, 1889. 425 p. (In Russian)

24. Safargaleev M.G. The collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordovian State University Publ., 1960. 277 p. (In Russian)
25. We serve eternity. To the 90th anniversary of the State Archive Service of Russia. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. 120 p. (In Russian)
26. Smirnov Yu.N. Metropolitan Alexy in the legends and history of old Samara. *Grotovsky readings. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Samara: Art-Light Publishing House, 2018, pp. 48–56. (In Russian)
27. The Middle Volga region in the context of medieval Russian history at the crossroads of cultures (late 12th–16th centuries). Samara: Ofort, 2012. 172 p.
28. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Eastern Literature, 2001. 751 p. (In Russian)
29. Fomenko I.K. First mentions of “Samara” in Western European medieval sources. Middle Volga region in the context of medieval Russian history at the crossroads of cultures (late 13th–16th centuries). Samara: Ofort, 2012, pp. 9–23. (In Russian)
30. Khudyakov M.G. Essays on the history of the Kazan Khanate. Kazan: Kombinat izdatelstva i pechaty, 1923. 320 p. (In Russian)
31. South-East of European Russia. Part 1: The Volga frontier in the middle of the 16th–17th centuries. Essays on history. Samara: Samara University Publ., 2012. 236 p. (In Russian)
32. Bagrow L. History of Cartography of Russia up to 1600. Ontario: Wolfe Island, 1975. 140 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шамиль Хайдарович Галимов – заместитель председателя исполкома Самарской областной татарской национально-культурной автономии, куратор историко-культурных проектов (443009, ул. Воронежская, 9, Дом дружбы народов, Самара, Российская Федерация). E-mail: azan06@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shamil Kh. Galimov – Deputy Chairman of the Executive Committee of the Samara Regional Tatar National-Cultural Autonomy, Supervisor of Historical and Cultural Projects (9, Voronezhskaya Str., Peoples' Friendship House, Samara 443009, Russian Federation). E-mail: azan06@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 08.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2024

Принята к публикации / Accepted 31.05.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.399-413>
EDN: KHSGKJ

УДК 94(560)

ТАТАРЫ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ У ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ

Э.Х. Сейдаметов¹ ✉, А.А. Шейхумеров²

¹Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
✉ eseydamet@bk.ru

²Независимый исследователь
Симферополь, Российская Федерация

Резюме. Цель исследования. Изучение вклада крымских и ногайских татар в военные усилия Османского государства с момента перехода Крымского ханства под турецкий протекторат до середины XIX в.

Материалы исследования. Статья основана на анализе источников и богатого историографического материала – трудов отечественных и зарубежных ученых по теме исследования.

Результаты и научная новизна. Анализ источников и историографии показывает, что на протяжении веков тысячи татар (крымских, ногайских, казанских) воевали в рядах османской армии. Участие войск Крымского ханства существенно усиливало возможности султанских армий. После присоединения Крыма в 1783 г. тысячи крымских и ногайских татар покинули территорию ханства и продолжили воевать против России. В 1787 г. османские власти провозгласили возрождение Крымского ханства. Вооруженные силы Гераев воевали против русских и австрийцев в русско-турецкой войне 1787–1791 гг.

После войны 1787–1791 гг., несмотря на ликвидацию ханства, османское правительство продолжало активно привлекать татар к военной службе. Татарская кавалерия сражалась на стороне султана в русско-турецких войнах 1806–1812 и 1828–1829 гг. Военнослужащие Добруджского татарского полка приняли участие в ряде ключевых событий турецкой военной истории XIX в.

В годы Крымской войны (1853–1856) объединенные силы английских, французских и турецких войск высадились в Крыму. Союзники при этом использовали помощь со стороны крымскотатарского населения. Позднее крымские татары также участвовали в войнах Турции, таких как русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Первая мировая война (1914–1918).

Ключевые слова: Буджак, Добруджа, Крымская война, крымские татары, Крымское ханство, ногайцы, татары, Османская империя, русско-турецкие войны

Для цитирования: Сейдаметов Э.Х., Шейхумеров А.А. Татары на военной службе у османских султанов // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 399–413. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.399-413> EDN: KHSGKJ

© Сейдаметов Э.Х., Шейхумеров А.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

TATARS ON THE MILITARY SERVICE TO THE OTTOMAN SULTANS

E.Kh. Seidametov¹✉, A.A. Sheykhumerov²

¹Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

✉ eseydamet@bk.ru

²Independent researcher

Simferopol, Russian Federation

Abstract. Research Objectives: Studying the contributions of the Crimean and Nogai Tatars to the military efforts of the Ottoman state from the moment that the Crimean Khanate fell under the Turkish protectorate until the mid-19th century.

Research materials. The article is based on an analysis of sources and rich historiographical material, the works of domestic and foreign scientists on the topic of research.

Results and Novelty of the Research: An analysis of sources and historiography shows that over the centuries, thousands of Tatars (Crimean, Nogai, Kazan) fought in the ranks of the Ottoman army. The participation of the troops of the Crimean Khanate significantly strengthened the capabilities of the Sultan's armies. After the joining of Crimea in 1783, thousands of Crimean and Nogai Tatars left the territory of the Khanate and continued to fight against Russia. In 1787, the Ottoman authorities proclaimed the revival of the Crimean Khanate. The armed forces of the Girays fought against the Russians and Austrians in the Russo-Turkish War of 1787–1791.

After the war of 1787–1791, despite the liquidation of the Khanate, the Ottoman government continued to actively involve Tatars in military service. The Tatar cavalry fought on the side of the Sultan in the Russian-Turkish wars of 1806–1812 and 1828–1829. Military personnel of the Dobruja Tatar Regiment took part in a number of key events in the Turkish military history of the 19th century.

During the Crimean War (1853–1856), the combined forces of British, French and Turkish troops landed in Crimea. The allies, at the same time, used the help from the Crimean Tatar population. Later, Crimean Tatars also participated in Turkish wars, such as the Russo-Turkish War of 1877–1878 and World War I (1914–1918).

Keywords: Crimean War, Crimean Tatars, Crimean Khanate, Tatars, Ottoman Empire, Russian-Turkish wars

For citation: Seidametov E.Kh., Sheykhumerov A.A. Tatars on the military service to the Ottoman sultans. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 399–413. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.399-413> (In Russian)

Введение

На протяжении веков тысячи татар (крымских, ногайских, казанских) воевали в рядах османской армии. Содействие войск Крымского ханства существенно усиливало возможности султанских армий. После присоединения Крыма в 1783 г. тысячи крымских и ногайских татар покинули территорию ханства. В 1787 г. османские власти провозгласили возрождение Крымского ханства. Вооруженные силы Гераев сражались в австро-русско-турецкой войне 1787–1791 гг. После войны 1787–1791 гг., несмотря на ликвидацию ханства, османское правительство продолжало активно привлекать татар к военной службе. Татарская кавалерия воевала на стороне султана в русско-турецких войнах 1806–1812 и

1828–1829 гг. Военнослужащие Добруджского татарского полка приняли участие в ряде ключевых событий турецкой военной истории XIX в.

В годы Крымской войны (1853–1856) объединенные силы английских, французских и турецких войск высадились в Крыму. Союзники при этом использовали помощь со стороны части крымскотатарского населения. Позднее татары также продолжали участвовать в войнах Турции.

Крымское ханство в османских военных кампаниях. Подпадание Крымского ханства под османский протекторат после 1475 г. имело своим следствием активное участие крымских татар в турецких военных кампаниях. В XV–XVIII вв. крымская конница продолжала сражаться против многочисленных противников султана.

Татары (как крымские, так и ногайские) считались умелыми воинами и всадниками. Вместе с тем их войска представляли собой преимущественно легковооруженную конницу, комплектуемую в основном из ополченцев. Тактикой татарских войск были стремительные налеты, фланговые удары и отход при сильном сопротивлении неприятеля. Татарская кавалерия была малоэффективна против укреплений или регулярных войск, вооруженных огнестрельным оружием. Татары ценились как прекрасные разведчики, а также, благодаря своим неустанным рейдам, обеспечивали снабжение османских войск провиантом, разоряя вражеские земли. Одной из причин активного использования турками крымской и ногайской конницы была ее способность сеять страх среди врагов. Трансильванский князь Габор Бетлен писал паше Буды о татарской помощи в 1621 г.: «В присутствии четырех тысяч татар паша сможет достигнуть больше в заключение мира с немцами, чем с двадцатью тысячами турецких войск, так страшатся немцы татар» [7, с. 131].

Татарская армия активно воевала в ирано-турецких войнах [28, 34]. Наиболее важным был вклад крымских татар в военные усилия Турции во время ирано-турецкой войны 1578–1590 гг. Участие ханской конницы «было довольно действенным фактором, не только определившим результат отдельных сражений, но и повлиявшим на весь ход этой войны» [28, с. 70–71]. В частности, крымские воины внесли решающий вклад в победу над сефевидской армией в битве под Шемахой в 1578 г. Войска Крымского ханства воевали против Австрии во время австро-турецких войн. При этом турки не только использовали ханских воинов для действий в поле, но и распределяли татар отрядами по несколько десятков человек для усиления своих гарнизонов [40, с. 275–299]. Австрийцы говорили русским послам на переговорах в Вене в 1599 г., что «турской салтан всю надежду держит на крымского царя, и все убытки и шкоты Цесарской земле чинятся от крымских людей, [потому] что они люди военные» [19, с. 702]. Крымские и буджакские войска были важным фактором во время польско-турецких войн. Так, во время польско-турецких войн 1672–1676 и 1683–1699 гг. действия войск хана Селима Герая I способствовали сдерживанию польских наступательных операций. Например, во время кампании 1684 г. хан разработал план, благодаря которому крымские и турецкие войска сумели заставить польскую армию отступить из-под Каменца-Подольского [49]. Войска Крымского ханства также действовали в Молдавии и Валахии, подавляя антиосманские выступления в этих странах. Буджакцы и крымцы четыре раза (в 1658, 1659, 1660 и 1661 гг.) изгоняли из Молдавии и Валахии Константина Щербана, безуспешно пытавшегося утвердить свою власть в этих странах.

Однако турецко-татарское военное сотрудничество было отмечено значительным количеством противоречий между обеими сторонами. Османские военачальники рассматривали вооруженные силы Крымского ханства как составную часть

собственных вооруженных сил. В тоже время в Крыму существовало убеждение, что ханство является суверенным государством, чье подчинение Стамбулу вызвано скорее признанием статуса султана как лидера мусульман всего мира, чем политическими обязательствами [44]. Турки требовали от крымских татар быть готовыми пойти в поход когда угодно и куда угодно. Крымские татары стремились отстаивать собственные интересы, по возможности ограничивая участие в тех кампаниях, которые были обременительны для них. Участие в далеких походах постоянно вызывало недовольство в Крыму. Это было связано с затратами на экипировку и коней, людскими потерями и вынужденным лишением полуострова должной защиты. О том, как османское руководство нуждалось в татарской помощи, говорит тот факт, что в 1583 г. султан отправил Оздемироглу Османа пашу с войском с иранского фронта в Крым с целью свержения хана Мехмеда Герая II. Причиной этого решения было то, что хан отказывался вновь посылать свою армию против Ирана. Следовательно, его следовало заменить на более послушного правителя, который отправит войска на Восточный Кавказ [46, р. 213].

Разные взгляды Стамбула и Бахчисарая на стратегию оказывали влияние на ход кампании. Так, в 1602 г. войско хана Гази Герая атаковало валашские силы господаря Раду Щербана на реке Теляжен (в ходе этих боев в крымский плен попал знаменитый английский авантюрист Джон Смит). После того, как валахам удалось отбить крымские атаки, хан отвел свою армию и начал готовиться к блокаде валашского лагеря, рассчитывая сломить противника если не силой, то голодом, а также запросил поддержки у турецких санджакбеев и молдаван для проведения блокады валашского лагеря. Однако во время этих приготовлений Гази Герай получил сообщение о том, что султан назначил на валашский трон нового господаря (Раду Михню) и потребовал от крымских татар присоединиться к османской кампании против Австрии. Гази Герай подчинился султанскому приказу, отправившись к Дунаю на соединение с турками [38, р. 220–244].

Политические разногласия между османским командованием и Гераями неоднократно оказывали негативное влияние на ход боевых действий. Самым известным примером проявления осmano-крымских противоречий стала Венская кампания 1683 г. Турецкая армия великого визиря Кара Мустафы паши осадила австрийскую столицу Вену. На выручку городу поспешили объединенные польско-австрийско-немецкие войска. Во время решающей битвы 12 сентября крымская конница по приказу хана после первых стычек покинула поле боя (кроме небольшого отряда, принявшего участие в боях), что стало основанием для обвинений в адрес крымских татар. Первым таким обвинителем стал сам Кара Мустафа паша, для которого действия Мурада Герая стали оправданием собственного поражения. Однако под влиянием своих придворных, обвинявших в поражении именно визиря, султан Мехмед IV приказал казнить Кара Мустафу пашу [33, р. 1085–1086].

Мурад Герай был сторонником отстаивания интересов Крымского ханства. Он считал для Бахчисарая более важным украинское направление и отношения с Россией, чем походы против Австрии. Поэтому хан не считал правильным истощать свои войска в далеких походах в Центральной Европе [39, р. 237]. Во время Венской кампании Мурад Герай и Кара Мустафа паша неоднократно занимали разные позиции по поводу ведения боевых действий. Резкие замечания великого визиря, не принимавшего во внимание советы хана, были неприемлемы для Герая. Вероятно, это также стало одной из причин отступления крымских войск с поля боя [47, р. 133].

Как бы ни были причины, побудившие Мурада Герая увести свою конницу с поля боя, отступление крымских татар вряд ли было главной причиной поражения османской армии. Куда более значимыми причинами были ошибки самого Кара Мустафы паша, принявшего решение пойти на Вену при недостатке осадной артиллерии (вместо первоначального решения об осаде пограничной крепости Дьер, бывшей более доступной целью). К тому же во время осады Вены Мурад Герай предупреждал великого визиря о подходе крупных сил австрийцев, немцев и поляков (чья объединенная армия составляла, по разным оценкам, от 60 до 80 тыс. человек). Но его слова были проигнорированы турецким командующим, не поверившим, что противник способен собрать крупные силы [50]. Эта недооценка врага привела к тому, что Кара Мустафа паша вывел для сражения всего 28 тыс. воинов, оставив значительную часть армии продолжать осаду [30, р. 584]. Под Веной ханское войско, согласно распространенной оценке, насчитывало около 10 тысяч воинов. Даже если бы оно участвовало в сражении, то вряд ли переломило бы исход битвы. Помимо тактических и стратегических ошибок султанского командующего (неудачно управлявшего ходом битвы), стоит отметить, что положение султанской армии осложнялось массовым дезертирством турок (в том числе в ночь перед битвой), а также нарастающим отставанием османских вооруженных сил от европейцев в тактике и вооружении [3, с. 48].

Ряд турецких историков также отвергают точку зрения о решающей вине хана в проигрыше битвы. Например, А.Н. Курат отмечал, что «обвинения, предъявленные хану Мурад Гирею, были несправедливыми. Нет достаточных доказательств того, что ответственность за поражение османов под Веной лежала на крымском хане. Зато немало примеров того, как османы перекладывали вину за свои поражения на крымских ханов; на этот раз повторилась та же ситуация» [10, с. 243]. По мнению Х. Инальджика, гордыня великого визиря привела к тому, что турки приняли бой в невыгодных условиях [39, р. 237]. Аналогичные оценки можно встретить в работах других турецких авторов, таких как А. Бёюкчолак и Д. Ялвар.

Несмотря на все различия во взглядах на внешнюю политику и взаимные отношения, долгое сотрудничество между мусульманскими странами давало большие преимущества и Бахчисараю и Стамбулу. Дипломатическая и военнотехническая поддержка турок и военные усилия ханства по защите империи означали, что Крым был мечом Турции, а Турция – щитом Крыма. Стоит согласиться с американским исследователем Б.Г. Вильямсом, отмечавшим обоюдовыгодный характер крымско-турецкого сотрудничества – ханские армии внесли значительный вклад в военные усилия османских войск, а взамен Крым приобрел защиту одной из наиболее могущественных империй мира [31, р. 44].

Также и турки поступали на службу к крымским ханам. Так, крымский знатный род Мачинских, возводил свое происхождение к турку Дервишу Мехмету аге, уроженцу города Амасья, в 1672 г. поступил на службу к крымскому хану Селиму Гераю I и переехавшему в Крым. Его сын Мустафа ага в 1699–1707 гг. занимал должность баш болюкбаши (командующего секбанами, т.е. ханской пешей гвардией). В последующем потомки Дервиша Мехмета аги служили ханам и также занимали командные посты в войске секбанов [15, с. 376–384]. Еще в последние годы существования Крымского ханства в источниках упоминаются «янычары из турок и татар, служащие у хана» [5, с. 110].

Румелийские, причерноморские и казанские татары на военной службе у султанов. Кроме десятков тысяч крымских и ногайских татар, воевавших в составе войск Крымского ханства, еще тысячи числились непосредственно на османской

службе. В XV–XVI вв. татары расселились по Восточной Румелии (современная территория Болгарии, северо-восточной Греции и европейской части Турции). Это было выгодно османским властям, которые использовали татар как военную силу [37, р. 18–19]. Румелийские татары служили вместе с переселившимися из Анатолии тюркскими кочевниками юрюками и в 1543 г. по распоряжению османского руководства были включены в их состав. Юрюки и татары должны были выступать на войну по приказу турецких властей, в обмен на освобождение от налогов. В XVI в., ввиду укрепления османских позиций на Балканах, значение румелийских татар и юрюков снижалось, и их функции сводились преимущественно к строительству мостов, починке крепостей, т.д. [51, р. 189].

Крупные татарские общины существовали также в Добрудже, Буджаке и Очаковской степи, где они сохранили свою самобытность и военное значение. В первой половине XVII в. почти 2 тыс. татар, живших в окрестностях Очакова, получали османское жалование [29, с. 488]. В 1661 г. в гарнизон Азака (Азова) входило 400 азовских татар [23, с. 906].

На Кубани с начала XVII в. кочевал улус Гази, чьи войска периодически участвовали в османских войнах, а также играли важную роль в обороне Азака. Так, в 1593 г. ногайцы Кан мурзы спасли крепость от захвата донскими казаками [17, с. 41]. Эта ситуация повторилась в 1634 г. Временное переселение ногайцев в Крым в 1636 г. привело к опустению степей между Доном и Волгой, что стало причиной падения Азова в 1637 г. [12, с. 7].

На турецкой службе оказывались и казанские татары. После падения Казани в 1552 г. тысячи жителей Поволжья на протяжении XVI–XVIII вв. мигрировали в Крым и Турцию. Призванные в русскую армию, казанские рекруты переходили на сторону османских войск во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Это упоминает турецкий писатель Мухаммедом Неджати эфенди, попавший в русский плен в 1771 г. [6, с. 199]. Встревоженный этим, российский генерал П.А. Румянцев просил «в укомплектование здешней армии не присылать более татар, ибо коль только стали на одном берегу с неприятелем, то примечен в таковых дух неверности и ушли из них некоторые прямо к неприятелю» [24, с. 654].

Татарская эмиграция в Османское государство. После 1783 г. татары продолжили сопротивление Российской империи из за пределов Крыма [22]. Десятки тысяч крымских татар покинули Родину в 1770–1780-е гг., многие уезжали и позднее. В одну только Добруджу после 1783 г. переселилось до 10 тыс. крымских татар [20, с. 127–128].

Столкнувшись в конце XVIII в. с массовой миграцией мусульман из территории России, османское правительство предприняло масштабные меры по приему переселенцев-мухаджиров. К 1862 г. число эмигрантов-мусульман достигло 255 тыс. Они были освобождены от налогов на 10 лет и от военной службы на 25 лет [4, с. 416, 418]. Среди представителей крымскотатарской диаспоры в Турции были главы Высшего совета юстиции (Меджлис-и вала), Государственного совета (Шура-йи девлет), Военного совета (Сераскериата – Дар-ы шура-йи аскери). Даже последний великий визирь Османского государства Ахмет Тевфик паша, происходил из рода Гераев. Некоторые крымские татары сделали себе военную карьеру в Османском государстве. Бахчисараец Абдуллах Рамиз паша занимал должность капудан паши (главнокомандующего турецким флотом) [1].

Возрожденное Крымское ханство. Татары в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. В 1787 г. Османское государство начало войну против России, на сторону которой встала Австрия. Султан Абдул-Хамид I провозгласил восстановление Крымского ханства. Из этого можно сделать вывод, что по планам ту-

рецкого руководства после освобождения Крыма от русских войск на его территории вновь начало бы функционировать прежнее ханское управление.

Ханом был провозглашен Шехбаз Герай. Вероятно, фактической столицей ханства стал город Каушаны. В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что именно Каушаны были центром размещения ханских войск в кампаниях 1787–1789 гг. [20, с. 167; 21, с. 43–44]. Еще до 1783 г. в этом городе размещалась одна из резиденций крымских ханов, из которой они управляли своими владениями в Буджаке.

Новая армия ханства была составлена из крымских, буджакских, кубанских и добруджских татар, а также запорожских казаков и черкесов. Воинскими частями в этой армии командовали Гераи [13, с. 284–285]. В начале войны Шехбаз Герай был назначен командующим османскими силами, которые должны были действовать на крымском и молдавском направлениях [20, с. 132]. Хан должен был прикрывать от противника крепости Хотин и Озю (Очаков) [35, с. 128]. Таким образом, под его началом находились не только татарские, но и турецкие силы. Шехбаз Герай также вел дипломатическую деятельность. Учитывая традиционно тесные контакты между элитами Польши и Крыма, хан стремился не допустить создания польско-русского союза, направленного против Турции [20, с. 79–80].

Масштабные боевые действия на сухопутном фронте начались в 1788 г. Недостаток сил препятствовал активным действиям Шехбаза Герая. Численность татарской армии составляла менее 10 тыс. человек при 8 орудиях [20, с. 152]. Хан ссорился с турецкими военачальниками и пытался обеспечить снабжение своих войск посредством сбора продовольствия в Молдавии. Однако турецкие войска, не получая жалования и снабжения, массово дезертировали [23, с. 156]. В целом кампания 1788 г. была неудачной для турецко-татарских войск. Они потерпели поражения в ряде боев и потеряли Хотин. Русские войска генерала Каменского разбили отряд татар при Ганкурах. При этом погиб сын калга-султана Мухаммеда Герая. Каменский приказал отвезти тело убитого к отцу и передать, что он в данном случае поступает как отец, понимающий, что такая же участь могла постигнуть и его сына. Мухаммед Герай ответил, что его сын погиб достойной смертью, сражаясь за свою страну и религию [20, с. 169–170].

В 1789 г. ханом был назначен Бахт Герай. Его войска продолжали вести боевые действия. Абдул-Хамид I разослал персональные указы крымским Гераям, проживавшим в своих поместьях в Румелии. Им предписывалось явиться в Измаил под знамена Бахта Герая и принять участие в войне. При осаде австрийцами крепости Джуржу в апреле 1790 г. отличился знаменитый в будущем авантюрист Дженгиз Герай и его братья. 10 апреля они приняли участие в успешной вылазке, нанеся поражение численно превосходящим австрийским силам (насчитывавшим 7 батальонов) и захватили осадную артиллерию. После этого враги были вынуждены снять осаду с города [21, с. 114–115]. За это Гераи получили денежную награду от султана [43, с. 506].

Брат Бахта Герая Каплан Герай вместе с отрядом в несколько сот крымских и ногайских татар в том же 1790 г. принял участие в обороне Измаила от русской армии. Несмотря на численный перевес противника, турки и татары стойко обороняли город. После прорыва русских в крепость Каплан Герай со своим отрядом перешел в контратаку, отбросив казаков и батальон Нижегородского полка, лично убив многих из них. После подхода к русским подкреплений Каплан Герай, отказавшийся сдаться, погиб в бою [18, с. 75–76]. Позднее ханские силы (по русским источникам – до 8 тыс.) приняли участие в неудачном для турок сражении при Бабадаге 3 июня 1791 г. [11, с. 142–148]. Войска Крымского ханства дейст-

вовали не только в Буджаке и Молдавии, но и на Кавказе. На этом фронте они состояли преимущественно из черкесов и ногайцев и воевали совместно с турецкими войсками в Анапе [36].

После заключения Ясского договора 1791 г. Турция признала Крым российским и отказалась от попыток восстановить свою власть над ним. Хан Бахт Герай был снят с занимаемой должности, а воссозданное Крымское ханство было упразднено. Несмотря на краткий период существования возрожденного ханства, его силы успели принять участие во многих важных сражениях.

Татары на османской военной службе в первой половине XIX в. В 1806 г. началась новая русско-турецкая война. Русские войска под командованием генерала Михельсона вступили в Буджак и Молдавию [8]. Однако попытка осады Измаила в декабре 1806 г. была неудачной, и русские отступили от крепости. Самым видным из татарских военачальников этой войны был Бахадыр Герай. Османский султан дал Бахадыру Гераю титул калга-султана, то есть наследника ханского престола. В 1807 г., имея в качестве своей базы Измаил, он вместе с османским полководцем Пехливаном совершал рейды против русских войск в Буджаке. Основой его сил были буджакские татары.

В первой половине XIX в. важную роль в османской военной истории продолжали играть добруджские татары [27]. Их численность сильно выросла за счет миграции буджакских и крымских татар. В 1826 г. османское правительство создало кавалерийский полк из татар, турок и казаков, располагавшийся в Силистре, и имевший прекрасную боевую репутацию [26, с. 46]. Позднее из представителей этих групп населения были созданы отдельные полки, принявшие участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Добруджский татарский полк с базой в Бабадаге также воевал на Ближнем Востоке против египетских войск и даже действовал в Хиджазе, в 4 тыс. км от дома. Полк входил в состав Низам-и джедид (армии нового порядка). Его командир, Кара Хусейн, сыграл важную роль в ликвидации янычарского корпуса. За службу в армии добруджские татары были освобождены от некоторых налогов [41, с. 207–208]. Хотя полк был распущен, в преддверии Крымской войны его сформировали вновь. Добруджцы также участвовали в высадке в Крыму. Помимо татар в рядах добруджского полка воевало около сотни русских казаков [32, р. 100].

Крымские татары в Крымской войне (1853-1856). В 1853 г. началась новая война между Османской и Российской империями. Сторону Турции в этом конфликте заняли Англия и Франция. Сын Бахадыра Герая Месуд Герай по прозвищу Топал султан выразил желание участвовать в войне и, несмотря на свое османское подданство, поступил на службу во французскую армию в чине майора.

13 сентября 1854 г. в Крыму в Евпатории высадились англо-франко-турецкие войска. Отдельные рейды были совершены на южное побережье и Керчь. В местах высадки союзников крымские татары помогали им провиантом и показывали дорогу [16]. Союзники в итоге установили контроль лишь над незначительной частью Крымского полуострова, но крымские татары перестали подчиняться русским властям. Так, почти весь Тарханкутский полуостров в начале осени 1854 г. фактически выпал из-под российской власти. В Евпатории местные крымские татары, встречавшие союзников, узнав, кто такой Месуд Герай, подняли его на свои плечи и отправились в мечеть (вероятно, в Хан-Джами), где вознесли благодарственную молитву. Впрочем, обвиненный союзниками во взяточничестве, Месуд Герай в октябре 1854 г. покинул Крым [42].

Отряды крымских татар приняли участие на стороне турок в битве под Евпаторией в 1855 г. Сражение завершилось поражением русских войск. В числе про-

чих в бою погибло 13 крымских татар [14]. В Евпатории союзными властями было сформировано ополчение численностью в 800 человек. Деятельную роль в этом сыграли евпаториец Осман ага Чардачи оглу (Шукур Осман) и кузнец Хусейн, ставший капитаном ополчения. По предложению османского военачальника Омера паши из крымцев, проживавших в Евпатории, был создан кавалерийский полк в составе турецкой армии численностью в 300–400 человек. Еще 150 крымских татар поступило на службу во французскую армию, и еще некоторое количество – в британскую. На первый взгляд это немного, но стоит отметить, что под контролем союзников оказалась лишь незначительная часть Крыма. Союзники одобрительно отзывались о крымских ополченцах. Так, глава британской оккупационной администрации в Евпатории отмечал, что «Наши татарские всадники проявили большое мужество и решимость перед лицом врага» [42]. Крымские татары, оказавшиеся в зоне действия союзных войск, поддерживали их, в то время как крымцы, оставшиеся на контролируемых Россией территориях, поспешили откеститься от соплеменников [9].

Хотя представители союзников обещали крымским татарам воссоздание собственного государства взамен на помощь, в действительности англичане, французы и турки завершили войну, как только сочли это выгодным для себя. После взятия Севастополя противоборствующие стороны начали переговоры, завершившиеся подписанием Парижского мирного договора и выводом союзных войск из Крыма. Во время войны и после ее окончания десятки тысяч крымских татар эмигрировали в Турцию, поддавшись на агитацию за переезд и опасаясь преследований со стороны России. Впрочем, согласно мирному договору, крымские татары, которые помогали союзникам и остались в Крыму, должны были получить амнистию от российских властей.

Татары в турецкой армии в конце XIX – начале XX в. Крымские татары воевали в рядах османской армии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В «Информационном портале мучеников» («Шехит бильги капысы») (базе данных османских солдат, погибших в войнах середины XIX – начале XX в.) есть сведения о двоих уроженцах Крыма, лишившихся жизни в этой войне: юзбаши (капитан) Али эфенди и лейтенант Кадри ага [48]. Но это далеко не полные данные, ведь к тому времени уже несколько поколений крымских татар проживало на территории Турции и, следовательно, они учитывались как уроженцы соответствующих провинций.

Хотя татарские народы в Российской империи находились под влиянием российской пропаганды с ее антитурецким настроением, в целом они продолжали сочувственно относиться к Османскому государству. Оно воспринималось ими как последнее мощная мусульманская страна в мире и оплот ислама. Во время Первой Балканской войны (1912–1913), когда коалиция Болгарии, Сербии, Греции и Черногории воевала против Турции, более сотни российских мусульман воевали на стороне турок в качестве добровольцев. Например, редактор известной татарской газеты «Вақыт» Фатих Карими ушел на фронт в звании юзбаши. Его брат Гариф также участвовал в боях и был ранен [2, с. 14]. Кроме того, татары оказывали активную гуманитарную помощь турецкой армии. Из Крыма отправляли грузы в «Хиляль Ахмар» («Красный полумесяц», гуманитарная организация, выполнявшая функции, сходные с функциями «Красного Креста»), для нужд турецких раненых [2, с. 17–18].

Крымские татары принимали участие в Первой мировой войне (1914–1918), в том числе в знаменитой битве при Чанаккале (Дарданелльской операции) в 1915 г. Так, в этой битве погиб помощник офицера 19-й пехотной дивизии 3 кор-

пуса, уроженец Крыма Мехмет Фаик эфенди [48]. В годы Первой мировой войны татары (казанские и крымские) и башкиры, служившие в российской армии и попадавшие в турецкий плен, переходили в ряды османских войск [25, с. 218].

Вывод

Одним из важнейших аспектов турецко-татарских отношений была военная служба татар (крымских, румелийских, добруджских, ногайских и казанских) османским султанам. Татары участвовали в войнах Турции как в составе войск Крымского ханства и племенных ополчений, так и непосредственно в составе турецких частей. После 1783 г. османское правительство продолжало привлекать к службе в армии проживавших на территории Турции татар, а также иных выходцев с территории Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульваап Н. Крымские татары в общественно-политической жизни Османской империи // *Qasevet*. 2008. №34. С. 2–8.
2. Ахсанов К. Балканская война. Татарская общественно-политическая мысль и Крым // *Крымское историческое обозрение*. 2014. №1. С. 8–20.
3. Бёюкчолак А. Попытки реализации самостоятельной политики в Крымском Ханстве накануне осады Вены в 1683 г. Мурад-Гирей хан в Османской историографии // *Материалы VII международной конференции «Военная история: люди, судьбы, конфликты»* / Под ред. Носова В. А., Пищулина С. А. СПб.: ГБУ ДМ «ФОР-ПОСТ», 2020 г. С. 44–48.
4. Дерин Пашаоглу Д. Миграции ногайцев и их заселение на территории Османской империи // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 415–419.
5. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том I. 1775–1777 гг. СПб, 1885. 873 с.
6. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // *Русская старина*. 1894. № 4. С. 179–208.
7. Иванич М. Дипломатическая активность Крымского ханства и ее экономические следствия в Восточно-Центральной Европе в XVI–XVIII веках // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10, № 1. С. 118–153. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.118-153>
8. Каширин В. Вступление русских войск в Бессарабию и ликвидация Буджакской татарской орды в начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг. // «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Chişinău, 1–5 aprilie 2012). Chişinău, 2012. С. 39–51.
9. Козельски М. Побочные жертвы: крымские татары в годы Крымской войны // *Неприкосновенный запас*. 2016. № 3 (107). С. 190–220.
10. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 2. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 416 с.
11. Кутузов М.И. Сборник документов и материалов / под ред. Л. Г. Бескровного. Т. 1. М.: Военное издательство, 1950. 793 с.
12. Куц О.Ю. Азовское осадное сидение 1641 года. М.: Русские Витязи, 2016. 60 с.
13. Кырымлы Х. К вопросу о «Чобан Гераях» в истории Крымского ханства // *Вопросы истории*. 2020. № 10 (2). С. 278–287.
14. Кырымлы Х. О крымскотатарских войсках в составе Османской армии в период Крымской войны // *Культура народов Причерноморья*. 2003. № 43. С. 299–303.

15. Маврина О.С. Служилая знать турецкого происхождения в Крыму в XVII–XIX веках: семейство Мачинских // Боспорские исследования. 2013. Выпуск XXVIII. С. 376–384.
16. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам. Симферополь, 1905. 260 с.
17. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. – Л.: Наука, 1948. 450 с.
18. Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890. 196 с.
19. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Том 2. С 1594 по 1621 год. СПб, 1852. 794 с.
20. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Том I. 1787–1789 гг. СПб., 1880. 285 с.
21. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Том II. 1789–1791 гг. СПб., 1880. 305 с.
22. Пилипчук Я.В. Обломки Крымского ханства: борьба Гиреев и ногайцев против Российской империи после 1783 г. // *Altaistics, Turkology, Mongolistics*. 2020. № 4. С. 81–94.
23. Российская историческая библиотека. Том 34. Донские дела. Том 5. СПб, 1917. 1075 с.
24. Румянцев П.А. Сборник документов и материалов / под ред. П. К. Фортунатова. Т. 2. 1768–1775. М., 1953. 864 с.
25. Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империи на рубеже XIX–XX вв. М.: Исток, 2010. 264 с.
26. Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши) // Славянский сборник. Том 2. Часть III. Санкт-Петербург, 1877. С. 46–64.
27. Урсу Д., Сейдаметов Э. Крымскотатарская диаспора Добруджи в османский период (1428–1878 гг.) // Традиційна культура діаспори. Збірка наукових праць. Матеріали міжнародної наукової конференції «Одеські етнографічні читання». Одеса, вид-во КП ОМД, 2012. С. 429–441.
28. Фарах Адиль Кызы Гусейн. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.: по материалам трудов Ибрахима Рахимизаде. Баку: Нурлан, 2005. 216 с.
29. Юрченко П. Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Том 11. сс. 473–493.
30. Ágoston G., Masters B. *Encyclopedia of the Ottoman Empire*. New York, 2009. 650 p.
31. Brian Glyn Williams. *The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington: The Jamestown Foundation, 2013. 54 p.
32. Czaykowski M. *Kozaczyzna w Turcyi*. Paryz, 1857. 391 p.
33. Çolak S., Aydar M. Savaş ve propaganda: 1683 Viyana Kuşatması üzerine bir değerlendirme // *Belleten*. 2020. № 84 (301). 2020, pp. 1045–1096.
34. Eravcı H.M. The role of the Crimean Tatars in the Ottoman-Safavi wars // *Selçuk Türkiyat*. 2023. № 57, pp. 21–36.
35. Fedakar C. 1787–1792 Osmanlı-Rus Harplerinde Kılburun, Özi Nehri ve Hocabey Muharebeleri // *Karadeniz Araştırmaları*. Yaz 2015. Sayı 46, pp. 119–136.
36. Fedakar C. Anapa Kalesi // *Yeni Türkiye*. Yıl 21, Sayı 81. Temmuz-Aralık 2015, pp. 276–288.
37. Gökbilgin M.T. *Rumeli'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân*. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1957. 342 p.
38. Hurmuzaki E. *Documente privitoare la istoria romanilor*. Suplim. 2.2 (1601–1640). Bucureşti, 1895. 624 p.
39. İnalçık H. *Kırım Hanlığı Tarihi Üzerine Araştırmalar 1441–1700*. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2017. 593 p.

40. Ivanics M. The Military Co-operation of the Crimean Chanate with the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Gábor Kármán and Lovro Kunčević (Eds.). The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Leiden, Boston: Brill, 2013, pp. 275–299.
41. Karpat K. Studies on Ottoman social and political history: selected articles and essays. Leiden – Boston – Koln: Brill, 2002. 872 p.
42. Kırımlı H. A Scion of the Crimean Khans in the Crimean War: The Allied Powers and the Question of the Future of the Crimea // Middle Eastern Studies. 2013. Vol. 49. № 2, pp. 191–220.
43. Kırımlı H., Yaycıoğlu A. Heirs of Chinghis Khan in the Age of Revolutions: An Unruly Crimean Prince in the Ottoman Empire and Beyond // Der Islam. 2017. Vol. 94, Iss. 2, pp. 496–526.
44. Klein D. Negotiating Power in the Crimean Khanate: Notes on Tatar Political Thought and Practice (16th–18th c.) // Political Thought and Practice in the Ottoman Empire. Halcyon Days in Crete IX: A Symposium Held in Rethymno, 9–11 January 2015, Rethymno: Crete University Press, 2019, pp. 319–347.
45. Küpeli Ö. Kırım tatarları ve osmanlıların İran seferleri // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 161–178.
46. Öztürk Y. Özdemiroğlu Osman Paşa // Journal of International Eastern European Studies / Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. Summer/Yaz 2022. Vol. /Yıl. 4. No / Sayı 1, pp. 176–220.
47. Shapira D. The Crimean Tatars and the Austro-Ottoman Wars // The Peace of Passarowitz, 1718. Edition Charles Ingrao, Nikola Samardžić, Jovan Pešalj. Series: Central European Studies. West Lafayette: Purdue University Press, 2011, pp. 131–140.
48. Şehit Bilgi Kapısı. URL: <https://www.msb.gov.tr/SehitBilgiKapisı/SehitListesi> (дата обращения: 15.01.2024).
49. Şen M. I. Selim Giray'ın Hanlık Döneminde Osmanlı-Lehistan Savaşlarında Kırım Kuvvetleri // Karadeniz Araştırmaları. 2013. Sayı 38, pp. 55–73.
50. Yalvar C. Suçlamaların Gölgesinde Bir Kırım Hanı: Murad Giray Han // Yeditepe Üniversitesi Tarih Bölümü Araştırma Dergisi. 2019. № 3/6, pp. 1–18.
51. Yeni H. Osmanlı Rumelisi'nde Yörük Teşkilatı, Kökeni ve Nitelikleri // Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. Güz 2017. № 42, pp. 187–205.

REFERENCES

1. Abdulvaap N. Crimean Tatars in the socio-political life of the Ottoman Empire. *Qasevet*. No. 34, 2008, pp. 2–8. (In Russian)
2. Akhsanov K. Balkan war. Tatar social and political thought and Crimea. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2014, no. 1, pp. 8–20. (In Russian)
3. Boyukcolak A. The attempts of Crimean khans to implement independent policies on the eve of the siege of Vienna in 1683. Murad Giray Khan in Ottoman historiography. *Materials of the VII international conference "Military history: people, destinies, conflicts"*. St. Petersburg, 2020, pp. 44–48. (In Russian)
4. Derin Pashaoglu D. Migrations of the Nogais and their settlement on the Territory of the Ottoman Empire. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya= Golden Horde Civilization*. 2017, no. 10, pp. 415–419. (In Russian)
5. Dubrovin N. Accession of Crimea to Russia. Rescripts, letters, relations and reports. Vol. 1. 1775–1777. St. Petersburg, 1885. 873 p. (In Russian)
6. Notes of Muhammad Necati-efendi, a Turkish prisoner in Russia in 1771–1775. *Russkaya starina= Russian antiquity*. 1894, no. 4, pp. 179–208. (In Russian)
7. Ivanich M. The Diplomatic Activity of the Crimean Khanate and Its Economic Consequences in East-Central Europe in the 16th–18th centuries. *Zolotoordynskoe*

obozrenie=Golden Horde Review. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 118–153. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.118-153> (In Russian)

8. Kashirin V. The entry of Russian troops into Bessarabia and the liquidation of the Budzhak Tatar Horde at the beginning of the Russian-Turkish war of 1806–1812. *The accession of Bessarabia to Russia in the light of centuries-old Moldovan-Russian-Ukrainian cooperation* (Chişinău, 1–5 aprilie 2012). Chişinău, 2012, pp. 39–51. (In Russian)

9. Kozelsky M. Collateral damage: Crimean Tatars during the Crimean War. *Neprikosovennyi zapas= Emergency reserve*. 2016, no. 3 (107), pp. 190–220. (In Russian)

10. Kurat A.N. Turkic Tribes and States in the Volga and Northern Black Sea Regions in the 4th–18th centuries” (Collected Writings. Book 2). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 416 p. (In Russian)

11. Kutuzov M.I. Collection of documents and materials. Ed. L.G. Beskrovny. Vol. 1. Moscow: Voennoe izdatelstvo, 1950. 793 p. (In Russian)

12. Kuts O. Azov siege sitting of 1641. Moscow: Russian Knights, 2016. 60 p. (In Russian)

13. Kırımlı H. On the issue of “Choban Gerai” in the history of the Crimean Khanate. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2020, no. 10 (2), pp. 278–287. (In Russian)

14. Kırımlı H. About the Crimean Tatar troops as part of the Ottoman army during the Crimean War. *Kultura narodov Prichernomor'ya=Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2003, no. 43, pp. 299–303. (In Russian)

15. Mavrina O.S. Serving nobility of Turkish origin in Crimea in the 17th–19th centuries: the Machinsky family. *Bosporskie issledovaniya=Bosporan Studies*. 2013, Iss. 28, pp. 376–384. (In Russian)

16. Markevich A.I. Taurida province during the Crimean War: based on archival materials. Simferopol, 1905. 260 p. (In Russian)

17. Novoselsky A.A. The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century. Moscow-Leningrad: Nauka, 1948. 450 p. (In Russian)

18. Orlov N.A. The storming of Izmail by Suvorov in 1790. St. Petersburg, 1890, 196 p. (In Russian)

19. Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign states. Vol. 2. From 1594 to 1621. St. Petersburg, 1852. 794 p. (In Russian)

20. Petrov A.N. The Second Turkish War during the reign of Empress Catherine II. 1787–1791 Vol. 1. 1787–1789. St. Petersburg, 1880. 285 p. (In Russian)

21. Petrov A.N. The Second Turkish War during the reign of Empress Catherine II. 1787–1791 Vol. 2. 1789–1791 St. Petersburg, 1880. 305 p. (In Russian)

22. Pylypchuk Y. Fragments of the Crimean Khanate: the struggle of Gireys and Nogays against the Russian Empire after 1783. *Altaistics, Turkology, Mongolistics*. 2020, no. 4, pp. 81–94. (In Russian)

23. Russian Historical Library. Vol. 34. Don affairs. Vol. 5. St. Petersburg, 1917. 1075 p. (In Russian)

24. Rumyantsev P.A. Collection of documents and materials. Ed. P.K. Fortunatova. Vol. 2. 1768–1775. Moscow, 1953. 864 p. (In Russian)

25. Sibgatullina A.T. Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the 19th–20th centuries. Moscow: Istok, 2010. 264 p. (In Russian)

26. Tatars and Circassians in Turkey (Two letters of the former Turkish pasha). *Slavic collection*. Vol. 2. Part 3. St. Petersburg, 1877, pp. 46–64. (In Russian)

27. Ursu D., Seidametov E. Crimean Tatar diaspora of Dobrudja in the Ottoman period (1428–1878). Traditional culture of the diaspora. Collection of scientific papers. Materials of the international scientific conference “Odesa Ethnographic Readings”. Odessa, 2012, pp. 429–441. (In Russian)

28. Farah Adil Kyzy Huseyin. The Ottoman-Safavid war of 1578–1590: based on the works of Ibrahim Rahimizadeh. Baku: Nurlan, 2005. 216 p. (In Russian)

29. Yurchenko P. Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, a monk of the Dominican order (1625). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey=Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Vol. 11, 1879, pp. 473–493. (In Russian)
30. Ágoston G., Masters B. *Encyclopedia of the Ottoman Empire*. New York, 2009. 650 p.
31. Brian Glyn Williams. *The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington: D.C.: The Jamestown Foundation, 2013. 54 p.
32. Czaykowski M. *Kozaczyczna w Turcyi*. Paryż, 1857. 391 p. (In Polish)
33. Çolak S., Aydar M. Savaş ve propaganda: 1683 Viyana Kuşatması üzerine bir değerlendirme. *Belleten*. 2020, no. 84 (301), pp. 1045–1096 (In Turkish)
34. Eravcı H.M. The role of the Crimean Tatars in the Ottoman-Safavi wars. *Selçuk Türkiyat*. 2023, no. 57, pp. 21–36.
35. Fedakar C. 1787–1792 Osmanlı-Rus Harplerinde Kılburun, Özi Nehri ve Hocabey Muharebeleri. *Karadeniz Araştırmaları*, 2015, pp. 119–136. (In Turkish)
36. Fedakar C. Anapa Kalesi. *Yeni Türkiye*. Yıl 21, Sayı 81, 2015, pp. 276–288. (In Turkish)
37. Gökbilgin M.T. Rumeli'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1957. 342 p. (In Turkish)
38. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria romanilor. Suplim. 2.2 (1601–1640). Bucureşti, 1895. 624 p. (In Romanian)
39. İnalçık H. Kırım Hanlığı Üzerine Araştırmalar 1441–1700. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2017. 593 p. (In Turkish)
40. Ivanics M. The Military Co-operation of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Gábor Kármán and Lovro Kunčević (Eds.). Leiden, Boston: Brill, 2013, pp. 275–299.
41. Karpát K. *Studies on Ottoman social and political history: selected articles and essays*. Leiden-Boston-Koln: Brill, 2002. 872 p.
42. Kırımlı H. A Scion of the Crimean Khans in the Crimean War: The Allied Powers and the Question of the Future of the Crimea. *Middle Eastern Studies*. 2013, Vol. 49, no. 2, pp. 191–220.
43. Kırımlı H., Yaycıoğlu A. Heirs of Chinghis Khan in the Age of Revolutions: An Unruly Crimean Prince in the Ottoman Empire and Beyond. *Der Islam*. 2017, Vol. 94, Iss. 2, pp. 496–526. (In Turkish)
44. Klein D. Negotiating Power in the Crimean Khanate: Notes on Tatar Political Thought and Practice (16th–18th c.). *Political Thought and Practice in the Ottoman Empire. Halcyon Days in Crete IX: A Symposium Held in Rethymno, 9–11 January 2015*, Rethymno: Crete University Press, 2019, pp. 319–347.
45. Küpeli Ö. Kırım tatarları ve osmanlıların İran seferleri. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2014, no. 1, pp. 161–178. (In Turkish)
46. Öztürk Y. Özdemiroğlu Osman Paşa. *Journal of International Eastern European Studies. Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 2022, Vol. 4, no 1, pp. 176–220. (In Turkish)
47. Shapira D. The Crimean Tatars and the Austro-Ottoman Wars. *The Peace of Passarowitz, 1718*. Edition Charles Ingrao, Nikola Samardžić, Jovan Pešalj. Series: Central European Studies. West Lafayette: Purdue University Press, 2011, pp. 131–140.
48. Şehit Bilgi Kapısı. URL: <https://www.msb.gov.tr/SehitBilgiKapis/SehitListesi> (access: 15.01.2024). (In Turkish)
49. Şen M. I. Selim Giray'ın Hanlık Döneminde Osmanlı-Lehistan Savaşlarında Kırım Kuvvetleri. *Karadeniz Araştırmaları*, 2013, pp. 55–73. (In Turkish)
50. Yalvar C. Suçlamaların Gölgesinde Bir Kırım Hanı: Murad Giray Han. *Yeditepe Üniversitesi Tarih Bölümü Araştırma Dergisi*. 2019, no. 3/6, pp. 1–18. (In Turkish)

51. Yeni H. Osmanlı Rumelisi'nde Yörük Teşkilatı, Kökeni ve Nitelikleri. *Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi*. 2017, no. 42, pp. 187–205. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Эльдар Халилович Сейдаметов – кандидат исторических наук, руководитель Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2346-4647; ResearcherID: AAE-2875-2019. E-mail: eseydamet@bk.ru

Амет-хан Азизович Шейхумеров – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-9361-7613. E-mail: amet.sheykhumerov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Eldar Kh. Seidametov – Cand. Sci. (History), Head of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2346-4647; ResearcherID: AAE-2875-2019. E-mail: eseydamet@bk.ru

Amet-han A. Sheykhumerov – Cand. Sci. (History), Independent researcher (Simferopol, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-9361-7613. E-mail: amet.sheykhumerov@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 30.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 03.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> УДК 94=161.1(045)"0/2"(47+57)
EDN: KPJRUC

**КРЫМСКИЙ ИМПЕРСКИЙ «ПРОЕКТ» В 1-Й ТРЕТИ XVI В.:
«ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» ОТКРЫВАЕТСЯ И ЗАКРЫВАЕТСЯ***

В.В. Пенской ✉, **Т.М. Пенская**

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
✉ penskoy@bsu.edu.ru*

Резюме. Цель исследования: проанализировать развитие политических отношений в Восточной Европе на протяжении XVI в., выявить и охарактеризовать основные особенности и наиболее примечательные черты эволюции восточноевропейской политической системы в это время, обозначить главные тенденции и периоды в этом процессе и факторы, которые определили его ход и направление.

Материалы исследования: сообщения летописей, дипломатической документации (прежде всего посольских книг и переписки), актовых материалов и интерпретации, содержащихся в исторических исследованиях.

Результаты и научная новизна исследования: в отечественной историографии традиционно принято рассматривать межгосударственные отношения в Восточной Европе в «долгий XVI век» преимущественно в парах Москва-Бахчисарай, Москва-Вильно и Вильно-Бахчисарай. Лишь изредка эти отношения представлены в виде системы. Однако изучение этих отношений именно как целостной политической системы, как своего рода «Большой игры», позволяет взглянуть на эти события под иным ракурсом. В этой «игре» каждый из ее участников этого «трио» стремился реализовать обращенные в прошлое имперские проекты. Бахчисарай хотел восстановить под своей эгидой ордынскую империю, Москва стремилась вернуть себе «наследие Ярослава Мудрого», Литва же – сохранить то, что осталось от «наследства Витовта».

Анализ документов и материалов позволяет утверждать – в своем развитии эта «Большая игра» прошла три этапа: 2-я пол. 1500-х – 1523 гг.; конец 30-х – нач. 50-х гг. и 2-я пол. 50-х – конец 70-х гг. XVI в. Такое ее деление определяется «окнами возможностей», которые открывались перед Бахчисараем на пути к реализации его имперского замысла. Почему именно Крым берется за точку отсчета – авторы исходят из того, что в случае его успеха политическая ситуация в регионе радикальным образом переменялась бы, поскольку универсалистские претензии крымских «царей»

* Данная статья является продолжением предыдущей, образующих цикл, посвященный эволюции политических отношений в Восточной Европе в позднем Средневековье и раннем Новом времени. См.: Пенской В.В., Пенская Т.М. Постордынский мир и союз Ивана III И Менгли-Гирея I: попытка создания «биполярной» политической системы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 868–898. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.868-898>

© Пенской В.В., Пенская Т.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

не оставляли места для сохранения сколько-нибудь значимой политической субъектности двух других участников «трио». Но реализация крымского имперского замысла встретила сопротивление Москвы, желавшей воплотить в жизнь свой аналогичный проект. На 1506–1523 гг. приходится 1-й раунд этого противостояния, о котором и пойдет речь в этой статье. В эти годы крымские Гирей вплотную подошли к своей мечте, но имперский груз оказался непомерно велик для них. Первая попытка взять этот вес закончилась крахом и временным выбытием Крымского ханства из числа активных участников «Большой Игры» в Восточной Европе.

Ключевые слова: раннее Новое время, «долгий XVI век», Восточная Европа, межгосударственные отношения, политические системы, внешняя политика, дипломатия, война, Крымское ханство, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. Крымский имперский «проект» в 1-й трети XVI в.: «окно возможностей» открывается и закрывается // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 414–434. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> EDN: KPJRUQ

CRIMEAN IMPERIAL "PROJECT" IN THE 1st THIRD OF THE 16th CENTURY: A "WINDOW OF OPPORTUNITY" OPEN AND CLOSE*

V.V. Penskoу ✉, T.M. Penskaya

Belgorod National Research University

Belgorod, Russian Federation

✉ penskoу@bsu.edu.ru

Abstract. The purpose of the study: To analyze the development of political relations in Eastern Europe during the 16th century, to identify and characterize the main and most notable features of the evolution of the Eastern European political system at that time, to identify the main trends and periods in this process and the factors that determined its course and direction.

Research materials: The messages from chronicles, diplomatic documentation (primarily embassy books and correspondence), historical materials, and interpretations contained in historical research.

Results and scientific novelty of the study: In domestic historiography, it is traditional to consider interstate relations in Eastern Europe in the "long 16th century" mainly in pairs Moscow-Bakhchisaray, Moscow-Vilno, and Vilno-Bakhchisaray. Only rarely are these relationships presented as a system. However, studying these relations precisely as an integral political system, as a kind of "Great Game," allows us to look at these events from a different perspective. In this "game", each of its participants in this "trio" sought to implement imperial projects facing the past. Bakhchisarai wanted to restore the Horde empire

* This paper is a continuation of the previous one, forming a cycle dedicated to the evolution of political relations in Eastern Europe in the late Middle Ages and early Modern times. See: Penskoу V.V., Penskaya T.M. The post-Horde world and the union of Ivan III and Mengli-Girey I: An attempt to create a "bipolar" political system. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 868–898. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.868-898> (In Russian)

under its auspices, Moscow sought to regain the “legacy of Yaroslav the Wise,” and Lithuania wanted to preserve what was left of the “legacy of Vytautas.”

Analysis of documents and materials allows us to assert that in its development, this “Great Game” went through three stages: first half of the 1500s to 1523; late 1530s to early 1550s; and second half of 1550s to the late 1570s. This division is determined by the “windows of opportunity” that opened up for Bakhchisarai on the way to realizing its imperial plan. Why is Crimea taken as a starting point? The authors proceed from the fact that if it was successful, the political situation in the region would radically change since the universalist claims of the Crimean “kings” did not leave room for preserving any significant political subjectivity of the other two members of the “trio.” But the implementation of the Crimean imperial plan met with resistance from Moscow which wanted to implement its own similar project. For 1506–1523, this is the first round of this confrontation, which will be discussed in this article. During these years, the Crimean Gireys came close to their dream, but the imperial burden turned out to be prohibitively large for them. The first attempt to take on this weight ended in collapse and the temporary withdrawal of the Crimean Khanate from among the active participants in the “Great Game” in Eastern Europe.

Keywords: early Modern times, “long 16th century”, Eastern Europe, interstate relations, political systems, foreign policy, diplomacy, war, Crimean Khanate, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow

For citation: Penskoj V.V., Penskaya T.M. Crimean imperial “Project” in the 1st third of the 16th century: a “window of opportunity” opened and closed. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 414–434. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> (In Russian)

«Долгий XVI век», который Р. Маккенни назвал веком экспансии [см.: 54], в Европе стал временем формирования раннемодерных государств. Это стремление к экспансии в сочетании с характерной для той эпохи стратегией «собира- ния» земель под единой властью породили феномен «великих лоскутных империй» (по меткому замечанию П. Шоню [49, p 18]) или, как предложили Х. Кеннигсбергер и Дж. Эллиот. «составных» («composite») монархий [50, p. 48–71; 51, p. 191–217]. На западе и в центре Европы такими могли считаться империя Габсбургов, на юге – Османское государство, а вот на востоке на имперский статус претендовали три государства – Крымское ханство, Русское государство и Великое княжество Литовское.

Борьба трех восточноевропейских имперских проектов красной нитью проходит через все столетие, образуя смысловой контур «Большой игры» в регионе. Последняя с началом XVI в. обрела новое звучание, ибо распад Большой Орды запустил процесс реформирования местного политического ландшафта. С исчезновением с политической карты региона этого татарского юрта, претендовавшего на единоличное владение золотоордынским наследством, постордынский «биполярный» «мир» прекратил свое существование и региональный «квартет» стал «трио».

Статус его участников к началу XVI столетия существенно изменился. В самом сложном положении оказалось Великое княжество Литовское. Ранее претендовавшее на господство в Восточной Европе, теперь именно оно могло считаться слабым звеном в региональной политической системе. Литва так и не смогла оправиться от последствий великой смуты, наступившей после смерти великого князя Витовта. В ходе этой усобицы четко обозначился вектор на децентрализацию политической системы Литвы, который возобладал над своей противоположностью, и это стало началом заката великого княжества. События

конца XV – начала XVI вв. показали, что литовское великодержавие ушло в прошлое. Увлечшись планами расширения сферы влияния в центральной и юго-восточной Европе, Вильно не сумело отреагировать на быстрое усиление Москвы при Иване III. К концу XV в. Литва отказалась от экспансии на востоке и ушла в оборону. Иван III воспользовался этим шансом и в ходе войн 1486–1494 и 1500–1503 гг. принудил Литву отказаться от ряда важных земель на русско-литовском пограничье. Гром русских пушек под Смоленском в 1502 г. обозначил следующую цель московской экспансии на литовской «украине».

Следствием этих неудач стало осознание литовской правящей элитой печального факта, что в противостоянии один на один с Москвой, опиравшейся на Крым, у Великого княжества Литовского нет шансов даже на сохранение остатков прежнего имперского величия, не говоря уже о реванше. Чтобы сохранить «наследства Витовта», нужна была реальная сила, тем более что в споре за доминирование в Восточной Европе только Литва ссылалась не на «старину», а на Божью волю и право меча ([13, с. 51]). Однако к началу XVI в. стало ясно, что Божья воля не на стороне литовцев, а литовский меч изрядно затупился. Литве позарез нужен был союзник, поддержка которого могла бы изменить неблагоприятный для Ягеллонов ход событий. Поэтому поворот Великого княжества Литовского в сторону Крыма, с учетом старых связей между двумя домами, был неизбежен. Однако здесь был один небольшой, но очень важный нюанс. Вильно, в отличие от прежних времен, теперь выступал в роли просителя, который должен был принять условия «любви и приязни», предлагаемые Бахчисараем. Это означало, что Литва формально должна была признать свое зависимое от Крыма положение.

Такой поворот событий не радовал литовский «политикум», однако альтернативы союзу с Крымом у Вильно не было. Понимая это, литовская правящая элита, идя на союз с Крымом, постаралась минимизировать негативные последствия этого поворота. В отношениях с Крымом Сигизмунд I и его преемник Сигизмунд II продолжили ту политику, которую проводили Казимир IV и его сын Александр в отношении к Большой Орде – много обещая и мало делая, держа при этом камень за пазухой в лице заключенного в золотую клетку Шейх-Ахмеда с его мечтой о реванше за поражение в 1502 г. Впрочем, для крымских царей эта нехитрая интрига не была секретом, и они, не торопясь идти навстречу пожеланиям своих литовских «партнеров», желали использовать этот союз в своих интересах – в том числе как инструмент давления на Москву.

Иначе развивались отношения между бывшими союзниками – Русским государством и Крымом. В отличие от дряхлевшей Литвы они были полны оптимизма и считали внешнюю экспансию оптимальным сценарием для своей внешнеполитической активности. В этом своем стремлении и Москва, и Бахчисарай апеллировали к «старине». Вот только точка отсчета у каждого была своя.

Московская «старина» корнями своими уходила в далекое домонгольское прошлое, в эпоху расцвета старой Руси [см., например: 39, с. 116–117]. Однако московские претензии на «наследие Ярослава Мудрого» были не программой-максимум, но «многошумящей» декларацией о намерениях. Московские государи были трезвомыслящими реалистами и, исходя из того, что политика есть искусство возможного, предпочитали синицу в руках журавлю в небе. Отсюда и соответствующая тактика на переговорах – сперва взвинтить ставки до небес, выдвинув заведомо неприемлемые требования, а затем, постепенно сбавляя запросы, получить искомое. Но это не значило, что в Москве готовы упустить появившийся шанс реализовать свой имперский проект. Сложившийся в 70-х гг. XV в. русско-крымский союз позволил Москве серьезно нарастить свое влияние в регионе. Из

ордынского улусника московский государь к началу XVI в. превратился в повелителя могущественной державы, на равных разговаривавшего с самим «Великим Турком» и императором Священной Римской империи. Больше того, переиграв своего литовского визави в новгородской и в тверской «партиях», великий князь Иван III со 2-й половины 80-х гг. XV в. перешел к экспансии на западном направлении. Две успешных войны Русского государства с Великим княжеством Литовским наглядно показали рост московской мощи и упадок литовской. На волне этих успехов Иван III на переговорах в 1504 г. устами своих дипломатов заявил – вечному миру не быть, пока под властью Ягеллонов остается «вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные городы», которые «с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина» [25, с. 460]. Тем самым были обозначены горизонты московского внешнеполитического планирования, и сомневаться в том, что Москва будет настойчиво двигаться к этой цели, не приходилось – упорство в реализации заявленных планов было фамильной чертой Калитичей.

Но реализация столь масштабного политического проекта неизбежно должна была встретиться с большими проблемами, если бы татарские юрты заняли антимосковскую позицию. В Москве понимали, что воевать с Литвой, имея врагов на юге и востоке, невозможно. Не случайно в 1574 г. в ответ на предложения крымского «царя» передать ему Казань и Астрахань Иван Грозный ответил отказом, ибо «ныне одна сабля – Крым, а тогда другая сабля будет Казаньская земля, третья сабля – Астороханьская, четвертая Нагаи. А толко Литва не помирится, – ино пятая сабля будет» [30, с. 151]. Для успешной борьбы с Литвой Москва нуждалась в татарском нейтралитете, а лучше – в сохранении союза с Крымом как с сильнейшим татарским юртом.

Усиление татарских юртов, в особенности Крыма, было не на руку Москве – там не забыли о временах, когда русские князья ездили в Орду на поклон с богатыми дарами. Добиваться своих целей, имея «партнерами» слабых татарских династов, было не в пример выгоднее. Отсюда и двойственная политика Москвы по отношению к татарам. Калитичи стремились не допустить их объединения под единой властью, играя на противоречиях между татарскими элитами и пуская без лишних эмоций в ход *ultima ratio regum*. При этом в русской столице демонстрировали свою готовность заключить союз с татарами, но на определенных условиях. Грань, через которую в Москве не могли переступить ни при каких условиях – это включение в текст соглашения с татарами положений, которые можно было истолковать как признание ее вассального статуса. Это неизбежно вело к трениям в отношениях между русскими и татарами.

Однако главной проблемой, с которой столкнулся Василий III в своей татарской политике, было то, что после распада Большой Орды необходимость в союзе с Москвой для татарских юртов перестала быть насущной необходимостью. Особенно это касалось Крыма, которому альянс с Русью был необходим как противовес Орде. После же 1502 г., когда имперские регалии буквально валялись в степной траве, этот союз только мешал Гиреям подобрать их. Примерив их на себя, они нашли, что они им впору, на что давно обратили внимание историки [см., например: 48, с. 162–163], а «дружба» с Москвой могла быть отставлена в сторону за ненадобностью.

Однако заявку на имперский статус надо было подкрепить реальной силой, а вот с этим в начале XVI в. у Крыма было туго. Его ресурсов, даже с учетом перекочевки в подвластные таврические степи многих улусов бывшей Большой Орды, было недостаточно. В условиях «пороховой» революции в военном деле, когда на авансцену выступали качественные характеристики военной мощи государства

[см., например: 28; 55; 56; 59], диспаритет с Москвой и Вильно мог иметь для Крыма фатальные последствия. Только опираясь на совокупный потенциал всех татарских юртов, Гирей могли рассчитывать на восстановление «ордынского мира», а заодно и на избавление от тягостной зависимости от Стамбула.

В самом деле, если добавить к 250 тыс. «переписанной» крымской рати еще 380 тыс. «писмянной» ногайской рати ([24, с. 70; 32, с. 73]), то что могли противопоставить такому воистину тьмочисленному (хоть и на бумаге) воинству русский или литовский монархи? И хотя очевидно, что это сильно завышенные (в эпоху наивысшего подъема крымской военной мощи при Девлет-Гирее I хан мог выставить в поле максимум 40–50 тыс. воинов [см.: 26, с. 234]), все равно Крымское ханство, добившись доминирования на постордынском пространстве, автоматически превращалось в политического тяжеловеса.

Но своими силами решить этот вопрос Крым в начале XVI столетия не мог. С одной стороны, препятствием был общий настрой правящих кругов в других юртах. Испытывая определенные чувства родства и близости интересов, они не были готовы снова стать обычными улусниками великого хана. С другой стороны, еще меньше радости от перспективы снова, как и полтора столетия назад, кланяться ордынскому «царю», униженно испрашивать у него ярлык на правление, сопровождая этот шаг питьем «черного кумыса», богатыми подарками и регулярной выплатой «выхода», испытывали в Москве и в Вильно. Но, не заручившись хотя бы их нейтралитетом, рассчитывать на подчинение татарских юртов было нельзя – правители последних, стремясь сохранить свою независимость, могли обратиться за помощью и к русскими к литовцам.

В этих условиях собрать под свою руку все татарские земли и установить пусть номинальное, но господство над Русью и Литвой было нетривиальной задачей, требовавшей немалого искусства, трезвой оценки политических перспектив и баланса сил. Создание условий для претворения в жизнь идеи *Renovatio Imperii Tartarorum* стало основным содержанием внешней политики Крыма на протяжении большей части XVI в. Под эту задачу крымской правящей элитой отработывался и соответствующий инструментарий – в том числе и военный (согласно максиме К. фон Клаузевица: «Война есть ... подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами» [12, с. 47]).

Важнейшим его элементом стал «крымский аукцион» (С.М. Соловьев). Открывая его, в Крыму рассчитывали столкнуть Москву и Вильно и попеременно обнадеживая их политическими авансами, вынудить повышать ставки на нем. При этом крымцы хотели сохранить свободу рук и занять выгодную во всех отношениях позицию «третьего радующегося» и верховного арбитра в «Большой игре».

Работа «аукциона» позволяла правящей элите Крыма решить и еще один вопрос. Речь идет о т.н. «поминках», дискуссия о сути которых идет давно и далека от завершения [см., например: 45, с. 49–55; 48, с. 225–271]. Пытаясь ответить на вопрос о причинах этой незавершенности, Р.Ю. Почекаев справедливо отмечал, что позиция историков в этом вопросе во многом определяется «национальным» «дискурсом» [35, с. 200–203]. Не претендуя на окончательное решение проблемы, отметим, что, на наш взгляд, истина лежит посередине. В Москве и в Вильно «поминки» рассматривалась как стимул к установлению и продолжению «братских» отношений; как плата за мир и как «жалованье» татарским элитам за службу ([см., например: 23, с. 40]. Когда Иван Грозный писал своему «брату» Девлет-Гирею, что он «дружбы у царя (крымского хана – **В.П., Т.П.**) не выкупает, а похочет с ним царь мириться по любви, и царь и великий князь (Иван – **В.П., Т.П.**) с ним миру хочет по прежним обычаем...» [18, с. 24], он лишь продолжал линию своего деда.

Так, отказ Ивана III под благовидным предлогом ([23, с. 306]) выплачивать т.н. одоевскую «пошлину» [см.: 1, с. 234–235] был логичным шагом – подарки и жалование он был готов посылать, но превращать их в регулярную дань-выход – нет. У Ягеллонов пространство для маневра было уже, но и они пыгались действовать в том же духе, обставляя отсылку даров условиями, которые должны были направить помыслы татарской элиты в нужном для Литвы русле.

Иначе смотрели на «поминки» в Крыму и в других юртах. Регулярная отправка всякой «казны» означала формальное признание отправляющей стороной своего приниженного положения. Поэтому «поминкам» в имперских планах Бахчисарая отводилось далеко не самое последнее место – даже в конце XVII в. он не отказывался от своих претензий [см., например: 41, с. 22].

Но не только соображениями политического престижа объяснялась настойчивость, с которой крымские «цари» требовали от своих «братьев» «поминков». Способность хана истребовать «казну» немало значила для сохранения политической стабильности в Крыму, которая во многом поддерживалась через механизмы «престижной экономики» и «экономики дара». На это обстоятельство указывал Н.Н Крадин, характеризую особенности функционирования политической системы в кочевой «империи» хунну. Неспособность поддерживать реципрокные связи могла привести к отказу в лояльности со стороны улусной аристократии и «подданных» и их откочевке (примером может служить судьба Ногайской Орды при бие Исмаиле в 50-х – нач. 60-х гг. XVI вв.) [14, с. 182–183, 187].

Борьба вокруг «поминков» имела и еще один аспект. «Для простых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободное скотовода существование, а для обедневших – достичь его», почему «именно рядовые номады часто являлись зачинателями войн и грабительских набегов, оказывая при этом давление на своих вождей и ханов», – отмечал Н.Н. Крадин [15, с. 125]. Характерный пример – в 1565 г. именно под давлением «земли со всем войском» хан Девлет-Гирей I и его сыновья были вынуждены отказаться от планов повернуть назад из набега на Русское государство, несмотря на выгодные московские предложения [см.: 4, с. 56]. Можно вести речь о наличии у определенной части татарского общества, прежде всего аристократической элиты и ее ближнего окружения, «героического» варварского этоса, описанного Тацитом в его «Германии» (*Tac. Germ. 14*): В Крыму и в других татарских юртах рассматривали набеги как законную возможность взять то, что принадлежало им по праву. Поэтому татары были скоры на подъем и готовы к набегам на соседей.

Однако времена, когда татарская конница господствовала на полях сражений, прошли. С началом «пороховой» революции ее столкновения с армиями Великого княжества Литовского и Русского государства все чаще заканчивались не в пользу татар. Риск пойти по шерсть, а вернуться стрижеными возрастал, а, следовательно, росло и стремление крымской правящей элиты гарантированно получать доходы через «аукцион», добываясь регулярной выплаты «поминков» в обмен на обещания «братства» и прекращения набегов. Как писал Девлет-Гирей Ивану Грозному, пытаясь выторговать у последнего Астрахань, «и толко деи царь и великий князь даст Асторохань, и яз и до смерти на цареви и великого князя земли ходити не стану. А голоден не буду: по левую деи мне сторону – Литовьской, а з другую сторону – черкасы, и яз деи стану тех воевати. Тамо деи яз и сытее того буду...» [30, с. 146].

В этих условиях и набеги, и угроза их осуществления уже не были самоцелью, став инструментом дипломатического торга и давления на «партнеров» («яз

с тобою, братом своим, временем бранилися, а временем и мирились» [31, с. 184]) – война или отражение набега обходились намного дороже, чем «поминки» (на что указывал, к примеру, Сахиб-Гирей I в послании к юному Ивану IV [см.: 46, с. 238–239]). Захваченные же в случае удачи ясырь и дуван были приятным бонусом, но не основой экономики Крымского ханства – слишком шаткой становилась она в изменившихся условиях.

Стоит ли после всего этого удивляться тому, что крымский «царь» мог отписать, как это сделал Менгли-Гирей в 1506 г., своему литовскому «брату», что хотя он со своими детьми, братьей и «князьями» и присягнули своему «брату» воевать с общими недругами, но это вовсе не отменяет присылки «поминок» как условия завершения процедуры шертования [53, р. 52, 54]. Иначе, сообщал Менгли-Гирей Сигизмунду I, ему не сдержать своих людей, когда те решат искать себе «поживенья» [53, р. 53]. Намек на последнее был более чем прозрачным, если вспомнить о том, что летом того же 1506 г. 8-тыс отряд крымских татар под началом «царевичей» Бурнаш-Гирея и Баба-Гирея совершил рейд по владениям литовского князя [см., например: 57, s. 112–120]. При этом крымский «царь» не обязательно мог выступать организатором «поживенья» – в случае чего он мог закрыть глаза на инициативу со стороны отдельных татарских warlord'ов, заявив, что набег был предпринят против его воли. Такая «гибридная» война позволяла ханам, сохраняя лицо, вместе с тем продолжать требовать от Москвы или Вильно новых уступок и присылки «казны» для «насыщения» и умиротворения своих подданных.

Вот так, комбинируя дипломатию и военно-силовое давление, Бахчисарай приступил, как только в 1502 г. открылось окно возможностей, к построению своей империи. Запустил этот процесс Менгли-Гирей I. Характеризуя его как политика, А.В. Виноградов писал, что хан «ясно осознавал стоявшие перед Крымом внешнеполитические задачи, лично участвовал во всех важных дипломатических переговорах, возглавлял ответственные военные экспедиции», и в годы его долгого правления «были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части XVI в.». Поэтому его можно назвать основателем крымского могущества [3, с. 60].

Первый осторожный шаг к закреплению за Крымом нового статуса был сделан осенью 1502 г., когда хан сообщил Ивану III, что он «отца своего цареву Орду достал еси (выделено нами – **В.П., Т.П.**)...» [23, с. 444]. Те же самые слова прозвучали тогда же в «слове» Менгли-Гирея, адресованном киевскому воеводе князю Д. Путятичу [52, р. 181]. В 1505 г. за первым шагом последовал второй – вассал Ивана III казанский хан Мухаммед-Эмин, узнав о том, что его сюзерен при смерти, решил освободиться от русского протектората. Понимая, что ресурсов его «царства» явно недостаточно для противостояния Москве, Мухаммед-Эмин обратился с предложением к Сигизмунду I и Менгли-Гирею I объединить усилия в борьбе против «московского» [27].

Предложение казанца было с пониманием встречено и в Крыму, и в Литве. Литовские паны рады и великий князь литовский увидели в этой идее шанс взять реванш. Отсюда и та энергия, с которой они принялись за сколачивание антимосковского союза – вплоть до попыток привлечь на свою сторону Ливонскую «конфедерацию».

Правда, четверной союз так и не состоялся. Сигизмунд I не сумел добиться от потенциальных партнеров по этому альянсу исполнения пожелания выступить против «московского». Ливонский магистр В. фон Плеттенберг под благовидным предлогом отказался от участия в альянсе [53, р. 85, 86]. Мухаммед-Эмин же ис-

пользовал переговоры с Вильно и с Бахчисараем как элемент торга с Москвой, и, добившись желаемого результата, охладел к этой идее.

Менгли-Гирей же употребил обращение казанца для того, чтобы публично заявить о своих имперских амбициях. В июле 1506 г. в ханском послании к великому литовскому князю и королю польскому Александру прозвучал словооборот «Великое Орды от великого царя» [53, р. 51]. Это титулование было использовано в ответных литовских посланиях, да и казанский «царь» в грамоте Александру также именовал крымского «брата» «великим царем», признавая тем самым его превосходство над собой [53, р. 56, 59].

Недолго ждала своей очереди и Москва. В декабре 1506 г. Сигизмунду I от имени Менгли-Гирея было заявлено, что князь великий московский Василий «наш холоп» [53, р. 55]. Подобную риторику ранее использовал Шейх-Ахмед, именуя Ивана III и тверского князя Михаила Борисовича своими холопами [52, р. 172, 173, 174, 179], теперь к ней прибег Менгли-Гирей, заявив о желании пересмотреть свои отношения с Москвой. Отношения между государствами в ту эпоху в значительной степени носили личный характер, и когда не стало Ивана III, с которым хана связывали многолетние отношения «братства», крымский «царь» не преминул «отредактировать» свои отношения с Москвой.

Продолжая гнуть свою линию, в том же году Менгли-Гирей выдал Сигизмунду царский ярлык. Жалую своего «брата» множеством городов «со всьими ихъ выходы и данми, и з землями и водами» (в.т.ч. Псков, Новгород и Рязань), «царь» приказывал тамошним обывателям и элите служить великому князю литовскому также, как их предки служили ранее великому князю Витовту [53, р. 90]. Предпринял хан и конкретные шаги, подтверждающие его намерения – 3 июля 1507 г. он писал своему «брату», что он против московского послал своего сына Мухаммед-Гирея с большой ратью [53, р. 79]. То, что ханские слова не разошлись с делом, подтверждают русские летописи [см.: 18, с. 6].

Однако, задружившись с «литовским», Менгли-Гирей не торопился превращать войну с Москвой из «холодной» в «горячую» – стать орудием в руках Вильно в его планы не входило. Заключение союза с Сигизмундом и благожелательный отклик на предложение казанца стали для Менгли-Гирея инструментами давления на Василия III, в поддержании отношений с которым хан был заинтересован. С одной стороны, «царь» надеялся на возобновление отсылки к нему московских подарков и постоянных выплат, причитавшихся с Одоева и иных городов [24, с. 25, 29]. С другой стороны Менгли-Гирей нуждался в русской военной помощи в походе на Астрахань [24, с. 20–21, 25, 28, 29]. Не оставил в стороне крымский «царь» и казанский вопрос. В переписке с Василием он проявил заинтересованность в судьбе своего родственника, бывшего казанского «царя» Абд ал-Латифа б. Ибрагима [24, с. 21–22]. Желая видеть его при своем дворе, хан руководствовался тонким политическим расчетом – имея у себя бывшего казанского «царя», можно было попробовать заменить в Казани московское влияние крымским. Т.о., видимость сохранения хороших отношений с Москвой должна была способствовать выполнению далеко идущих замыслов Менгли-Гирея, а набеги или их угроза стали бы эффективным инструментом давления на Василия.

Итак, в начале XVI в. политический ландшафт в Восточной Европе изменяется, и при анализе ситуации складывается впечатление, что Крым владел инициативой и определял правила игры. В самом деле, в случае реализации крымского имперского проекта расстановка сил в регионе радикально менялась – подчинив себе все татарские юрты, Крым мог на равных разговаривать с Вильно и Москвой. Последние, занятые борьбой друг с другом, занимали в этом вопросе оборонительную

позицию. Не навязать крымскому «брату» свою волю, а помешать ему реализовать его планы – такой была их линия в отношениях с Бахчисараем.

Действия Москвы в этом плане наиболее примечательны. Столкнувшись с возникшей угрозой татарских набегов (после первого набега 1507 г. серия следующих состоялась в 1512 г. [18, с. 15]), в Москве озаботились укреплением крымской «украины». Начатый постройкой в 1509 г. деревянный кремль в Туле был к 1520 г. перестроен в каменный [см., например: 18, с. 36; 36, с. 250], а в 1513 г. в разрядной росписи впервые упоминается расстановке полков русской конницы «на берегу» – пока что Угры [см., например: 38, с. 129]. В последующие годы центр тяжести обороны «на берегу» смещается на Оку [см., например: 38, с. 158–159], в район Серпухова и Каширы [21, с. 64–66, 68; 37, с. 61–62, 64–65; 38, с. 162–163, 166, 167–168, 171–174].

Укрепление южных рубежей усиливало позиции Москвы в переговорах с Крымом и позволяло продолжить экспансию на западном направлении. Разрешив казанский кризис 1505–1506 гг., Василий III в 1507 г. возобновил наступление на Литву, а спустя пять лет, обвинив Сигизмунда I в том, что он настраивает крымского «царя» против Москвы [25, с. 499], объявил тому войну. Менгли-Гирей, выступив на стороне Сигизмунда, оказал тому медвежью услугу – воспользовавшись моментом, Василий III летом 1514 г., проявив недюжинное упорство, с третьего раза взял Смоленск.

После 1514 г. 1-я Смоленская война перешла в тягучую стадию обмена взаимными набегами. Позиция Крыма в этих условиях для «московского» и «литовского» приобретала особое значение – его выступление на той или другой стороне могло стать той соломинкой, которая переломит хребет верблюду. Это прекрасно понимали в Крыму и не торопились принимать чью-либо сторону. Конечно, усиление Москвы хану было не нужно, почему курс на стратегическое партнерство с Вильно сохранялся. Но и рвать отношения с Москвой он не торопился, рассчитывая использовать ее заинтересованность в возобновлении союза в своих целях.

Однако здесь нашла коса на камень. И.В. Зайцев, характеризуя взаимоотношения России и Крыма в эти годы, подчеркивал их двусмысленность – обе стороны стремились использовать «партнера» в своих интересах [8, с. 78, 82], не стесняясь при этом в выборе средств. Сменивший Менгли-Гирея его старший сын Мухаммед-Гирей I, ведя параллельно переговоры с Вильно и Москвой, поддерживал контакты с рязанским князем Иваном Ивановичем и не препятствовал своим мурзам организовывать набеги и на Русь, и на Литву. Василий же, пересылаясь с Ахмад-Гиреем, враждовавшим со своим братом Мухаммед-Гиреем, демонстративно показывал свое расположение касимовскому хану Шейх-Аулияру (племяннику хана Большой Орды Ахмеда), которого крымский хан считал своим личным врагом [см., например: 2, с. 250; 6, с. 305, 307; 10, с. 194–195, 208–209; 11, с. 118–120; 24, с. 527, 640; 42, с. 54–55], и укреплял свое влияние «в Ногаех».

Сложную игру вел и Сигизмунд I. Не имея возможности одолеть Василия III на поле боя, он сделал ставку на дипломатию и интриги. Еще в 1507 г. он отправил посольство к брату Василия III Юрию, удельному князю дмитровскому, и, именуя его своим «братом», предложил заключить союз против общих врагов [53, р. 109]. Как отреагировал Юрий на этот демарш – неизвестно, но точно известно, что в 1511 г. другой брат Василия, Семен, решился на побег в Литву [5, с. 302]. Поддерживал контакты Сигизмунд и с рязанским князем Иваном Ивановичем, который, желая освободиться от опеки со стороны Москвы, искал союза с Литвой и Крымом. При этом Сигизмунд, всячески демонстрируя настрой на сотрудничество с Крымом, держал камень за пазухой – «почетным» «гостем» у

него был бывший правитель Большой Орды Шейх-Ахмед [см., например: 7, с. 108–109]. Имея его под рукой (статус «царя»–«гостя» Вильно преднамеренно не обозначал), Сигизмунд использовал его как инструмент давления на Бахчисарай. Действительно, в Крыму были весьма обеспокоены одним только фактом пребывания Шейх-Ахмеда в Литве, не доверяя словам Сигизмунда и панов рады, что они не намерены отпускать Ахматовича в Степь [см., например: 29, с. 55]. Стремясь не допустить этого, крымский «царь» регулярно отправлял в Вильно своих посланцев с соответствующими требованиями [53, р. 52]. Не торопились в Вильно и с выплатой «поминков», отделяваясь щедрыми посулами, что также не способствовало укреплению доверительных отношений между двумя дворами.

Итак, реконфигурация всей системы политических отношений в Восточной Европе не привела к ее упрощению, напротив, она еще более запуталась. Общая стратегия для всех участников «Большой игры» оставалась схожей. Каждая из сторон пыталась сохранить свободу рук, получить от «партнера» как можно больше и отдать как можно меньше. Решить множасьщиеся противоречия дипломатическим путем становилось все сложнее, и следовало ожидать, что кто-то из «большой тройки» попробует это сделать иным путем. И так как Москва и Вильно были заняты войной друг с другом, сделать это должен был Бахчисарай.

Развязка произошла в 1519 г. Трудные переговоры, продолжавшиеся между Москвой и Бахчисараем о возобновлении союза, завершились шертованием Мухаммед-Гирея. Условия этого договора, как отмечала А.Л. Хорошкевич, легли в основу будущих русско-крымских отношений [48, с. 194]. Идя на уступки Москве, хан снял (на время) предложение о совместной астраханской экспедиции и предложил Василию поучаствовать в походе на Киев, полагая его частью своего улуса [24, с. 514–515; 48, с. 183–184]. Больше того, Мухаммед-Гирей в том же 1519 г. послал своего сына и наследника-калгу Бахадыр-Гирея со многой ратью на Сигизмунда I [18, с. 33]. Поход был успешен, татары опустошили Белзское, Люблинское и Хелминское воеводства и в битве под Сокалем разгромили польско-литовское войско под началом кн. К.И. Острожского [19, с. 66–67; 23, с. 547–548, 666; 18, с. 268; 36, с. 33–34].

Возможно, этот поворот был связан с тем, что Мухаммед-Гирей не хотел преждевременно рвать отношения с Москвой, враждующими со стоявшими за спиной Ахмед-Гирея могущественными крымскими «князьями»–Ширинями, [17, с. 14; 40, с. 28–34]. Однако ни ханская шерть, ни согласие Мухаммед-Гирея на сохранение Казани в орбите московского влияния, ни отправка наследника-калги в поход на Литву – ничто не могло заставить Василия III пойти навстречу хану, пусть даже в астраханском вопросе. Усиление Крыма не входило в планы великого князя, и он, на словах изъявляя готовность удовлетворить пожелания своего «брата», на деле не спешил выполнять свои обещания. Рано или поздно это должно было оказать негативное влияние на русско-крымские отношения.

Еще одним фактором, добавлявшим неопределенности в судьбу русско-крымского союза, была расстановка сил при ханском дворе. Играя в ее настройку, Вильно оказался более успешным, нежели Москва. Влиятельный Аппакмурза [см.: 47, с. 369–370], московский доброхот-«амият» при ханском дворе, в открытую писал прижимистому Василию, что нужно проявить бóльшую щедрость и прислать в Крым «доброе своего боярина» с «добрými поминками с прибавкою», заявляя, что «от короля черленое золото, белое серебро льется» (если верить речам литовских посланцев до польских радных панов, литовская казна тратила на «частыи поминьки» 20 тыс. золотых в год) [24, с. 497; 53, р. 359]. Увы. Василий проигнорировал это пожелание.

В итоге, убедившись, что Василий III не оценил его щедрость, Мухаммед-Гирей изменил свой курс. Активизировав начатые еще в 1519 г. контакты с Вильно, хан осенью 1520 г. заключил соглашения с Сигизмундом. Повторив вслед за своим отцом пожалование своему литовскому «брату» многих городов и земель, в т.ч. Смоленска, Пскова, Новгорода Великого и Рязани с «люди въ головахъ, и земли, и воды, и дани, и доходы», Мухаммед-Гирей от своего имени и от имени своей семьи и крымской аристократии пообещал Сигизмунду быть «приятелю приятель», а «неприятелю – неприятель» [53, р. 384]. И если брат мой, великий король, продолжал хан, будет держать последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмеда в заточении, «поки на него Бог смерть пришлетъ», да пришлет, по старому обычаю, поминки в 15 тыс. золотых, то он не будет мешать своим «князьям» и мурзам по просьбе своего литовского «брата» пойти на «московского» при условии выплаты «подъемных» [53, р. 384].

На перемену настроения крымского «царя» повлияли и события в ногайских степях. После распада Большой Орды Ногайская Орда представляла собой лакомый кусок ордынского наследства. Однако амбициозным ногайским биям, обладавшим немалым военным потенциалом, не хватало «дородства», чтобы играть самостоятельную роль в «Большой игре». Они пытались разрешить эту проблему в рамках устоявшейся с сер. XIV в. традиции возведения на «царский» трон марионеточных ханов, при которых реальной властью обладал «первый министр»-беклярибек. «При ком из бесчисленных Джучидов мангытский лидер соглашался стать беклярибеком, тот при поддержке мангытов и становился ханом», – отмечал В.В. Трепавлов [44, с. 30]. При этом, отмечал дальше историк, «получив однажды от покорного Чингисиды пост беклярибека-бия, мангытский мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, жив ли государь, даровавший эту должность». Казалось бы, для ногайской правящей элиты такой выход был вполне отвечающим ее интересам, однако было одно «но» – беклярибек должен был «числиться» при каком-нибудь «царе» [44, с. 30] (и эта традиция соблюдалась и в середине XVI в. [32, с. 45; 33, с. 287]). Это делало их политические позиции уязвимыми, и переломить эту традицию ногайские бии не могли в силу архаичности своей государственности.

Двусмысленное положение Ногайской Орды делало ее уязвимой перед лицом крымской экспансии. Уже летом 1507 г. Менгли-Гирей предпринял первую попытку надавить на них, отправив в поход Мухаммед-Гирея. Стоит заметить, что в переписке между Менгли-Гиреем и Сигизмундом I целью этого похода был объявлен «московский» [53, р. 58, 59], однако, исходя из развития событий, предположим, что крымский «царь» изначально посылал калгу на ногаев, а Москва как цель похода была названа для отвода глаз. В 1509 г. Мухаммед-Гирей совершил второй поход на ногаев. Он оказался успешнее предыдущего и сопровождалась захватом большой добычи, чем Менгли-Гирей похвалился перед Василием III [24, с. 70–71, 80].

Удачным был и третий поход Мухаммед-Гирея в 1510 г. – Менгли-Гирей воспользовался усобицей между сыновьями покойного бия Мусы Алчагиром и Шейх-Мухаммедом [24, с. 520; 58, с. 365]. В ходе этой «замятни», как отмечал В.В. Трепавлов, произошло формальное восстановление Большой Орды – Шейх-Мухаммед заручился поддержкой выпущенного Сигизмундом I брата Шейх-Ахмеда Хаджике и получил вожделенное бийство [44, с. 43]. Разбитый Алчагир бежал в Крым искать поддержки у Мухаммед-Гирея I. Шейх-Мухаммед решил переиграть своего брата и прислал к хану свое посольство. Послы заявили крымскому «царю», что их господин признает хана своим сюзереном и готов пред-

принять совместный поход на своего врага астраханского хана Джанибека и заключить брак своей сестры с сыном Мухаммед-Гирея Алп-Гиреем [24, с. 291, 297, 311]. Старый план Менгли-Гирея как будто сработал – ногаи признали крымского «царя» своим господином, так что у составителя «Острожского летописца» были основания записать под 1516 г., что «того же року царь Перекопский нагайских татар под себе подбил» [43, с. 208]. Вторжение же в ногайские степи казахского хана Касима в 1519 г. привело к тому, что, по словам В.В. Трепавлова, «большая часть ногаев успела воспользоваться приглашением Мухаммед-Гирея I и уйти на Крымскую сторону Волги» от воинов Касима [44, с. 48].

В результате Мухаммед-Гирея возникло желание «дожать» несговорчивого московского «брата», бросив на чашу весов *ultima ratio regum*. И летом 1521 г. грянул «крымский смерч» [10, с. 240]. Хотя в Москве и готовились к отражению вторжения, серия ошибок, допущенных и самим Василием III, и его воеводами, привели к тому, что, переправившись через Оку и разгромив под Коломной государственные полки, татары две недели беспрепятственно опустошали окрестности русской столицы, а затем продолжили грабежи и убийства под Рязанью. Великий князь не решился противостоять «царю» и бежал из своей столицы на северо-запад, оставшиеся на «царство» в Москве крещеный татарский «царевич» Петр Ибрагимович и бояре со страху подмахнули грамоту, по которой великий князь обязывался стать «вечным данником царя (крымского хана – **В.П., Т.П.**), какими были его отец и предки» [6, с. 417].

Поход на Москву 1521 г. стал вершиной внешнеполитических успехов Мухаммед-Гирея, но не новой страницей в русско-крымских отношениях. Анализ событий накануне похода, в самом 1521 г. и после показывает, что московский поход хана не выходил за рамки прежнего политического курса в отношении что с Москвой, что с Вильно, когда военные успехи становились веским доводом в переговорах с «партнерами». Да и сам Мухаммед-Гирей отнюдь не стремился к чрезмерному ослаблению Москвы (иначе ему стало бы трудно вести дела с Вильно), и, ограничившись внушением Василию III, обратился к реализации имперского замысла. Тем самым он допустил роковую ошибку. Не разрешив до конца вопрос московский, в погоне за имперским миражом крымский «царь» потерпел полное фиаско, попытавшись разрешить вопрос астраханский.

Поначалу ничто не предвещало трагедии. Весной 1523 г. хан захватил Астрахань, изгнав оттуда астраханского «царя» Хуссейна, однако вскоре был убит ногаями вместе со своим сыном Бахадыр-Гиреем. После этого ногаи разгромили крымское войско и совершили поход на Крым, подвергнув его опустошению, сполна расплатившись за прежние притеснения со стороны Гиреев.

Учиненный ногаями погром вверх Крымское ханство в глубочайший кризис. Хотя Мухаммед-Гирей как политик и правитель уступал своему отцу, но на нем лежал ответ посмертной славы Менгли-Гирея, и ему удавалось гасить противоречия внутри правящей элиты Крымского ханства. Но с его смертью другой такой масштабной политической фигуры в Крыму не нашлось, и это вылилось во многолетнюю «заворошню». Открывшееся для Бахчисарая в 1502 г. окно возможностей захлопнулось.

На время Крым перестал быть участником «Большой игры» в Восточной Европе, превратившись в объект манипуляций со стороны Москвы, Вильно и Стамбула (для него ослабление Гиреев было весьма кстати – и Менгли-Гирей, и Мухаммед-Гирей вели слишком независимо для вассалов Порты). Это и неудивительно, ибо сражавшиеся за власть Саадет-Гирей и его племянник Ислам-Гирей (и стоявшие за ними «партии») отнюдь не стеснялись в средствах. И если Саадет-

Гирей еще и придерживался более или менее устойчивой политической линии, ориентируясь преимущественно на Москву, то Ислам-Гирей ради обладание царским «венцом» был готов подружиться хоть с дьяволом. В этих условиях вынятный внешнеполитический курс Крымского ханства отсутствовал.

Тем временем Василий III, замирившись с Литвой и удержав за собой Смоленск, переключился на Казань. Сама по себе она не имела шансов долго противостоять русскому давлению, но крымская поддержка придавала ей уверенности в успехе этого предприятия. Поэтому Сахиб-Гирей в 1523 г. прервал переговоры с Москвой и «многа зла христианству наведе, а кровь пролиа яко воду, и посланника великого князя убил Василья Юрьева сына Поджегина» [20, с. 402]. Но с началом усобицы в Крыму ожидать помощи с его стороны стало нереально. Саадет-Гирей просил московского великого князя помириться с Казанью, обещая, что казанский «царь» по его слову не будет нападать на московские земли, однако Василий и его бояре, трезво оценивая ситуацию, оставили предложение Саадет-Гирея без внимания и пустили в ход *ultima ratio regum*. В конце лета 1523 г. Василий III со своими братьями и большой ратью выступил на Казань. Чтобы эта демонстрация произвела нужный эффект, великий князь дополнительно отправил в набег на казанские земли вассальных касимовских татар во главе с «царем» Шах-Али и «лехкую» рать под началом воевод князя В.В. Шуйского и боярина М.Ю. Захарьина, повелев еще воздвигнуть на правом, «казанском» берегу Волги на месте впадения в нее реки Суры «город Суреск» [34, с. 14; 38, с. 187–188; 43, с. 162].

Эта демонстрация имела успех, и когда в следующем году для закрепления успеха Василий III снова двинул свои рати на Казань, Сахиб-Гирей, не сумев заручиться помощью со стороны Крыма и Стамбула, бежал, оставив город на своего племянника Сафа-Гирея, прорвавшегося в Казань. Из-за несогласованности действий русских воевод взять Казань не удалось, и в итоге было заключено перемирие, зафиксировавшее неустойчивое *status quo*. Переговоры о заключении более или менее долговечного мира ни к чему не привели, ибо и Василий III, и стоявшие за спиной юного Сафа-Гирея «окааннии князи Казанские» имели противоположные взгляды на характер русско-казанских отношений. Однако Москва могла позволить себе ждать – в Крыму продолжалась «замятня» и, значит, Казань оставалась один на один с Русским государством. В итоге Москве удалось «дожать» Казань – осознание того факта, что, несмотря на отдельные успехи, у последней нет реальных шансов добиться победы, вынудило казанскую элиту пойти в 1532 г. на дворцовый переворот. В Казань был приглашен касимовский «царевич» Джан-Али и московский протекторат над Казанью в «мягкой» форме был восстановлен.

Решив казанский вопрос, Василий III вернулся к литовской проблеме. По мнению М.М. Крома, вынашиваемые великим князем с конца 20-х гг. агрессивные планы по отношению к Литве с 1532 г. вступили в завершающую стадию [16, с. 14–15]. Положение Вильно осложнилось в связи с политической неопределенностью в Крыму и невозможность предугадать, куда повернет своих коней крымский «царь». К тому же и возможность и далее оказывать давление на Бахчисарай угрозой со стороны Шейх-Ахмеда становилась призрачной – как отмечал И.В. Зайцев, «держат хана в заточении при полном его военном бездействии было довольно бесполезно, ибо многолетние угрозы Крыму со временем утрачивали убедительность (угрозы требуют подтверждения, иначе они остаются пустыми)» [9, с. 110]. А тут еще проект подчинения власти Сигизмунда I Ливонской «конфедерации», план которого выдвинул бывший тевтонский магистр, а ныне

пруссский герцог Альбрехт Гогенцоллерн. В общем, Вильно находилось на перепутье – какой внешнеполитический курс выбрать.

Говоря о взаимоотношениях между Москвой, Вильно и Бахчисараем после 1523 г., нельзя не упомянуть и о позиции Стамбула. Османь хотя и не были явными участниками «Большой игры» в Восточной Европе, однако не оставляли ее своим вниманием, опасаясь, как бы политические перемены здесь не сказались бы на их позициях на Балканах, в Восточном Средиземноморье и на Кавказе. Попытка Сахиб-Гирея в 1524 г. обрести османскую «крышу» долгое время рассматривалась как точка невозврата в русско-османских отношениях. Однако, отмечал И.В. Зайцев, сейчас эта оценка последствий этого шага Сахиб-Гирея критикуется и реальная роль османов в событиях в Восточной Европе в эти годы оценивается более умеренно [9, с. 121–122]. По мнению исследователя, «инициатива» Сахиб-Гирея была продиктована из Бахчисарая как способ удержать Москву от вмешательства в казанские дела [9, с. 125], и с такой оценкой можно согласиться. Само время «челобитья» к султану было выбрано неслучайно – после событий 1523 г. Крым не мог оказывать Казани поддержку, но и выпускать ее из своей сферы влияния не хотел. Обращение к султану позволяло выиграть время, необходимое для консолидации сил для нового раунда борьбы. Турция же пока продолжала политику дистанцирования от событий в Восточной Европе, перекладывая ответственность за происходящее на плечи своих крымских вассалов – с той поправкой, что внутривосточный кризис в Крыму во 2-й пол. 20-х – 30-х гг. XVI в. были использованы в Стамбуле для усиления здесь своих позиций.

Подводя итоги «Большой игры» в Восточной Европе в 1-й трети XVI в., можно сказать, что первая попытка Крымского «царства» взять имперский груз оказалась для него неподъемной даже в благоприятной политической обстановке. Москва и Вильно были заняты борьбой друг с другом, а османская Турция, втянувшись в борьбу в Средиземноморье и на Балканах с христианами, а на Среднем Востоке и в Закавказье с персами-шиитами, ослабила контроль за действиями своего вассала. В этих условиях Бахчисарай сумел, казалось, практически добиться своей цели. Подчинив своей власти ногаев, нанеся поражение Василию III, посадив на казанский «стол» своего брата Сахиб-Гирея, заручившись союзом с Литвой и установив контроль над Астраханью, Мухаммед-Гирей I достиг пика крымского могущества. Но момент имперского величия оказался краток. После убийства ногаями «царя» и учиненного ими погрома в Крыму окно возможностей для крымских Гиреев, широко открывшееся после падения Большой Орды, захлопнулось. С началом ожесточенной междуусобицы Крым на время утратил большую часть своей политической субъектности и перестал быть игроком первой линии. Пока крымские аристократические кланы боролись за власть, соседи ханства наращивали свою мощь и влияние в регионе, готовясь вступить в новый раунд «Большой игры» с более выгодных для них позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов Р.А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6. Симферополь-Тюмень: Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета, 2014. С. 215–234.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип.-я Имп. Акад. Наук, 1863. 558 с.

3. Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 58–79.
4. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70- годов XVI в. Т. II. М., ИРИ РАН, 2007. 341 с.
5. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 774 с.
7. Думин С.В. Татарские царевицы в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР/ Материалы и исследования. 1987 год. М.: Наука, 1989. С. 107–113.
8. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 301 с.
9. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя, начало XV – первая половина XVI вв.: очерки. М.: Рудомино, 2004. 215 с.
10. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 452 с.
11. Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М.: Алгоритм, 1997. 508 с.
12. Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2002. 558 с.
13. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа. Т. I (с 1545 по 1572 год). СПб.: Тип.-я Московского университета, 1845. 502 с.
14. Крадин Н.Н. Империя хунну. М.: Логос, 2022. 312 с.
15. Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 416 с.
16. Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М.: Рубежи XXI, 2008. 139 с.
17. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII в.в., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.
18. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
19. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994. 146 с.
20. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
21. Милюков П.Н. Древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М.: Университетская тип.-я, 1901. 322 с.
22. Острожский летописец // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 206–220.
23. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. 633 с.
24. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 788 с.
25. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1. (годы с 1487 по 1533) // Сборник Императорского

Русского исторического общества. Т. 35. СПб.: Тип.-я Ф.К. Елеонского и К^о, 1882. 870 с.

26. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2016. 320 с.
27. Пенской В.В. «Мы хотимъ тажеж вашему неприятелю московскому неприязнь вчинити ...»: казанский хан Мухаммед-Эмин и попытка создания антимосковской коалиции во 1506–1507 гг. // История в подробностях. 2015, № 9 (63), с. 26–37.
28. Пенской В.В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152–158.
29. Послание крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому падишаху Сулейману Великолепному // Восточная Европы Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Сборник статей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 54–56.
30. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: ИД Марджани, 2016. 400 с.
31. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
32. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
33. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала. Дагестанское книжное издательство, 1995. 360 с.
34. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 8–30.
35. Почекаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 200–203.
36. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
37. Разрядная книга 1475–1598. М.: Наука, 1966. 614 с.
38. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. М. Институт истории АН СССР, 1977. 188 с.
39. Слово о гибели Русской земли // Воинские повести Древней Руси. Л.: Лен-издат, 1985. 495 с. С. 116–117.
40. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М.: АН СССР, 1948. С. 18–66.
41. Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирава, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XVIII. Одесса, 1895. II. С. 1–80.
42. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
43. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 382 с.
44. Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVI веков. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
45. Фаизов С. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. 3. С. 49–55.
46. Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. № 10. М.: Наука, 2001. С. 236–240.
47. Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М.: Изд.-во АН СССР, 1961. С. 366–375.

48. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
49. Chaunu P. La Civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. 708 p.
50. Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71.
51. Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. 2. P. 191–217.
52. Lietuvos Metrika (1427–1506) Kn. № 5. Vilnius: Mokclo ir enciklopediju leidykla, 1993. 402 p.
53. Lietuvos Metrika (1506–1539) Kn. № 7. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. 1012 p.
54. Mackenney R. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London: Palgrave Macmillan, 2002. 425 p.
55. Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 234 p.
56. Parker G. The "Military Revolution," 1560–1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (Jun., 1976), pp. 195–214.
57. Plewczyński M. Wojny I wojskowość polska w XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze: Infort editions, 2011. 459 s.
58. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskic (1469–1515). Akta i listy. Kraków-Warszawa: G. Gebether i spółka. 1881. 449 s.
59. Roberts, Michael. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts, Michael. Essays in Swedish History. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967. P. 195–225.

REFERENCES

1. Bepalov R.A. Documents on the relations of the Crimea with Moscow regarding the Odoevsky yasak. *Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea*. Iss. 6. Simferopol-Tyumen: University of Tyumen, 2014, pp. 215–234 (In Russian)
2. Velyaminov-Zernov V.V. Research on the Kasimov tsars and princes. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1863. 558 p. (in Russian)
3. Vinogradov A.V. Crimean Khans in the 16th century. *National history*. 1999, No 2, pp. 58–79 (In Russian)
4. Vinogradov A.V. Russian-Crimean relations in the 1550s and the second half of the 1570s. Vol. 2. Moscow; The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2007. 341 p. (In Russian)
5. Vologda-Perm chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 26. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2006. 432 p. (In Russian)
6. Gerberstein S. Notes on Muscovy. Vol. 1. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. 774 p. (In Russian)
7. Dumin S.V. Tatar princes in the Grand Duchy of Lithuania (15th – 16th centuries). *The most ancient states on the territory of the USSR. Materials and research*. 1987. Moscow: Nauka, 1989, pp. 107–113 (In Russian)
8. Zaycev I.V. Astrakhan Khanate. Moscow: Oriental Literature, 2006. 301 p. (In Russian)
9. Zaycev I.V. Between Moscow and Istanbul. Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire, the beginning of the 15th – the first half of the 16th centuries: articles. Moscow: Rudomino, 2004. 215 p. (In Russian)
10. Zimin A.A. Russia on the edge of Modern Times (Articles on the political history of Russia in the first third of the 16th century). Moscow: Mysl, 1972. 452 p. (In Russian)
11. Ilovayskiy D.I. Ryazan principality. Moscow: Algoritm, 1997. 508 p. (In Russian)

12. Klausevitz C. von. About war. Vol. 1. Moscow: AST Publishing House, St. Petersburg: Terra Fantastika, 2002. 558 p. (In Russian)
13. The embassy metrics book of the Grand Duchy of Lithuania, containing the diplomatic relations of Lithuania during the reign of King Sigismund II Augustus. Vol. 1 (1545 to 1572). St. Petersburg: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1845. 502 p. (In Russian)
14. Kradin N.N. Xiongnu Empire. Moscow: Logos, 2022. 312 p. (In Russian)
15. Kradin N.N. Nomads and World history. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2020. 416 p. (In Russian)
16. Krom M.M. Muscovite-Lithuanian War (1534–1537). From the history of Russian-Lithuanian relations. Moscow: Rubezhi XXI vek, 2008. 139 p. (In Russian)
17. Lashkov F.F. Monuments of diplomatic relations between the Crimean Khanate and the Muscovite state in the 16th and 17th centuries, stored in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. *Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission*. Iss. 9. Simferopol, 1890, pp. 1–47 (In Russian)
18. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 13. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 544 p. (In Russian)
19. Litvin M. On the morals of the Tatars, Lithuanians and Muscovites. Moscow: Moscow State University Press, 1994. 146 p. (In Russian)
20. Lvov chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 20. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. 704 p. (In Russian)
21. Milyukov P.N. The oldest Ranks book of the official edition (up to 1565). Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1901. 322 p. (In Russian)
22. Tihomirov M.N. Ostroh chronicles. *Russian chronicle*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 206–220 (In Russian)
23. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state, the Crimean and Nagai hordes and Turkey. Vol. 1. (1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia). *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 41. St. Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i Ko, 1884. 633 p. (In Russian)
24. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state, Crimea, Nogai and Turkey. Vol. 2. 1508–1521. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 95. St. Petersburg: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1895. 788 p. (In Russian)
25. Monuments of diplomatic relations between the Muscovite state and the Polish-Lithuanian state. Part 1. (1487 to 1533). *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 35. St. Petersburg: Tipografiya F.K. Eleonskogo i Ko, 1882. 870 p. (In Russian)
26. Penskoj V.V. Ivan the Terrible and Devlet Giray. Moscow: Veche, 2016. 320 p. (In Russian)
27. Penskoj V.V. “We too want to harm your moscow enemy...”: Khan of Kazan Mohammed-Emin and an attempt to create an anti-Moscow coalition in 1506–1507. *History in detail*. 2015, no. 9 (63), pp. 26–37 (In Russian)
28. Penskoj V.V. A revolution in the Warfare of Western Europe at the end of the 15th–17th centuries in the latest English-language historiography. *Modern and Newest history*. 2012, no. 3, pp. 152–158 (In Russian)
29. The message of the Crimean Khan Mohammed-Girey I to the Ottoman padishah Suleiman the Magnificent. *Eastern Europe of the Middle Ages and early modern times as seen by French researchers. Digest of articles*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 54–56 (In Russian)
30. The embassy book on relations between the Moscow state and the Crimea. 1571–1577. Moscow: Izdatelskiy dom Mardzhani, 2016. 400 p. (In Russian)
31. The embassy book on relations between the Moscow state and the Crimea. 1567–1572. Moscow: Russia Knights, 2016. 400 p. (In Russian)

32. The embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde (1551–1561). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2006. 391 p. (In Russian)
33. The embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde (1489–1549). Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. 360 p. (In Russian)
34. Postnikov chronicler. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 34. Moscow: Nauka, 1978, pp. 8–30 (In Russian)
35. Pochekaev R.Yu. Gifts or tribute? To the question of the "Golden Horde heritage" in the relations between the Muscovite state and the Turko-Tatar khanates. *Medieval Turko-Tatar states: Coll. articles*. Iss. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 200–203 (In Russian)
36. Continuation of the chronicle according to the Voskresensky list. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 8. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2001. 312 p. (In Russian)
37. The Book of Ranks 1475–1598. Moscow: Nauka, 1966. 614 p. (In Russian)
38. The Book of Ranks 1475–1605. Vol. 1. Iss. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1977. 188 p. (In Russian)
39. Tale of the Destruction of the Rus' Land. *Military stories of Ancient Rus'*. Leningrad: Lenizdat, 1985, 495 p., pp. 116–117. (In Russian)
40. Smirnov I.I. The Eastern policy of Vasily III. *Historical Notes*. Vol. 27. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 18–66. (In Russian)
41. List from the article list of the clerk Vasily Aitemirev, sent to the Crimea with a proposal of peace treaties. *Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities*. Vol. 18. Odessa, 1895, pp. 1–80. (In Russian)
42. Syroechkovskiy V.E. Muhammed-Geraj and his vassals. *Scientific notes of Muscovy of the Order of Lenin State University. M.V. Lomonosov*. Iss. 61. History. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71 (In Russian)
43. Tihomirov M.N. Russian chronicle. Moscow: Nauka, 1979. 382 p. (In Russian).
44. Trepavlov V.V. "Horde "self-willed". The Nogai nomadic empire of the 15th–16th centuries. Moscow: Kvadriga, 2013. 224 p. (In Russian)
45. Faizov S. Wake – "tysh" in the context of relations between Rus'-Russia, the Golden Horde and the Crimean yurt (On the question of the typology of connections). *Otechestvennyye archives*, 1994, pp. 49–55 (In Russian)
46. Florya B.N. Two letters of Khan Sahib Giray. *Slavs and their neighbors*. Iss. 10. Moscow: Nauka, 2001, pp. 236–240 (In Russian)
47. Shmidt S.O. To the characterization of Russian-Crimean relations in the second quarter of the 16th century. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1961, pp. 366–375 (In Russian)
48. Horoshkevich A.L. Rus and Crimea: from alliance to confrontation. Late 15th – early 16th centuries. Moscow: Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
49. Chaunu P. La Civilization de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. 708 p. (In French)
50. Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe, 1992, pp. 48–71.
51. Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominion Regale or Dominion Politicum et Regale in Theory and Society. Vol. 5. 2., 1978, pp. 191–217.
52. Lietuvos Metrika (1427–1506) Kn. No. 5. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1993. 402 p. (In Lithuanian)
53. Lietuvos Metrika (1506–1539) Kn. No. 7. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. 1012 p. (In Lithuanian)
54. Mackenney R. Sixteenth Century Europe. expansion and conflict. London: Palgrave Macmillan, 2002. 425 p.

55. Parker G. *The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 234 p.

56. Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a Myth? in *The Journal of Modern History*. Vol. 48. No. 2, 1976, pp. 195–214.

57. Plewczyński M. *Wojny i wojskowość polska w XVI wieku*. Vol. I. Lata 1500–1548. Zabrze: Infort editions, 2011. 459 p. (In Polish)

58. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskic (1469–1515)*. Akta i list. Kraków-Warszawa: G. Gebether i spółka, 1881. 449 p. (In Polish)

59. Roberts, Michael. *The Military Revolution, 1560–1660* in Roberts, Michael. *Essays in Swedish History*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967, pp. 195–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4092-8992. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6548-0226. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly V. Penskoj – Dr. Sci. (History), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4092-8992. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6548-0226. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию / Received 20.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.05.2024

Принята к публикации / Accepted 04.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.435-452>
EDN: FXPNYI

УДК 93/930

ТИТУЛАТУРА ШАМХАЛОВ И КАРАЧИ-БЕКОВ
КАК НАСЛЕДИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Ш.Ш. Шихалиев¹, А.В. Шумкин² ✉

¹ *Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
Махачкала, Российская Федерация*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Москва, Российская Федерация
✉ arsen1293@rambler.ru*

Резюме. Цель статьи: Статья посвящена проблемам политической и этнической истории Шамхальства, пересмотру комплекса источников, проливает свет на историю этого политического образования и формирование ее социальных институтов под влиянием Золотой Орды и Крымского ханства.

Материалы исследования: Новые, не публиковавшиеся ранее арабграфичные материалы дагестанских частных и государственных рукописных собраний.

Результаты и новизна: В статье дан новый взгляд на принятую в шамхальстве политонимию, его структуру, историю возникновения, отношений с Золотой Ордой и её преемниками, а также на происходившие внутри него этнические процессы. Исследование позволило сделать вывод о том, что социальная и политическая структура Шамхальства развивалась не изолировано, а под сильным влиянием Золотой Орды, Большой Орды и Крымского ханства. При этом многие институты социально-политической структуры шамхальства продолжают управленческие традиции государств, образовавшихся после распада Золотой Орды в середине XV века.

Ключевые слова: Золотая Орда, карачи-беки, кумыки, уланы, шамхальство, ширваншахи

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В. Титулатура шамхалов и карачи-беков как наследие политического устройства Золотой Орды на Восточном Кавказе // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 435–452. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.435-452> EDN: FXPNYI

© Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

TITULATION OF THE SHAMKHALS AND KARACHI-BEKS AS A HERITAGE OF THE GOLDEN HORDE'S POLITICAL STRUCTURE IN THE EASTERN CAUCASUS

*Sh.Sh. Shikhaliev*¹, *A.V. Shumkin*² ✉

¹*Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestan Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russian Federation*

²*Russian Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
✉ arsen1293@rambler.ru*

Abstract. The article is dedicated to the issues of political and ethnic history of Shamkhalate, revising the range of sources, shedding light on the history of this political entity, and the formation of its social institutions under the influence of the Golden Horde and the Crimean Khanate.

Research Materials: New, previously unpublished Arabic-script sources from private and state manuscript collections in Daghestan.

Results and Novelty of the Research: The authors delve into the socio-political evolution of Shamkhalate within the broader context of interconnected societies. This interdisciplinary framework yields novel perspectives on Shamkhalate's polytonymous nature, its structural underpinnings, historical genesis, and its intricate relations with entities such as the Golden Horde and its successors. Furthermore, the study sheds light on the complex ethnic dynamics inherent within Shamkhalate. Ultimately, the findings challenge the notion of Shamkhalate's development in isolation, highlighting its profound entanglement with the hegemonic influences of Genghisid states such as the Golden Horde, Hulaguid power, and the Crimean Khanate. Moreover, the study underscores the continuity of administrative traditions within Shamkhalate, echoing practices established following the collapse of the Golden Horde in the mid-15th century.

Keywords: Golden Horde, karachi-beks, kумыкs, улans, Shamkhalate, Shir-van-shakhs

For citation: Shikhaliev Sh.Sh., Shumkin A.V. Titulation of the shamkhals and karachi-beks as a heritage of the Golden Horde's political structure in the Eastern Caucasus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 435–452. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.435-452> (In Russian)

Вопросы складывания и этногенеза основного населения Шамхальства Тарковского – кумыков¹ всегда представляли значительную проблему для иссле-

¹ Говоря об основном населении, авторы отнюдь не подразумевают, что кумыки составляли большую часть жителей шамхальства. Напротив, горцы могли быть более многочисленны. Первоначально шамхальство являлось полиэтническим политическим образованием, а политоним кумыков (или кази-кумыков) могли носить и горцы. Вместе с тем, в конце XVI века шамхальство пережило институциональное преобразование, а его центр был перенесен из Гази-Кумуха на плоскость. С этого момента его ядро составляли уделы карачи-беков и шамхальских уланов, которые были населены преимущественно тюркоязычными жителями. Связи же различных горских сельских общин с шамхальством сильно ослабли в XVIII веке, после упразднения шамхальства Российской империей, и последующего разгрома дагестанцами Надир-шаха, восстановившего шамхальство.

дователей истории Дагестана. Для их разрешения авторы сочли целесообразным разбить данную проблематику на ряд сегментов и последовательно их разрешить. Ввиду специфики дагестанской письменной традиции и отсутствия полноценного нарративного описания образования шамхальства особое значение приобретает изучение эволюции его общественной структуры. В частности из преданий известно, что знакомая нам социальная структура кумыкской общины сложилась в конце XVI века за счет внедрения Султан-Махмудом (одним из сыновей шамхала Чопалава) на прикаспийской равнине норм обычного права кабардинцев. Однако социальная номенклатура кумыков еще долгое время сохраняла рудименты общественного устройства их предшественников-тюменцев, в общих чертах основанного на сословных институтах Монгольской империи. Стоявшие во главе последней феодалы делились на две ступени: наследственную и служилую аристократию. К наследственной причислялись лишь представители Золотого рода, основанного Чингиз-ханом, которые носили титул его «сыновей» (монг. кобегун, тюрк. оглан). К служилой – предводители кочевых племен, известные монголам под названием ноянов, а тюркам – беков.

Эволюция корпорации беков

Служебная иерархия беков была строго вертикально структурирована и определялась положением, которое они занимали в войске: командиры десятков, сотен, тысяч и тюменей. На самом верху служебной лестницы находились беки улусов, которым, как правило, были подчинены несколько тюменей [8, с. 115–117]. По традиции количество таких улусных беков при каждом хане ограничивалось четырьмя [44, с. 183]. При идеальной десятичной организации ханское войско могло бы насчитывать 400 тысяч бойцов, ввиду чего в тюркской и монгольской литературной традиции для его описания утвердилась лексическая формула «сорок тюменей» [8, с. 135]. Впрочем, в научной литературе не раз указывалось на то, что фактический размер населения тюменей едва ли мог достигать 10 тысяч боеспособных мужчин [6, с. 570; 8, с. 132, 135–136]. Более того, известно, что улусные беки Джучи-хана (сиджиут Мунгеду, кунлиут Кетилтай, хушин Хушидай и арлат Байку) были всего лишь ноянами-тысячниками [26, с. 39].

По сути дела племена, к которым принадлежали улусные беки, формировали основной корпус служилой аристократии. Перечень этих племен в Улусе Джучи менялся в зависимости от того, какая ветвь его потомков занимала ханский престол. Так при Тукай-Тимуридах это были бахрины, аргуны, ширины и кыпчаки, при Шибанидах – бейраки, карлуки, уйгуры и найманы [37, с. 29, 55; 1, с. 168]. На практике семейства служилой аристократии вскоре выделились в особую социальную группу, известную как мирзы, хотя формально они были выходцами из того же сословия харачу/карачи («чернь»), что и рядовые кочевники, для которых была открыта возможность пойти на службу в ханское войско в качестве нукеров [8, с. 118]. Поскольку Джучиды опасались повторить судьбу остальных чингизидов, свергнутых служилой знатью (Джалаиридами и Тимуридами), то в Золотой Орде под конец её существования утвердилась традиция всячески подчеркивать народное происхождение улусных беков, в титул которых теперь обязательно включался термин карачи [44, с. 181–182].

Так и в сельских обществах кумыков различали беков шамхальской крови, которых принято было именовать улан-биями, и карачи-беков. Причем размер композиций последних², служивший на Кавказе показателем общественного

² Имеется в виду, размер платы за кровь, обозначавший социальный статус кровников.

положения, приравнивал их к узденям³ [28, с. 129–130; 30, с. 63]. Этнографические данные, собранные в середине XX века, подтверждают, что подвластные им уздени также именовались карачиевцами [22, с. 155]. По образцу чингизидских ханств в шамхальстве было устроено четыре бийлика, управлявшихся карачи-беками. Первый из них включал селения Эрпели, Ишкарты, Каранай и Ахатлы; второй – Карабудахкент и Губден; третий – Гамри и Утемиш; четвертый – Аркас [28, с. 198; 30, с. 70].

Самым значительным среди них был Эрпелинский бийлик, историю которого можно проследить с середины месяца сафара 989 г.х. (16–25 марта 1581 г. н.э.), когда в османских реестрах упоминается Кумукский бек Исмаил, а вместе с ним ещё две персоны – Кейхосров и Чирак [45, с. 441] (см. генеалогию эрпелинских карачи-беков). Местная генеалогическая традиция называет основателем рода местных карачи-беков именно Исмаила, утверждая, что он якобы был одним из трех наследников легендарного персонажа Тарих-Дагестан – нуцала Авари Сураки [17, с. 344]. Изгнанный из дома вместе со своим братом Карланом он поселился в Гурбеке, который укрепил деревянным валом [22, с. 155; 23, с. 12, 17].

К 1589 г. Исмаил по-видимому умер, так как московские послы в Грузии С.Г. Звенигородский и Т. Антонов зафиксировали в своем статейном списке, что сын шамхала Алкас-мирза укрылся в кабаке у своего брата Сурхая, ввиду того, что «согнали его с своего кабака кумытцкие князи Костов да Будачей, Смаилевы дети» [32, с. 24]. Сын Исмаила Тели-Будайчи долго вел войну с шамхалами за освобождение от податей и за спорные земли (легенда называет центром шамхальства Кафир-Кумук, следовательно, начатый при Сурхае конфликт продолжался и во времена правления Андия). Заключив мир, он смог расширить отцовское владение (простиравшееся теперь от Огюзтау до р. Койсу, а на плоскости до местности Атлан и Чир-юрта) и перенес свою резиденцию в Эрпели [22, с. 155–156; 23, с. 12–14].

В отписке, поданной в 1598 г. в Посольский приказ, воеводы Ф. Лобанов-Ростовский и В.Г. Щетинин, указали «кабак Ерпели Будачей Ерпелского с братьею, а у них с 400 человек конных», пояснив тем самым, что селение Эрпели располагало тогда одним из самых значительных ополчений в Дагестане, уступая своей военной силой лишь Кайтагу, Табасарану и Гази-Кумуху [7, с. 293]. Неудивительно, что в документах Посольского приказа конца XVI – начала XVII вв. Эрпели неизменно упоминается в числе наиболее значимых сельских общин Северного Кавказа [32, с. 39, 40, 62]. В 1614 г. «Ерпелской князь, Будачеев брат, Магамет мурза» участвовал в заключенном между Гиреем, главой кабардинских князей Таусултановых Карачаем Шолоховым и представителями Московского государства шарт-наме против Андия и Султан-Махмуда [7, с. 533]. О политическом весе Эрпели говорит тот факт, что 8 января 1615 г. «Будачеева сына Ерпельского Уцмея» в обеспечение шарт-наме взяли в аманаты в Терский город, однако, получив в жалованье «однорядку лазореву настрафильную с круживом золотным з завясками», он тут же был разменян на Умалата, сына Сурхай-шамхала и отпущен «в Кумыки февраля в 5 день» [32, с. 69–71].

³ Это институт грузинского ленного права (первоначальное название азнаур), который был заимствован абхазами и черкесами (под названиями агмыста и уорк соответственно), а затем распространен ими по всему Северному Кавказу и получил тюркское название уздень. Вместе с тем, была особая привилегированная прослойка диди-азнаури (агмыста-ду, уоркишко или улу-уздень в переводе), которая владела землями независимо, находясь лишь в формальном вассалитете от князей. Их отличие от рядовых узденей отдаленно напоминает разницу между европейскими феодами и фьефом.

Несколько меньше известно об остальных трех домах карачи-беков. А.-К. Бакиханов возводил родословную карачи-беков Карабудахкента и Губдена к кумыкскому эмиру Губдену, персонажу местных преданий об Аксак-Тимуре [5, с. 81]. Однако Джамал ад-Дин-хаджи ал-Гарабудаги в «Истории Кавказа и селения Карабудахкент» назвал предком карачи-биев этого селения Карабудаг-Атая [30, с. 62]. Очевидно, это лицо упоминается в османских реестрах от 3 рамадана 986 г.х., 6 раджаба 989 г.х., 17 джумада ал-ахира 991 г.х. и 4 раджаба 994 г.х. (12 ноября 1578 г. н.э., 6 августа 1581 г. н.э., 7 июля 1583 г. н.э., 21 июня 1586 г. н.э.) как «один из Кумукских беков Карабудаг-бек» [45, с. 64, 313, 314, 441]. В 1598 г. Губденом ещё владел «Шевкалов племянник, у него 200 человек конных», поэтому логичнее всего выглядит предположение, что включив в свою родословную эпонию этого селения, карабудахкентские карачи-беки пытались легализовать позднейшие территориальные приобретения [7, с. 293].

В отписке Ф. Лобанова-Ростовского и В.Г. Щетинина в 1598 г. «у Карабутацкого князя» указано «100 человек конных» [7, с. 293]. В 1614 г. «Суркай князь Карабудацкой з детми ж» также принял участие в шарт-наме против Андия и Султан-Махмуда [7, с. 533]. Согласно терским расходным книгам приехавшему в Терский город 12 апреля 1618 г. вместе с Ильдаром «Суркаеву сыну карабудацково Смаилу-мурзе» выдали однорядку в «4 аршина сукна лундышу да 30 куниц, цки бельи хрептовые», а его девяти узденям – 25 аршин английского сукна [32, с. 82]. А сопроводившему туда же темиргоевского князя Безруко Болотокова «карабудацково Суркаеву брату Алибеку-мурзе» 9 сентября 1620 г. дали 2 с половиной аршина английского сукна [32, с. 91].

В османских реестрах от 6 раджаба 989 г.х., 17 джумада ал-ахира 991 г.х. и 4 раджаба 994 г.х. (6 августа 1581 г. н.э., 7 июля 1583 г. н.э., 21 июня 1586 г. н.э.) рядом с Карабудаг-беком упоминается Бойбеги Халил-бек [45, с. 313, 314, 441]. В 1598 г. по сведениям Ф. Лобанова-Ростовского и В.Г. Щетинина «кабак Утемишев» занимал «Халебек князь, у него с 300 человек конных» [7, с. 293]. Позже, во время Персидского похода Петра I 1722 г. утемишский Султан-Махмуд один из всех карачи-беков прославился тем, что вместе с кайтагцами оказал сопротивление российским войскам. Поскольку Утемиш лежал на границе шамхальства и удийста, то зависел «временем от шамхала, временем от усмея» [15, с. 15].

Что касается последнего из уделов карачи-беков, то нет никаких надежных источников, которые подтверждали бы существование бийлика в Аркасе на рубеже XVI–XVII вв. Поэтому логичным выглядит предположение, что первоначально его место в числе бийликов в составе шамхальства занимала Тюмень (князья которой происходили от улусных беков Большой Орды). Правда следует отметить, что карачи-беки Аркаса называли своим родоначальником шейха Асилдара ал-Харкаси. Дагестанский ученый Йусуф ал-Муркили (1864–1918) был на зиярате этого шейха и переписал надгробную эпитафию, датируя его смерть 1455 г.⁴ В сочинении Назира ад-Дургили сохранилась краткая версия этой эпита-

⁴ «Похоронен в этой могиле шейх, познавший Аллаха, валий ал-Хаджж Асилдар ал-Харкаси, сын ‘Ата ал-Кадари из рода карачи-беков. Имя его матери – Аймесей из Эндирея из рода Сала-узденей (салалар). Этот шейх трижды совершил хаджж, он из рода Курайшитов и он является мусульманином в двенадцатом поколении. Он прожил сорок девять лет и скончался в восьмьсот шестидесятом году (1455 г.). Гора Харкас, на которой он похоронен, а также гора Нанай являются его мульком». Йусуф ал-Муркили. Мушахадат ал-машахид. Рукопись хранится в личной коллекции Ильяса Каяева, № 220, л. 3а.

фии⁵. Однако аутентичность добавленной ал-Муркили даты вызывает вопрос, так как упомянутый в ней Эндирей получил это название лишь в конце XVI века. Из сочинений Эвлии Челеби и Мухаммеда Аваби Акташи ясно, что первоначально на его месте находилась крепость Балх, которую в 986 г.х. (1578/1579 г.) захватил Оздемир-оглу 'Осман-паша [40, с. 113–114; 41, с. 20, 30]. Она была переименована после вторжения в 1594 г. на прикаспийскую равнину московских войск, в честь воеводы Андрея Хворостинина [32, с. 57].

В дагестанской историографии вопрос происхождения карачи-беков в течение уже нескольких десятилетий служит предметом острой полемики, начало которой положил Т.М. Айтберов, считавший, что «дагестанские карачи-беки, видимо, потомки одного из членов нуцальского рода, который достиг в Золотой Орде ранга «карачи» [3, с. 15]. Другую полярную точку зрения обозначил А.А. Галимов, сформулировавший тезис, что «карачи-беки происходили из местной кумыкской, хазаро-кыпчакской родоплеменной знати» [10, с. 48]. При этом оба автора построили свои гипотезы, оперируя сведениями псевдобиографического сочинения Тарих-Дагестан, с одним из сюжетов которого родословная связывает происхождение первого эрпелинского князя Исмаила (а второй апеллировал ещё и к эпическому повествованию Дербенд-наме).

Попробуем разобраться в хитросплетениях этой дискуссии, используя методы исторической социологии. Рациональным зерном гипотезы Т.М. Айтберова является служилый характер должности карачи-бека. Известно, что покоренные народы действительно были включены в состав золотоордынского войска. Например, египетский автор Ахмед ал-'Умари, описывая правление Узбек-хана, упоминает подчинявшиеся ему «рати черкесов, русских и ясов» [13, с. 103]. Их инкорпорация в ордынское войско была осуществлена путем проведения переписей, в ходе которых монголы «поставиша тысяшники, и сотники, и пятьдесятники, и десятники» [35, с. 529]. Следы такой десятичной организации сохранялись на Кавказе столетиями (в частности, есть указания на то, что черкесские старшие уздени стояли во главе десятков конного ополчения). То же самое можно говорить и о Хулагуидах. Отдельные политические образования в Дагестане, в частности, Кайтаг, имели в некоторые исторические периоды через Ширван номинальный вассалитет от Хулагуидов.

Слабой стороной гипотезы Айтберова является игнорирование того факта, что деление войска на четыре улуса было ключевым элементом крыльевой ориентации Монгольской империи, унаследованной ею от Тюркского каганата через нормы тюркского обычного права *тёре*. Строго определенные места на крыльях ханского войска были закреплены исключительно лишь за племенными общинами кочевников, в то время как оседлые народы имели собственный правовой обычай, в связи с чем, пользовались относительной автономией [13, с. 391]. Поэтому улусные беки всегда были представителями наиболее именитых кочевых племен, ополчение которых служило им опорой. Неизвестно ни одного исключения из этого правила. В общем-то, эпитет «карачи», который им присвоили в Золотой Орде, в том числе подразумевал их представительный характер по отношению к простому народу той или иной кочевой общины. Аналогичная социальная структура была характерна и для государства Хулагуидов.

⁵ «Шейх, который похоронен в этой могиле – валий, ал-Хаджж Асилдар, сын 'Ата ал-Гадари. По происхождению он из карачи-беков. Мать его – Ай Мисей Эндиреевская. Она из рода сала-узденей». Назир ад-Дургили. *Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан*, с. 14–15. (Рукопись хранится в ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова. Оп. 1, № 95).

При Чингиз-хане роль улусных беков играли так называемые четыре кулюка (арлат Боорчу, джалаир Мухали, хушин Борохул и сулдус Чилаун) [24, с. 399]. Первоначально их родственники занимали аналогичные посты и в улусах Монгольской империи. Благодаря Ахмеду ибн Арабшаху известно, что в Чагатайском улусе эти должности были закреплены за племенами арлат, джалаир, хушин и барлас [49, с. 288–291]. Выше уже были перечислены первые карачи-беки Золотой Орды. Однако в ханствах Джучидов состав четверки самых влиятельных племен не раз менялся (в их числе были и мангыты) [49, с. 284]. Вообще же о карачи-беках существует обширная литература, причем эта титулатура была прочно связана с (пост-)монгольскими государствами и, как указано выше, была закреплена исключительно за местными кочевыми родами [49, с. 283–297; 46, с. 101–129; 50, с. 329–348; 44, с. 181–199; 47, с. 282–309; 12, с. 206–211, 234; 14, с. 33–52]. Ни один источник, ни одно исследование не указывает на то, что эта титулатура была закреплена за ополчением, не относящимся к одному из четырех именитых кочевых племен. Как мы упомянули выше, нет ни одного исключения из этого правила. Таким образом, предположение Т.М. Айтберова о происхождении дагестанских карачи-беков из рода хунзахской аристократии абсолютно не состоятельно.

Аналогичны недостатки и противоположной точки зрения. Избежав некоторых слабых мест предыдущего подхода, Галимов совсем не учел того, что кумыкское общество со времен своего основания вело оседлый образ жизни. Поэтому, если не считать некоторых фольклорных сведений, которые могут указывать на связь тюменцев с племенем хитай, в их среде никогда не употреблялась племенная идентификация. Она попросту была бессмысленна в социальной системе, составными единицами которой были оседлые поселения (в отличие от Орды, включавшей множество кочевых общин). Такое общество было по своей сути полиэтничным, поэтому в нем кочевое происхождение не несло каких-либо значимых социальных предпочтений.

Можно сказать, что опора на Тарих-Дагестан является связующей точкой для позиций обоих полемистов. А между тем, это самый слабый пункт в структуре построенных ими доводов. Авторы уже касались этого произведения на страницах этой и других своих публикаций. По-видимому, оно принадлежит перу выдавшего себя за сына шаха самозванца Сам-мирзы, который сначала возглавил восстание в Закавказье против Надир-шаха Афшара, затем был схвачен шахом, лишен носа, и в итоге нашел убежище у Гази-Кумухского халклавчи Сурхая [20, с. 13]. Судя по всему, Сам-мирза был человеком, не чуждым литературного таланта, который он и решил поставить на службу своему покровителю.

Анализ текста Тарих-Дагестан свидетельствует о том, что Сурхай предоставил своему гостю для работы доступные хронографические записи, сохранившиеся в различных местных рукописях. Однако даже их автор использовал довольно легкомысленно, без колебаний разрывая смысловые связи [21, с. 41]. Тем не менее, большая часть источников его труда до сих пор представляет для исследователей загадку. Поскольку он творил в псевдобιοграфическом жанре (приписывая плод своего пера Мухаммеду Рафи, который, по всей видимости, был дагестанским ученым XVII века, и автором одного из источников⁶, исполь-

⁶ В коллекции Ильяса Каяева (1961 г.р.) в г. Махачкала хранится рукопись «Хроника Кайтагских уцмиев и история Маза», составленная «Абу-л-Фатх Мухаммад Муллоу Рафи, по прозвищу Дийа ад-Дин, которого звали Мухаммад Мавсум, а на аджаме – Мулла Челеби ар-Рафи» б. ал-Мавла, который жил во времена 'Абд ар-Рахмана аш-Ширвани ал-Хасан ал-'Алави ас-Сафави» в 1030 / 1620–21 гг. на основе более древней рукописи, составленной в 712 / 1312–13 гг. Рукопись № 311, л. 36.

зованных Сам-мирзой при составлении своего труда), то ничуть не стеснялся широко пользоваться художественным вымыслом. Поэтому на основе известных данных невозможно подтвердить исторический характер личности Сураки. Более того, фиктивный характер его родословной следует уже из того, что в неё инкорпорированы имена и титулы последних Сефевидов, а также чингизида Урус-хана [40, с. 98].

Впрочем, Сам-мирза не придумал такого персонажа как Сурака, а воспользовался каким-то общим источником с Историей Аргвани [34, с. 214–222]. Это псевдобиографическое сочинение, созданное известным дагестанским факихом – кадием с. Чиркей Хаджж ‘Али б. Хасаном ал-Аргуни ал-Авари, умершим в 1173 г.х. (1759–1760 гг.) [38, с. 106–107; 11, с. 53]. В Истории Аргвани говорится о том, как «пришли в Авар ханы Кабатийские Суракат и Кагар⁷. Суракат поселился в Аваре, а Кагар в Чир-юрте» [34, с. 218]. Вероятнее всего, Сурака и Кагар здесь – усеченные имена Сосуко и Кардана Таусултановых (родоначальников князей Малой Кабарды) [16, с. 605, 610]. Очевидно, что позитивистский подход не даст плодотворных результатов при работе с дагестанской рукописной традицией.

В этой связи показательно то, что если происхождение старшей ветви эрпелинских карачи-беков действительно, как правило, связывалось с Суракой, то один из последних представителей младшей дал показания, что начало их роду положил девятнадцать поколений назад некий грузин Георгий, принявший ислам [9, с. 129–130]. Следует отметить, что известно несколько фиктивных генеалогий, возводящих родословие местных знатных домов к героям Тарих-Дагестан. Так, в рукописи этого сочинения, принадлежавшей Маяр-Али Идрисову, султан ‘Али-бек Шамхалов назван сыном одного из его персонажей – Амирахмада, сына Чуфана, сына Султана, сына Масумбека (и это несмотря на нисбу ал-‘Анди, которая очевидно указывала на принадлежность к роду шамхала ‘Андия) [2, с. 128; 40, с. 104]. В надгробной эпитафии Сурхай-хана сына Гебека, установленной в 1834 г. в Хунзахе, его предком назван другой персонаж Тарих-Дагестан – Сиртан, сын Амирсултана, сына Байараббаса, сына Сураки, сына Сиртана. При этом создатель эпитафии пользовался дефектным списком родословной нуцалов, механически объединил разные её ветви, но пропустил действительных родоначальников – братьев ‘Андуника и Турурава [42, с. 98; 40, с. 98, 103, 105].

Очевидно, что в XIX веке в Дагестане сложилась традиция восполнять недостаток генеалогических источников о местной аристократии по сведениям Тарих-Дагестан. В таком случае, ключевым вопросом является мотив, побудивший эрпелинских карачи-беков, не принадлежавших ни к шамхальскому, ни к нуцальскому роду, искать свои корни именно на страницах этого произведения. Чтобы прояснить его, целесообразно ввести в научный оборот данные некоторых дагестанских рукописных источников.

Титул уланов

Рукопись «Тарих Кавказ» Джамал ад-Дина-хаджи ал-Гарабудаги, хранящаяся в личной коллекции жителя с. Карабудахкент Магомедбека Умарова (1978 г.р.), содержит описание шамхальства⁸. При этом из османской литературы

⁷ В арабском тексте использован термин القبط «египтяне», что является аллюзией на легенду о египетском происхождении кабардинских князей. Написание имен персонажей имеет следующую орфографию: قهر سرقة [36, с. 85].

⁸ «Его политические границы в начале существования граничили на западе с землями черкесов; Хазарским морем на востоке; вершинами гор Кавказа и вдавались в страну Ширван вплоть до Хазарского моря на юге. И жителями его являются пле-

он заимствовал указания на принадлежность шамхалов к роду чингизидов⁹. Значительное внимание уделено в рукописи карачи-бекам¹⁰, впрочем, некоторые интересующие нас сведения можно найти и в уже опубликованной «Истории Кавказа и селения Карабудахкент» Джамал ад-Дина-хаджи ал-Гарабудаги [30, с. 45, 62–63].

Очевидно, те же османские источники, которые возводят род шамхалов к чингизидам, использовали в своих работах и другие дагестанские авторы. К кругу таких сочинений можно отнести «Усладу умов в биографиях дагестанских ученых» Назира ад-Дургели Алтуни¹¹. Статья о шамхалах есть также в опубликованном на лакском языке энциклопедическом труде Али Каяева «Лакский язык и история» [18, с. 383–384]. Кроме того, в личном архиве его внука Ильяс Каяева хранится под инвентарным номером № 28/1 сочинение Шараф ад-Дина Раш-

мена кумук-ногай и таргу-ногай. И к этому с севера добавляются крепость Кизляр (Кизляр-кала), и стоянка Агар-хана вместе со степью и лугами. А правитель имеет прозвище Шамхал-хан из рода Чингиз-хана. Его политика формально основана на Тёре Чингиз-хана, однако на самом деле все регулируется волей хана. Говорят, что оно было основано после того, как распалось государство сыновей Тамерлана в 852 году (1442 г.)» Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. *Та'рих ал-Кавказ*, л. 64а. Частная коллекция Магомедбека Умарова (1978 г.р.), с. Карабудахкент, Дагестан.

⁹ «Османский историк Ахмед Джевет писал: после падения государства Тимура, жители Северного Кавказа стали независимыми. Затем они установили правителем над собой хана из рода Чингиза и назвали его Шамхалом». Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. *Та'рих ал-Кавказ*, л. 67б.

¹⁰ «В Дагестане были также правители над свободными (узденями), которые не относились к ханам (имеются ввиду Тарковские шамхалы, Казикумухские халклавчи, Аварские нуцалы и Кайтагские уцмии). В большинстве своем они подчинялись ханам, которые их окружали. И они во внутренних делах (имеются ввиду адаты) руководствовались некоторыми положениями Чингиз-хана. А в политических вопросах они руководствовались «Тёре» Чингиз-хана, также как и в остальных ханствах. И из них – кадии Табасарана, его северной и южной части, кадии Акуша, и карачи, которые были в некоторых кумыкских селениях, подвластных шамхалам. И мне неизвестно о происхождении этих правителей. Карачи-бии – они одни из (представителей) крупной аристократии (умара') при Узбеке. Они служили (дословно: были слугами) Шах-бек-хана и его брата Махмуд Султана, были служилыми людьми при них и хорошо им служили. Вместе с другими служилыми людьми они дали им присягу во время бегства ханов от Узбека в Дешт-и-Кипчак, опасаясь Ахмад-хана и Ибак-хана. Вначале они нашли убежище у Касим-хана в Астрахани. А затем, на рубеже тысячного года (хиджры) они бежали оттуда в другие места Дешт-и-Кипчака». Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. *Та'рих ал-Кавказ*, л. 87а.

¹¹ «Шамхал – это титул правителей равнины, обосновавшихся в городе Таргу и в Кафир-Кумуке в Дагестане, с запада (со стороны) Хазарского моря. Они занимали ханство хан за ханом (вплоть) до конца тринадцатого века. Их начало относится к падению власти государства Тимурленга на Кавказе, который стал подобным республике, которую одолели насельники со всех сторон и обосновались на определенных частях. На этой равнине шамхалы стали амирами и ханами. Говорят, что они были из рода Чингиз-хана – огнепокклонников. (Но сами они) были мусульманами. Однако они следовали гадким адатам и порицаемым делам, будто бы они унаследовали их от своего предка Чингиз-хана или его приближенных. Они не были курейшитами, ни хашимитами, не из благородных и достойных». Назир ад-Дургели. *Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан*, с. 37–38.

куева “аш-Шари‘а ва хази ал-джибал ва зара‘иб”¹². Очевидно, влиянием именно этих сочинений объясняется предположение П.Н. Петрова в “Истории родов русского дворянства” о чингизидских корнях князей Тарковских [31, с. 52].

Итак, происхождение шамхалов все перечисленные авторы связывали с Чингис-ханом. Но каковы же сведения османской историографии, на которые они опирались? Надо сказать, что эти свидетельства, хотя и рассеяны во множестве в работах турецких авторов, все без исключения носят довольно общий характер. В качестве примера удобнее всего привести “Книгу путешествия Эвлия Челеби”. В одном месте своего труда он утверждал, что чингизиды «составляют двенадцать линий падишахов». Указав затем на татарское происхождение «народов Крыма и Дагестана», в частности кумыков, он, как можно было бы подумать, намекнул на шамхалов [19, с. 9]. Но в другом месте он сам изложил легенду об исходе предков шамхальского рода из Шама [41, с. 114].

Что же думали на этот счет в самом Дагестане? Во-первых, характерно то, что до момента знакомства с османской литературой в дагестанской письменной традиции встречается лишь арабская версия происхождения шамхалов. Во-вторых, в этнографических записях Я. Потоцкого от 5 октября 1797 г. отмечено, что «все кумыкские князья принадлежат к той же фамилии, что и шамхал, за исключением брагунских, которые претендуют на происхождение от Чингиз-хана» [48, с. 122]. К последним, которые претендовали на чингизидское происхождение, причисляли себя брагунские князья Таймазовы. Возникает закономерный вопрос: чем же претензии Таймазовых заслужили доверие в глазах кумыков? Дело в том, что Джучиды делились на несколько ветвей и настоящий чингизид всегда мог назвать ту, к которой он сам принадлежал. В частности, ханы Большой Орды происходили из рода Тимур-Кутлуга, Таймазовы же считали своим родоначальником Барак-хана, основателя династии Казахских ханов [33, с. 52; 87, с. 238]. В некоторых литературных произведениях последние также фигурируют как огланы Урус-хана (прадед Барака) [37, с. 29]. Очевидно, автору Тарих-Дагестан были знакомы претензии брагунских князей, так как он включил имя чингизиды Урус-хана в состав нуцальской родословной [40, с. 98].

Совершенно ясно, что шамхалы не могли назвать своего праотца и тем самым подтвердить чингизидское происхождение. П.Н. Петров даже попытался по своему разрешить этот вопрос, разыскав ответ на него в Никоновской летописи, где упоминается «Щелкан Дюденович, братанич Азбьяка Ординского царя» [31, с. 52]. Вероятно, Патриаршая летопись содержит небольшую фальсификацию,

¹² «В исторических книгах сказано вкратце следующее: «Шамхалы происходят из рода Чингиз-хана, татарского завоевателя. Он захватил эти земли силой, войной. Историки пишут, что когда Чингиз-хан захватил государство Дешт-и-кипчак и Москву, он отправил своего сына Чагатая с многочисленным войском в Дербент. Тот захватил его, убил много его жителей... (дефект документа, нечитабелен). Затем появился известный завоеватель Тимурленг ат-Татари. Он захватил Дербент и то что вокруг него. Он победил дважды Тохтамыш-хана, который был одним из потомков Чингиз-хана. Завоеванные земли Тимурленг отдал своему старшему сыну Мирза Миран-шаху, потом они перешли к сыну последнего. Так продолжалось до распада государства, когда появилось племя «Аккоюнлу». В это время жители Северного Дагестана приобрели независимость и выбрали над собой правителя из рода Чингиз-хана, которого называли «шамхал». И то что они (шамхалы) утверждают что они являются курайшитами не соответствует действительности». Шараф ад-Дин Рашкуев. *Аш-Шари‘а ва хази ал-джибал ва зара‘иб*. Документ хранится в частной коллекции Ильяса Каяева (1961 г.р.), г. Махачкала, № 28 / 1.

сделанную во время недолгого взлета семейства Щелкановых (дьяков незначительного происхождения, благодаря своей чрезвычайной близости к царскому двору долгое время возглавлявших первое российское внешнеполитическое ведомство – Посольский приказ), чтобы облегчить им путь в ряды московской знати. С другой стороны курейшитская родословная шамхалов, составленная Сам-мирзой для Тарих-Дагестан, носила такой же очевидный для любого ученого-арабиста фиктивный характер [40, с. 100]. Но сами указания на арабоязычность шамхальского рода до времен Султан-Махмуда, встречающиеся в местной традиции, заслуживают доверия. Ведь до XIX века ширванские арабы составляли одну из многих этнических общин Дагестана, и лишь процессы модернизации, запущенные на Кавказе Российской империей, привели к их ассимиляции [5, с. 21–22]. Тот факт, что все ранние шамхальские надписи выполнены на арабском языке (а не на тюрки, которым пользовались чингизиды), служит красноречивым подтверждением этому тезису.

Тем не менее, было бы ошибкой обвинять шамхалов в произвольном присвоении достоинства уланов. Дело в том, что в Монгольской империи ноян, удостоенный брака с девушкой из ханского рода, получал особый титул зятя (монг. курген) [8, с. 115]. Согласно же Эвлия Челеби в XVII веке уланами называли тех биев, «которых, к примеру, ханские дочери породили» [19, с. 10]. Между тем, известно, что брагунские князья Таймазовы играли для шамхальского рода роль брачной фратрии [33, с. 124]. Очевидно, что, не имея в глазах кумыков прав на уланский титул, шамхалы никогда не смогли бы заставить своих подданных его признать.

Во всяком случае, деление биев на уланов и карачи представляет собой яркий пример применения в шамхальстве таких традиционных источников права кочевников как ясак и тѐре, что не раз подчеркивалось в дореволюционной дагестанской историографии. И в самом деле, помимо деления биев на две страты и рудиментов крыльевой ориентации в виде четырех бийликов, существовал ещё один институт, которым шамхальство очень напоминало устройство чингизидского ханства. В рукописном сочинении Мехмет-эфенди Вольтинского «Рисале-и Ахвал-и Дагистан» сопоставляются практиковавшиеся в шамхальстве и чингизидских ханствах порядки наследования власти. Подобно тому, как у Джучидов ханскому наследнику-калге полагался особый юрт (в Крыму под него был выделен г. Ак-Месджид), так и у крым-шамхала¹³ был свой удел в Буйнаке [19, с. 10; 39, с. 56].

Все вышеперечисленное наводит на мысль, что шамхальство мыслилось в среде кумыков как проекция чингизидского ханства. В определенной степени такая догадка находит подтверждение не только в османской историографии, но и в памятниках исторического фольклора. В частности в караногайской версии дастана «Чора-батыр» отец героя Нариг является слугой дагестанского хана (в то время как исторический казанский карачи-бек Чура Нарыков происходил из крымского ханства) [4, с. 27]. И все же не следует переоценивать все эти свидетельства. Знаки ханского достоинства, которые шамхалы получали от Сефевидских шахов как валии Дагестана, отнюдь не подразумевали их суверенитета. Поэтому идеология, распространяемая османскими авторами, была сформирована в целях подстрекательства дагестанцев к отложению от Сефевидов. Если в те времена на берегу Каспия и осмеливались говорить вслух о Дагестанском ханстве, то в местной письменной традиции подобных намеков до поры до времени тщательно избегали. Нормы же ясы и тѐре сохранялись преимущественно в публично-правовой сфере, в то время как в частной их почти полностью вытеснило черкесское обычное право.

¹³ В юридическом ключе этот институт наследования не имеет очевидных местных правовых источников и полностью копирует чингизидский.

* * *

Итак, в объективной реальности существовала коллизия между реальным происхождением шамхалом и их претензиями на положение равное чингизидам. Впрочем, для Средневековья такая ситуация была достаточно характерной. Например, Иван IV, приняв царский титул, распорядился составить генеалогию, выводившую его род от «Августа Кесаря» [43, с. 20]. А сами ширваншахи иногда называли своим предком Сасанидского шаха Бахрама Гура [25, с. 107].

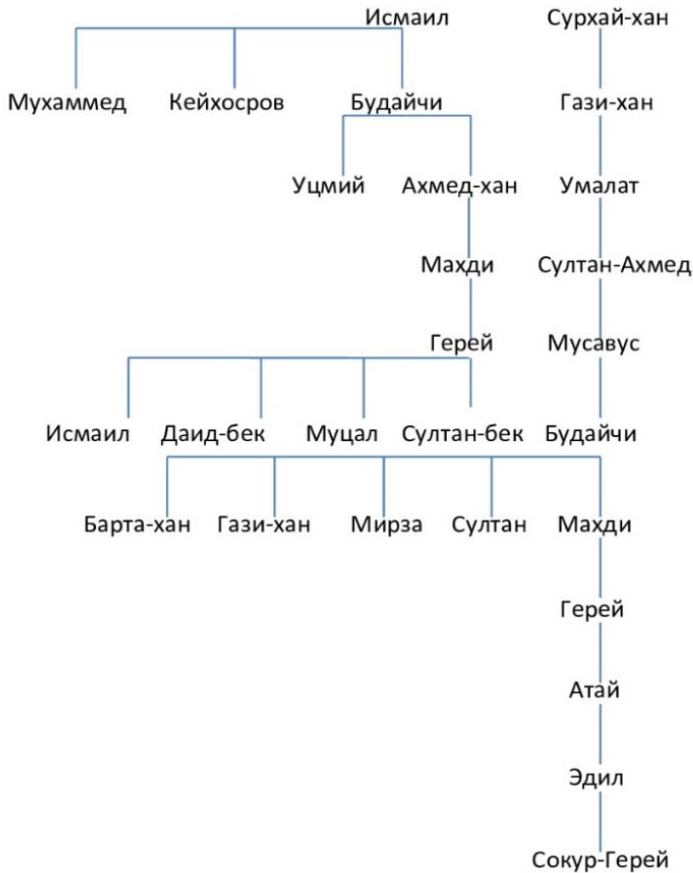
Одной из обязанностей карачи-беков был сбор ясака на подвластных им землях в пользу шамхалов. Однако в сборнике адатов селения Карабудахкент сохранилось соглашение, заключенное в 1163 г.х. (1749/1750 г. н.э.), согласно которому его жители прекратили свою ренту шамхалам. Чтобы придать силу этому соглашению они договорились разрушить дом любого, повинного в сообщении с шамхальством без ведома их общины [29, с. 128–129].¹⁴ Очевидно, это было вызвано событиями, произошедшими несколько раньше. В августе 1741 г. армия Надир-шаха Афшара потерпела поражение в битве при ауле Чох от совместного ополчения дагестанских народов. Это привело к ослаблению власти шамхала Хасбулата (ставленника шаха) и фактическими гегемонами Дагестана во второй половине XVIII века являлись аварский Мухаммед-нуцал и его сын ‘Умар-нуцал [27, с. 41].

Несомненно, в Эрпели происходили те же события, что и в Карабудахкенте. Если сопоставить разные суждения о происхождении карачи-беков, становится очевидным конъюнктурный характер сообщаемой информации. В тех из них, которые апеллировали к ясе и тёре, карачи позиционировались как пришельцы в Дагестане [30, с. 62–63]. Однако постепенно акценты смещались в сторону их признания, в качестве рода более древнего, чем шамхальский [30, с. 70]. Вероятно, в этом вопросе сказалась та двойственность, которая всегда существовала в понимании привилегий шамхала. Пока отношения между ним и карачи-беками строились по модели, продиктованной тюркскими правовыми нормами, вопросов не возникало. Но как только эти связи оказались разорваны, карачи попытались апеллировать к местной генеалогической традиции, чтобы доказать право на независимость от шамхалов.

Итак, можно сделать вывод, что те политические институты, которые тюменцы принесли в Дагестан, оказались необыкновенно стойкими. Несмотря на то, что главные местные феодалы-шамхалы не имели прямых кочевых корней, они предпочли полностью перенять модель устройства чингизидского ханства, что, по-видимому, помогло им легитимизировать свою власть. Тем не менее, создавая таким путем коллизия до сих пор поддерживала ожесточенную научную полемику по этой проблеме.

¹⁴ О том же самом говорится и в «Сборниках адатов Карабудахкентского общества»: «Жители Карабудахкента пришли к единогласному мнению разрушить дома тех, кто пойдет к сыновьям шамхала и к самому шамхалу без разрешения на то жителей Карабудахкента и не будучи отправлены туда ими. В случае если выяснится, что кто-либо пошел к ним, то к ним применяется это решение, даже если он будет правителем или узденем». Рукопись хранится в ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова. Оп. 5, № 128, л. 6б.

Приложение 1. Генеалогия эрпелинских карачи-беков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абул-Гази Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Пред., прим., библиографический список. А.А. Глашева. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2018.
2. Агларов М.А., Айтберов Т. М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Туруламом б. Алиханом Баклулальским», как источник по истории Дагестана XVII в. // В.Г. Гаджиев (сост.) Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1981. С. 123–133.
3. Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях (XV в.) // I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР: (Тезисы докладов). Ред. кол. Г.Г. Гамзатов и др. Махачкала, 1978. С. 14–15.
4. Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе (Материалы: биографические, исторические, географические, этнографические и пр.). Под ред. Г.Н. Прозрителева. Т. II. Ставрополь: Типо-лит. Т.М. Тимофеева, 1909. С. 1–29.
5. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам: Из истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до 1913 г. Ред., коммент., примеч. и указ. З.М. Буниятова; АН АзССР, Институт истории. Баку: Элм, 1991.
6. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

7. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из главного архива Министерства иностранных дел. 1578–1613 гг. Вып. 1. М., 1889.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Издательство АН СССР, 1934.
9. Гаджиев Б.И. Буйнакский район в истории и легендах. Махачкала, 2003.
10. Галимов А.А. Очерки по истории селения Карабудахкент. Махачкала, 2005.
11. ад-Дургели Назир. Усила умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’ Дагистан). Пер. с араб., комментарии, факсимильное издание, указатели и библиография подготовлены А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М., 2012.
12. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.
13. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М.: Центр по изучению военной и обзей истории, 2003.
14. Идрисов Ю., Устарханова Р. Эрпели от истоков до наших дней. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2022.
15. История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. Отв. ред. М.О. Косвен. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
16. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006.
17. Кавказ: Адаты горских народов, вып. IV. Сост. Ф.И. Леонтович. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
18. Каяев Али. Лакский язык и история. М.: Наука, 2006.
19. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996.
20. Комаров А.В. Казикумухские и Кюринские ханы // Кавказские горцы. Сборник сведений, вып. II. М.: МНТПО «Адир», 1992. С. 3–44.
21. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М., 2007.
22. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957.
23. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977.
24. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. Рязань: «Александрия», 2009.
25. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
26. Му’изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии). История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Отв. ред. А.К. Муминов. Перевод с персидского, предисловие, примечания, подготовка факсимиле к изданию Ш.Х. Вохидова; сост указателей У.А. Утепбергеновой. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006.
27. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье: отрывок из рукописи подполковника Неверовского. СПб.: Тип. военных учебных заведений – начала XX в. Т. 2. Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. Дом Марджани, 2009.
28. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 2. Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. Дом Марджани, 2009.
29. Омаров Х.А. Свидетельство карабудагкентских владельцев // Шихсаидов А.Р. (сост.) Письменные памятники Дагестана XVIII – XIX вв. Махачкала, 1989. С. 128–129.
30. Оразаев Г.М.-Р. «История Кавказа и селения Карабудахкент» Джамалутдина-хаджи Карабудахкентского (Публикация текста и комментарии. С приложениями). Махачкала, 2001.

31. Петров Н.П. История родов русского дворянства. Т. II. М.: «Современник», 1991.
32. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов. Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н.Кушевой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997.
33. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа: 1793–1897 гг. Под ред. А.И. Мусукаева. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2003.
34. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исслед., заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб.: Тип. А. Хомского и К, 1895.
35. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 1. М.: «Языки славянских культур», 2007.
36. Тесаев З.А., Баснукаев Х.У. Хроника «Тарих Чачан», составленная Изнауrom Несерхоевым (перевод и комментарии) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 1. С. 82–97.
37. Утемиш-хаджи. Кара-таварих. Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
38. Хапизов Ш.М. Новый источник по истории Дагестана и Чечни XVII–XVIII вв. // АСТА HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 2. С. 106–109.
39. Шамхалы Тарковские // Кавказские горцы. Сборник сведений, вып. I. М.: МНТПО «Адир», 1992. С. 53–80.
40. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
41. Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. 2. Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.
42. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 2. Надписи XVIII–XX вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М., 1968.
43. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М.: «Международные отношения», 1988.
44. Hope M. “The Pillars of State: Some Notes on the Qarachu Beks and the Keşikten in the Il-Khānate (1256–1335),” *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2017, Vol. 27 (2), pp. 181–199.
45. Kırzioglu F. Osmanlilar’ın Kafkas-elleri’ni fethi (1451–1590). Ankara, 1993.
46. Lawrence N. Langer, “Muscovite Taxation and the Problem of Mongol Rule in Rus,” *Russian History (Histoire Russe)*, 34, №. 1–4 (Spring-Summer-Fall-Winter 2007), pp. 101–129.
47. Manz B.F., “The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532.,” *Harvard Ukrainian Studies*, September 1978, Vol. 2, no. 3, pp. 282–309.
48. Potocki Jan, *Voyage dans les steppes d’Astrakhan et du Caucase*. Tome I. P., 1829.
49. Schamiloglu Uli, “The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire,” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. Wiesbaden, Harrasowitz, 1984, pp. 283–297.
50. Williams Brian Glyn, “The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation,” *Journal of the Royal Asiatic Society*, Nov., 2001, Third Series, Vol. 11, no. 3, pp. 329–348.

REFERENCES

1. Abu-I-Ghazi Bahadur Khan, Genealogy of the Turks, introduction, commentaries and bibliography by A.A. Glasheva. Nalchik: M. and V. Kotliarov, 2018, 264 p. (In Russian)
2. Aglarov M.A., Aitberov T. M. “Narrative of Ali-beg of Andi and his Victory over Prince Turulav b. Alikhan of Baklulal” as a Source on the History of Dagestan of the 17th century. V.G. Gadzhiev. *The Social System of the Daghestani Rural Communities in the 17th – early 19th Centuries*. Makhachkala: IYal DagFAN SSSR, 1981, pp. 123–133. (In Russian)
3. Aitberov T.M. A New about the Qarachi-beks and Sala-uzdens (15th century). *The First Conference of Young Scholars of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences: (Abstracts)*. Ed. by G.G. Gamzatov. Makhachkala: IYal DagFAN SSSR, 1978, pp. 14–15. (In Russian)
4. Ananyev G. Karanogays and their Legends. *Collection of Information about the North Caucasus (Biographical, Historical, Geographical, Ethnographical Materials)*, ed. by G.N. Prozritelev. Vol. 2. Stavropol: Tipo-litografiya T.M. Timofeeva, 1909, pp. 1–29. (In Russian)
5. Bakikhanov Abbas-Kuli-aga. *Giulistan-i Iram: About the History of Shirvan and Daghestan from the Earliest Times to 1913*. Ed. and comments by Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1991. 304 p. (In Russian)
6. Bartold V.V. *Works on the History and Philology of the Turks and Mongols*. Moscow: Oriental Literature, 2002. 757 p. (In Russian)
7. Belokurov S.A. Relations between Russia and the Caucasus. Materials Retrieved from the Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, 1578–1613. Iss. 1. Moscow, 1889. 586 p. (In Russian)
8. Vladimirtsov B.Ya. *The Social Structure of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism*. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. 223 p. (In Russian)
9. Gadzhiev B.I. Buynaksk District in History and Legends. Makhachkala, 2003. 254 p. (In Russian)
10. Galimov A.A. *Essays on the history of the village of Karabudakhkent*. Makhachkala, 2005. 423 p. (In Russian)
11. ad-Durgeli Nazir. *The Delight of Minds in the Biographies of Daghestani Scholars (Nuzkhat al-azkhan fi taradzhim “ulama” Dagistan)*, transl. and comments by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow, 2012. 441 p. (In Russian)
12. Zaitsev I.V. *Crimean Historiographical Tradition of the 15th – 19th Centuries: Ways of Development: Manuscripts, Texts and Sources*. Moscow: Oriental Literature, 2009. 304 p. (In Russian)
13. *Golden Horde in the Sources*. Vol. 1. Arabic and Persian writings. Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoi i obshchei istorii, 2003. 448 p. (In Russian)
14. Idrisov Yu., Ustarkhanova R. *Erpels from the Origins to the Present Day*. Makhachkala: Izdatelskiy dom “Dagestan”, 2022. 444 p. (In Russian)
15. *History, Geography and Ethnography of Dagestan of the 18th – 19th Centuries*. Archival Materials. Ed. by M.O. Kosven. Moscow: Oriental Literature, 1958. 367 p. (In Russian)
16. *Kabardino-Russian Relations in the 16th–18th Centuries*. Documents and Materials in two volumes. Vol. 1. Nal’chik: «El-Fa» Publishing Center, 2006. 696 p. (In Russian)
17. *Caucasus: Customary Law of the Mountains*, Iss. 4, compiled by F.I. Leontovich. Nalchik: M. i V. Kotliarovykh. 2010. 384 p. (In Russian)
18. Kaiaev Ali. *Lak Language and History*. Moscow: Nauka, 2006. 550 p. (In Russian)
19. *Evliya Chelebi’s Travel book. Campaigns with the Tatars and Travels in the Crimea (1641–1667)*. Simferopol: Tavriya, 1996. 240 p. (In Russian)

20. Komarov A.V. Kazikumukh and Kyura Khans. *Caucasian Mountainies. Collection of information*, Iss. 2. Moscow: MNTPO “Adir”, 1992, pp. 3–44. (In Russian)
21. Krishtopa A.E. Dagestan in the 13th – 15th Centuries. Outline of Political History. Moscow, 2007. 228 p. (In Russian)
22. Magomedov R.M. Socio-Economic and Political System of Dagestan in the 18th – early 20th Centuries. Makhachkala: Izdatelskiy dom “Dagestan”, 1957. 408 p. (In Russian)
23. Magomedov R.M. Through the Villages of Dagestan. Extracts from Field Diaries. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1977. 143 p. (In Russian)
24. Matvei Mekhovskii. Treatise on the two Sarmatians. The Secret History of the Mongols. Riazan: Aleksandriya, 2009. 496 p. (In Russian)
25. Minorskii V.F. History of Shirvan and Derbend in the 10th – 11th Centuries. Moscow: Oriental Literature, 1963. 270 p. (In Russian)
26. Mu’izz al-ansab (Glorifying Genealogy). History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 3. Ed. by A.K. Muminov. Almaty: Daik-Press, 2006. 672 p. (In Russian)
27. Neverovskii A.A. A Brief Historical View of Northern and Middle Dagestan Before the Destruction of Lezgin Influence in Transcaucasia: An Excerpt from the Manuscript of Lieutenant Colonel Neverovsky. St. Petersburg: Tipografiya voenno-uchebnykh zavedenii, 1848. 42 p. (In Russian)
28. Custom and Law in the Written Monuments of Dagestan of the 5th – 20th centuries. Vol. 2, comp. and ed. by V.O. Bobrovnikov. Moscow: Izdatelskiy dom Mardzhani, 2009. 272 p. (In Russian)
29. Omarov Kh.A. Testimony of Karabudagkent authorities. *Written monuments of Dagestan of the 18th – 19th centuries*, ed. by A.R. Shikhsaidov. Makhachkala: IYal DagFAN SSSR, 1989, pp. 128–129. (In Russian)
30. Orazhev G.M.-R. “History of the Caucasus and the village of Karabudakhkent” by Jamalutdin-hadji Karabudakhkentsky (Publications of the text and comments. With applications). Makhachkala, 2001. 287 p. (In Russian)
31. Petrov N.P. History of clans of the Russian Nobility. Vol. 2. Moscow: Sovremennik, 1991. 319 p. (In Russian)
32. Russian-Chechen Relations. Second Half of the 16th–17th Centuries. Collection of Documents, comp., introduction, comments by E.N. Kusheva. Moscow: Oriental Literature, 1997. 416 p. (In Russian)
33. Collection of documents on the class law of the peoples of the North Caucasus: 1793–1897. Ed. by A.I. Musukaev. Vol. 1. Nalchik: El’-Fa, 2003. 346 p. (In Russian)
34. Semenov N. Natives of the North-Eastern Caucasus (Stories, Essays, Research, Notes about the Chechens, Kumyks and Nogais and Samples of the Poetry of these Peoples). St. Petersburg: Tipografiya A. Khomskogo i K, 1895. 488 p. (In Russian)
35. Degree book of royal genealogy according to the most ancient lists: Texts and comments, edited by N.N. Pokrovskii, G.D. Lenkhoff. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavianskikh kultur, 2007. 598 p. (In Russian)
36. Tesaev Z.A., Basnukaev Kh.U. Chronicle “Tarikh Chachan” compiled by Iznaur Neserkhoev (translation and comments). *Historical Journal: Scientific Research*. 2021, no. 1, pp. 82–97. (In Russian)
37. Utemish-khadzhi. Kara-tavarikh, transliteration by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizov; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific edition by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)
38. Khapizov Sh.M. A New Source on the History of Dagestan and Chechnya in the 17th–18th centuries. *ACTA HISTORICA: works on history, archeology, ethnography and social science*. 2018, no. 2, pp. 106–109 (In Russian)
39. Shamkhals of Tarki. *Caucasian Mountainies. Collection of information*, Iss. 1. Moscow: MNTPO «Adir», 1992, pp. 53–80. (In Russian)

40. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazaev G.M.-R. *Dagestani historical writings* Moscow: Nauka, 1993. 302 p. (In Russian)
41. Evliya Chelebi. *Travel Book*, vol. 2, composed and edited by A.D. Zheltyakov. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)
42. Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 18th – 20th Centuries, texts, translations, comments, introduction and appendices by L.I. Lavrov. Moscow: Nauka, 1968. 248 p. (In Russian)
43. Yuzefovich L.A. “As is the Custom in the Embassy...”. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 216 p. (In Russian)
44. Hope M. The Pillars of State: Some Notes on the Qarachu Begs and the Keşikten in the Il-Khānate (1256–1335). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2017, Vol. 27 (2), pp. 181–199.
45. Kirzioglu F. *Osmanlilar’ın Kafkas-elleri’ni fethi (1451–1590)*. Ankara, 1993. 550 p. (In Turkish)
46. Lawrence N. Langer. Muscovite Taxation and the Problem of Mongol Rule in Rus. *Russian History (Histoire Russe)*, 2007, 34, no. 1–4, pp. 101–129.
47. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532. *Harvard Ukrainian Studies*. 1978, Vol. 2, no. 3, pp. 282–309.
48. Potocki Jan. *Voyage dans les steps d’Astrakhan et du Caucase*. Vol. 1, 1829. 361 p. (in French)
49. Schamiloglu Uli. The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. Wiesbaden, Harrasowitz, 1984, pp. 283–297.
50. Williams Brian Glyn. The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. A Historical Reinterpretation. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 3rd Series, 2001, Vol. 11, no. 3, pp. 329–348.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шамиль Шихалиевич Шихалиев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (367030, ул. М. Ярагского, 75, Махачкала, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3322-0256, Scopus Author ID: 56409821600, ResearcherID: H-1411-2018. E-mail: shihaliev74@mail.ru

Арсений Вячеславович Шумкин – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (119571, ул. Проспект Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6438-5646. E-mail: arsen1293@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shamil Sh. Shikhaliev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, M. Yaragskiy Str., Makhachkala 367030, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3322-0256, Scopus Author ID: 56409821600, ResearcherID: H-1411-2018. E-mail: shihaliev74@mail.ru

Arseniy V. Shumkin – Graduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskiy Ave., Moscow 119571, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6438-5646. E-mail: arsen1293@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 15.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2024

Принята к публикации / Accepted 06.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466>
EDN: CRHUWJ

УДК 94(560)(093)

ПОБОРЫ И ШТРАФЫ НОГАЙСКОЙ РОДОВОЙ АРИСТОКРАТИИ,
ОТРАЖЕННЫЕ В ОСМАНСКИХ ДОКУМЕНТАХ

*Дерья Дерин Пашаоглу*¹, *И.М. Миргалеев*² ✉

¹ *Караденизский технический университет*

Трабзон, Турция

² *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Казань, Российская Федерация

✉ dilnur1976@mail.ru

Резюме. Цель исследования: проанализировать правовые нормы, по которым существовало ногайское общество до переселения на земли Османской империи.

Материалы исследования: малоизвестный османский документ под номером ВОА.А.МКТ.УМ.414-24, отложившийся в государственном архиве премьер-министра Республики Турция.

Результаты и научная новизна исследования: вводится в научный оборот османский документ, в котором зафиксированы правовые нормы ногаев. Проблемы, возникшие при переселении ногаев на османские земли в XIX веке, стали темой официальной переписки провинциальных структур османского государства с центром, в ней были зафиксированы правовые нормы, по которым жили ногаи до переселения в Анатолию. Впервые публикуемый памятник представляет собой акт, адресованный меджлису Танзимата, составленный губернатором Аданы, столкнувшимся с необходимостью разрешения проблем, связанных с переселенцами-ногаями.

Ключевые слова: Ногаи, законы, поборы, штрафы, родовая аристократия, османские архивы

Для цитирования: Пашаоглу Д.Д., Миргалеев И.М. Поборы и штрафы ногайской родовой аристократии, отраженные в османских документах // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 453–466. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466> EDN: CRHUWJ

Благодарности: Авторы выражают искреннюю признательность кандидату исторических наук Д.А. Мустафиной, доценту Высшей школы международных отношений и мировой истории Казанского федерального университета за ценные замечания при подготовке данной статьи.

© Пашаоглу Д.Д., Миргалеев И.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

EXTORTIONS AND FINES OF THE NOGAI FAMILY ARISTOCRACY, REFLECTED IN OTTOMAN DOCUMENTS

*Derya Derin Paşaoğlu*¹, *I.M. Mirgaleev*²✉

¹ *Karadeniz Technical University
Trabzon, Turkey*

² *Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
✉ dilnur1976@mail.ru*

Abstract. Research Objective: To analyze the laws by which the Nogai society existed. Research Materials: An archival document numbered BOA.A.MKT.UM.414-24 in the Ottoman Archives of the Prime Minister's Office, in the State Archives of the Republic of Turkey.

Results and Scientific Novelty of the Study: The laws of the Nogais, recorded by Ottoman officials, are introduced into scientific circulation. The lifestyle of the Nogais corresponded to the steppe culture; they moved between pastures and winter quarters and were engaged in cattle breeding. The Nogais, living in tribes, were under the authority of their bek. The steppe culture of the Nogai lifestyle complicates the study of their laws. The problems faced by the Nogais upon resettlement to Ottoman lands in the 19th century became a topic for official correspondence between provincial structures of the Ottoman state and the center, and some of the mentioned Nogai laws were recorded as the main reason for the problems that arose. The archival document, registered under number BOA.A.MKT.UM.414-24 in the Ottoman Archives of the Prime Minister's Office, in the State Archives of the Republic of Turkey, is a document written by the mutasarrif of Adana to the center, who had problems with the Nogai settlers they wanted to resettle in Adana.

Keywords: Nogais, laws, ordinary aristocracy, Ottoman archives, financial obligations

For citation: Paşaoğlu D.D., Mirgaleev I.M. Extortions and fines of the Nogai family aristocracy, reflected in Ottoman documents. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 453–466. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466> (In Russian)

Acknowledgments: The authors express their sincere gratitude to Cand. Sci. (History) D.A. Mustafina, Associate Professor at the Higher School of International Relations and World History of the Kazan Federal University for valuable comments in the preparation of this paper.

Завоевание Казанского ханства русским государством поставило ногаев, имевших степную культуру и экономику, в затруднительное положение. К трудностям экономического характера добавились и разногласия, возникшие между беками. В частности, между Исмаил мирзой и Юсуф мирзой. Убийство Юсуфа мирзы привело к началу распада Ногайской Орды на «Орду Алтавул» [1, с. 236; 8, с. 236; 4, с. 658] и на «Малые ногаи». Последнее политическое образование находилось под протекторатом Крымского ханства и занимало земли по реке Кубань и окрестности Азова [5, с. 43; 8, с. 8, 9]. Большая Ногайская Орда вследствие российского продвижения утратила известную часть пространства кочевания на левобережье Волги и сместилась на запад. Основная часть территории Ногайской Орды на Востоке перешла под контроль казахов.

Население «Малых ногаев» в рамках политики Крымского ханства и Османского государства было переселено на Крымский полуостров, на земли вдоль рек Днепр, Турла, Дунай. Часть ногаев, спасаясь от набегов калмыков, укрылась в черкесских землях [5, с. 58, 59; 7, с. 287].

Ногаи, занимавшие лавирующую позицию в военно-политическом противостоянии между Крымским ханством, Османской империей и русскими сохранили степную культуру. По мере расширения границ России на юге сужаются территории для кочевания, тысячи ногайцев, просящих покровительства Крымского ханства и Османского государства, были вынуждены мигрировать на османские земли в XIX–XX вв.

Для наименования своих племен, ногаи на Кубани, Буджаке, Крымском полуострове и на черкесских землях использовали имена мурз, которым они подчинялись. Иногда в названии племени имя мурзы совмещали с географическим и родовым наименованием [4, с. 58]. Традиция называться по имени мирзы восходит у ногаев к Мансур мирзе. В «Умдет ал-ахбар» мангыты названы «Мансургулларь». Также известны «Султангулларь», «Мамайогулларь», «Оракогулларь», «Касайогулларь», «Касболатогулларь», «Неврузогулларь» и т.д. [1, с. 236–240; 2, с. 107; 5, с. 40]. Эти наименования продолжают использоваться среди ногаев, поселившихся на османских землях, и в настоящее время [5, с. 40].

В XVIII столетии, в период быстро меняющегося военно-политического баланса на севере Причерноморья, ногайские племена поддерживали разные стороны. Так, во время русско-турецкой войны, начавшейся в 1768 году, Екатерина II заключила соглашение с мурзами Едисанских и Буджакских ногаев и привлекла их на свою сторону против Османской империи и Крымского ханства. Бек Едисанских и Буджакских ногаев Джанмембет поступил на службу России, договорившись о выплате в размере трех тысяч рублей. Ногайская делегация, приехавшая в Санкт-Петербург в начале 1771 года, также просила Екатерину II взять ногаев под покровительство России.

Однако позже, русское правительство отказалось от создания какого-либо политического образования для ногаев. Ногаи начали переселяться на османские земли. Документальные свидетельства подтверждают, что за три года, с июля 1859 по июнь 1862 года, на османских землях было расселено 65 тысяч ногайских переселенцев, составивших 13 тысяч дворов. Самое массовое расселение с численностью 24 тысячи человек состоялось в провинции Адана, 16 тысяч человек было расселено в Конье и Кыршехире в провинции Караман, 9 тысяч человек – в провинции Бозок, 8 тысяч человек – в окрестностях Анкары/Хайманы, 5 тысяч человек – в Добрудже, 3 тысячи человек – в провинции Худавендигяр¹.

Каждое из ногайских племен находилось под властью своего бека. Степная культура, в соответствии с которой регламентировалась жизнь племен затрудняет изучение правовых норм ногаев. Проблемы, возникшие при переселении ногаев на османские земли в XIX веке, стали темой официальной переписки провинциальных структур Османского государства с центральными органами власти. Основной причиной возникших проблем явились законы ногаев, на часть которых адресанты сослались в своих письмах. Архивная единица, зарегистрированная под номером ВОА.А.МКТ.УМ.414-24 в государственном архиве премьер-министра Республики Турция представляет собой документ, написанный губернатором Аданы в центр из-за появившихся проблем с ногайскими переселенцами.

¹ Вопрос расселения ногайских переселенцев на османские земли изучен Дерья Дерин в докторской диссертации. Подробнее о путях миграции и процессе переселения ногаев, местах проживания, пережитых трудностях и проблемах см: [6].

Документ составлен на трех страницах. На первой странице губернатор Ада-ны Ахмет-паша объяснил проблему, возникшую при миграции ногаев, и причину задержки завершения расселения. По результатам проверки Ахмет-паши видно, что расселение преднамеренно затягивалось беками, стоявшими во главе племен ногайских переселенцев. Согласно степным обычаям, беки собирали подать со своего племени и поэтому не были заинтересованы в расселении членов своей общины. К тому же султанское правительство всех мигрантов-ногаев, поселившихся на османских землях, принимало за нуждающихся и решило выдавать им ежедневные выплаты в размере стоимости 1 окка (1282 грамма) «святого хлеба» до завершения расселения.

Переселенцам построили дома и выделили земельные участки, выдали семена и сельскохозяйственные орудия, чтобы они могли сами себя обеспечивать. Правительство стремилось завершить расселение как можно скорее с тем, чтобы переселенцы обосновались на земле и можно было прекратить предоставление ежедневных выплат. В связи с этим переселенцы-ногаи заявляли своим бекам, что не смогут больше выплачивать подати, а смогут обеспечивать только себя.

Более того многие племена ногаев заявили, что будут действовать в соответствии с законами Танзимата, и если беки так же, как и рядовые ногаи будут заниматься земледелием, то их будут воспринимать как беков, в противном случае они не будут признавать их верховенства.

Осознавая, что после расселения им придется работать, беки требовали найти для ногаев более подходящее место обитания под предлогом недовольства предоставленными для расселения переселенцев землями. Тем самым расселение откладывалось, ногаи продолжали получать ежедневную выплату. Когда административные органы раскрыли эту тактику, беки племен, состоявших приблизительно из 25–30 человек, в устной форме заявили властям, что племена не примут их беками. Они не приучены к земледелию и торговле, не знают, как зарабатывать себе на жизнь. В качестве своих представителей беки выбрали пять человек, и обратились за помощью к правительству.

На второй странице документа описаны действующие в ногайском обществе правовые нормы о податях и штрафах, взимаемых с рядовых ногаев. Правда, приведены только те однопорядковые финансово-правовые нормы, регулирующие взаимоотношения беков с соплеменниками, и могущие служить аргументами, объясняющими причину затягивания беками расселения. В конце текста сказано, что *«у ногайских беков еще много таких положений по старым законам, как перечисленные и приведенные здесь»*. Из этого следует, что в ногайском обществе действовало множество законов, не упомянутых в представляемом акте. Следует также отметить, что помимо финансовых норм существовали, надо полагать, правовые нормы, регулирующие отношения в социокультурной, политической, военной и других сферах.

Согласно прежним законам, указанным в документе, у каждого бека была своя община, имелся круг подчиненных ему людей. Статус бека передавался от отца к сыну, простой народ распределялся между сыновьями усопшего бека. Во время перекочевок в другой район, люди сначала воздвигали дома для своих беков, окружали их стеной, затем строили дома себе.

При женитьбе бека, ногайцы обязаны были преподнести ему по одной корове с каждого хозяйства, а беки имели право требовать ее до трех раз. То есть, если один и тот же бек женился трижды, то при каждом случае, каждое хозяйство было обязано дать по одной корове, что в общей сложности составляет три коровы.

Когда ногаец режет корову или другое животное, то с каждого заколотого животного самую лучшую часть – межреберное мясо и верхнюю часть крестца, то есть спинное мясо, не касаясь ножом, отдает беку в виде доли. Если нож коснется мяса, являющегося долей бека, то они должны будут дать корову в качестве штрафа.

С тех, кто получает доход от земледелия, в качестве подати взималась часть собранного урожая в размере семь с половиной гюлеков². К тому же, каждое хозяйство в начале лета обязано было дать сено для скотины бека и воз дров на зиму. Принимать у себя на ночлег и оказать хороший прием гостям бека являлась обязанностью народа. Если кто-то отказывался от выполнения этой обязанности, то должен был отдать корову в качестве штрафа.

Беки могли взять с собой любого человека туда, куда направлялись, и использовать его труд для удовлетворения своих нужд. Для передвижения могли изъять на время любое животное, которое захотят, у любого человека. Те, кто разводит мелкорогатый скот, у кого есть овцы, отдают беку летом одного ягненка, а осенью одного барана. Если кто-то нарушал закон, то должен был отдать одного быка.

Если кто-то ввязывался в потасовку двух человек и помогал одной из сторон, то с него взималась одна корова или один бык. Если потасовка перерастала в драку, то с каждого участника взималось по одному быку. Этот пункт примечателен и схож с пунктом из законов Чингиз-хана – «...если кто-то встанет между двумя воюющими людьми или поможет кому-то против другого, то будет наказан смертью» [9, с. 143] – и абсолютно совместим со степной культурой. Пресечение конфликта на индивидуальном уровне, предотвращало их распространение в обществе.

Среди рассматриваемых правовых норм определенный интерес вызывает норма, определяющая социальный статус улемов: «и наши господа улемы занимаются только мечетями и усопшими, кроме этого они ни во что не вмешиваются, не ведут суждения». Из приведенной фразы видно преобладание степного права над шариатским.

Бесспорно, что большинство упомянутых выше законов регулируется в соответствии с пожеланиями беков, подпадающими под действие обычного права. Об этом свидетельствует то, что предусмотренные на случай невыполнения законов штрафы в виде отдачи одной коровы или одного быка, выплачивались в пользу беков.

Как видим, ногайская кочевая аристократия эксплуатировала своих сородичей и соплеменников. Как писал Б.-А.Б. Кочекаев, беки держали в повиновении «черных людей», которые пасли господский скот вместе со своим скотом, помогали господину во время перекочевков и в период стрижки овец. Кроме того, «черные люди» платили различные налоги и несли повинности [3, с. 37]. Собственные законы ногаев, зафиксированные османскими чиновниками подтверждают его правоту.

На третьей странице документа сообщается решение проблемы, обсуждавшейся в меджлисе Танзимата. В меджлисе сообщалось, что с вышеуказанными неофициальными налогами и данью люди находились в своего рода заточении, и подчеркивалось, что с переселением на османские земли ногаи освобождались из-под власти беков и от сборов в их пользу. Губернатору Аданы сообщили о

² Единица измерения зерна варьировалась в разные периоды времени. Скорее всего гюлек, «вьючное животное», как мера веса, равна одному навьюченному животному.

том, что беки могут воспользоваться льготами, предоставляемыми переселенцам на общих основаниях, и что они смогут зарабатывать на жизнь сельским хозяйством и животноводством, как и их соотечественники, и что им не следует заниматься противоречащим закону сбором налогов с людей, и что в противном случае правительство будет проинформировано.

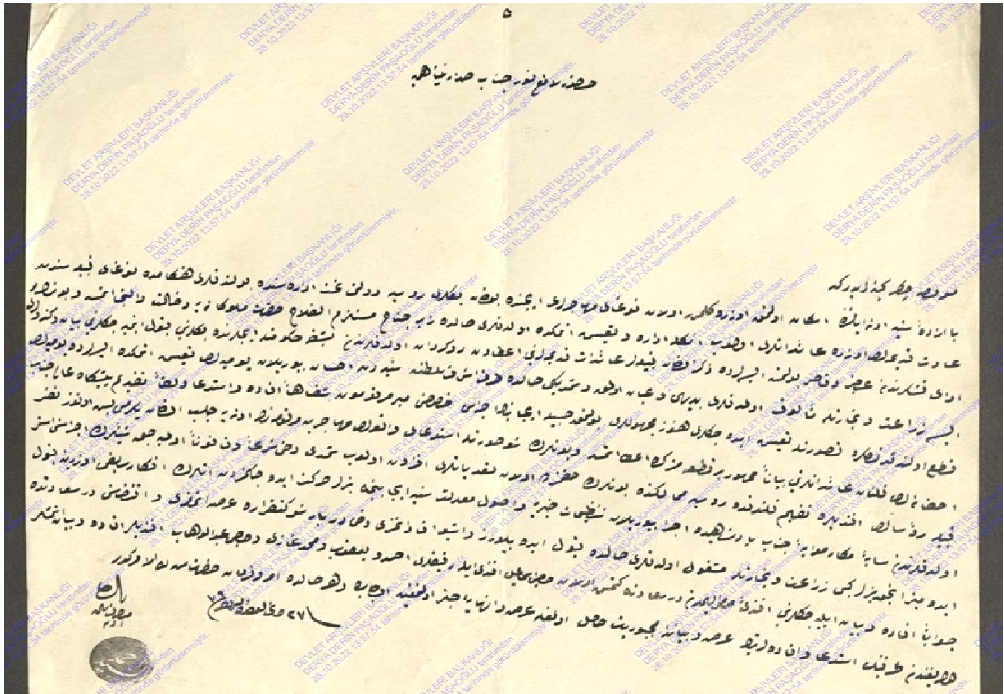
Заключение. Законы, по которым жили ногайские племена относились к категории обычного права и регулировались беками. Эти законы контролировались и выполнялись одними и теми же людьми, поэтому сложно утверждать, что они до нас дошли в первоначальном виде с более ранних времен. Работали ли они и как, сказать тоже сложно, ибо все зависело от бека и его интерпретации этих правил. Вместе с тем известно, что эти нормы действовали в степной культуре уже на протяжении веков и способны помочь исследователям в решении вопросов, касающихся более ранних периодов времени.

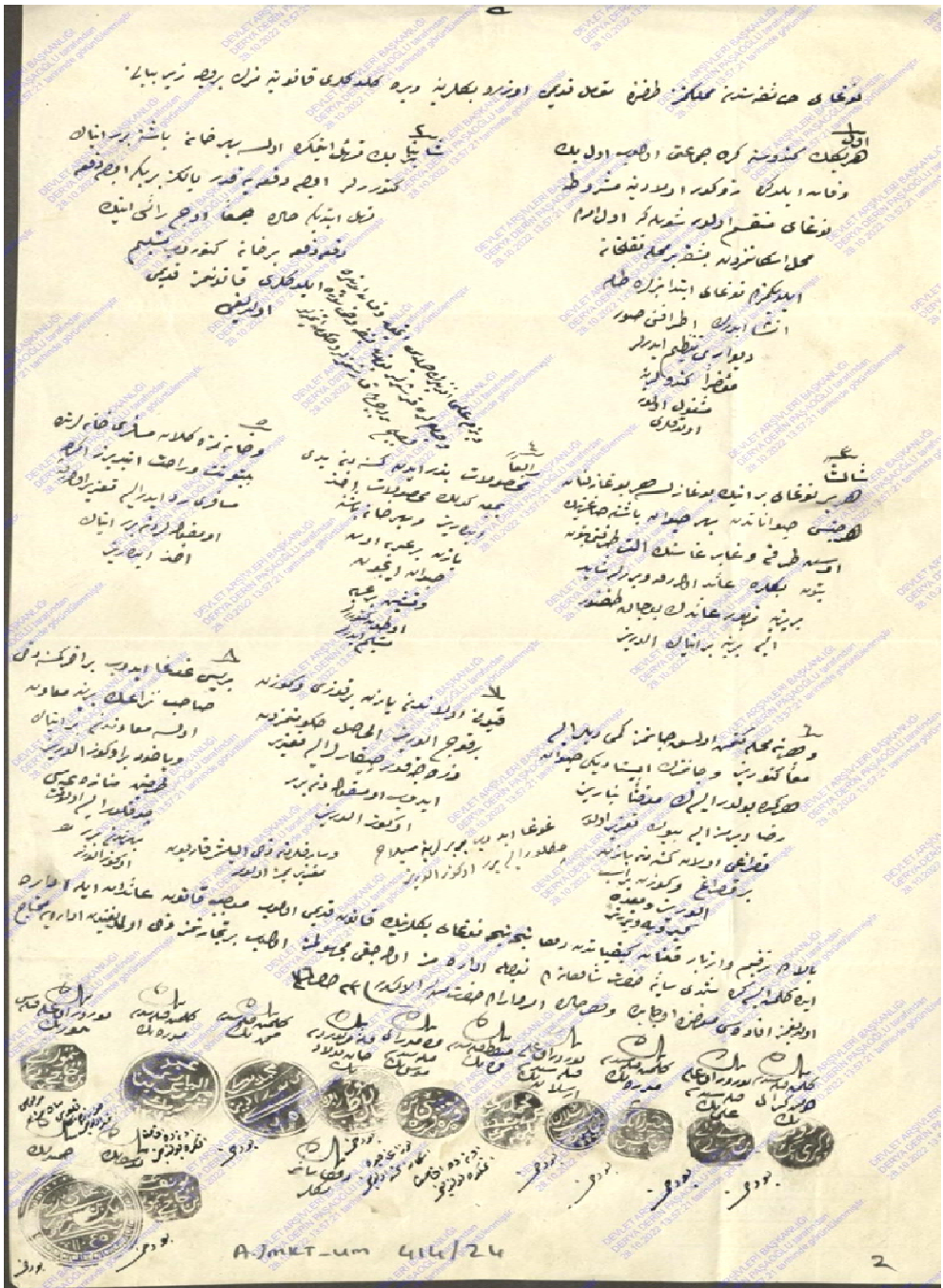
Приложения

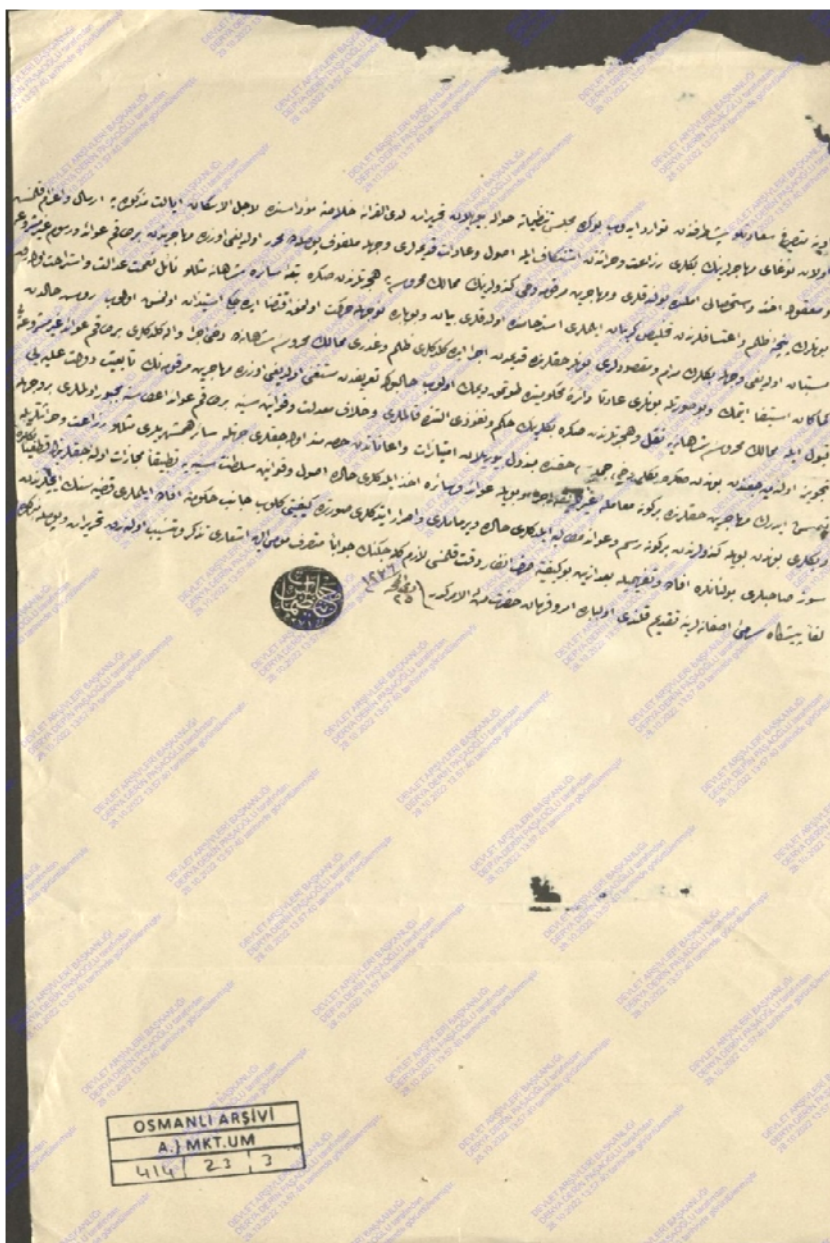
Государственный архив премьер-министра Республики Турция. BOA.A.MKT.UM.414-24.

TC Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri, Başbakanlık Osmanlı Arşivi Belgeleri: BOA.A.MKT.UM.414-24.

Ek 1:

Транскрипция³

Ek 1: "Ma'ruz-ı çaker-i kemineleridir ki

Ba-irade-i seniyye Adana eyaletinde iskân olunmak üzere gelmiş olan Nogay muhacirleri içinde bulunan beğleri Rusya Devleti taht-ı idaresinde buldukları hengâmda Nogay kabilesinden âdet-i kadîmeleri üzere aيداتları olub anılla idare ve ta'ayyüş itmekte oldukları halde zir-i cenah-ı müstelzimü'l-felah-ı hazret-i mülûkaneye dehalet ve iltica itmiş ve bunların eday-ı teşekküründen aciz ve kasır bulunmuş iseler

³ Транскрипция выполнена Дерья Дерин Пашаоглу.

de zikr olunan kabileler aidat-ı kadîmelerini itâdan rû-gerdan olduklarından başka hükümetle içlerinden beğlerini kabul itmeyeceklerini bey'an ve kendüleri ise ziraat ve ticaretle me'lûf olmadıkları bedîhi ve ayan olmak ve şimdiki halde taraf-ı eşref-i saltanat-ı seniyyeden ihsan buyurulan yevmiyeleri ta'ayyüş itmekde iseler de yevmiyeleri kat' olunduktan sonra ne suretle ta'ayyüş idecekleri henüz mechulleri bulunmak hasebiyle icabının icrası hususunu mir-i merkumun şifahen ifade ve istida ve leffen takdim-i piş-gah-ı ali-i cenab-ı Âsifâneleri kılınan aidatlarını beyanen memhûr bir kut'a-i müzekkere ita itmiş ve bunların şu suretle istidâ-yı vâki'leri muhacirîn-i merkumenin Adana'ya celb olunan yirmi beş otuz nefer kabile-i rüesâları efendilere tefhim kılındıkda Rusya memâlikinde bunların hakkımızda olan taaddiyatları ezûn olub şimdi dahî şer'an ve kanunen olmayacak şeylerin icrasını ister olduklarından saye-i mekârîm-vaye-i cenab-ı padişahide icra buyurulan Tanzimat-ı Hayriye ve usûl-ı ma'adelet-i seniyye icabınca bizler hareket ideceğimizden onların eşkar-ı sabıkı üzerine kabul idemeyiz ancak bizler gibi ziraat ve ticaretle meşgul oldukları halde kabul idebiliriz ve işbu ifâdatımızı dahî der-bar-ı şevket karara arz itmimizi ve iktizasını Dersaadet'de cevaben ifade ve bey'an eyleyeceklerini efendi-i muma ileyhimden Dersaadet'e gitmiş olan Hacı İsmail Efendi ile refikleri Ahmed ve Yusuf ve Mehmed Gazi ve Hacı Abdulvehhab efendiler ifade ve bey'an itmişler olduğundan tarafeynin istid'a ve ifadelerinin arz u beyanına mecburiyet hâsıl olmağla arz u inhaya ictisâr olunmağın olbabda ve herhalde emrû ferman hazret-i menlehü'l emrindir. 27 Zilkâdeti'ş-şerife sene [12]76

Bende Mutasarrıf-ı Eyalet-i Adana es-Seyyid Ahmed

Ek 2: Nogay Ta'ifesinden Memleketimiz Tarafında Teâmül-İ Kadîmî (Kanun Gibi Usul) Üzere Beğlerine Viregeldikleri Kanunîyemizin Ber Vech Zîr Beyanı

1. EVVELEN her beğin kendüsüne göre cemâ'atı olub ol beğ vefat eyledikde zükûr evladına meşruta Nogay münkasım olur şöyle ki ol emre mahal-i iskânımızdan başka bir mahalle nakilhane eylediğimizde Nogay ibtida bizlere dam inşa iderek etrafını sur divarı tanzim iderler muvahharen kendülerine meşgul olur oldukları

2. SANİYEN bir beğ teehhül itmekde olsa beher hane başına birer inek götürürler üç defa ya kadar yalnız bir beğ üç def'a teehhül it'diği halde cem'an üç re's inek def'a def'a bir hane götürüb teslim eyledikleri kanunumuz kadimi olduğu

3. SALİSEN her bir Nogay bir inek boğazlasa her bir boğazlanan her cins hayvanatdan beher hayvan başına sağrının üst tarafı ve gaburgasının alt tarafını bütüin bütüin beğlere aid olarak virirler şayed bir yerine mezbur aidin bucağ dokunur ise yerine bir inek aluruz.

*-ve bizim ulema efendilerin cümlesi ancak vefat idenlere ve camilere karışirlar bundan başka dahi söze hiçbir vech karışmazlar hükümet itmezler

4. RABİEN mahsulat-ı bezr iden kimesneden yedi buçuk gülek mahsulat ahz ideriz ve beher hane başına yazın bir araba ot hayvan için ve kışın bir araba odun götürürler ve teslim iderler

5. ve hanemize gelen misafiri hanelerinde beytutet (geceleme) ve rahat itdiririz eğerce misafiri red ider ise ta'zir olarak o makulelerden birer inek ahz ideriz

6. ve her ne mahalle gitmiş olsak canımız kimi diler ise maan getiririz ve canımızın istediği hayvan her kimde bulur isek muvakkaten bineriz rıza virmez ise büyük ta'zir olur kısrağı olan kimesneden yazın bir kısrağı ve güzün bir esb aluruz ve badehu giriye viririz

7. koyunu olandan yazın bir kuzu ve güzün bir koç aluruz el-hâsıl hükümetimizden zerrece kadar çıkarlar ise ta'zir idüp o makuleden birer öküz aluruz

8. *birisi gavga idüp bir aher kimesne dahî sahib-i niza'ın birine muavin olsa mu'avinden bir inek ve yahud bir öküz alıruz tarafeyn münazaası çokdur ise ol-vakt beherinden birer öküz alınur*

9. *gavga idüb birbirlerine silah çekilür ise birer öküz alıruz*

10. *ve sariklerden dahi ellişer karbon ta'zirimiz olur*

bâlâda terkîm ve izbar kılınan keyfiyattan daha nice nice Nogay beğlerinin kanun-ı kadimî olub muceb-i kanun-ı aidat ile idare idegelmiş isek de şimdi saye-i hazret-i şahanede ne vechle idaremiç olacağı mechulümüz olub bir ticaretimiz dahi olmadığundan idareye muhtaç olduğumuz ifadesi mevazı'nda ol-babda ve her halde emr ü irade hazret-i menlehül emrindir 23 Zilkade 76.

*Kelmit Kabilesinden Herit Giray Beğ,
Nevruzoğlu Kabilesinden Ali Beğ,
Kelmit Kabilesinden Mirza Beğ,
Nevruzoğlu Kabilesinden Arslan Beğ,
Mangıt Kabilesinden Veli Beğ,
Kara Mirza Kabilesinden Musa Beğ,
Kabile-i mezburdan Han Polat,
Kelmit Kabilesinden Mehmed,
Kelmit Kabilesinden Mirze Beğ,
Nevruzoğlu Kabilesinden Timur Beğ”*

Ef3: “Adana mutasarrıfı saadetlü paşa tarafından tevârid idüp bu kere meclis-i Tanzimat'a havale buyurulan tahrirat ledel-kırâ'e hülasa-i müeddasında li-eclü'l-iskân eyalet-i mezkuraya irsal ve i'zam kılınmış olan Nogay muhacirlerinin beğleri ziraat ve hırasetten istinkâf ile usûl ve âdat-ı kadîmeleri vechle melhuf pusulada muharrer olduğu üzere muhacirinden bir takım avaid ve rüsûm-ı gayr-ı meşrûa ve ma'kule ahz ve istihsali emelinde buldukları ve muhacirin-i merkum dahî kendülerinin memalik-i mahruseye hicretlerinden sonra teb'a-i saire-i şahane misillü nail-i ni'met-i adalet ve istirahat olunarak bunların pençe-i zulm ve i'tisafından tahlis u giriban eylemeleri istirhamında oldukları bey'an ve bu babda ne vechle hareket olunmak iktiza ideceği istizan olunmuş olub ruşen-i halden müsteban olduğu vechle beğlerin meram ve maksudları bunlar haklarında kadîmden icra idegeldikleri zulm ve gadr- memalik-i mahruse-i şahanede dahî icra ve ala geldikleri bir takım avaid-i gayr-ı meşrû'ayı kemakân istifa itmek ve bu suretle bunları âdeta da'ire-i mahkumiyetde tutmak demek olub hâlbuki ta'rifden müstağni olduğu üzere muhacirin-i merkumenin tâbi'yet-i devlet-i alıyyeyi kabul ile memalik-i mahruse-i şahaneye nakl ve hicretlerinden sonra beğlerinin hükm ve nüfuzu altında kalmaları ve hilaf-ı ma'delet ve kavanin-i seniyye bir takım avaid i'tasına mecbur olmaları bir vechle tecvîz olunamayacağından bundan sonra beğler dahî cümlesi hakkında mebzul buyurulan imtiyazat ve i'angatdan hisse-mend olacakları cihetle sair hemşehrileri misüllü ziraat ve hırasatleriyle ta'ayyüş iderek muhacirin haklarında bir güne muamele-i gayr-ı layika icra ve böyle avaid ve saire ahz eyledikleri halde usul ve kavaninin-i saltanat-ı seniyyeye tatbikan mücazat olunacaklarının katıyen beğlere ve beğleri bundan böyle kendülerinden bir güne resm ve avaid mütalebe eyledikleri halde virmemeleri ısrar itdikleri suretde keyfiyeti gelüb canib-i hükümete ifade eylemeleri kaziyesinin içlerinden söz sahipleri bulunanlara ifade ve tefhimiyile ba'dezin bu keyfiyete sarf-ı enzar-ı dikkat kılınması lazım geleceğinin cevaben mutasarrıf-ı muma ileyha iş'ar-ı tezekkür ve tensib olunarak tahrirat ve pusula-i mezkure leffen pişgah-ı sami-i asafanelerine takdîm kılını ol-babda emr ü ferman hazret-i menlehül emrindir 25 zilhicce 1276”

Приложение⁴

Лист 1. [Ваши] покорные слуги докладывают о следующем.

По приказу султана, в то время как беи ногайских переселенцев, прибывших для расселения в провинции Адана, имели подать с ногайского народа, как это было при власти Российского государства, стремились к управлению и назначению налогов по старым законам, а переселенцы старались их выплачивать. Теперь они [переселенцы] нашли прибежище у высокочтимого султана. Они были беспомощны и неплатежеспособны, и указанные племена отказывались платить старые подати и объявили, что не примут в качестве правителей бея из их числа. Очевидно, они не привыкли заниматься земледелием, на данный момент от высокочтимого и достопочтенного султана назначена ежедневная выплата, и после того как будет прекращена ежедневная выплата, по причине того, что они не знают, как будут проживать дальше. Из этого следует обращение в письменной и устной форме и прикрепленное предложение было передано на рассмотрение и одобрение, и передано официальное письмо с печатью, описывающее назначенные налоги, и таким образом, упомянутые переселенцы, вызванные в Адану, обратились с такими фактами.

«Когда было объяснено главам племен, двадцати пяти-тридцати людям, что больше не будет ущемлений, противоречащих шариату и закону, направленных против нас, как это было при Российском государстве. Из-за того, что (беи) хотят, чтобы это было исполнено, падишаху было представлено данное обращение. Поскольку мы будем действовать согласно великим и справедливым законам Танзимат-ы Хайрие, которые приняты на землях падишаха, мы не можем принять прежние устои, мы сможем принять их (как беев) только если они будут так же, как мы заниматься земледелием, и наши слова передали их великому решению».

Для получения ответа упомянутый мною господин Хаджы Исмаил Эфенди и его соратники Ахмед, Юсуф и Мехмед Гази, Хаджы Абдулваххаб отправились в Стамбул, и представили [письмо], так как обе стороны должны были выразить свои мнения, дать разрешение на наше предложение. В любом случае издание указа находится в вашей власти. Я – губернатор Аданы, 27 Зуль-када 76».

Лист 2. Предоставление прав беям ногайского племени согласно старинному укладу в нашей стране

1. Во-первых, у каждого бека есть своя община, когда бек умирает, ногаи распределяются между его сыновьями. Дело в том, что если с нашего места обитания мы переселяемся в другое место, ногаи сначала строят дом⁵ нам, строят оборонительные стены⁶, затем строят себе.

2. Во-вторых, по нашему старому закону, если бек женится, с каждого хозяйства приносят по одной корове, до трех раз, если бек женится три раза, каждый раз приносят по одной корове, в общей сложности три коровы.

3. В-третьих, если ногай зарезал корову, с каждого заколотого животного верхняя часть крестца и мясо под ребрами в целом виде отдают беку в качестве доли, если указанной доли коснется нож, вместо этого взимаем корову.

*- и наши господа улемы занимаются только мечетями и усопшими, кроме этого они ни во что не вмешиваются, не ведут суждения.

⁴ Перевод с османского И.М. Миргалеева.

⁵ В оригинале для обозначения жилища использован термин «dam», означающий навес, укрытие или же домик без комнат.

⁶ Так в оригинале «sur divarı».

4. В-четвертых, с тех, кто занимается земледелием, взимается семь с половиной гюлеков урожая, каждое хозяйство летом отдает один воз сена для скотины и зимой один воз дров.

5. Гостей, прибывших в наши дома, мы отправляем на ночлег и отдых в их [ногаев] дома, в случае отказа с них взимается одна корова.

6. И если мы куда-то идем, берем с собой кого захотим, мы временно пользуемся понравившимся животным любого человека, если откажет, получит большое наказание, если у кого-то есть кобыла, летом берем одну кобылу, осенью берем одного коня, потом возвращаем.

7. С тех, у кого есть овцы, весной взимается один ягненок, осенью – один баран, если кто-то в малейшей степени отступится от подчинения нашей власти, с того взимается один бык.

8. Если кто-то устроит драку, а другой станет помогать тому, кто начал перебранку, мы заберем у того, кто ему помог, одну корову или одного быка, а если конфликт между двумя сторонами охватывает много [людей], то с каждого взимается по одному быку.

9. Если поссорятся и возьмутся за оружие, возьмем одного быка.

10. Также с воров взимается пятьдесят карбон⁷.

У ногайских беков еще много таких положений по старым законам, как перечисленные и приведенные здесь. До этого мы управлялись благодаря закону выплаты подати, на данный момент мы не знаем, каково будет наше положение при подданстве высокочтимому правителю, так как мы не занимаемся земледелием, мы нуждаемся в вашем решении, в любом случае на все ваша воля и ваши указания. 23 Зуль-када 76.

Херит Гирай бег из племени Кельмитов,

Али бег из племени Неврузоглу,

Мирза бег из племени Кельмитов,

Арслан бег из племени Неврузоглу,

Вели бег из племени Мангыт,

Муса бег из племени Кара Мирза,

Хан Полат из упомянутого племени,

Мехмед из племени Кельмитов,

Мирзе бег из племени Кельмитов,

Тимур бег из племени Кельмитов»

Лист 3. «От паши, губернатора Аданы, передана меджлису Танзимата переписка переселенцев в упомянутую провинцию в виде приложений. Учитывая данную ситуацию, что отправленные [в выделенные мигрантам области] беи ногайских переселенцев воздерживаются от земледелия и живут по старым традициям и законам, как это записано в сообщении переселенцев. Они [беки] продолжают получать некоторые доходы и незаконные налоги и имеют разные доходы и расходы от упомянутых переселенцев даже после переселения в богохранимую страну, словно старые правители, обладатели справедливости. Устав от их когтей угнетения, они [рядовые ногаи] просили помочь обеспечить их, и таким образом попросив разрешения, чтобы действовать таким образом. Очевидным образом цели и желания беев, зло и угнетения издавна направленные против них, в стране правителя [Османской империи] были освобождены от обложения

⁷ Карбон – турецкое название карбованца, денежной единицы, которая была в ходу в Польше, из польск. karbowaniec, от karbowany pieniądz ‘монета с насечками по краям’.

их некоторыми незаконными налогами. Таким образом они [рядовые ногаи] как [такие] заключенные, как это не поддается описанию. Упомянутые переселенцы приняли подданство Османской империи, и после переселения в страну правителя, были под влиянием беев и облагались некоторыми противозаконными налогами, и они с этим были не согласны. После этого [рядовые ногаи просили], чтобы все беи имели такие же привилегии, как и другие жители, чтобы они могли обеспечить себе жизнь земледелием. Если права переселенцев будут ущемляться незаслуженным обращением и налогообложением, они будут наказаны согласно священным законам. После этого если беи будут требовать налоги, пусть они будут об этом докладывать правительству, уведомлять тех, кто имеет право голоса среди них, после этого упомянутому губернатору необходимо обратиться на это пристальное внимание. Данное письменное обращение было предоставлено на рассмотрение и одобрено, таким образом указ находится в вашем распоряжении. 25 Зуль-када 1276».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Паşаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
3. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Издательство Наука» Казахской ССР, 1988. 272 с.
4. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. 751 с.
5. Derin Paşaoğlu, Derya, “Emir Edigü Ve Oğullarının Nogay Ulusundaki Yeri”, *Crimean Historical Review*, (1), 2016, s. 28–64.
6. Derin Paşaoğlu, Derya, *Nogaylar, Nogay Göçleri Ve Türkiye’de İskânları*, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi, Ankara 2009, ss. 450.
7. Kurat Akdes Nimet, *IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz’in Kuzeyindeki Türk Kavim Ve Devletleri*, Murat Kitabevi Yayınları, Ankara 2002. 511 s.
8. Novoselyskiy, A.A., *XVII. Yüzyılın Birinci Yarısında Moskova Devleti’nin Tatarlarla Mücadelesi*, Terc. Kemal Ortaylı, Haz. Erhan Afyoncu, İlyas Kamalov, TTK, Ankara 2011. 484 s.
9. Curt, Alinge, *Moğol Kanunları*, Çev. Coşkun Üçok, Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Yayınları, Ankara 1967. 214 s.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 1: Transcription, Facsimile. Seriya “Yazma Miras. Pismennoe Nasledie. Textual Heritage”. Iss. 1. D.D. Paşaoğlu (transcription), I.M. Mirgaleev (translation). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p. (In Ottoman)
2. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 2: Perevod. Series “Yazma Miras. Pismennoe Nasledie. Textual Heritage”. Iss. 5. Trans. from Ottoman Yu.N. Karimova,

I.M. Mirgaleev; general and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)

3. Kochekaev B.-A.B. Nogai-Russian relations in the 15th–18th centuries. Alma-Ata: Izdatelstvo Nauka Kazakhskoy SSR, 1988. 272 p. (In Russian)

4. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Oriental Literature, 2001. 751 p. (In Russian)

5. Derin Paşaoğlu, Derya, “Emir Edigü Ve Oğullarının Nogay Ulusundaki Yeri”, *Crimean Historical Review*, 2016, no. 1, pp. 28–64. (In Turkish)

6. Derin Paşaoğlu, Derya, *Nogaylar, Nogay Göçleri Ve Türkiye’de İskânları, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi*. Ankara, 2009. 450 p. (In Turkish)

7. Kurat Akdes Nimet, IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz’in Kuzeyindeki Türk Kavim Ve Devletleri, Murat Kitabevi Yayınları. Ankara, 2002. 511 p. (In Turkish)

8. Novoselyskiy A.A. *XVII. Yüzyılın Birinci Yarısında Moskova Devleti’nin Tatarlarla Mücadelesi*, Trans. Kemal Ortaylı, Haz. Erhan Afyoncu, İlyas Kamalov, TTK. Ankara, 2011. 484 p. (In Turkish)

9. Curt, Alinge, Moğol Kanunları, Çev. Coşkun Üçok, Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Yayınları. Ankara, 1967. 214 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дерья Дерин Пашаоглу – Ph.D. (история), доцент кафедры истории, факультет литературы, Караденизский технический университет (61080, Трабзон, Турция); ORCID: 0000-0002-4046-6070. E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilynur1976@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Derya Derin Paşaoğlu – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Letters, Karadeniz Technical University (Trabzon 61080, Turkey); ORCID: 0000-0002-4046-6070. E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

Ilnur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilynur1976@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 04.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 1.04.2024

Принята к публикации / Accepted 31.05.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.467-478>
EDN: CZBNMS

УДК 93/94

КАЗАХСКИЕ ХАНЫ XV–XVII ВВ. В НАУЧНОМ
НАСЛЕДИИ ШИХАБУТДИНА МАРДЖАНИ*Н.А. Атыгаев*

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Алматы, Республика Казахстан
nuratygaev@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: рассмотрение сведений о казахских ханах XV–XVII вв., которые содержатся в научном наследии Шихабутдина Марджани.

Материалы исследования: труды Ш. Марджани, средневековые письменные исторические источники и историческая научная литература по истории Казахского ханства XV–XVII вв.

Результаты и научная новизна: в результате изучения трудов Шихабутдина Марджани выяснено, что в его трудах «Мустафад ал-ахбар» и «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» приведены небольшие материалы о казахских ханах XV–XVII вв., начиная от основателей государства джучидов Гирея и Джанибека до Тауке-хана, сына Жангир-хана, последнего правителя единого Казахского ханства. Установлено, что в качестве основных источников для его трудов послужили исследования таких историков предшествующего периода как А.И. Левшин, В.В. Вельяминов-Зернов, а также известные исторические сочинения мусульманских авторов средневековья, написанные на персидском и тюркском языках. Среди этих исторических сочинений можно отметить «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата, «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека (Кадыргали-бека Косумулы из рода жалаир), «Шаджара-йи тюрк» Абу-л-Гази-хана. Обращено внимание на то, что в своих работах Марджани использует терминологию, которая отличается от терминологии, принятой в российской литературе того времени. Это объясняется тем, что он был представителем мусульманского мира и писал свои труды, прежде всего, для мусульман. Поэтому в отличие от других российских историков XIX в. он не пишет «киргиз», а использует аутентичное название народа «казах» (казак), принятое среди мусульманских народов. Для обозначения владений казахских ханов Марджани применяет термин «Казахстан» который встречается в некоторых трудах мусульманских авторов средневековья. Также он использует тюркские названия (Улу[г] йуз, Орта йуз, Кичи йуз) для обозначения казахских жузов. В целом, научные труды Ш. Марджани представляют интерес для исторической науки Казахстана, прежде всего, наличием в них сведений по истории Казахского ханства и его правителям. Научная новизна исследования заключается в том, что в данной работе специально рассмотрены сведения о казахских ханах XV–XVII вв., которые содержатся в научных трудах Марджани и выявлены некоторые ошибки в их переводах на русский язык.

© Атыгаев Н.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Ш. Марджани, «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар», «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф», история Казахстана, казахские ханы, исторические источники

Для цитирования: Атыгаев Н.А. Казахские ханы XV–XVII вв. в научном наследии Шихабутдина Марджани // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 467–478. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.467-478> EDN: CZBNMS

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования (проект ИРН BR18574223).

KAZAKH KHANS OF THE 15th–17th CENTURIES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF SHIGABUTDIN MARJANI

N.A. Atygayev

*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Republic of Kazakhstan
nuratygaev@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The consideration of information about the Kazakh khans of the 15th–17th centuries, contained in the scientific heritage of Shihabudin Marjani.

Research materials: Sh. Marjani’s works, medieval written historical sources, and historical scientific literature on the history of the Kazakh Khanate of the 15th–17th centuries.

Results and scientific novelty: As a result of studying the works of Shigabudin Marjani, it was found that in his works, “Mustafad al-akhbar” and “Wafiyat al-aslaf wa tahiyat al-akhlaf,” there is little material about the Kazakh khans of the 15th–17th centuries, starting with the founders of this Juchid state, Kerey and Zhanibek to Tauke-khan, son of Zhangir-khan, the last ruler of the unified Kazakh Khanate. It is established that the main sources for his work were the studies of such historians of the previous period as A.I. Levshin, V.V. Velyaminov-Zernov, as well as famous historical works by Muslim authors of the Middle Ages, written in Persian and Turkic languages. Among these historical works, it is possible to mention “Tarikh-i Rashidi” by Mirza Muhammad Haidar Duglat, “Jami at-tavarikh” by Kadir-Ali-bek (Kadirgali-bek Kosumuly), and “Shajara-yi Turk” by Abu-l-Gazi-khan.

Attention is drawn to the fact that in his works, Marjani uses terminology that differs from the terminology adopted in Russian literature of that time. This is explained by the fact that he was a representative of the Muslim world and wrote his works for the Muslims. Therefore, unlike other Russian historians of the 19th century, he writes “Kyrgyz”, and uses the authentic name of the nation “Kazakh” that was accepted among Muslim nations.

Marjani uses the term “Kazakhstan” to denote the possessions of Kazakh khans, something which is found in some works of Muslim authors of the Middle Ages. He also uses Turkic names (Ulu[g] yuz, Orta yuz, Kichi yuz) to denote the Kazakh yuzs.

In general, the scientific works of Sh. Marjani are of interest to the historical science of Kazakhstan as they contain information on the history of the Kazakh Khanate and its rulers. The scientific novelty of the study is that in this work, for the first time, the information about the Kazakh khans of the 15th–17th centuries, which are contained in the scientific works of Marjani, are highlighted and some errors in their translations into Russian are revealed.

Keywords: Sh. Marjani, “Mustafad al-akhbar fi ahwali Kazan va Bulgar”, “Wafiyat al-aslaf wa tahiyat al-akhlaf”, history of Kazakhstan, Kazakh khans, historical sources

For citation: Atygayev N.A. Kazakh khans of the 15th–17th centuries in the scientific heritage of Shigabutdin Marjani. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 467–478. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.467-478> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of program-targeted funding (project IRN BR18574223).

Введение

Имя Марджани сегодня знакомо широкому кругу читателей. Видный татарский религиозный деятель и ученый XIX века Шихабутдин Марджани написал более 30 работ по истории, этнографии, философии, теологии и другим аспектам жизни мусульманских народов. Его труды переиздаются, переводятся и изучаются учеными различных стран. Это говорит об их востребованности и в наши дни.

Научное наследие Ш. Марджани представляет интерес и для казахской исторической науки, т.к. в нем нашли отражение и некоторые материалы по средневековой истории Казахстана, в том числе и по истории средневекового государства казахского народа – Казахского ханства. Именно на этих сведениях ученого и хотим остановиться в данной работе.

Обсуждение

Одной из крупных и особо важных для исторической науки работ Ш. Марджани является «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара) или сокращенно «Мустафад ал-ахбар». Как известно, первый том данного труда был завершен Марджани 1875 г. и опубликован в 1885 г. (второе издание было осуществлено в 1897 г.) [13] Почти 100 лет спустя в 1989 г. под редакцией Р.А. Зилевой был опубликован на кириллице сокращенный татарский текст «Мустафад аль-ахбар» [14], однако в данное издание не вошел раздел о казахских ханах. В 2005 г. в Казани вышел русский перевод 1 части этого труда [15], однако и в нем имелись весьма существенные недостатки [17]. Сейчас д.и.н. Рамилем Адыгамовым подготовлен новый перевод «Мустафад аль-ахбар» с татарского на русский язык¹. Это огромная и очень сложная работа, учитывая, что текст «Мустафад ал-ахбар» помимо тюркского (татарского) языка содержит вставки на арабском и персидском языках. В данном труде Марджани имеются сведения и о Казахском ханстве и казахских ханах.

Во вводной части «Мустафад ал-ахбар» Марджани, рассказывая историю Улуса Джучи, пишет, что в результате борьбы между потомками Джучи-хана племени (قبيلندن, кабиландан) разделили владения на отдельные государства (دولتلرى, даулатлары). Затем он перечисляет эти новообразованные государства, возникшие на месте Улуса Джучи, и шестым (سادس, садис) государством называет Казахское ханство, созданное Гирей-ханом и Джанибек-ханом [13, с. 6], потомками чингизида Урус-хана. Очень важно, что Марджани в дальнейшем называет его «казахское государство» (قزاقيه دولتى, казакие даулати)². Так он пишет, что во

¹ Мы очень благодарны Р. Адыгамову за возможность ознакомиться с еще неизданным переводом раздела о казахских ханах. Этим исследователем также была опубликована работа, посвященная определению источниковой базы первого тома «Мустафад ал-ахбар» [1].

² В переводе «Мустафад ал-ахбар» 2005 г. употребляется также термин «кочевое государство». Говорится, что казахское «кочевое государство достигло такой силы,

время правления Тауке-хана (в переводе – Тука хан, Туке хан) «казахское государство было на вершине своего могущества» [13, с. 153]. Это указывает на то, Марджани признавал за Казахским ханством статус равный другим государствам-преемникам Улуса Джучи – Крымскому, Казанскому, Астраханскому ханствам и др.

Следует отметить, что Марджани был представителем мусульманского мира и писал свои труды, прежде всего, для мусульман. Поэтому в отличие от других российских историков XIX в. он не пишет «киргиз», а использует аутентичное название народа «казах» (қазак)³ [10, с. 85], принятое среди мусульманских народов.

Для обозначения владений казахских ханов Марджани не использует принятое в российской литературе того времени наименование «Киргиз-казачья или киргиз-кайсацкая орда» (А.И. Левшин), «Казацкая Орда» (В.В. Вельяминов-Зернов), «Киргиз-кайсацкая степь» (Я.П. Гавердовский), «Киргизская степь» (Г.Ф. Генс) и др. Он применяет термин «Казахстан» (Қазақстан – قزاقستان), [13, с. 6, 152], который встречается в некоторых трудах мусульманских авторов средневековья.

Также Марджани не использует в своих трудах принятое в дореволюционной российской историографии обозначение казахских жузов (Большая Орда, Средняя Орда, Меньшая или Малая Орда), а пишет их тюркские названия (Улу[г] йуз, Орта йуз, Кичи йуз) [13, с. 7, 153].

В «Мустафад ал-ахбар» казахским ханам посвящается целый раздел, который так и называется «Раздел о казахских ханах Дешт-и Кипчака» [13, с. 151–156]. В нем Марджани указывает, что казахские ханы являются потомками Барак-хана⁴, сына Койурчука, сына Урус-хана («Бурак хана ибн Кююрчик хана ибн Рус хана»), что не совсем точно, т.к. сыном потомком Барак-хана был только Джанибек-хан, а Гирей-хан был сыном Болата, внуком Токтакии и правнуком Урус-хана [16, с. 42].

Далее в «Мустафад ал-ахбар» пересказывается известная история образования Казахского ханства, которая в исторических источниках впервые была приведена в «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата. Следует отметить, что к этому времени сведения о казахских ханах уже были известны русской исторической науке благодаря трудам А.И. Левшина и В.В. Вельяминова-Зернова [11; 7].

Однако у Марджани есть сведения, которых нет в работах других российских историков предшествующего времени и не встречались в известных нам средневековых сочинениях. Пока нам еще не понятно, были ли эти сведения извлечены Марджани из каких-то недошедших до нас письменных исторических источников или же это является следствием его ошибок.

Например, в разделе о казахских ханах Марджани называет «первым казахским ханом» некоего «Ахмад-хана⁵, сына Бурак-хана» [13, с. 152]. Согласно переводу Р. Адыгамова, он был известен как «Кудай-хан», а в издании 2005 г. это указание Марджани было пропущено [15, с. 173].

что смогло захватить города Туркестан и Ташкент» [15, с. 9], однако в издании 1897 г. этот термин не отсутствует [13, с. 7].

³ См.: [2] о трансформации семантики термина и этнонима «казах» (казак).

⁴ См.: [21] о Барак-хане и его улусе

⁵ Историк конца XIX в. Абд ал-Кадир в «Маджма ал-ансаб ва-л-ашджар», опираясь на эти сведения Марджани, называет Гирей-хана Ахмед-ханом [9, с. 262].

В издании «Мустафад ал-ахбар» 1897 г. второе имя Ахмад-хана указано как Кедай-хан (كداى خان) [13, с. 152]. Очевидно, что здесь произошла опечатка, вместо ر (рэ) напечатали د (даль) и речь идет о Гирей-хане, т.к. во вступительной части этого труда указан Гирей-хан (كبرى خان, Кери-хан, Гирэй-хан) [13, с. 6; 14, с. 47; 15, с. 9].

Марджани, согласно изданию «Мустафад ал-ахбар» 2005 г., далее пишет, что после Гирей-хана «власть перешла к его сыну Бурундуку, который избрал своей ставкой город Сарайчик. В его подчинении находились дети Джанибека, Айранчи хан, Ядик хан и Касим хан» [15, с. 172]. Несколько иначе выглядит этот отрывок в новом переводе Р. Адыгамова: «Затем правил его сын Бурундук-хан, занявший престол после отца. По закону отца Джанибека ему подчинились Иранчи-хан, Йадик-хан и Касим-хан». Однако здесь ничего не сказано о правлении Бурундук-хана в Сарайчике, который есть в издании «Мустафад ал-ахбар» 1897 г. [13, с. 152] Все эти сведения полностью согласуются с данными «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара, которые приводились в работе В.В. Вельяминова-Зернова [7, с. 152–154].

Представляет также интерес сведения Ш. Марджани о знаменитом правителе Казахского ханства Касым-хане, сыне Джанибек-хана. В издании «Мустафад ал-ахбар» 2005 г. сообщается: «После смерти Ядик хана, Касим-хан взял всю власть в свои руки, а Бурундук именовался ханом только номинально. Впоследствии он был изгнан из страны и умер в Самарканде. Касим-хан был очень умным и мужественным человеком, поэтому он смог подчинить себе весь Дешт-и-Кипчак. Говорят, что после Джучи Касим был первым человеком, который смог объединить Дешт-и-Кипчак, и даже хан Шайбани, обладая огромной мощью, не осмеливался воевать с Касим-ханом. Касим-хан умер в Сарайчике в 930 г. (1529 г.)» [15, с. 173]. Однако данный перевод содержит некоторые неточности. Р.К. Адыгамов подготовил новый перевод: «В 919 г. (1513 г.) после смерти Йадик-хана верх одержал его брат Касим-хан, и Бурундук-хан остался ханом только номинально. В итоге он был изгнан и умер в изгнании в Самарканде. Затем правил его племянник Касим-хан сын Абу Са‘ида Джанибека, который был щедрым, доблестным, умным, бережливым и могущественным человеком. Ему удалось полностью овладеть Дешт-и-Кипчаком. Говорят, что после Джучи-хана не было правителя, кроме Касим-хана, способного подчинить это царство. Даже Шайбани-хан, обладая силой и могуществом, не смог ему противостоять. В итоге, опасаясь Касим-хана, он потерпел поражение и был убит войском Исма‘ила ас-Сафави. Касим-хан умер в 930 г. (1523 г.) в городе Сарайчике» [15, с. 173]. Эти данные о Касым-хане практически полностью повторяют сведения «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара, которые приводились в работе В.В. Вельяминова-Зернова [7, с. 152–154]. Единственное исключение – дата смерти Касым-хана. В «Тарих-и Рашиди» указывается, что данное событие имело место после 924 г.х./1518 г. [18, с. 324] Сведения о том, что Касым-хан умер в 930 г.х./1523–1524 гг. содержатся в некоторых других исторических сочинениях сефевидской и османской историографии. Например, эта дата указана в «Раузат ат-тахирин» Тахир Мухаммеда, на что обратил свое внимание еще В.В. Вельяминов-Зернов [7, с. 266]. О смерти Касым-хана в 930 г.х./1523–1524 гг. пишут сефевидские историки XVI в. Кази Ахмада Гаффари [19, с. 212, 271 (л. 158а)] и Хасан-бек Румлу [22, с. 183; 23, с. 90], а также османские авторы Мунаджжим-баши [20, с. 170] и Катиб Челеби [24, с. 62].

Ш. Марджани кратко упоминает о Касым-хане также в разделе об Аштарханидских правителях. Он указывает, что «в это время в Казахстане был Касым ибн Жанибек хан» [13, с. 135].

Некоторые сведения о Касым-хане⁶ приводятся в другом труде Марджани «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). Представляет интерес приводимое здесь полное мусульманское имя Касым-хана, которое не встречается в других исторических источниках и исследованиях: «Абу-л-Музаффар Касим-хан б. Саид-хан б. Абу Саид Джанибек-хан б. Барак-хан б. Кадирчак-хан б. Рус-хан ат-Тюрки ал-узбеки» [12, с. 70]. Как известно, в арабском языке «Абу» является составной частью личного имени и относится к категории, известной как «кунья». В куньи обычно указывается имя старшего сына, в данном случае «Абу-л-Музаффар» обозначал – «отец Музаффара». Кунья имеет и другое значение – употребляется как особого рода прозвище, обозначающее личное качество его носителя. В источниках нет сведений о наличии у Касым-хана сына по имени Музаффар. Поэтому, на наш взгляд, более приемлемо второе значение арабского имени «Абу-л-Музаффар» – «отец-победитель». Возможно, Касым-хану это имя было дано из-за победы над Мухаммад Шейбаниханом в 1510 г.

В «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» тоже дается очень высокая оценка Касым-хану. В труде говорится: «Он был одним из самых великих правителей Казани и земли Берке, которая известна как Дашт-Кипчак. Он был могущественным правителем, привел в порядок государственные дела, подавив мятежников. Его войско достигало 300000 человек или даже больше. В конце 915 года потерпел от него поражение Шайбани-хан. Он правил городом Астрахан и другими городами этого государства, став правителем после своего брата Адика в 915 году...». В этом труде приведены два года смерти Касым-хана – 925 г.х. /1519 и 930 г.х. / 1523–1524 гг. Указывается, что он умер в Сарайчике [12, с. 70–71]. О захоронении Касым-хана в Сарайчике помимо «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара сообщается и в «Джами ат-таварих» («Сборнике летописей») Кадыр Али-бека (Кадыргали-бека Косумулы Жалаири) [6, с. 163] Однако указанные датировки смерти Касым-хана не верны. Время смерти (1521 г.) великого казахского правителя было установлено на основе сообщений русских источников А.И. Исиным [8, с. 62]

О преемниках Касым-хана на троне Казахского ханства в издании «Мустафад ал-ахбар» 2005 г. приводятся следующие сведения: «После него престол занял его сын Хакназар, затем его брат Мамаш хан, после этого его племянник Тахир хан ибн Ядик хан. После этого по порядку Саламыш хан, его дядя Тугум хан, однако к 940 г. (1539 г.) у него осталось только двадцать тысяч последователей. Затем ханом стал Буйдуш, который получил от монголов⁷ в поддержку 3000 воинов, но погиб во время битвы с Дарвиш ханом ибн Бураком» [15, с. 173–174]. Р. Адыгамов предлагает следующий, более приемлемый, перевод данного отрывка: «Затем правил его сын Хак Назар-хан, затем его брат Мамаш-хан, затем его племянник Тахир, сын Йадик-хана, во время которого мангиты одержали верх, что стало причиной ослабления казахского государства. Его обращение за помощью в Моголистан не принесло никакой пользы. Затем правил его сын Саламыш-хан, затем его дядя Тугум-хан, во времена которого в 940 г. (1533 г.) чис-

⁶ А.Н. Юзеев, издавший отрывки из этой книги Марджани, ошибочно идентифицирует его с сыном золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда Касым-ханом [12, с. 117].

⁷ Здесь тюркоязычные могулы переведены ошибочно как монголы, что является распространенной ошибкой [4, с. 28]. В издании «Мустафад ал-ахбар» 1897 г. говорится, что Буйдаш-хан поехал в Могулистан, где насилем собрал 3 тысячи человек [13, с. 153].

ленность его последователей сократилась до двадцати тысяч. Затем правил его брат Буйдаш-хан, который обманом (силой) собрал три тысячи человек в Моголистане, выступил против Дервиш-хана сына Барк-хана и был убит.

Основная часть этих сведений были приведены тогда в труде В.В. Вельяминова-Зернова [7, с. 274–275], но в «Мустафад ал-ахбар» допущены некоторые неточности. Прежде всего не верно указана очередность правления казахских ханов после Касым-хана. Согласно «Тарих-и Рашиди», правителем Казахского ханства после смерти Касым-хана стал его старший сын Мамаш-хан. А Хакк-Назар-хан правил казахским государством во второй половине XVI в. [3, с. 59–60].

Тахир-хан в «Мустафад ал-ахбар» неверно назван сыном Ядик-хана, он был сыном Адик-султана, старшего брата Ядик-султана (Жадик-султана). потомки которого правили Казахским ханством после смерти Хакк-Назар-хана более двух столетий [20, с. 190, 192].

Сведения о смерти Буйдаш-хана в сражении с узбекским правителем Дарвиш-ханом, сыном Шибанида Барак-хана, содержится в труде «Джами ат-таварих» («Сборнике летописей») Кадыр Али-бека [6, с. 164], с которым Марджани был хорошо знаком. Однако в этом труде не говорится, что он получил в поддержку 3000 воинов от моголов. Не сообщают об этом и другие известные исторические источники («Сирадж ас-салакин ва латаиф ал-арифин» Убайдуллы Самарканди и «Манакиб-и маулана Лутфуллах Чустии»), в которых содержатся сведения о сражении казахских войск Буйдаш-хана с узбекским войском Дарвиш-хана в 1559 г. О том, что брат Тахир-хана Буйлаш (Буслаш, Булаш) собрал под свою власть 30 тысяч человек в Моголистане сообщается в «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара Дуглата [7, с. 153; 18, с. 324].

Сведений о правлении в Казахском ханстве Саламыш-хана, сына Тахир-хана, сына Адик-султана нет в других письменных источниках. Вероятно, речь идет о другом сыне Адик-султана Бауш-хане, который в действительности был братом Тахир-хана и правил над казахами короткое время в 30-е гг. XVI в. [3, с. 56–57]. В «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» он назван как «Бувидаш-хан». В этом труде о ханах этого периода сообщается очень мало. Шихабутдин Марджани пишет, что после смерти Касым-хана «некоторое время правили его сыновья: Хакк Назар-хан б. Касим-хан, Мухас-хан и сыновья его брата Адика: султан Тахир-хан, Бувидаш-хан...» [12, с. 71]. Мухас-хан, вероятно, Мамаш-хан, о котором говорилось выше.

Содержатся в «Мустафад ал-ахбар» сведения о правившем Казахским ханством во второй половине XVI в. недолгое время хане Шигае, сыне Адик-султана. В издании 2005 г. говорится: «За ним на престол взошел Шагай хан Бахадир, который умер в 988 г. (1578 г.) и был похоронен в одежде с серебряными украшениями» [15, с. 174]. Данный перевод не точный, топоним «Кумушкенд» (кумуш-күміс-серебро) был переведен здесь как «одежда с серебряными украшениями». Р. Адыгамов предлагает новый перевод данного отрывка: «Затем правил его дядя Шугай-хан, богатырь и победитель. Он умер в 988 г. (1580 г.) и был похоронен в Кумушкенде». О том, что Шигай-хан умер в одиночестве и был захоронен в Кумушкенте (کوشکنده)⁸, недалеко от Бухары, «под сенью Али-аты», говорится в труде «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-бека (Кадыргали-бека Косумулы Жалаири) [6, с. 164–165]. Эти сведения уже были приведены В.В. Вельяминовым-Зерновым [7, с. 276], однако в «Джами ат-таварих» не указывается дата смерти Шигай-хана. Согласно сведе-

⁸ Согласно же сочинению «Кисса-дастан Шынгыс хан» (XIX в.), Шигай-хан был похоронен в местности Пиримкент, относящейся к Самарканду [5, с. 19, 60, 100].

ниям «Шараф-наме-йи шахи» («Абдулла-наме») Хафиз-и Таныша, которые приво-
дил В.В. Вельяминов-Зернов, в 1582 г. Шигаи-хан был еще жив [7, с. 324].

Сведения о следующем казахском правителе Таукель-хане, сыне Шигаи-
хана, имеются в двух местах «Мустафад ал-ахбар». Во вводной части сочинения,
согласно изданию 2005 г., содержится следующее сведение: «А Хан Тукел ибн
Шагаи ибн Ядик даже некоторое время держал в осаде город Самарканд, прави-
телем которого в то время был Пирмухаммад хан. Во время правления Бирр хана
они захватили западную часть степи и прогнали из нее башкир» [15, с. 9]. Дан-
ный перевод также не точен. В тексте «Мустафад ал-ахбар» 1897 г. указано:
«Таукель хан ибн Шигаи ибн Ядик хан захватил Самарканд, потом направился в
Бухару и осадил [город] Пирмухаммад-хана. В то время, живя под властью одно-
го хана, когда их потомки подросли, они погнали живших западнее их башкир
еще дальше на запад» [13, с. 7].

В издании «Мустафад ал-ахбар» 2005 г., в разделе о казахских ханах о Тауе-
кель-хане далее сообщается: «Вслед за ним ханом стал его сын Тукель хан, кото-
рый одержал победу над ханом Абдуллой и стал правителем Мавераннахра, а
после смерти его брата Абдурахмана осадил Бухару во время правления Пирму-
хаммад хана. Был ранен и умер в 1007 г. (1599 г.)» [15, с. 174]. Однако и этот
перевод содержит существенные недостатки. Р. Адыгамов предлагает другой
более приемлемый перевод: «Затем правил его сын Тукел-хан. Он держал победу
над войском ‘Абдуллы-хана, в результате чего завладел Самаркандом и большей
частью Мавераннахра. А после смерти ‘Абдуллы-хана и его сына ‘Абд ал-
Му’мин-хана осадил Бухару во время правления Пир Мухаммад-хана. Получив
ранение, вернулся в свою ставку и умер в 1007 г. (1598 г.)». Эти сведения о походе
Таукель-хана в Мавераннахр в 1598 года были приведены еще В.В. Вельями-
новым-Зерновым [7, с. 351].

О правившем после Таукель-хана его брате Есим-хане в «Мустафад ал-
ахбар» сообщается: «После него на престол взошел Ишим хан, он в тысяча пяти-
десятих годах убил Турсун хана и завладел Ташкентом» [15, с. 174]. Речь здесь
идет о междоусобной борьбе казахских правителей Есим-хана и Турсун-
Мухаммад-хана, о которой говорилось в «Шаджара-йи тюрк» Абу-л-Гази-
бахадур-хана и были приведены в работах А.И. Левшина, В.В. Вельяминова-
Зернова [25, с. 167; 11, с. 58; 7, с. 372–373]. Однако указанный год смерти Тур-
сун-хана – 1050 г.х. / 1640 г., не соответствует действительности. Исследователи
данное событие датируют 1626/1627 гг. [20, с. 217–218].

Относительно известного казахского правителя Жангир-хана (Жахангир-
хана), сына Есим-хана, в «Мустафад ал-ахбар» сообщается только, что он «пол-
ностью подчинил себе всю территорию Казахстана» [13, с. 153]. Хотя о Жангир-
хане писали И. Фишер, Г.Ф. Миллер, А.И. Левшин, В.В. Вельяминов-Зернов,
однако ни у одного из них не указывалось, что Жангир-хан «полностью подчи-
нил себе всю территорию Казахстана».

Сведения о Тауке-хане, сыне Жангир-хана, который считается последним
правителем единого Казахского ханства [20, с. 226–229], содержатся в двух мес-
тах «Мустафад ал-ахбар». Во вводной части сочинения, согласно изданию 2005 г.,
приводится следующее сведение: «Позднее хан Туки ибн Джахангир поделил
казахские племена и земли на три части: большой джуз, во главе которого встал
Толеби, средний джуз, во главе которого встал Кузыби, и малый джуз, во главе
которого встал Итякби» [15, с. 9]. Данный перевод также не является точным. В
тексте «Мустафад ал-ахбар» 1897 г. указывается: «Около 1100 года хиджры во
времена Туке ибн Жахангир хана Казахстан был им поделен на три части: Улуг

йуз, Орта йуз, Кичи йуз. Они подчинялись трем правителям (حاكم, хахим, аким), имена которых Улуг йузе Тулеби, Орта йузе Кузиби, Кичи йузе Айтак (Итак) би. Позже в каждом йузе стали избираться ханы и они разделились. В конце концов они вошли в подчинение власти России» [13, с. 7].

Далее в разделе о казахских ханах, согласно изданию «Мустафад ал-ахбар» 2005 г., сообщается: «Затем на престол взошел его сын Тука хан, при нем казахское государство достигло своего расцвета и было поделено на три джуза. Правителем старшего джуза был назначен Толеби, среднего джуза Кузыбек, младшего джуза Итакби, все они починались Тука хану. Тука хан умер в 1129 г. (1717 г.), и его заменил Тула хан, который в 1180 г. (1767 г.) еще был жив» [15, с. 174]. Р.К. Адыгамов предлагает другой перевод данного отрывка: «Затем правил его сын Туке-хан, во времена правления которого казахское государство было на вершине своего могущества. Он поделил Казахстан на три части, в каждой из которых был свой повелитель, правивший от имени Туке-хана. В старшем жузе правил Толеби, в среднем – Кузи-бек, в младшем – Итак-би. Туке-хан умер в 1129 г. (1716 г.)». Все эти сведения о Тауке-хане и казахских биях были приведены в работе А.И. Левшина [11, с. 64–65], но у Марджани имена знаменитых казахских биев (Толе-бия, Казыбек-бия и Айтеке-бия) были искажены.

Заключение

Таким образом, в результате изучения трудов Шихабутдина Марджани выяснено, что в его трудах «Мустафад ал-ахбар» и «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» приведены небольшие материалы о казахских ханах XV–XVII вв., начиная от основателей государства джучидов Гирея и Джанибека до Тауке-хана, сына Жангир-хана, последнего правителя единого Казахского ханства. Установлено, что в качестве основных источников для его трудов послужили исследования таких историков предшествующего периода как А.И. Левшин, В.В. Вельяминов-Зернов, а также известные исторические сочинения мусульманских авторов средневековья, написанные на персидском и на тюркском языках. Среди этих исторических сочинений можно отметить «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата, «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека, «Шаджара-йи тюрк» Абу-л-Гази-хана.

В своих работах Марджани использует терминологию, которая отличается от терминологии принятой в российской литературе того времени. Это объясняется тем, что он был представителем мусульманского мира и писал свои труды, прежде всего, для мусульман. Поэтому в отличие от других российских историков XIX в. он не пишет «киргиз», а использует аутентичное название народа «казах» (казак), принятое среди мусульманских народов. Для обозначения владений казахских ханов Марджани применяет термин «Казахстан» (Қазақстан), который встречается в некоторых трудах мусульманских авторов средневековья. Также он использует тюркские названия (Улу[г] йуз, Орта йуз, Кичи йуз) для обозначения казахских жузов. В целом, научные труды Ш. Марджани представляют интерес для истории Казахстана, прежде всего, наличием в них сведений по истории Казахского ханства и его правителям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адыгамов Р.К. Источниковая база первого тома «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 674–686. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686>

2. Атыгаев Н.А. Трансформация семантики термина и этнонима казак (قازاق/qazaq/казах) в Восточном Дешт-и Кыпчаке // Урало-алтайские исследования. 2021, 42(3). С. 7–18. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18>
3. Атыгаев Н.А. Хронология правления казахских ханов (XV – середина XVI в.) // Тюркологический сборник / Ин-т востоковедения РАН, С.-Петерб. филиал. М.: Вост. лит., 1970. 2006 / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.Н. Султанов, В.В. Трепавлов. 2007. 366 с. С. 56–57.
4. Атыгаев Н.Ә. Қазақ тарихына қатысты ортағасырлық дереккөздерді ғылыми айналымға енгізу жұмыстарының кейбір мәселелері // Uluslararası türkçe tarihî metin araştırmaları sempozyumu (metin yayımı, kataloglama, dijitalleştirme) bildiriler. Nosa Ahmet Yesevi Üniversitesi Avrasya Araştırma Enstitüsü (ERI), Almatı, 2019. 410 s.
5. Әбрахман Өзгенди. Кисса-дастан Шыңғыс хан: қолжазба факсимилесі. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 182 б.
6. Березин И.Н. Библиотека восточных историков. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Т. II. Ч. I. Казань: Типография губернского правления, 1854. VII + 171 с.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. 498 с.
8. Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI века. Изд. испр. и доп. Алматы, 2004. 160 с.
9. История Казахстана в персидских источниках. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 262.
10. Қосанов С. Шихабуддин әл-Марджани және қазақ мәдениеті / Еуразия түркілері: әдеби-мәдени сұхбат (XIX–XX ғғ.). Алматы: Әдебиет әлемі, 217. 280 б.
11. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Санкт-Петербург: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.
12. Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствии потомкам) / Пер. с араб., комм., вступит. статья и прим. д.ф.н. А.Н. Юзеева. Казань: Иман, 1999. 126 с.
13. Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Часть (кисм) 1. Казань: типография Б.Л. Домбровского, 1897. 264 с.
14. Марджани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 б.
15. Марджани Шихабутдин. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. Казань: Фэн, 2005. 255 с
16. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1969. 652 с.
17. Миргалеев И.М.К вопросу о достоверности перевода на русский язык книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар» // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С. 239–241.
18. Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой, 2-е издание, дополненное. Алматы: Санат, 1999. 656 с.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечение из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л., 1941. 308 с.
20. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. 276 с.
21. Ускенбай К.З. Улус Барак-хана: некоторые вопросы локализации кочевий в свете письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 47–65. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.47-65>

22. A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Edited by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). Baroda: Oriental Institute. 1931. Vol. I (Persian Text). 510 p.

23. A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Translated by C. N. Seddon, M. A., j. c. s. (Retired). Baroda: Oriental Institute. 1934. Vol. II (English Translation). 302 p.

24. Eren H., Muminov A., Uygur S. New source on the history of Juchid dynasties // *Medieval History of Central Eurasia*. 2020, no. 2 (1), pp. 29–72.

25. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi behadour Khan. Publiee, traduite et annotee par Le Baron Desmaisons. Tome I. Texte. St.Petersbourg, 1871. 386+2 p. Vol. II. Traduction. St. Petersburg, 1874. 394 p.

REFERENCES

1. Adygamov R.K. Marjani's sources for the first volume of his "Mustafad al'-akhbar fi Ahwali Qazan wa Bulgar". *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 674–686. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686> (In Russian)

2. Atygayev N.A. Transformation of the semantics of the term and ethnonym kazakh (قزاق/ qazaq/kazakh) in the East Desht-i Kypchak. *Uralo-altayskie issledovaniya=Ural-Altai Studies*. 2021, 42(3), pp. 7–18. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18> (In Russian)

3. Atygayev N.A. Chronology of the reign of the Kazakh khans (15th-mid-16th century). *Tyurkologicheskiy sbornik*. 1970–2006. Red. kol. S.G. Klyashtorniy (pred.), T.N. Sultanov, V.V. Trepavlov; St. Petersburg: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Oriental Literature, 2007, pp. 50–62. (In Russian)

4. Atygayev N.A. Some problems of introducing medieval sources into scientific circulation related to Kazakh history. *Uluslararası türkçe tarihî metin araştırmaları sempozyumu (metin yayımı, kataloglama, dijitalleştirme) bildiriler*. Hoca Ahmet Yesevi Üniversitesi Avrasya Araştırma Enstitüsü (ERI). Almaty, 2019. 410 p. (In Kazakh)

5. Abraham Ozgendi. Kissa-dastan Genghis Khan: manuscript facsimile. Almaty: Qazaq universiteti, 2020. 182 p. (In Kazakh)

6. Berezin I.N. Library of Eastern Historians. Collection of Chronicles. Tatar text with a Russian preface. Vol. 2. Part 1. Kazan: Tipogragiya gubernskogo pravleniya, 1854. VII + 171 p. (In Russian, Turkish)

7. Vel'yaminov-Zernov V.V. A Study on Kasimov Tsars and Princes. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1864. 498 p. (In Russian)

8. Isin A. Kazakh Khanate and the Nogai Horde in the second half of the 15th–16th century. Almaty, 2004. 160 p. (In Russian)

9. History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 2. Almaty: Dayk-Press, 2005. 262 p. (In Russian)

10. Qosanov S. Shihabuddin al-Marjani and Kazakh culture. *Euraziya turkileri: adebi-madeni suhbat (19th–21th)*. Almaty: Adebiet alemi, 2017. 280 p. (In Kazakh)

11. Levshin A.I. Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes. St.Petersburg: Tip. Karla Kraiya, 1832. 334 p. (In Russian)

12. Marjani Sh. Vafiyat al-aslaf va tahiyyat al-ahlaf. Details about predecessors and greetings to descendants. Trans. from arab., komm., introductory article and ed. Notes by A.N. Yuzeev. Kazan: Iman, 1999. 126 p. (In Russian)

13. Marjani Sh. Extracting news on the status of Kazan and Bulgar. Vol. 1. Kazan: Dombrowski, 1897. 264 p. (In Tatar)

14. Marjani Sh. Extracting news on the status of Kazan and Bulgar. Kazan: Tatar kitap nashriyaty, 1989. 415 p. (In Tatar)

15. Marjani Sh. Extracting news on the status of Kazan and Bulgar. Kazan: Fen, 2005. 255 p. (In Russian)

16. Materials for the History of Kazakh Khanates from the 15th to the 18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings). Compiled by: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 1969. 652 p. (In Russian)

17. Mirgaleev I.M. To the question of the reliability of the translation into Russian of the book by Sh. Marjani “Mustafad al-akhbar”. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2009, Iss. 2, pp. 239–241. (In Russian)

18. Muhammed Haidar Dulati. “Tarih-i Rashidi”. *Perevod s persidskogo yazyka* A. Urunbaeva, R.P. Dzhililovoi, L.M. Epifanovoi. 2nd Ed. add. Almaty, 1999. 656 p. (In Russian)

19. The Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Works collected by V.G. Tizengauzen and developed by A.A. Romashevich and S.L. Volin. Moscow-Leningrad, 1941. 308 p. (In Russian, Persian)

20. Sultanov T.I. Raised on the White Felt Mat. The Descendants of Genghis Khan. Almaty, 2001. 276 p.

21. Uskenbay K.Z. Baraq Khan’s Ulus: Some Issues of Localization of his Pastures in Light of Written Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 47–65. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.47-65> (In Russian)

22. A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu’t-tawarikh of Hasan-i Rumlu. Edited by C.N. Seddon M.A., j. c. s. (Retired). Baroda: Oriental Institute. 1931. Vol. 1 (Persian Text). 510 p.

23. A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu’t-tawarikh of Hasan-i Rumlu. Translated by C.N. Seddon, M. A., j. c. s. (Retired). Vol. 2 (English translation). Baroda: Oriental Institute, 1934. 302 p.

24. Eren H., Muminov A., Uygur S. New source on the history of Jochid dynasties. *Medieval History of Central Eurasia*. 2020, no. 2 (1), pp. 29–72.

25. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi behadour Khan. Publiee, traduite et annotee par Le Baron Desmaisons. Vol. 1. Texte. St. Petersburg, 1871. 386+2 p. Vol 2. Trans. St. Petersburg, 1874. 394 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурлан Адилбекович Атыгаев – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и средневековой истории Казахстана, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, проспект Достык, 13, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-2696-1008, Scopus Author ID: 57194592674, ResearcherID: AAU-3719-2020. E-mail: nuratygaev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurlan A. Atygayev – Cand. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan, Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., Almaty 050010, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-2696-1008, Scopus Author ID: 57194592674, ResearcherID: AAU-3719-2020. E-mail: nuratygaev@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 22.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.05.2024

Принята к публикации / Accepted 30.05.2024

ХРОНИКА

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.479-483>

УДК 93:904

EDN: DGCYJF

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ НАСЛЕДИЕ»

С.А. Тулеубаева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Астана, Республика Казахстан

samaltu@mail.ru

Резюме. 25–26 апреля 2024 г. в духовной столице тюркского мира – г. Туркестан прошла международная конференция «Золотая Орда и ее наследие», приуроченная 800-летию образования Улуса Джучи и председательствованию Республики Казахстан в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Организаторами мероприятия выступили Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, секретариат ШОС, Научный институт изучения Улуса Джучи, акимат Туркестанской области и Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави. В конференции приняли участие более 40 ведущих ученых, экспертов и исследователей из Казахстана, России, Узбекистана, Египта, Катара, Кувейта и Турции. Основной целью конференции было создание площадки, на которой представители академического и современного научно-образовательного сообществ смогли бы обсудить роль и значение Золотой Орды в мировой истории, обменяться мнениями по новым концептуальным подходам и тенденциям изучения данной весьма актуальной и вместе с тем противоречивой и недостаточно глубоко изученной темы на национальном и региональном уровнях, а также разработать стратегии будущих совместных научных исследований.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Евразийский континент, историко-культурный симбиоз, кочевое общество, земледельцы, политические и этносоциальные институты, археологические находки

Для цитирования: Тулеубаева С.А. Международная конференция «Золотая Орда и ее наследие» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 479–483. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.479-483> EDN: DGCYJF

© Тулеубаева С.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

INTERNATIONAL CONFERENCE
“GOLDEN HORDE AND ITS HERITAGE”

S.A. Tuleubayeva

*L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan
samaltu@mail.ru*

Abstract. On April 25–26, 2024, in the spiritual capital of the Turkic world, the city of Turkestan, an international conference “Golden Horde and its heritage” was held, dedicated to the 800th anniversary of the formation of the Ulus of Jochi and the chairmanship of the Republic of Kazakhstan in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The event was organized by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, the SCO Secretariat, the Scientific Institute for the Study of Ulus Jochi, the Akimat of the Turkestan Region and the International Kazakh-Turkish University, H.A.Yasawi. The conference was attended by more than 40 leading scientists, experts and researchers from Kazakhstan, Russia and Tatarstan, Uzbekistan and Karakalpakstan, Egypt, Qatar, Kuwait, and Turkey.

The main goal of the conference was to create a platform where representatives of the academic and modern scientific and educational communities could discuss the role and significance of the Golden Horde in world history, exchange views on new conceptual approaches and trends in the study of this very relevant and at the same time controversial and insufficiently studied topics at national and regional levels, and to develop strategies for future collaborative research.

Keywords: Golden Horde, Juchi Ulus, Eurasian continent, historical and cultural symbiosis, nomadic society, farmers, political and ethnosocial institutions, archaeological finds

For citation: Tuleubayeva S.A. International conference “Golden Horde and its heritage”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2024, vol. 12, no. 2, pp. 479–483. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.479-483> (In Russian)

25–26 апреля 2024 г. город Туркестан в рамках общенационального празднования 800-летия образования Улуса Джучи принимал участников международной конференции «Золотая Орда и ее наследие». Весьма символичным стало проведение мероприятия в Областной научно-универсальной библиотеке «Фараб».

Конференция началась с видеоролика о Туркестане, отражающего его значимость для тюркского мира и место в истории казахского народа в качестве первой столицы Казахского ханства. С приветственными речами к присутствующим обратились министр науки и высшего образования Республики Казахстан Саясат Нурбек, заместитель акима Туркестанской области Тажибаев Бейсембай Даулетулы, заместитель Генерального секретаря ШОС Джанеш Кейн и ректор Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясави Темирбекова Жанар Амангельдиевна. На пленарном заседании с докладами выступили ведущие зарубежные и казахстанские ученые – руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Миргалеев Ильнур Мидхатович («Татарские варианты дастана «Идегей»: исторические параллели»), профессор кафедры регионоведения Евразийского национального университета им.

Л.Н. Гумилева Кушкумбаев Айболат Кайрслямович («Улус Джучи (Золотая Орда) в исторической памяти казахов»), профессор университета Мармара (Турция) Ильяс Кемалоглу («Отношения Золотой Орды с Османской империей»), директор национального центра археологии Академия Наук Республики Узбекистан Фархад Максудов («О происхождения этнонима «узбек»»), профессор школы естественных, социальных и гуманитарных наук Назарбаев Университета Юлай Шамильоглу («Кочевники, земледельцы, горожане и купцы: социально-экономические преобразования в Золотой Орде (середина XIII – середина XIV веков)»), и.о. директора Научного института изучения Улуса Джучи Сабитов Жаксылык Муратович («О новой парадигме исследования Золотой Орды в Казахстане»), директор Института современных исследований Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Сыдыкназаров Мұхит-Ардагер Қаржаубайұлы («Улуг Улус на европейских картах XIV–XIX веков») и профессор исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби Жумагулов Калкаман Турсынулы («Редкие латинские манускрипты Ватикана по истории внешней политики Золотой Орды в XIII веке»), которые представили оригинальные изыскания различных аспектов изучения Золотой Орды и обозначили стратегии будущих совместных научных исследований.

В рамках первой секции «История Золотой Орды: новые подходы и методы в современных исследованиях» были заслушаны доклады зарубежных ученых – профессора Асуанского университета (Египет) Рияд М. («Культурные и торговые связи правителей Золотой Орды с мамлюкскими султанами Египта»), заведующего кафедрой политологии Университета Кувейта аль-Мекаими Х. («Значение Золотой Орды в мировой истории: арабский взгляд»), ведущего научного сотрудника Института востоковедения Российской академии наук, зам. Генерального директора Государственного музея Востока Зайцева И.В. («Коран для хана Узбека: история одной рукописи»), профессора Нанкинского университета, президента Китайского общества истории Юань Лю Иншэн («О китайскоязычных исторических источниках по Золотой Орде»), младшего научного сотрудника Института древней истории Китайской академии общественных наук Ли Минфэй (««Золотая Орда в изложениях Марко Поло»») а также казахстанских исследователей – Темиргалиева Р.Д. («Родоначальники казахского племени кыпчак в эпоху Золотой Орды»), Карибаева Б.Б. («Словосочетания времен Золотой Орды: сущность, содержание»), Жеменей И. («Золотой стан в письменных источниках» (персидский, арабский, турецкий)), Козырева Т.А. («Золотая Орда в контексте нацистроительства в современном Казахстане»), Абдрахманова К.А. («Возможности расширения сотрудничества с иностранными государствами в изучении наследия Золотой Орды»), Тулеубаевой С.А. («Труд эмира Рукн ад-дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» как важный арабоязычный источник по взаимоотношениям мамлюков и чингизидов Золотой Орды»), Жандарбек З.З. («Структура государственной власти Золотой Орды при Узбек хане»), Ногайбаевой М.С. («Исследование проблем этнической преемственности Золотой Орды и Казахского ханства»), Мустафина Р.Н. («Мосты через время: цивилизационное наследие Золотой Орды и его отголоски в современной международной динамике»), Торгаутовой Ш.А. («Роль Улук Улуса – Золотой Орды в формировании государств»), Женис Ж.Ж. («Книга Абылкасыма Абдуллы бин Мухаммада аль-Кашани «Тарихе Олджайту» как источник истории Улуса Джучи»), Ташкараевой А.М. («Значение Золотой Орды в истории казахской государственности») и Уалиева Т.А. («Из истории изучения эпоса «Едиге» в советский период»).

Вторая секция была посвящена теме «Историко-культурный симбиоз кочевников и земледельцев по археологическим исследованиям Золотой Орды: задачи, особенности и перспективы». Здесь были представлены доклады доцента факультета археологии Каирского университета (Египет) Рушти М. («Культурные и торговые связи правителей Золотой Орды с мамлюкскими султанами Египта»), доцента Казанского (Приволжского) федерального университета Валиулиной С.И. совместно с казахстанским исследователем Курманиязовым Ы.С. («Химический состав стеклянных изделий средневекового городища Кышкала (Баршынкент)»), ученых из Узбекистана Бабаярова Г. («Отражение наследия Золотой Орды в этнографии узбекского народа») и Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Джумашева А.М. («Пулжай – как городище Золотоордынского периода»), казахстанских исследователей Каирбековой А.Г. («Ахмед Ясауи – зеркало ислама в Великой степи»), Сейткуловой Ж.М. («Золотая Орда при Узбек Хане»), Сабыр М.Б. («Письменные памятники эпохи Золотой Орды – духовно-культурное наследие казахского народа»), Камбарбековой Г.А. («Тюркские народы и тюркизмы в произведении «Хабиб ас-сияр...»»), Сагыбековой А.О. («Исследование грунтов оснований и фундаментов архитектурных памятников Казахстана на примере мавзолея Арыстан-Баба»), Давлетовой Г.А. («Современные тенденции исследования культурной истории Евразийского континента»), Ауелбекова Е.Б. («Особенности ремесел кочевников в период Золотой Орды»), Мейманхожа Н.Р. («Алтын орда дәуіріндегі қоғамдағы дiнаралық дискурс»), Алдаберген М.Н. («Проблемы исследования демографии и этнический состав городов Южного Казахстана в период средневековья»), Бекешева С.С. («Традиционное казахское искусство резьбы по дереву (XIII–XVII вв.)»), Моллаканатулы С. («Золотой период Золотой Орды и учения Ходжи Ахмета Ясауи»), Максutowой А. («Золотая Орда – уникальный пример (образец) цивилизации Великой Степи»), Низаматдинова Е.К. («Хан Золотой Орды Берке хан и его принятие Ислама»), Ошанова Н.Н., Нурлигеновой З.Н. («Исторический аспект этнонима «монгол» в период образования и распада Золотой Орды»).

Выступления охватили широкий спектр проблем – вопросы демографической, этнической и религиозной ситуации в Золотой Орде, преемственность ее традиций в формировании различных этносов (в т.ч. казахского и узбекского), контакты с различными международными акторами эпохи (в частности, с мамлюками), значимость в нациестроительстве ее преемников и в мировой истории. На конференции также были представлены письменные источники на восточных языках, содержащие важные сведения касательно Улуса Джучи. Особое внимание было уделено наследию Ходжа Ахмеда Ясави и другим духовным памятникам эпохи Золотой Орды. Экспертами была дана оценка научным открытиям и оригинальным выводам исследователей относительно взаимовлияния и симбиоза культур Золотой Орды на основе новейших археологических изысканий, таких, как г. Сарайшык, который являлся духовной столицей улуса Джучи, Ногайской Орды и Казахского ханства, роли и значимости крупнейшего торгово-ремесленного городища Кышкала, где в настоящее время ведутся научно-исследовательские работы. На основе результатов реставрационных работ костюмов, найденных в мавзолее Болган-ана был представлен анализ аспектов повседневной жизни и быта золотоордынцев.

В рамках конференции также была организована галерея старинных европейских и американских карт тюркских государств X–XIX вв. из коллекции Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави и книжная выставка «Алтын орда».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самал Абаевна Тулеубаева – доктор филологических наук, и.о. профессора кафедры востоковедения, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (010000, ул. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0003-0002-8401. E-mail: samaltu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samal A. Tuleubayeva – Dr. Sci. (Philology), Acting Professor at the Department of Oriental Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev Str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0003-0002-8401. E-mail: samaltu@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 30.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.05.2024

Принята к публикации / Accepted 04.06.2024

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights
of its publications. Any use of the material of this publication
(publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Надмогильный памятник в окрестностях г. Старый Крым (Солхат) – плоская плита-стела с датой 763 г.х. (= 1361/62 г.). Фото и реконструкция М.А. Усеинова

On the cover: Grave monument in the vicinity of Stary Krym city (Solkhat) – Flat slab-
stele with the date 763 Hijri (= 1361/62). Photo and reconstruction by M.A. Useinov

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2024. Т. 12, № 2

GOLDEN HORDE REVIEW. 2024, vol. 12, no. 2

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 26.07.2024 г. Дата выхода в свет 15.08.2024 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,25 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>